

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМНЫ

Тема номера:

**Демографические вызовы России: уникальные особенности
или универсальные тренды развития?**

№ 2 (174)

март — апрель 2023

**СОЦИОЛОГИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

**СОЦИОЛОГИЯ
СТАРОСТИ**

**СЕМЬЯ
И ДЕМОГРАФИЯ**

**МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ**

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
помощник гендиректора по науке ВЦИОМ

Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

И. о. ответственного редактора:

Якимова Ольга Александровна —
кандидат социологических наук, и. о. руководителя ДИП ВЦИОМ,
доцент факультета социальных наук НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2023. — № 2 (174). — 360 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

С. С. Бирюкова, В. А. Козлов

Демографические исследования в современном контексте:
долгосрочные тренды развития и влияние внешних шоков 3

СЕМЬЯ И ДЕМОГРАФИЯ

К. И. Казенин, Е. С. Митрофанова

Изменения в рождаемости на фоне пандемии COVID-19:
опыт исследования российских регионов 14

А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова

Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России 31

И. Е. Калабихина, П. О. Кузнецова

Неоднородность населения по числу рожденных детей:
существует ли «порядковый переход»? 57

М. А. Голева

Переход к родительству в перспективе супружеских отношений:
на примере интервью с молодыми родителями 82

Е. В. Пруцкова, И. В. Павлюткин, О. Н. Борисова

Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских
стран: эффект социального контекста 103

Ю. Харконен, С. Биллингслей, М. Хорнунг

Тренды разводимости в семи странах в течение продолжительного транзита
от государственного социализма: 1981—2004 гг.
Вступ. слово и пер. с англ. В. В. Солодникова 127

СОЦИОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

М. А. Карцева, П. О. Кузнецова

Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства
в здоровье населения России 160

СОЦИОЛОГИЯ СТАРОСТИ

О. В. Синявская, В. А. Козлов, Т. Б. Гудкова

Финансовые и инструментальные трансферты в семьях пожилых
респондентов в России и Эстонии: есть ли этнокультурные различия? 186

<i>А. А. Миронова</i> Родственный уход: работать нельзя ухаживать?	212
---	-----

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: март — апрель 2023.....	243
--	-----

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

<i>Е. С. Вакуленко</i> Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990—2021 гг.	258
--	-----

<i>В. В. Юмагузин, М. В. Винник</i> Оценка качества статистики смертности по причинам в регионах России	282
--	-----

<i>М. А. Мальцев</i> Опыт авторства в социологии: баланс между институциональными канонами и индивидуальным стилем.....	304
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>А. А. Кирзюк, А. С. Архипова*</i> «Обмыть» и «проставиться»: советские ритуалы редистрибуции благ	327
---	-----

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

<i>А. И. Литвинова</i> Не отмена традиций, а дополнение. Как следование технологическому прогрессу меняет состав и практики журналистских редакций. Рец. на кн.: Kosterich A. (2022) <i>News Nerds: Institutional Change in Journalism</i> . Oxford: Oxford University Press	350
--	-----

* 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2412](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2412)

С. С. Бирюкова, В. А. Козлов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ДОЛГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ И ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ

Правильная ссылка на статью:

Бирюкова С. С., Козлов В. А. Демографические исследования в современном контексте: долгосрочные тренды развития и влияние внешних шоков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 3—13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2412>.

For citation:

Biryukova S. S., Kozlov V. A. (2023) Demographic Research in Modern Context: Long-Term Trends and Impact of External Shocks. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 3–13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2412>. (In Russ.)

Получено: 11.04.2023. Принято к публикации: 24.04.2023.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ КОНТЕКСТЕ: ДОЛ- ГОСРОЧНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ И ВЛИЯНИЕ ВНЕШНИХ ШОКОВ

БИРЮКОВА Светлана Сергеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; заместитель ответственного редактора журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»

E-MAIL: biryukova_s@wciom.com

<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

КОЗЛОВ Владимир Александрович — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт изучения Восточной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница, Регенсбург, Германия

E-MAIL: kozlov@ios-regensburg.de

<https://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

Аннотация. Во вступительной статье к специальному номеру, посвященному современным демографическим вызовам России, очерчен круг актуальных в сложившемся социально-экономическом контексте исследовательских вопросов и представлены статьи, вошедшие в выпуск. Авторы указывают на методологические трудности, связанные с оценкой влияния кризисов на ключевые демографические процессы. Основная сложность состоит в разделении эффектов, связанных с изменениями контекстных обстоятельств — внешнего шока и введенных в ответ на него мер социальной, демографической и эконо-

DEMOGRAPHIC RESEARCH IN MODERN CONTEXT: LONG-TERM TRENDS AND IM- PACT OF EXTERNAL SHOCKS

Svetlana S. BIRYUKOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow at the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy; Deputy Executive Editor at the “Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes” Journal

E-MAIL: biryukova_s@wciom.com

Vladimir A. KOZLOV³ — Cand. Sci. (Econ.), Research Associate

E-MAIL: kozlov@ios-regensburg.de

<https://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Russian Public Opinion Research Center, Moscow, Russia

³ Leibniz Institute for East and Southeast European Studies, Regensburg, Germany

Abstract. This editor's introduction to the special issue dedicated to Russia's demographic challenges outlines a range of research issues that are relevant in the current socio-economic context and presents the papers included in the issue. The authors point to methodological difficulties associated with assessing the impact of crises on key demographic processes. The main difficulty lies in separating the effects associated with changes in contextual circumstances, i.e., external shocks and the measures of social, demographic, and economic policies introduced in response to it, and long-term dynamics of indicators, that is, the demographic evolution

мической политики, — и долгосрочной динамики показателей, то есть демографической эволюции того или иного общества. На примерах отдельных работ показана возможная дифференциация кратко-, средне- и долгосрочных последствий различных шоковых событий на демографическое, экономическое и социальное развитие государств. Авторы отмечают, что высокая дифференциация демографических показателей по регионам России формирует запрос на исследования специфических черт демографического развития страны и отдельных ее регионов. Подобные работы — при погружении их в международную дискуссию — могут сформировать основу научной базы для разработки и обоснованного заимствования эффективных решений в области демографической политики.

Ключевые слова: демография, рождаемость, смертность, пандемия, демографические последствия социально-экономических шоков

Благодарность. Авторы выражают признательность Константину Казенину за помощь в работе над номером на всех этапах его подготовки. Светлана Бирюкова также благодарит за поддержку Программу фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

of a particular society. Basing on the examples of several studies, the authors show the possible differentiation of the short-, medium-, and long-term consequences of various shocks on the demographic, economic, and social development of states. The authors note that the high differentiation of demographic indicators across Russian regions demands studying specific features of the demographic development of the country and its individual regions. Such studies, when immersed in an international discussion, can form a scientific basis for the development and reasonable borrowing of effective solutions in the field of demographic policy.

Keywords: demographics, fertility, mortality, pandemic, demographic outcomes of social and economic shocks

Acknowledgments. The authors express their gratitude to Konstantin Kazenin for his help and meaningful advice in working on the special issue. Svetlana S. Biryukova gratefully acknowledges support from the Basic Research Program of the HSE University.

Вопросы демографического развития России уже на протяжении нескольких десятилетий находятся в фокусе национальной политики: задачи повышения рождаемости и снижения смертности населения, обозначенные в современных федеральных целевых программах, далеко не новы. При этом возможности влияния на демографическое поведение различными методами государственной политики вызывают вопросы, и в этой области по-прежнему существует дефицит надежных и методологически корректных научных исследований. Оценка эффектов от введения различных мер демографической политики как в России, так и в большинстве других стран осложняется тем, что их влияние трудно отделимо

от воздействия экономической динамики и происходящих в обществе ценностных трансформаций. На эти эффекты накладывается влияние различных внешних шоков — экономических, политических, социальных, эпидемиологических. Изучение сложной взаимосвязи данных факторов в России особенно актуально в настоящий момент, с учетом начавшейся в 2020 г. пандемии коронавируса и развернувшегося в 2022 г. российско-украинского конфликта.

Подобные шоки в краткосрочном периоде могут приводить к заметным изменениям в основных демографических процессах. Эпидемии и пандемии, экономические кризисы, военные конфликты и природные катастрофы изменяют периодные демографические показатели — это проявляется в реактивном снижении уровня рождаемости, росте смертности среди различных рискованных категорий, изменении миграционных паттернов. Несмотря на то что это не всегда приводит к перелому сложившейся долгосрочной динамики, социально-демографические последствия прошедших кризисов могут наблюдаться на протяжении длительного времени. Например, случившаяся около века назад пандемия гриппа «испанка», которую многие современные исследователи сравнивают с пандемией коронавируса, повысила смертность трудоспособного населения на относительно короткий период, однако ее последствия для социального и человеческого капитала ощущались в течение долгого времени. Об этом свидетельствуют исследования по отдельным странам, где уже в начале XX века существовали надежные статистические данные. Например, в Швеции избыточная смертность периода эпидемии не так сильно сказалась на рынке труда, где очень быстро происходила подстройка, однако ее последствия проявились в 1920-х годах через статистически значимый рост бедности, связанный с потерей кормильцев в результате сверхсмертности мужского трудоспособного населения [Karlsson, Nilsson, Pichler, 2014]. Для итальянских регионов отложенные последствия пандемии заключались в небольшом, но значимом снижении инвестиций в человеческий капитал (измеренный через длительность образования в годах) для когорт, переживших пандемию, а также — уже в рамках этих когорт — в снижении длительности получения образования по регионам, в большей степени затронутым пандемией [Percoco, 2016]. Примечательно, что эффекты пандемического шока могут проявляться в самых разных сферах жизни. Так, в работе [Aassve et al., 2021] показано, что уровень доверия среди потомков мигрантов из стран с более высоким уровнем смертности от «испанского гриппа» заметно ниже, чем среди потомков мигрантов из стран с низким уровнем смертности. Таким образом, подобные масштабные кризисы могут оказывать влияние на все сферы человеческой жизни — прямое или косвенное.

С социально-демографической точки зрения наибольший интерес представляет оценка влияния внешних, контекстных событий на два ключевых процесса, определяющих естественное воспроизводство населения: рождаемость и смертность — и разделение эффектов, связанных с их эволюционным течением, с одной стороны, и воздействием шоков, с другой. Часто именно это и представляет наибольшую методологическую сложность — корректное решение такой задачи требует специфических, как правило, индивидуальных (микроэкономических) данных, панельного дизайна обследования и использования современного математического инструментария.

Влияние эпидемиологических и социально-экономических шоков на рождаемость и смертность

Работы, касающиеся влияния текущей пандемии COVID-19 на рождаемость, активно публикуются в странах с доступной и надежной статистикой (см., например, обзор посвященных этому работ [Вакуленко, Макарова, Горский, 2022]). В проекте большого авторского коллектива, работающего с Human Fertility Database [Sobotka et al., 2022; Nisén et al., 2022], практически в режиме реального времени отслеживается ситуация с рождаемостью. На сегодняшний день сделать однозначный вывод о влиянии пандемии сложно: существенное падение показателей рождаемости через девять месяцев после начала активного распространения заболевания сменилось оптимистическим ростом, а затем — резким снижением. При этом в большинстве развитых стран, включая Россию, меры по противодействию COVID-19 совмещались с поддержкой семьи и детей, сильно различающейся по странам, что дополнительно затрудняет выявление влияния пандемического шока.

Как пандемия COVID-19, так и текущий российско-украинский конфликт могут оказать влияние на репродуктивное поведение через экономический (снижение уровня жизни и, следовательно, откладывание или отказ от рождений) или психологический механизм (снижение ощущения безопасности). Если второй сложен для исследования и — тем более — прогнозирования, то в отношении первого из них существует уже довольно объемный корпус эмпирических работ.

На основании информации о различных, в первую очередь экономических, кризисах Томаш Сobotка и соавторы показывают, что колебания рождаемости, как правило, краткосрочны и относительно незначительны [Sobotka, Skirbekk, Philipov, 2011]. Согласно проведенному ими систематическому обзору, динамика рождаемости имеет проциклический характер (действительно, периодные показатели снижаются во время экономического кризиса и спада), так как на репродуктивные намерения влияют ожидаемый доход, безработица и доверие потребителей. Однако к снижению рождаемости может приводить и политика сокращения расходов государственного бюджета в кризис, включая снижение расходов на семейную политику. Отметим также, что степень влияния трансформационного кризиса на рождаемость (в том числе и в реальных поколениях) в Восточной Европе, в частности в постсоветских странах, в научной литературе обсуждается до сих пор, так как на показатель воздействовало множество событий — методологически задача корректного разделения эффектов до настоящего времени не решена.

Снижение рождаемости в период кризисов часто приводит к компенсационному росту после их завершения. Известны отдельные случаи, когда такой рост провоцировал увеличение показателей в реальных поколениях (наиболее известный кейс — поколение беби-бумеров после Второй мировой войны). Однако все же очищенные от влияния возрастной структуры и временного эффекта показатели рождаемости в реальных поколениях, как правило, менялись незначительно, а в случае значимых изменений, как при появлении поколения беби-бумеров, не меняли долгосрочного тренда. При этом потери в войнах и пандемиях часто существенным образом искажали половозрастную структуру населения, что сказывалось на дальнейшей эволюции модели рождаемости.

При обсуждении рождаемости на фоне социально-экономической нестабильности важно отметить, что именно в периоды кризисов в государственной повестке нередко появляется пронаталистская риторика. Этому есть как минимум две причины. Первая из них — объективная необходимость поддерживать будущих родителей и семьи с детьми в условиях снижения доходов и нестабильности на рынке труда. Подобная неопределенность может приводить к откладыванию рождений и, следовательно, наблюдаемому в статистике снижению показателей рождаемости. Даже если впоследствии происходит компенсаторный рост и восстановление до уровня докризисных показателей, для государства это может стать проблемой: колебания в численности рожденных детей провоцируют появление «волн» нагрузки на детскую инфраструктуру, прежде всего на систему образования на всех уровнях, а в долгосрочном периоде они проявляются и в виде колебаний на рынке труда (изменения в численности занятых), в пенсионной системе. Это создает управленческие и экономические трудности, и попытка демпфировать воздействие шоков и снизить глубину спада в рождаемости — рациональная реакция государства. Вторая причина лежит в политической плоскости и связана с тем, что пронаталистская повестка может рассматриваться как позитивная — в противовес контексту кризиса. С исследовательской точки зрения это означает, что вопрос разделения эффектов различной природы при оценке влияния социально-экономических шоков на рождаемость будет всегда стоять перед учеными.

Безусловно, огромный научный и прикладной интерес представляет исследование влияния пандемии COVID-19 и последовавших социально-экономических шоков на смертность населения, в том числе (на текущий момент, вероятно, прежде всего) с точки зрения долгосрочных эффектов. Если снова обратиться к работам по прошедшей более века назад пандемии «испанского гриппа», то существенного роста смертности во взрослом периоде жизни для тех, кто пережил пандемию в младенческом возрасте или в утробе матери, не обнаруживается [Cohen, Tillinghast, Canudas-Romo, 2010]. В то же время согласно медицинскому исследованию, проведенному во Франции, не только специфические (в особенности тяжелые) стрессовые ситуации в детстве, но и большее их количество (повторяющиеся негативные события, которые вызывают кумулятивный эффект) являются значимыми предикторами смертности в более позднем возрасте, особенно для женщин [Johnson et al., 2020]. А анализ биографий родившихся в период Великой депрессии в США людей свидетельствует, что доходный шок может негативно сказаться на здоровье в раннем возрасте по целому ряду причин, включая отсутствие необходимого питания, стресс во время беременности, снижение доступа к медицинскому обслуживанию и сокращение посещений медицинских учреждений [Noghani-Behambari, Noghani, Tavassoli, 2020]. Как показывают авторы, государственные программы социального обеспечения могут нейтрализовать эффект шока доходов, и это еще раз подчеркивает важность государственной политики в период кризисов.

Любопытно, что при оценке эффекта современных экономических кризисов в Испании результаты получились противоположные: смертность от всех причин снизилась во время рецессии, особенно в группах с низким социально-экономическим статусом [Regidor et al., 2016]. По мнению авторов, это может

объясняться снижением распространенности курения и злоупотребления алкоголем, в том числе из-за проблем с их производством, снижением загрязнения окружающей среды и производственного травматизма, а также длительным лагом между ухудшением психологического самочувствия и его реальными негативными последствиями (суицид, смертность в результате стрессов). При этом при рассмотрении влияния перенесенного в детстве стресса на смертность именно во взрослом возрасте европейские данные не противоречат американским. Большое когортное исследование по Нидерландам подтверждает, что экономические условия в раннем возрасте влияют на смертность от всех причин для обоих полов [Yeung et al., 2014]. В большей степени влиянию данных условий подвержены женщины: серьезный экономический шок в раннем детстве приводит к снижению продолжительности жизни в возрасте 60 лет примерно на 4 % для мужчин и на 7 % для женщин.

Сокращение продолжительности жизни в России, особенно для женщин, во время пандемии коронавирусной инфекции сравнимо с колебаниями в этом показателе во время трансформационного экономического кризиса 1990-х годов. В настоящий момент динамика ожидаемой продолжительности жизни при рождении, по оценкам Росстата, вернулась на допандемийную траекторию, но при этом среднесрочные и долгосрочные последствия влияния COVID-19 на здоровье населения остаются неизученными. Влияние же начавшегося в 2022 г. российско-украинского конфликта на численность населения, динамику показателей здоровья (в том числе ментального) и другие демографические показатели пока не поддается количественной оценке — сколько-нибудь достоверный анализ станет возможным только со второй половины 2023 г., после публикации сведений о структуре и численности населения по возрастным группам. При этом влияние стресса и снижения уровня жизни в результате пандемии и российско-украинского кризиса — по большому счету перетекания шока в кризис — можно будет оценить лишь значительно позже, ретроспективно.

Названные в этом кратком обзоре работы показывают разнообразие направлений эмпирических исследований в сфере оценки демографических последствий внешних шоков в кратко- и долгосрочной перспективе, с учетом наблюдаемых в различных странах и регионах трендов развития. В этой статье мы не претендуем на исчерпывающий систематический обзор, а лишь приводим примеры для иллюстрации возможных направлений и прикладных вопросов. В России также появляются подобные работы, и ссылки на многие из них можно найти в вошедших в текущий номер журнала статьях. Тем не менее, с нашей точки зрения, здесь по-прежнему сохраняется дефицит эмпирических исследований по вопросам демографического развития, погруженных в национальный контекст и одновременно — в международную дискуссию, теоретическую и методологическую. Отличительной особенностью современных исследований станет необходимость учета (и разделения) эффектов сразу двух крупных шоков — пандемии коронавируса, последствия которой по-прежнему не до конца изучены и описаны, и связанных с российско-украинским конфликтом социальных и экономических изменений. Высокая дифференциация демографических показателей — как пространственная, то есть в региональном разрезе, так и среди различных групп

населения, — это еще одна особенность России. Анализ специфических черт демографического развития России и отдельных ее регионов, а также выявление универсальных тенденций в этой сфере может сформировать научную базу для разработки и обоснованного заимствования эффективных решений в области демографической политики.

Специальный номер «Демографические вызовы России: уникальные особенности или универсальные тренды развития?»

Цель специального номера журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены» — развитие профессиональной дискуссии на тему особенностей демографического развития России, оценки демографической политики в целом и отдельных ее мер, а также возможных путей преодоления основных демографических вызовов с учетом современного экономического и социального контекста. Включенные в номер статьи не дают однозначных ответов на все актуальные вопросы, но приближают нас к ним, добавляя новые эмпирические факты и методологические решения к имеющимся знаниям о специфике российского демографического ландшафта и положения нашей страны на фоне других государств.

Серия представленных на страницах номера исследований посвящена изучению российской модели рождаемости — эта тема традиционно привлекает внимание демографов в самых разных странах и социально-экономических контекстах.

В статье Екатерины Митрофановой и Константина Казенина на основе данных выборочного телефонного опроса населения проанализированы изменения в рождаемости в трех регионах России: Республике Дагестан, Кировской и Тверской областях. Несмотря на различия в моделях рождаемости, во всех трех регионах авторы обнаружили снижение шансов рождения вторых детей при неизменных шансах рождения первенцев в 2021—2022 гг.

Алла Макаренцева и Светлана Бирюкова в своей работе оценивают динамику и устойчивость репродуктивных намерений российского населения, а также факторы их реализации с первой половины 2000-х годов до настоящего времени. Используя данные панельных выборочных обследований, авторы показывают, что уровень реализации определенных намерений был стабильным на всем периоде наблюдения и составлял около 40%. При этом ключевым фактором реализации положительных намерений оказывается партнерский статус и произошедшие в нем изменения, то есть личные, а не внешние контекстные обстоятельства.

Статья Ирины Калабихиной и Полины Кузнецовой посвящена исследованию эволюции структуры рождаемости по порядкам рождений в разных странах мира. Анализ данных международной базы Human Fertility Database подтвердил гипотезу авторов о наличии порядкового перехода в рождаемости, на первой стадии которого неоднородность женщин по числу рожденных детей снижается, а на втором — растет. При этом в работе показано, что восточноевропейский тип рождаемости на первой стадии характеризуется отказом от рождения детей старших порядков, а также вторых и третьих детей, в отношении которых на второй стадии перехода происходит компенсационный рост. Такая динамика прослеживается для поколений 1970-х годов рождения в Беларуси, России, Литве и Эстонии.

Исследование Марии Голевой рассматривает, как недавно ставшие родителями россияне осмысливают этот переход в контексте супружеских отношений. Опираясь на материалы серии глубинных интервью, автор раскрывает механику переоценки отношений в паре, выявляет основные составляющие этого процесса и обозначает не только возникающие риски, но и возможности для развития и укрепления партнерства.

Елена Пруцкова, Иван Павлюткин и Ольга Борисова в своей статье обращаются к теме взаимосвязи рождаемости и религиозности. Обработав данные трех волн Европейского исследования ценностей по России и ряду других европейских стран, исследователи показали, что уровень первичной религиозной социализации и поддерживающий религиозный контекст усиливают влияние индивидуальной религиозности на количество детей в семье.

В этой же рубрике представлен перевод главы Юхо Харконена, Санни Биллингс-лей и Марии Хорнунг «Тренды разводимости в семи странах в течение продолжительного транзита от государственного социализма: 1981—2004 гг.» из посвященной этой теме монографии. Перевод статьи с разрешения ее авторов подготовлен специально для журнала «Мониторинг общественного мнения» Владимиром Солонниковым. Проведенное в этой работе исследование микроданных по семи посткоммунистическим странам — Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России — показало значительную вариативность в эволюции разводимости в регионе, государства которого прошли масштабный социально-экономический кризис. В связи с этим авторы приходят к выводу, что влияние внешних шоков оказывается не универсальным, но в значительной степени контекстуально опосредованным.

Лишь одна из работ, вошедших в этот номер, напрямую касается вопросов здоровья населения — это статья Марины Карцевой и Полины Кузнецовой. В ней на данных Выборочного наблюдения состояния здоровья населения Росстата показаны две закономерности: люди с более высокими доходами реже становятся носителями хронических заболеваний и одновременно лучше справляются с шоками здоровья при их наступлении, что обеспечивает им более высокие показатели здоровья даже при наличии хронических заболеваний.

В условиях старения населения повышается актуальность исследований, посвященных пожилым, в частности их включенности в семейные и — шире — социальные связи и обмены. Именно этой теме касаются в своих работах Оксана Синявская, Владимир Козлов и Татьяна Гудкова, а также Анна Миронова. О. Синявская и ее соавторы проводят сравнительный анализ включенности пожилого населения России и Эстонии разной этнической принадлежности в межсемейный обмен финансовыми и инструментальными трансфертами. В статье показано, что принадлежность к этнической группе, отличной от наиболее многочисленной в стране, повышает вероятность участия в обмене финансовыми трансфертами, но, за редкими исключениями, не оказывает значимого влияния на вероятность участия в обмене инструментальными трансфертами и совсем не дифференцирует уход за внуками.

А. Миронова фокусируется на оценке распределения бремени родственного ухода за пожилыми и оценке связи такой нагрузки с трудовым поведением насе-

ления. Проведенный анализ показал, что доноры родственного ухода при прочих равных получают более низкие доходы от трудовой деятельности, меньше удовлетворены материальным положением своей семьи, своим здоровьем и жизнью в целом по сравнению с теми, кто не реализует родственной уход. При этом обнаруженные закономерности могут объясняться как ограничениями, которые накладывает активное включение в уход за близкими на вовлеченность респондентов в оплачиваемую занятость, так и селекцией в исследуемую группу: те индивиды, шансы которых быть занятыми на рабочих местах высокого качества относительно низки, могут добровольно брать на себя больший объем семейных обязанностей.

Наконец, отдельного внимания заслуживают работы, посвященные методологическим вопросам. Вошедшая в эту рубрику номера статья Елены Вакуленко посвящена оценке APC-моделей с применением различных методов решения проблемы идентификации для разделения эффектов возраста, периода и когорты в динамике рождаемости в России. По итогам проведенного анализа автор приходит к выводу, что наблюдаемое с середины 2010-х годов снижение рождаемости в нашей стране объясняется прежде всего когортными и возрастными изменениями, а не периодными, то есть контекстными.

В статье Валерия Юмагузина и Марии Винник предложены индексы для оценки качества региональной статистики смертности, которые, как показывают авторы, могут быть использованы при интерпретации наблюдаемых показателей и позволяют более точно оценивать динамику смертности в регионах России.

Несмотря на разнообразие представленных в номере работ, они, бесспорно, не охватывают все актуальные социально-демографические сюжеты и, вероятно, в большей степени касаются долгосрочной динамики ключевых процессов, а не оценки влияния недавних эпидемиологических, социальных и экономических шоков. Тем не менее мы надеемся, что эти материалы будут интересны широкому кругу профессионалов, работающих в академических исследованиях и прикладном поле.

Список литературы (References)

Вакуленко Е. С., Макарова М. Р., Горский Д. И. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 4. С. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>.

Vakulenko E. S., Makarova M. R., Gorskiy D. I. (2022) Reproductive Intentions and Fertility Trends in Different Countries During the COVID-19 Pandemic: An Analytical Review of Studies. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 4. P. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>. (In Russ.)

Aassve A., Alfani G., Gandolfi F., Le Moglie M. (2021) Epidemics and Trust: The Case of the Spanish Flu. *Health Economics*. Vol. 30. No. 4. P. 840—857. <https://doi.org/10.1002/hec.4218>.

Cohen A. A., Tillinghast J., Canudas-Romo V. (2010) No Consistent Effects of Prenatal or Neonatal Exposure to Spanish Flu on Late-Life Mortality in 24 Developed Countries.

Demographic Research. Vol. 22. Art. 20. P. 579—634. <https://doi.org/10.4054%2F-DemRes.2010.22.20>.

Johnson J., Chaudieu I., Ritchie K., Scali J., Ancelin M.-L., Ryan J. (2020) The Extent to Which Childhood Adversity and Recent Stress Influence All-Cause Mortality Risk in Older Adults. *Psychoneuroendocrinology*. Vol. 111. Art. 104492. <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2019.104492>.

Karlsson M., Nilsson T., Pichler S. (2014) The Impact of the 1918 Spanish Flu Epidemic on Economic Performance in Sweden: An Investigation into the Consequences of an Extraordinary Mortality Shock. *Journal of Health Economics*. Vol. 36. P. 1—19. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2014.03.005>.

Nisén J., Jalovaara M., Rotkirch A., Gissler M. (2022) Fertility Recovery Despite the COVID-19 Pandemic in Finland? *Finnish Journal of Social Research*. Vol. 15. P. 25—44. <https://doi.org/10.51815/fjsr.120361>.

Noghani-Behambari H., Noghani F., Tavassoli N. (2020) Early Life Income Shocks and Old-Age Cause-Specific Mortality. *Economic Analysis*. Vol. 53. No. 2. P. 1—19. URL: <https://www.library.ien.bg.ac.rs/index.php/ea/article/view/1285/1098> (accessed: 23.04.2023).

Percoco M. (2016) Health Shocks and Human Capital Accumulation: The Case of Spanish Flu in Italian Regions. *Regional Studies*. Vol. 50. No. 9. P. 1496—1508. <https://doi.org/10.1080/00343404.2015.1039975>.

Regidor E., Vallejo F., Granados J. A. T., Viciano-Fernández F. J., de la Fuente L., Barrio G. (2016) Mortality Decrease According to Socioeconomic Groups During the Economic Crisis in Spain: A Cohort Study of 36 Million People. *The Lancet*. Vol. 388. No. 10060. P. 2642—2652. [https://doi.org/10.1016/s0140-6736\(16\)30446-9](https://doi.org/10.1016/s0140-6736(16)30446-9).

Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 2. P. 267—306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>.

Sobotka T., Jasilioniene A., Zeman K., Winkler-Dworak M., Brzozowska Z., Galarza A. A., Nemeth L., Jdanov D. (2022) From Bust to Boom? Birth and Fertility Responses to the COVID-19 Pandemic. *SocArXiv*. August 22. <https://doi.org/10.31235/osf.io/87acb>.

Yeung G. Y. C., van den Berg G. J., Lindeboom M., Portrait F. R. M. (2014) The Impact of Early-Life Economic Conditions on Cause-Specific Mortality During Adulthood. *Journal of Population Economics*. Vol. 27. No. 3. P. 895—919. <https://doi.org/10.1007/s00148-013-0497-1>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2370](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370)

К. И. Казенин, Е. С. Митрофанова

ИЗМЕНЕНИЯ В РОЖДАЕМОСТИ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Правильная ссылка на статью:

Казенин К. И., Митрофанова Е. С. Изменения в рождаемости на фоне пандемии COVID-19: опыт исследования российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 14—30. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370>.

For citation:

Kazenin K. I., Mitrofanova E. S. (2023) Changes in Fertility Amid the COVID-19 Pandemic: A Study of Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 14—30. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2370>. (In Russ.)

Получено: 09.01.2023. Принято к публикации: 27.03.2023.

ИЗМЕНЕНИЯ В РОЖДАЕМОСТИ НА ФОНЕ ПАНДЕМИИ COVID-19: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

*КАЗЕНИН Константин Игоревич — докторант отделения демографии, Стокгольмский университет, Стокгольм, Швеция
E-MAIL: konstantin.kazenin@sociology.su.se
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>*

*МИТРОФАНОВА Екатерина Сергеевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: mitrofanova-es@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>*

Аннотация. В статье исследуется влияние пандемии COVID-19 на рождаемость в трех регионах России. Проверяется гипотеза о том, что пандемия способствовала откладыванию деторождений на более позднее время из-за нарастания социально-экономической неопределенности после 2020 г. Данными для анализа послужили результаты телефонного опроса женщин репродуктивного возраста, проведенного в июне — июле 2022 г. в Республике Дагестан, Кировской и Тверской областях. Выбор регионов был сделан на базе данных о рождаемости в предшествующий пандемии период.

Модель пропорциональных рисков (event history analysis) показала, что в условиях пандемии в изучаемых регионах не происходило уменьшения шансов рождения первых детей, однако наблюдалось статистически значимое уменьшение шансов рождения вторых детей. Этой асимметрии в ди-

CHANGES IN FERTILITY AMID THE COVID-19 PANDEMIC: A STUDY OF RUSSIAN REGIONS

*Konstantin I. KAZENIN¹ — PhD candidate at the Demographic Unit, Department of Sociology
E-MAIL: konstantin.kazenin@sociology.su.se
<https://orcid.org/0000-0002-3796-6795>*

*Ekaterina S. MITROFANOVA² — Cand. Sci. (Soc.), Researcher at the Center for Regional and Urban Studies
E-MAIL: mitrofanova-es@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3322-5922>*

¹ Stockholm University, Stockholm, Sweden

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The paper studies the impact of the COVID-19 pandemic on fertility in Russian regions. Our central hypothesis suggests that the pandemic conducted the postponement of childbearing because the socioeconomic uncertainty increased starting with 2020. We used the data from a quantitative survey of women of reproductive ages held in June-July 2022 in three regions of Russia (Republic of Dagestan, Kirov and Tver' regions). The choice of these regions was justified by their differences in some relevant fertility characteristics in the pre-pandemic period.

The analysis using proportional hazard models (event history analysis) has shown that the pandemic was followed by a significant decrease in the probability of the second, but not the first births in these regions. Two possible explanations for this asymmetry of birth orders are suggested. One of them was based on the experience of earlier crises in Russia when the fertility of second children was more af-

намике по очередностям рождений предлагается два объяснения. Одно обусловлено динамикой рождаемости в предшествующие периоды социально-экономических пертурбаций в России, второе — изменениями в системе мер государственной поддержки рождаемости в начале 2020 г.

Ключевые слова: рождаемость, пандемия, регионы России, модели пропорциональных рисков, очередности рождений

Благодарность. Анализ опросных данных выполнен Е. С. Митрофановой в рамках НИР госзадания РАНХиГС.

fected than that of the first children. Another possible explanation was based on the changes in Russia's pronatalist policy measures implemented right before the pandemic.

Keywords: fertility, pandemic, regions of Russia, proportional hazard models, birth orders

Acknowledgments. The analysis of the survey results was carried out by E. S. Mitrofanova within the framework of RANEPА research program.

Введение

В период пандемии COVID-19 в разных странах мира происходило заметное снижение рождаемости, во многом нарушавшее предшествующие тенденции ее динамики [Emery, Koops, 2022; Lindber et al., 2020; Luppi, Arpino, Rosina, 2020; Середкина, 2022]. В России на общестрановом уровне заметных изменений в трендах рождаемости в пандемический период выявлено не было: суммарный коэффициент рождаемости в 2020—2021 гг. находился на уровне 1,49—1,50 детей на женщину. Однако с учетом характерных для России межрегиональных различий в динамике рождаемости — в том числе в десятилетие, предшествовавшее пандемии [Казенин, Ракша, 2019], — можно ожидать, что на уровне регионов влияние COVID-19 не было однородным.

Предлагаемое исследование посвящено межрегиональным различиям динамики рождаемости на фоне пандемии. В июне — июле 2022 г. в трех российских регионах был проведен количественный выборочный опрос женщин репродуктивного возраста. Исходя из данных макростатистики, в допандемийный период изучаемые регионы существенно различались по характеристикам рождаемости. Наша задача состояла в сопоставлении рождаемости в этих регионах на основе микроданных — причем как до, так и после апреля 2020 г.

Обзор исследований и гипотезы

Влияние вспышек массовой заболеваемости опасными инфекциями на рождаемость впервые было описано еще для эпидемии «испанского гриппа» в европейских странах и Японии в 1918—1921 гг. [Boberg-Fazlic et al., 2021; Chandra Yu, 2015]. Спад числа деторождений при вспышках «испанки» носил краткосрочный характер и, вероятнее всего, был обусловлен преимущественно объективными

препятствиями для воспроизводства населения: высокой долей болеющих в репродуктивных возрастах, разделением семей в условиях карантина и т. д.

Влияние эпидемий тяжелых заболеваний на рождаемость до пандемии COVID-19 — в период, когда решения о рождении ребенка стали приобретать более управляемый характер благодаря распространению эффективных средств планирования семьи, — в целом исследовалось довольно мало. Однако, например, исследование рождаемости во время эпидемии лихорадки Зика в Южной Америке в 2010-х годах [Rangel et al., 2020] показывает, что влияние заболеваемости на репродуктивное поведение состояло не столько в объективных препятствиях для продолжения рода, сколько в осмыслении населением рисков рождения ребенка в условиях связанной с эпидемией социально-экономической неопределенности. На это указывают, в частности, различия в том, как разные социальные и образовательные группы «реагировали» на эпидемию лихорадки Зика с точки зрения рождаемости. Что касается пандемии COVID-19, имеющиеся исследования также позволяют предположить, что по крайней мере в некоторых странах снижение рождаемости после ее начала также объяснялось возросшим чувством неопределенности у потенциальных родителей [Luppi, Argino, Rosina, 2020].

Если рассматривать вспышки массовых заболеваний как факторы, способные негативно воздействовать на рождаемость за счет создаваемых ими социально-экономических рисков и, как следствие, трудностей в планировании на среднесрочную перспективу, то их влияние оказывается в одном ряду с экономическими кризисами. Влияние последних на рождаемость исследовано значительно лучше. В частности, в работе Томаша Соботка и его коллег [Sobotka, Skirbekk, Philipov, 2011] продемонстрировано, что кризис 2008—2009 гг. («великая рецессия») привел к массовому откладыванию рождений в экономически развитых странах. Причем наиболее сильную корреляцию падение рождаемости имело не с общей динамикой экономического развития страны (отражаемой в изменениях ВВП), а с динамикой показателей, более тесно связанных с экономическими рисками домохозяйств (уровень безработицы) или субъективным восприятием этих рисков населением (индекс потребительского доверия).

Имеющиеся на сегодня исследования рождаемости в условиях действия «внешних шоков» экономического и эпидемического характера позволяют выдвинуть гипотезу о негативном влиянии пандемии COVID-19 на рождаемость, причем массовое снижение репродуктивной активности ожидаемо не только в периоды вспышек заболеваемости, но и на протяжении всего периода связанной с пандемией социально-экономической неопределенности. Следует отметить, что все имеющиеся исследования влияния «внешних шоков» на рождаемость видят их влияние в откладывании деторождений в определенном периоде, а не в снижении итоговой рождаемости женских поколений. У реальных когорт женщин, на чей репродуктивный период пришелся тот или иной «внешний шок», чаще всего имеется время для того, чтобы «наверстать» отложенные в кризисный период рождения. Поэтому наша гипотеза также касается не итоговой рождаемости когорт, а лишь ее временного снижения, допускающего возможность дальнейшего «компенсаторного» роста.

Вторая гипотеза, которую мы проверяем, состоит в том, что изменения рождаемости в условиях пандемии в России могли быть разными для детей разных

порядков рождения. Наиболее общая причина для выдвижения такой гипотезы состоит в том, что вероятность принятия парой решения о рождении ребенка в целом существенно варьирует в зависимости от количества уже имеющих детей (это показали демографические исследования, в том числе и на российском материале [Митрофанова, 2019; Фрейка, Захаров, 2014]). Кроме того, в предшествующий пандемии период динамика рождаемости первых, вторых и третьих детей существенно различалась как в России в целом, так и в отдельных регионах страны [Захаров, Сакевич, 2022; Казенин, Ракша, 2019]. Закономерно ожидать возникновения таких различий и в условиях пандемии.

Данные и метод

Выборочный опрос женщин репродуктивного возраста, на котором основано наше исследование, был ориентирован на выявление возможных межрегиональных различий во влиянии пандемии на рождаемость. В идеальном случае для такой цели следовало бы создать выборку, в которой присутствовали бы респонденты из всех или большинства регионов России в пропорциях, определяемых количеством проживающих в них женщин исследуемой категории. Однако неизбежные технические ограничения общего объема выборки в этом случае не позволяли бы получить для каждого региона состав респондентов, сбалансированный хотя бы по возрастным группам и основным социально-демографическим характеристикам (городское/сельское проживание, уровень образования, семейное положение и т. д.). Соответственно, возникал бы риск (лишь отчасти устранимый статистическими методами) того, что наблюдаемые в выборке различия по регионам фактически связаны с различиями региональных подвыборок по таким характеристикам. По этой причине была использована другая стратегия: опрос был проведен в трех регионах России, максимально отличавшихся друг от друга по релевантным особенностям брачно-репродуктивного поведения в течение пяти лет, предшествовавших пандемии.

В качестве параметра, на основе которого проводился отбор регионов, был использован средний возраст женщины при рождении первенца. Как было отмечено выше, наиболее ожидаемым влиянием на рождаемость событий, подобных пандемии, является откладывание деторождений. Мы предполагали, что в регионах, для которых типична ранняя рождаемость, поддерживающие ее социальные нормы будут «сопротивляться» откладыванию деторождений; а регионы, где поздний «старт» рождаемости был распространен и до пандемии, напротив, будут демонстрировать более сильный «откладывающий» эффект. Пользуясь данными Росстата по регионам РФ, мы выбрали следующие три региона на основе средних возрастов женщин при рождении первого ребенка за период 2015—2019 гг.: Кировскую область — как регион из первого квартиля по значению рассматриваемого показателя в среднем за пять лет, Республику Дагестан — как регион из четвертого (последнего) квартиля и Тверскую область — как регион, максимально близкий по значению показателя к общероссийскому уровню.

Необходимо отметить, что проведение исследования в трех регионах, разумеется, не позволяет делать каких-либо выводов о демографическом поведении женщин в стране в целом. Однако, выбирая регионы, максимально различные по ключевому для целей исследования параметру репродуктивного поведения

населения, мы получили возможность оценить, какое влияние пандемии на это поведение было одинаково свойственно регионам с разными «допандемийными» характеристиками в интересующей нас сфере, а какое могло иметь большую межрегиональную дифференциацию.

Возраст женщин-респондентов был ограничен интервалом 20—40 лет, то есть теми возрастными рамками, в которых рождение ребенка наиболее вероятно. В рамках выбранного метода женское население всех трех регионов в указанном возрастном интервале рассматривалось как генеральная совокупность. Соответственно, доля респондентов каждого региона определялась пропорцией населения каждого региона в такой генеральной совокупности. Общая выборка опроса составила 1250 человек. Пропорционально округленным долям каждого региона в общей совокупности женщин трех регионов в возрасте 20—40 лет (вычисленным по данным Росстата на 1 января 2022 г.) в Дагестане было опрошено 700 женщин, в Тверской области — 300, в Кировской — 250. Возрастное квотирование осуществлялось только по крупным возрастным группам: 20—29 и 30—40 лет. Квотирование по другим социально-демографическим параметрам проведено не было¹.

Анкета телефонного количественного интервью включала вопросы о наступлении основных биографических событий в жизни женщины и о ее социально-демографических характеристиках, а именно: уровне полученного образования, начале трудовой деятельности, нерегистрируемых союзах(партнерствах), вступлении в первый брак, рождении детей различных очередностей. Для каждого биографического события задавались вопросы о годе и месяце его наступления. Кроме того, анкета содержала вопросы о регионе рождения и проживания на момент опроса, а также о составе домохозяйства, в котором проживает респондент.

Для каждой опрошенной женщины на основе данных анкеты была получена биография с датами основных событий жизненного пути. Используя эти биографии, мы строили модели пропорциональных рисков (регрессии Кокса) отдельно для детей разных очередностей. Ключевые особенности моделей пропорциональных рисков, весьма часто применяемых в современных демографических исследованиях для анализа шансов наступления различных событий жизненного пути индивида, состоят в следующем (подробнее см. [Бурдяк, 2007]):

— шансы² наступления события отдельно анализируются для каждого временного отрезка биографии индивида, на котором можно было бы ожидать на-

¹ Отдельной проблемой при формировании региональных выборок стал учет миграции. Очевидно, что один только факт постоянного проживания женщины в регионе на момент опроса не позволял ничего утверждать о том, где она провела предшествующие этапы своего репродуктивного периода. Учитывая, что цель исследования требовала сопоставления шансов рождения ребенка у женщин до и после начала пандемии, отсутствие такой информации делало невозможным межрегиональное сопоставление. При этом выяснение полной миграционной истории женщины, как показал пилотный телефонный опрос, оказалось затруднительным. В этих условиях было принято решение включать в выборку телефонного опроса только тех женщин, которые сообщили о своем рождении в том же регионе, в котором они проживали на момент опроса. Для женщин такой категории уместно было предполагать, что большинство из них не утрачивало связи с регионом на протяжении всех прожитых до опроса лет. Это позволяло ожидать и отражения региональных особенностей в их репродуктивном поведении.

² Мы используем термин «шансы» в качестве синонима термину «риск» из-за того, что, когда речь идет о деторождении, употребление слова «риск» вызывает неуместную коннотацию. Математически риск наступления события рассчитывается как вероятность наступления события при условии, что событие до текущего момента не наступило. В регрессии пропорциональных рисков в качестве результата мы получаем относительные риски (отношение вероятности наступления события в одной группе к аналогичной вероятности в другой) и отношения шансов (число раз, когда индивид останется в группе риска, к числу раз, когда он покинет группу риска).

ступление данного события; длина временного отрезка в нашем анализе равнялась одному месяцу;

— каждый анализируемый временной отрезок характеризуется набором параметров, среди которых есть изменяемые и неизменяемые во времени; например, при анализе шансов рождения первого ребенка одни временные отрезки могут характеризоваться как проведенные в браке, а другие — как проведенные вне брака; с другой стороны, например, год рождения женщины является параметром, неизменным на всех временных отрезках ее репродуктивного периода;

— может быть одновременно оценена (в рамках одной модели) значимость нескольких параметров для шансов наступления какого-либо события: как изменяемых, так и неизменяемых во времени переменных.

Главная идея использованного нами аналитического метода состояла в том, что жизненный путь каждой женщины в модели пропорциональных рисков делился на периоды до и после начала пандемии. Соответственно, временные отрезки до начала этого периода характеризовались отрицательным значением параметра «пандемия», а с начала этого периода — положительным значением данного параметра. При этом каждый из отрезков наделялся целым набором дополнительных признаков (как неизменяемых во времени, так и изменяемых), и влияние каждого из них на шансы исследуемого события оценивалось наряду с влиянием на него пандемии. Поскольку моделируемым событием во всех моделях было рождение ребенка, параметр «пандемия» получал положительное значение для тех отрезков, рождение ребенка на которых означало его зачатие в период пандемии, а именно — начиная с января 2021 г. Основной целью моделей, таким образом, являлось сопоставление шансов рождения ребенка на месячных отрезках до этой даты и после нее.

Наряду с параметром «пандемия» в качестве изменяемых во времени параметров в модели включался параметр брачного статуса, имевший три значения: «без пары», «в партнерстве»³ и «в браке». Периоды, в которых женщина состояла в браке или партнерстве, с учетом разводов и прекращений партнерств, могли полностью или частично пересекаться с периодом, отнесенным к пандемии. На рисунке 1 показан вариант такого пересечения в моделях для рождения первого ребенка.

В регрессионных моделях для первого деторождения, в соответствии со стандартами, принятыми в демографическом анализе, шансы рождения ребенка для всех респондентов оценивались начиная с возраста 15 лет 0 месяцев и заканчивая временем рождения первого ребенка или (для бездетных респондентов) временем опроса. В моделях для рождения второго и третьего ребенка шансы рождения оценивались начиная с восьмого месяца после рождения предыду-

³ Вопросы анкеты касались любого вида незарегистрированных партнерств, которые могли возникать и до первого брака, и после его расторжения. Однако при анализе принимались во внимание именно партнерства, до начала которых респонденты не состояли в браке. Практика демографических исследований жизненного пути показала, что условия наступления добрачных партнерств могут довольно существенно отличаться от условий вступления в незарегистрируемые партнерства после первого брака (см., например, [Gerber, Berman, 2010]), поэтому два указанных типа события представлялось важным отделить друг от друга. При этом количество респондентов, сообщивших о вступлении в незарегистрированное партнерство после расторжения первого брака, было недостаточным для отдельного учета данного явления в моделях, так что наш анализ рассматривал только партнерства, заключаемые до первого брака.

щего ребенка и заканчивая временем рождения ребенка соответствующей очередности или (при отсутствии такового) временем опроса. Построенные на таких выборках модели для первых и вторых детей оказались статистически значимыми. Что касается моделей для рождений третьих детей, то в силу меньшего числа включенных респондентов они не оказались статистически значимыми, и их результаты далее не рассматриваются.

Рис. 1. Схема пересечения времени состояния в браке и периода пандемии в моделях для рождения первого ребенка

Источник: составлено авторами.

Из анализа исключались респонденты, сообщившие неполные данные о времени вступления в брак, или распада брака или добрачного партнерства, рождения ребенка моделируемой или предшествующей очередности. За вычетом таких исключений при моделировании рождений первых детей в анализ была включена 1151 женщина; первое деторождение на момент опроса уже произошло у 820 из них. У 369 женщин по крайней мере часть того периода, когда они могли впервые стать родителями, пришлось на время с января 2021 г. до даты проведения опроса.

При моделировании рождений вторых детей в анализ было включено 793 женщины, имевшие на момент опроса хотя бы одного ребенка. Второе деторождение на момент опроса уже произошло у 589 из них. У 207 женщин по крайней мере часть того периода, когда они могли второй раз стать родителями, пришлось на время с января 2021 г. до момента проведения опроса.

Кроме изменяемых во времени параметров во все модели включались следующие переменные, имеющие постоянное значение на всех временных отрезках: год рождения женщины; регион проживания; уровень образования на момент опроса⁴. Параметр образования имел пять значений: «начальное или среднее

⁴ Использование признака образования как неизменяемого во времени представляется допустимым по той причине, что получение образования, в том числе среднего специального и высшего в России, как правило, имеет место в молодых возрастах (обычно до 25 лет), а основные решения относительно будущего образования принимаются до или непосредственно после совершеннолетия и во многом определяют биографию до завершения образования. Вследствие этого допустимо считать, что конечный уровень образования, достигнутый индивидом, влияет на особенности не только последующего, но и предшествующего жизненного пути. В качестве примера исследования с использованием моделей пропорциональных рисков по другим странам, которое также рассматривает уровень образования в качестве неизменяемого во времени признака, см. [Vignoli, 2006].

общее», «начальное или среднее специальное», «незаконченное высшее», «высшее», «ученая степень, аспирантура». Для сопоставления характера изменений рождаемости после начала пандемии в трех исследуемых регионах дополнительно были построены модели, в которые вместо отдельных параметров «пандемия» и «региональная принадлежность» вошла компонента взаимодействия «региональная принадлежность * пандемия»⁵. Использование параметров, характеризующих трудовую занятость женщины, а также уровень доходов семьи, которые стандартно включаются в модели деторождения, в нашем анализе было невозможно, поскольку они предполагали бы изменение значений этих параметров во времени, однако практически «ретроспективный» сбор информации об этих параметрах на разных этапах биографии женщины в ходе опросов весьма затруднителен, и в нашем случае не осуществлялся.

Результаты

В таблице 1 представлены данные по распределению ряда параметров, использованных при анализе (данные приводятся для подвыборки респондентов, включенных в модели — см. предыдущий раздел). Распределение по количеству детей показывает более высокий уровень рождаемости в Дагестане по сравнению с двумя другими регионами. По параметру образования Дагестан отличался более высокой долей респондентов с начальным или общим средним образованием (то есть учившихся только в школе) и более низкой долей респондентов с высшим образованием. Квотирования респондентов по этому параметру, как уже было отмечено, не проводилось; во всех трех регионах наблюдалось превышение (в пределах 10 п. п.) доли респондентов с высшим образованием за счет групп с более низким образовательным уровнем по сравнению с данными Всероссийской переписи населения 2010 г. Это, однако, не служило основанием для какой-либо корректировки результатов с использованием весов, поскольку данное превышение могло отражать реальные изменения в образовательной структуре женского населения региона в последнее десятилетие.

По параметру городского/сельского проживания Дагестан отличался более высокой долей сельских респондентов, что соответствует различиям между исследуемыми регионами по данным текущего учета населения. При этом доля городских респондентов в дагестанской выборке (65 %) была выше, чем в этом регионе по данным текущего учета населения среди тех же половозрастных групп на 1 января 2022 г. (51 %). Данное различие также не послужило основанием для какой-либо корректировки выборки или использования весов, поскольку хорошо известен неполный учет миграции населения, в том числе внутрирегиональной официальной статистикой по республикам Северного Кавказа [Мкртчян, 2019]. С учетом этого обстоятельства данное расхождение не обязательно указывало на смещение выборки. В двух других регионах доля городского населения была ближе к данным официальной статистики.

В таблице 2 представлены результаты моделирования для рождения первого ребенка (модели (1) и (2)) и второго ребенка (модели (3) и (4)). Как видно из таб-

⁵ Об использовании и интерпретации моделей с компонентой взаимодействия см. [Сток, Уотсон, 2015: 281—293].

лицы, для рождения первого ребенка, при статистической значимости модели в целом, параметр «пандемия» оказался незначимым, а для рождения второго ребенка — негативно значимым.

Таблица 1. Распределение респондентов по социально-демографическим параметрам, включенным в анализ, %

Переменные	Дагестан	Кировская область	Тверская область
<i>Количество детей</i>			
0	23,64	34,35	36,20
1	14,46	22,61	28,32
2	27,84	28,70	26,52
3	23,17	9,13	6,09
4+	10,89	5,21	2,87
<i>Образование</i>			
Начальное или среднее общее	35,30	20,00	12,54
Начальное или среднее профессиональное	22,24	30,87	35,13
Незаконченное высшее (не менее 3-х полных лет)	4,98	4,35	5,38
Высшее (в том числе два и более высших)	35,93	43,48	45,16
Ученая степень, аспирантура, ординатура	1,56	1,30	1,79
<i>Тип населенного пункта</i>			
Городской	65,47	84,78	85,30
Сельский	34,53	15,22	14,70
<i>N</i>	643	230	279

Источник: расчеты авторов на данных телефонного опроса 2022 г.

Шанс рождения второго ребенка в период, обозначенный нами как пандемия, при одинаковых значениях всех других включенных в модель параметров на треть ниже, чем в другое время. При этом, как показывают модели с компонентой взаимодействия ((2) и (4)), значимых межрегиональных различий по влиянию пандемии на рождение детей обоих порядков почти не было; лишь в Тверской области имело место значимое усиление негативного влияния пандемии на рождение первого ребенка. Отсутствие регулярной значимости компонент взаимодействия указывает на то, что обнаруженный эффект пандемии, различный для первых и вторых детей, в целом незначительно варьирует для рассматриваемых регионов.

Что касается эффекта контрольных параметров, включенных в модели, то его по большей части нельзя признать неожиданным. Так, в Тверской и Кировской областях значимо ниже шанс рождения второго ребенка, что соответствует более низкому уровню рождаемости в этих регионах по сравнению с Дагестаном. Значимо более высокий шанс рождения вторых детей в сельской местности также ожидаем на фоне сохраняющихся в России контрастов между сельской и городской рождаемостью [Блинова, Кутенков, Шабанов, 2019].

Таблица 2. Модели пропорциональных рисков для рождения первого и второго ребенка (показаны отношения рисков — hazard ratios)

	(1)	(2)	(3)	(4)
Регион (реф.: Дагестан)				
Тверская область	0,955	0,994	0,372***	0,377***
S.E.	(0,0905)	(0,0954)	(0,0448)	(0,0467)
Кировская область	1,138	1,131	0,500***	0,495***
S.E.	(0,116)	(0,120)	(0,0596)	(0,0610)
Год рождения	0,985	0,985	1,047***	1,047***
S.E.	(0,00796)	(0,00796)	(0,0109)	(0,0109)
Брачный статус (реф.: не в союзе)				
В партнерстве	4,315***	4,294***	1,203	1,201
S.E.	(0,882)	(0,877)	(0,497)	(0,496)
В браке	26,22***	26,15***	3,138***	3,138***
S.E.	(2,978)	(2,971)	(0,513)	(0,513)
Период пандемии COVID-19 (реф.: нет)				
Да	0,806	0,958	0,646**	0,656**
S.E.	(0,148)	(0,219)	(0,111)	(0,135)
Образование (реф.: начальное или среднее общее)				
Начальное или среднее профессиональное	0,831*	0,833*	1,180	1,181
S.E.	(0,0839)	(0,0842)	(0,136)	(0,136)
Незаконченное высшее (не менее 3-х полных лет)	0,903	0,915	0,886	0,886
S.E.	(0,191)	(0,193)	(0,221)	(0,221)
Высшее (в том числе два и более высших)	0,722***	0,720***	0,974	0,974
S.E.	(0,0689)	(0,0688)	(0,105)	(0,105)
Ученая степень, аспирантура, ординатура	0,621*	0,614*	0,636	0,638
S.E.	(0,173)	(0,171)	(0,232)	(0,233)
Тип населенного пункта (реф.: город)				
Село	1,128	1,130	1,405***	1,405***
S.E.	(0,0927)	(0,0929)	(0,128)	(0,127)
Тверская область * период пандемии		0,289**		0,795
S.E.		(0,180)		(0,371)
Кировская область * период пандемии		1,026		1,158
S.E.		(0,381)		(0,511)
Log likelihood	-4369,1716	-4366,2516	-3368,1005	-3367,8791
N	1151	1151	793	793

* $p < 0,1$, ** $p < 0,05$, *** $p < 0,001$

Источник: расчеты авторов на данных телефонного опроса 2022 г.

Многokратное превышение шансов рождения первого ребенка в браке по сравнению как с нахождением во внебрачном партнерстве, так и с отсутствием партнера, очевидно, обусловлено включением в выборку Дагестана, где уровень внебрачной рождаемости низок. Относительно неожиданным следует считать позитивный эффект года рождения женщины на шансы рождения второго ребенка (возможно, отражает эффект введения материнского капитала), а также отсутствие значимых эффектов уровня образования для шансов рождения второго ребенка (при значимом снижении шансов рождения первого ребенка по мере повышения уровня образования).

Заключение и дискуссия

Разница между влиянием пандемии на шансы рождения первых и вторых детей, обнаруженная в результате нашего анализа, выглядит достаточно неожиданно на фоне того, что известно об изменениях рождаемости в периоды «внешних шоков» в других странах мира. В частности, ни одно из известных нам исследований рождаемости во время распространения COVID-19 в других странах (см. обзор исследований выше) не указывает на какой-либо контраст между детьми разных очередностей по «чувствительности» к пандемии.

Картину, довольно сильно отличающуюся от наших результатов, дают и работы, в которых рождаемость детей разных очередностей исследуется в периоды экономических кризисов. Так, Карел Нилс показывает, что в Бельгии, Нидерландах и Франции рост безработицы в условиях кризиса 2008 г. в основном оказал понижающее влияние на рождаемость первых детей, но не имел заметного воздействия на рождаемость вторых и последующих детей [Neels, 2010]. Алисия Адсера также показывает, что эффект безработицы в периоды кризиса 1970-х годов в Скандинавских странах был существенным для рождаемости первых детей и значительно меньше — для рождаемости вторых [Adsera, 2010]. Другие работы аргументируют, что влияние кризиса 2008 г. в Европе и Северной Америке стало наиболее существенным для рождаемости первых детей и более скромным для рождаемости детей последующих очередностей [Goldstein et al., 2013; Comolli, 2017].

При этом результат нашего анализа соответствует тренду, наблюдаемому в России в 2022 г. Как видно из таблицы 3, снижение количества вторых рождений в первом и втором кварталах 2022 г. по сравнению с теми же кварталами 2021 г. было более существенным по сравнению с рожденьями других очередностей, как и ускорение этого снижения (в п. п.) во втором квартале по сравнению с первым. Снижение рождаемости первых детей за оба квартала носило значительно более скромный характер. Так, по крайней мере в течение первого полугодия 2022 г. тенденция, на которую указывает официальная статистика, соответствовала тенденции, обнаруженной нами в трех регионах на основе статистического анализа выборочного опроса.

Непосредственно на основании данных нашего опроса невозможно проверить какие-либо предположения о причинах обнаруженных различий между рождаемостью детей разных очередностей. Однако, на наш взгляд, имеются минимум два фактора, которые могут их объяснить хотя бы отчасти.

Таблица 3. Изменение числа деторождений разных порядков в РФ в первом и втором кварталах 2022 г. по сравнению с аналогичными периодами 2021 г., %

Порядок рождения	Первый квартал 2022 г.	Второй квартал 2022 г.
Все дети	-4,92	-7,71
Первые дети	-0,31	-2,47
Вторые дети	-8,98	-14,87
Третьи дети	-5,84	-7,79
Четвертые дети	-1,50	-0,23
Пятые и последующие дети	-0,36	-0,30

Источник: расчеты авторов на данных Росстата.

Первый фактор — исторический, касающийся особенностей динамики рождаемости в России в другие кризисные периоды. Из всех подобных периодов наибольший интерес представляет экономический кризис 1990-х годов как время, максимально приближенное к пандемии по основным параметрам рождаемости в стране. Как показано Сергеем Захаровым, спад рождаемости в России в 1990-е годы в наименьшей степени затронул рождаемость первых детей, в результате чего значительно выросла их доля в общем числе рождающихся [Zakharov, 2008]. Одно из объяснений такого влияния экономического кризиса 1990-х годов на рождаемость детей разных порядков состоит в том, что рождение хотя бы одного ребенка сохраняется в России в качестве своего рода социальной нормы, устойчивой к различным факторам, ведущим к снижению рождаемости⁶. Можно предположить, что именно этот фактор объясняет отличие России от стран Западной Европы и Северной Америки, где, как уже было отмечено, влияние внешних шоков на рождаемость первых детей нередко оказывалось даже выше, чем на рождаемость вторых (см. [Van de Kaa, 1987] о распространении одобрения бездетности в этих странах в последней трети XX века).

Второй фактор связан с особенностями мер государственной поддержки рождаемости в России. Как известно, в январе 2020 г., накануне пандемии, были изменены условия выплаты федерального семейного (материнского) капитала. До начала 2020 г. материнский капитал в РФ предоставлялся только при рождении второго (или последующего) ребенка, но с 2020 г., согласно поправке к закону № 256-ФЗ, была предусмотрена выплата федерального материнского капитала на первого ребенка; в 2022 г. размер выплаты составил 524,5 тыс. рублей. При предоставлении этой суммы по факту рождения первого ребенка сумма, предоставляемая при рождении второго, составляла в 2022 г. 168,6 тыс. рублей, что значительно меньше, чем сумма, предоставлявшаяся при рождении второго ребенка до 2020 г. Хотя вопрос об эффективности материнского капитала как меры поддержки рождаемости остается дискуссионным, снижение рождаемости по вторым детям после такого изменения условий выплат материнского капитала было вполне ожидаемым даже в отсутствие такого фактора, как пандемия.

⁶ Об устойчивости рождаемости именно первых детей, в отличие от вторых (не относящимся к «внешним шокам»), в некоторых европейских странах см. [Sobotka, 2008]. См. также [Большунова, 2018; Ломакин, 2019] о сохраняющемся низком уровне социального одобрения бездетности в РФ.

Если оба предложенных объяснения верны, то устойчивость ситуации с «опережающим» сокращением рождаемости вторых детей будет зависеть не только от глубины последствий тех «внешних шоков», которыми она была вызвана, но также как минимум от двух очень разных по своей природе обстоятельств. Во-первых, дальнейшие масштабы этого сокращения будут определяться государственной политикой поддержки рождаемости, и прежде всего тем, будет ли устранен или хотя бы уменьшен образовавшийся с 2020 г. перекос в системе пронаталистских мер в пользу первых детей и насколько в целом меры государственной поддержки рождаемости будут эффективны в меняющихся социально-экономических условиях. Во-вторых, контраст между рождаемостью первых и вторых детей по устойчивости к «внешним шокам» может ослабевать в случае эволюции социальных норм, касающихся деторождения, изменения гендерных асимметрий и отношения общества к бездетности. Такие изменения, однако, вряд ли могут иметь заметный характер, по крайней мере в краткосрочной перспективе.

В заключение отметим, что отсутствие значимых контрастов между тремя включенными в исследование регионами по динамике рождаемости первых и вторых детей, разумеется, не означает, что «реакция» рождаемости на пандемию в этих регионах была полностью идентичной. Тем не менее важно, что контраст между рождаемостью первых и вторых детей обнаружен в регионах, существенно отличающихся друг от друга по возрастным особенностям рождаемости в период до начала пандемии. Это, наряду с данными официальной статистики, позволяет предполагать, что мы имеем тенденцию, достаточно сильную для страны в целом. Вероятно, что по мере продолжения исследований рождаемости в период пандемии и в других странах мира появится возможность межстрановых сравнений устойчивости рождаемости детей разных очередностей к одному из самых масштабных за последние десятилетия «внешних шоков».

Список литературы (References)

Блинова Т. В., Кутенков Р. П., Шабанов В. Л. Моделирование и оценка сельско-городских различий в динамике рождаемости населения России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2019. № 3. С. 73—77.

Blinova T. V., Kutenkov R. P., Shabanov V. L. (2019) Modelling and Analyzing Urban-Rural Differences in Fertility Dynamics in Russian Regions. *Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. No. 3. P. 73—77. (In Russ.)

Большунова Т. В. Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ // Вестник университета. 2018. № 4. С. 145—149. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-4-145-149>.

Bolshunova T. V. (2018) The Childfree Phenomenon: A Macrosociological Analysis. *Vestnik Universiteta*. No. 4. P. 145—149. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-4-145-149>. (In Russ.)

Бурдяк А. Я. Применение метода «анализа наступления события» (event history analysis) с помощью пакета SPSS // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2007. № 6. С. 189—202.

Burdyak A. Ya. (2007) Application of the Event History Analysis Using SPSS Package. *SPE-RO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews*. No. 6. P. 189—202. (In Russ.)

Захаров С. В., Сакевич В. И. Долговременные тенденции уровня рождаемости и проблемы ее контроля на внутрисемейном уровне в современной России // *Население России 2019: Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад* / под отв. ред. С. В. Захарова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022. С. 113—154.
Zakharov S. V., Sakevich V. I. (2022) Long-Term Fertility Trends and Problems of Family-Internal Fertility Control in Contemporary Russia. In: Zakharov S. V. (ed.) *Russia's Population in 2019: 27th Annual Demographic Report*. Moscow: HSE Publishing House. P. 113—154. (In Russ.)

Казенин К. И., Ракша А. И. Динамика рождаемости по регионам РФ в 2018 г.: основные тенденции // *Экономическое развитие России*. 2019. Т. 26. № 8. С. 71—78. URL: <http://www.edrussia.ru/archive/2019/880-08-2019> (дата обращения: 11.04.2023).
Kazenin K. I., Raksha A. I. (2019) Fertility Changes in Russian Regions in 2018: Key Tendencies. *Russian Economic Developments*. Vol. 26. No. 8. P. 71—78. URL: <http://www.edrussia.ru/archive/2019/880-08-2019> (accessed: 11.04.2023). (In Russ.)

Ломакин И. В. Чайлдфри или добровольно бездетные? К переопределению концептуального поля исследований не-родительства в России // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 394—436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>.

Lomakin I. V. (2019) Childfree or Voluntarily Childless? Redefining the Conceptual Field of Studies on Non-Parenthood in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 394—436. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.20>. (In Russ.)

Митрофанова Е. С. (Не)время взрослеть: как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян // *Демографическое обозрение*. 2020. Т. 7. № 4. С. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>.

Mitrofanova E. S. (2019) (No)time to Grow Up: Changing Ages of Debut Biographical Events in Russia. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 4. P. 36—61. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>. (In Russ.)

Мкртчян Н. В. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики // *Журнал исследований социальной политики*. 2019. Т. 17. № 1. С. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22>.

Mkrтчyan N. V. (2019) Migration at the North Caucasus in the Mirror of Imperfect Data. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 7—22. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22>. (In Russ.)

Середкина Е. А. Тенденции рождаемости в развитых странах в период пандемии COVID-19 // *Демографическое обозрение*. 2022. Т. 9. № 1. С. 109—146. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14576>.

Seredkina E. A. (2022) Fertility Trends in Developed Countries during the COVID-19 Pandemic. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 1. P. 109—146. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i1.14576>. (In Russ.)

Сток Дж., Уотсон М. Введение в эконометрику / пер. с англ. под науч. ред. М. Ю. Турнцевой. М.: Дело, 2015.

Stock J. H., Watson M. W. (2015) Introduction to Econometrics. Moscow: Delo. (In Russ.)

Фрейка Т., Захаров С. В. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 106—143. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1828>.

Frejka T., Zakharov S. V. (2014) Fertility Trends in Russia during the Past Half Century: Period and Cohort Perspectives. *Demographic Review*. Vol. 1. No. 1. P. 106—143. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1828>. (In Russ.)

Adsera A. (2010) Where are the Babies? Labor Market Conditions and Fertility in Europe. *European Journal of Population*. Vol. 27. No. 1. P. 1—32. <https://doi.org/10.1007/s10680-010-9222-x>.

Boberg-Fazlic N., Ivets M., Karlsson M., Nilsson Th. (2021) Disease and Fertility: Evidence from the 1918—19 Influenza Pandemic in Sweden. *Economics & Human Biology*. Vol. 43. <https://doi.org/10.1016/j.ehb.2021.101020>.

Chandra S., Yu Ya.-L. (2015) The 1918 Influenza Pandemic and Subsequent Birth Deficit in Japan. *Demographic Research*. Vol. 33. Art. 11. P. 313—326. <https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2015.33.11>.

Comolli Ch.L. (2017) The Fertility Response to the Great Recession in Europe and the United States: Structural Economic Conditions and Perceived Economic Uncertainty. *Demographic Research*. Vol. 36. Art. 51. P. 1549—1600. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.51>.

Emery T., Koops J. C. (2022) The Impact of COVID-19 on Fertility Behaviour and Intentions in a Middle-Income Country. *PLoS ONE*. Vol. 17. No. 1. Art. e0261509. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0261509>.

Gerber Th.P., Berman D. (2010) Entry to Marriage and Cohabitation in Russia, 1985—2000: Trends, Correlates, and Implications for the Second Demographic Transition. *European Journal of Population*. Vol. 26. No. 1. P. 3—31. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9196-8>.

Goldstein J. R., Kreyenfeld M., Jasilioniene A., Örsal D. D.K. (2013) Fertility Reactions to the “Great Recession” in Europe: Recent Evidence from Order-Specific Data. *Demographic Research*. Vol. 29. Art. 4. P. 85—104. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.4>.

Lindberg L. D., Van de Vusse A., Mueller J., Kirstein M. (2020) Early Impacts of the COVID-19 Pandemic: Findings from the 2020 Guttmacher Survey of Reproductive Health Experiences. New York, NY: Guttmacher Institute.

Luppi F., Arpino B., Rosina A. (2020) The Impact of COVID-19 on Fertility Plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom. *Demographic Research*. Vol. 43. Art. 47. P. 1399—1412. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.47>.

Neels K. (2010) Temporal Variation in Unemployment Rates and Their Association with Tempo and Quantum of Fertility: Some Evidence for Belgium, France and the Netherlands. Paper presented on 17th of April 2010 at the Annual Meeting of the Population Association of America (Dallas, Texas, USA). P. 1—38.

Rangel M. A., Nobles J., Hamoudi A. (2020) Brazil's Missing Infants: Zika Risk Changes Reproductive Behavior. *Demography*. Vol. 57. No. 5. P. 1647—1680. <https://doi.org/10.1007/s13524-020-00900-9>.

Sobotka T. (2008) Overview Chapter 6: The Diverse Faces of the Second Demographic Transition in Europe. *Demographic Research*. Vol. 19. Art. 8. P. 171—224. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.8>.

Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 2. P. 267—306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>.

Sobotka T., Jasilioniene A., Alustiza Galarza A., Zeman K., Nemeth L., Jdanov D. (2021) Baby Bust in the Wake of the COVID-19 Pandemic? First Results from the New STFF Data Series. *SocArXiv*. March 24. <https://doi.org/10.31235/osf.io/mvy62>.

Van De Kaa D. J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. Vol. 42. No. 1. P. 1—59.

Vignoli D. (2006) Fertility Change in Egypt: From Second to Third Birth. *Demographic Research*. Vol. 15. Art. 18. P. 499—516. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2006.15.18>.

Zakharov S. (2008) Russian Federation: From the First to the Second Demographic Transition. *Demographic Research*. Vol. 19. Art. 24. P. 907—972. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.24>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2379](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379)

А. О. Макаренцева, С. С. Бирюкова

ФАКТОРЫ, УСТОЙЧИВОСТЬ И РЕАЛИЗАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ В РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Макаренцева А. О., Бирюкова С. С. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 31—56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>.

For citation:

Makarentseva A. O., Biryukova S. S. (2023) Factors, Consistency, and Realization of Reproductive Intentions in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 31–56. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2379>. (In Russ.)

Получено: 01.02.2023. Принято к публикации: 23.03.2023.

ФАКТОРЫ, УСТОЙЧИВОСТЬ И РЕАЛИЗАЦИЯ РЕПРОДУКТИВНЫХ НАМЕРЕНИЙ В РОССИИ

МАКАРЕНЦЕВА Алла Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия
E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

БИРЮКОВА Светлана Сергеевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; заместитель ответственного редактора журнала «Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены»
E-MAIL: biryukova_s@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

Аннотация. Статья продолжает и обобщает накопленный авторами опыт исследований репродуктивных намерений в России, включая оценку их динамики и степени реализации с первой половины 2000-х годов до настоящего времени. Авторы опираются на кросс-секционные и панельные данные двух репрезентативных выборочных обследований населения: опроса «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проведенного в 2004, 2007 и 2011 гг., и опроса «Человек, семья, общество» 2017 и 2020 гг. Если в 2004—2011 гг. принципиальных изменений в распределении ответов о репродуктивных намерениях не наблюдалось, то к 2017 г.

FACTORS, CONSISTENCY, AND REALIZATION OF REPRODUCTIVE INTENTIONS IN RUSSIA

Alla O. MAKARENTSEVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow at the Institute of Social Analysis and Forecasting
E-MAIL: makarentseva-ao@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0091-7532>

Svetlana S. BIRYUKOVA^{2,3} — Cand. Sci. (Econ.), Leading Research Fellow at the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy; Deputy Executive Editor at the “Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes” Journal
E-MAIL: biryukova_s@wciom.com
<https://orcid.org/0000-0003-2626-7021>

¹ Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

³ Russian Public Opinion Research Center, Moscow, Russia

Abstract. The article elaborates the research of reproductive intentions in Russia. The authors study the dynamics and realization of the declared reproductive intentions from the first half of the 2000s to the present days. The study bases on cross-sectional and panel data from two representative population surveys, namely, the survey "Parents and Children, Men and Women in the Family and Society" (Russian GGS) conducted in 2004, 2007, and 2011, and the survey "Person, Family, Society" held in 2017 and 2020. The data shows no fundamental changes in the distribution of answers about reproductive intentions in 2004–2011. However, by 2017 the respondents began to

респонденты стали значительно чаще выражать «определенно положительные» репродуктивные намерения. При этом уровень реализации определенных намерений среди женщин не изменился за весь период наблюдения и устойчиво составляет около 40%. Наиболее значимым фактором реализации положительных репродуктивных намерений на протяжении всего периода наблюдения оказался партнерский статус, причем шансы появления ребенка повышаются как в связи с наличием стабильного партнерства, так и в связи со сменой партнера. К значимым факторам, отрицательно связанным с реализацией репродуктивных намерений, относится низкая субъективная оценка материального положения семьи.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивные намерения, панельные данные, реализация репродуктивных намерений, репродуктивные планы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС на 2023 г..

express certain positive reproductive intentions significantly more often. At the same time, the level of realization of certain intentions among women has not changed over the entire observation period and levels around 40%. The most significant factor in the implementation of positive reproductive intentions turned out to be partner status, and the chances of having a child increase both due to the presence of a stable partnership and due to a change of partner. Significant factors that are negatively associated with the implementation of reproductive intentions include a low subjective assessment of the financial situation of the family.

Keywords: fertility, reproductive intentions, panel data, realization of reproductive intentions, reproductive plans

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the State task of the InSAP RANEPa for 2023.

Что такое репродуктивные намерения и для чего исследовать их динамику и реализацию?

Намерения — часть системы репродуктивных установок¹, включающей показатели идеального, желаемого и ожидаемого числа детей, а также планы по рождению детей на определенный горизонт времени. Репродуктивные намерения могут измеряться на индивидуальном уровне и в паре, в том числе в динамике. Со временем они могут меняться — в зависимости от этапа жизненного пути человека, его партнерского статуса, состояния здоровья (факторы микроуровня) и под влиянием социально-экономического контекста (факторы макроуровня).

В условиях, когда контроль над рождаемостью со стороны населения достаточно высок, именно намерения опосредуют ее динамику в кратко- и среднесрочной

¹ Исследования мнений о репродуктивных установках имеют длинную историю, подробнее авторы писали о них в [Макаренцева, Галиева, Рогозин, 2021].

перспективе. Однако для прямых прогнозов рождаемости они не подходят из-за недостаточной предсказательной силы [Рощина, Бойков, 2005; Синявская, Тын-дик, 2009; Малева, Тындик, 2013]. Репродуктивные намерения неустойчивы [Miller, Pasta, 1995; Schoen et al., 1999; van de Kaa, 2001], что не является их недостатком, но указывает на возможность их интерпретации как индикатора изменений в настроениях людей. Увеличение численности мужчин и женщин, декларирующих намерение родить ребенка в обозримом будущем, отражает благоприятные тенденции в рождаемости — в частности, может быть откликом на усиление поддержки семей с детьми или улучшение экономической конъюнктуры. В быстро меняющихся обществах, а также на фоне кризисов и социально-экономических шоков намерения становятся индивидуальным ответом на вопрос: «*Сейчас подходящее время родить ребенка?*» Реализация же намерений показывает, насколько микро- и макроэкономические, а также социальные условия благоприятствуют претворению обозначенного желания иметь ребенка в конкретный интервал времени. Таким образом, исследования динамики намерений и степени их реализации позволяют оценить соответствие сложившихся экономических, инфраструктурных и социальных условий запросу тех женщин и семей, которые намереваются родить ребенка в ближайшем будущем.

В представленной статье рассматривается один из показателей системы репродуктивных установок населения, а именно репродуктивные намерения на конкретный горизонт времени. Авторы обобщают собственный опыт исследований репродуктивных намерений в России и дополняют его новыми эмпирическими оценками. Цель этой работы — оценить динамику, устойчивость, а также значимость различных факторов реализации репродуктивных намерений российского населения с первой половины 2000-х годов до настоящего времени. За более чем 15-летний горизонт наблюдений в России менялись политические и экономические условия, композиция семейной и демографической политики, а также численность и структура поколения, пребывающего в активных репродуктивных возрастах. Длительность наблюдения и разнообразие внешних факторов позволяют составить представление об устойчивости этих индикаторов и сформулировать предположения относительно ключевых факторов, связанных с динамикой репродуктивных намерений и успешностью их реализации.

Теоретико-методологические основы исследований репродуктивных намерений

Репродуктивное поведение — это результат принятия индивидуального решения иметь (еще одного) ребенка или нет под воздействием всего многообразия внутренних и внешних факторов в каждый момент времени. Формирование этого решения можно рассматривать как длительный процесс, и репродуктивные намерения, замеренные в разные периоды, отражают его ход.

Классической концепцией, в рамках которой рассматриваются механизмы возникновения и реализации репродуктивных намерений, является теория планируемого поведения Исаака Айзена и Мартина Фишбейна [Ajzen, Fishbein, 1980; Fishbein, Ajzen, 2009], возникшая в развитие теории обоснованных действий (см., например, [Fishbein, Ajzen, 1975]). И. Айзен и М. Фишбейн определяли «намере-

ние» как «субъективную вероятность совершения какого-либо поведения», а отношение, субъективные нормы и воспринимаемый поведенческий контроль считали лучшими предикторами намерения. С момента появления этой теории исследователи рождаемости неоднократно апробировали ее в контексте изучения процесса принятия репродуктивных решений (см., например, [Billari, Philipov, Testa, 2009; Dommermuth, Klobas, Lappegård, 2011; Ajzen, Klobas, 2013; Miller, Pasta, 1995] и т. д.). При этом для прогнозирования поведения в этой сфере в опросах населения обычно задается прожективный вопрос о намерениях на конкретный относительно короткий временной горизонт — от двух до четырех лет [Billari, Kohler, 2004]. Это позволяет уйти от более общих или нормативных представлений о желаемом, идеальном или ожидаемом на всем периоде жизни числе детей и перейти к более предметному разговору с респондентами о планировании поведения в существующем на момент опроса контексте.

Репродуктивные намерения аккумулируют учет двух уровней фоновых факторов — личного (наличие партнера, качество отношений с ним, внутренняя готовность к рождению ребенка и т. д.) и социально-экономического (материальное положение и его перспективы, экономическая ситуация в стране проживания и т. д.). Веса этих групп факторов принципиально разные, в связи с чем модель принятия решения можно считать двухступенчатой: сначала оцениваются личные факторы, затем, при их положительной оценке, принимаются во внимание социально-экономические условия. При этом Айзен [Ajzen, 2005; Ajzen, 2011] отмечал ряд исследований, в которых базовые социально-демографические характеристики индивидов рассматриваются как оказывающие прямое влияние на намерения и их реализацию. В то же время Франческо Биллари с соавторами указывают, что «в идеальных условиях измерения и операционализации компонентов „теории планируемого поведения“ прямое влияние социально-демографических факторов должно отсутствовать» [Billari, Philipov, Testa, 2009], поскольку они определяют индивидуальные отношения, социальные нормы (прежде всего в ближайшем социальном окружении) и возможности поведенческого контроля, которые, в свою очередь, уже являются факторами репродуктивных намерений.

Измерение репродуктивных намерений, как и других мнений или субъективных оценок в отношении рождения детей, представляет собой отдельную методологическую задачу. Ни зарубежные, ни российские исследователи никогда не стремились трактовать их буквально, ведь «любое мнение по вопросам деторождения не обязательно отражает установку. Ответ может быть случайным, подверженным влиянию сопутствующих обстоятельств» [Белова, 1975: 12]. Отчасти с этим связана невозможность использования намерений в качестве единственного предиктора поведения.

Степень реализации любых намерений человека — и репродуктивные не исключение — далека от стопроцентной [Bongaarts, 1998; Berrington, 2004; Toulemon, Testa, 2005; Tesfaghiorghis, 2007]. Уоррен Миллер и Дэвид Паста отнесли к причинам нереализации положительных намерений такие факторы, как влияние партнера, события жизненного пути, проблемы с репродуктивным здоровьем; а к факторам нереализации отрицательных — влияние партнера, в том числе появление нового, незапланированные беременности [Miller, Pasta, 1995]. Эмпирические ис-

следования показывают: чем более конкретно и уверенно респондент формулирует репродуктивные намерения в ходе опроса, тем лучше и более значимо они предсказывают рождение ребенка [Schoen et al., 1997; Tesfaghiorghis, 2007; Testa, Toulemon, 2006; Miller, Pasta, 1995; Schoen et al., 1999; Morgan, 2001]. Именно намерения как фактор имеют большую валидность по сравнению со всеми прочими индивидуальными характеристиками [Westoff, Ryder, 1977; Van Hoorn, Keilman, 1997; Heiland, Prskawetz, Sanderson, 2008].

Отечественная школа изучения репродуктивных установок традиционно опирается преимущественно на такие показатели, как идеальное, желаемое и ожидаемое числа детей², и реже использует интересующий нас показатель репродуктивных намерений на конкретный горизонт времени. Более того, в отличие от зарубежных исследований, термин «репродуктивные намерения» нередко используется в эмпирических работах в применении к общим показателям системы репродуктивных установок (см., например, [Гудкова, 2019; Архангельский, Васильева, Васильева, 2021] и др.). В этом случае на самом деле анализируется желаемое и ожидаемое число детей, но не намерения или планы на обозримый горизонт времени.

Репродуктивные намерения стали шире фигурировать в качестве объекта изучения в российских исследованиях начиная с 2010-х годов. В качестве теоретической рамки выступают зарубежные концепции, в частности упомянутая выше теория планируемого поведения. Не всегда намерения измеряются на конкретный горизонт времени: иногда в качестве индикатора выступают только общие намерения. Например, вопрос «Хотите ли вы родить (еще) ребенка?» использован в опросе РМЭЗ НИУ ВШЭ³ [Журавлева, Гаврилова, 2017]. Несмотря на общность формулировки, как отмечают работавшие с данными авторы, полученная информация представляет ценность для изучения репродуктивного поведения. Из особенно интересных результатов упомянутой работы Татьяны Журавлевой и Яны Гавриловой следует отметить, что «наличие партнера повышает желание женщины родить ребенка, а вот его доход... и проживание с другими родственниками оказываются незначимыми факторами» [там же: 168].

На термин «репродуктивные намерения» в том же концептуальном понимании, как его используем мы, опираются Ольга Исупова и Валерия Уткина, которые, однако, анализируют материалы глубинных интервью, а значит, не придерживаются строгих формулировок вопроса [Исупова, Уткина, 2016]. В более узком понимании — как индикатор настроений населения — репродуктивные намерения фигурируют в метаобзоре Елены Вакуленко и соавторов, посвященном рождаемости во время пандемии COVID-19 [Вакуленко, Макарова, Горский, 2022]. Авторы отмечают, что в шести из восьми проанализированных опросов в России респонденты оценивают влияние COVID-19 на намерения завести ребенка как негативное, а доля респондентов, планирующих завести детей, в среднем снижается более чем в два раза по сравнению с результатами аналогичных опросов прошлых лет.

² См. обширный пласт опросов в СССР [Белова, 1975: 44], исследования Анатолия Антонова (например, [Антонов, Борисов, 2006]), Владимира Архангельского [Архангельский и др., 2005; Архангельский, 2006] и других.

³ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rims/> (дата обращения: 05.04.2023).

Обобщение предыдущих исследований авторского коллектива

В отечественную научную проблематику оценка репродуктивных намерений и их связи с последующим репродуктивным поведением была введена авторским коллективом исследования РидМиЖ⁴ («Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе») под руководством Оксаны Синявской [Семья..., 2009; Синявская, Тындик, 2009, 2010]⁵. На данных первой и второй волн опроса РидМиЖ (2004 и 2007 гг.) было показано, что успешность реализации намерения родить ребенка в течение ближайших трех лет составила 38,8% среди «определенно» уверенных и 21,3% среди тех, кто «пожалуй» собирался. Кроме того, ребенка в этот период родили 21,6% из тех, кто собирался это сделать «определенно» позже, и 4,9% из тех, кто, «пожалуй», хотел этого позже⁶. Доля родивших среди тех, кто этого не планировал, составила менее 3%.

В 2013 г. дизайн работы О. Синявской и А. Тындик был в точности повторен для второй и третьей волн РидМиЖ (2007 и 2011 гг.) [Малева, Тындик, 2013]. Среди определенно намеревавшихся завести ребенка в течение ближайших трех лет это сделали 44%, среди не вполне уверенных — 28,2%. При этом 23,5% из тех, кто определенно собирался родить ребенка, но позже 2010 г., к опросу 2011 г. уже завели детей (и 13,4% из тех, кто был не вполне уверен в своем желании). Авторы отмечали, что именно эти рождения были обусловлены влиянием действующей с 2007 г. демографической политики — отчасти более ранние, чем планировалось, рождения, отчасти дополнительные. Таким образом, уровень реализации ближайших положительных репродуктивных намерений в период 2007—2011 гг. стал несколько выше по сравнению с периодом 2004—2007 гг.⁷ Татьяна Малева и Алла Тындик рассмотрели эти оценки в разрезе желаемого числа детей и пришли к выводу, что большинство реализовали уже сложившуюся репродуктивную установку. Предсказуемо, что чем выше она была, тем выше оказалась доля родивших: второго ребенка завели 28,9% настроенных на многодетность и только 15,9% предпочитавших двухдетность. Превышение репродуктивной установки имело место у 6,9% из тех, кто говорил, что хотел бы иметь одного ребенка (но родил второго); а также у 4,8% среди тех, кто хотел двоих детей (но родил третьего).

Кроме того, на данных РидМиЖ были детально оценены факторы формирования и реализации намерений. Так, на реализацию репродуктивных планов влияют факторы, которые можно условно разделить на три группы: демографические, экономические и социальные. К демографическим факторам относятся:

— **Репродуктивные установки.** По имеющимся оценкам, наиболее быстро репродуктивные планы реализуются, если семья хочет завести лишь одного ре-

⁴ Исследование является частью международной программы «Поколения и гендер», подробнее см. URL: <https://www.ggp-i.org/>. Проведено в России в 2004, 2007 и 2011 гг. по репрезентативной выборке около 11 тыс. человек.

⁵ Синявская О. В., Тындик А. О. Социальный капитал и гендерное равенство в объяснении рождаемости в России // Демоскоп Weekly. 2010. № 421—422. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0421/analit02.php> (дата обращения: 02.04.2023).

⁶ В данном случае степень уверенности «пожалуй» относится к самому факту рождения, а не к горизонту планирования, что связано с дизайном вопроса (сначала спрашивали про намерения на ближайшие три года, а затем про намерения на дальнейший период).

⁷ Далее будет показано, что удлинение периода наблюдения слабо сказывается на успешности реализации намерений.

бенка [Тындик, 2012]. Перенос намерений на более поздние периоды или отказ от рождения оказывается тем вероятнее, чем ниже была уверенность в рождении ребенка в течение нескольких лет после проведения первого опроса и чем более длинным был горизонт планирования [Синявская, Тындик, 2009]⁸.

— **Наличие детей.** Наиболее точно планируют свое репродуктивное поведение женщины, имеющие на момент проведения опроса партнера и хотя бы одного ребенка. Одновременно с этим вероятность переноса рождения или отказа от него увеличивается с ростом числа детей у женщины [там же].

— **Возраст женщины** является важным ограничителем как репродуктивных намерений, так и репродуктивного поведения [Малева, Синявская, 2007], что может быть связано с естественными биологическими процессами (ухудшение здоровья, в том числе репродуктивного) и с давлением социальных норм (представления о нормативном возрасте материнства могут провоцировать отказ от намерений родить после определенного возрастного рубежа).

— **Наличие, длительность и другие характеристики брака или партнерского союза.** Наличие постоянного партнера — одна из ключевых детерминант репродуктивных намерений и их реализации [там же; Макаренцева, Галиева, Рогозин, 2021]. При этом брачный статус, то есть наличие официальной регистрации союза, не влияет на репродуктивные намерения женщин, состоящих в партнерских отношениях [Малева, Синявская, 2007].

К экономическим факторам относятся прежде всего:

— **Уровень дохода.** Лица с более высоким уровнем дохода в большем числе случаев осуществляют свои репродуктивные намерения по сравнению с менее обеспеченными [Синявская, Тындик, 2009]. Материальная обеспеченность семьи сильнее связана с намерениями по рождению детей на горизонте трех лет, чем с такими характеристиками, как образование или число уже рожденных детей [Малева, Синявская, 2007].

— **Жилищная обеспеченность семей.** Это значимый фактор реализации намерений, а также формирования положительных намерений на ограниченном горизонте. Последняя связь теряет статистическую значимость в том случае, если у женщины нет постоянного партнера [там же].

В число социальных факторов входят:

— **Уровень образования** является одним из основных факторов общих репродуктивных намерений (норм детности). Его влияние на репродуктивные намерения на горизонте трех лет оказывается более слабым, однако сохраняет свою значимость [там же]. В то же время именно среди лиц с высшим образованием наблюдается наибольшее различие между желаемым и реальным числом детей [Тындик, 2012].

— **Ценности и нормы.** Наибольший положительный эффект оказывает позитивное отношение близких к потенциальному рождению [Головляница, 2007]. Значимыми факторами формирования репродуктивных намерений являются также ценностные установки относительно семьи и карьеры, занятости, причем особенно сильно ориентация на реализацию в семье проявляется в связи с по-

⁸ Вклад репродуктивных намерений в объяснение рождаемости в современной России // Лаборатория исследований рынка труда ГУ-ВШЭ. 2009. 2 июня. URL: <https://lirt.hse.ru/news/8469488.html> (дата обращения: 02.04.2023).

ложительными установками на рождение первенца, а при переходе к рождению более высоких порядков эта связь ослабевает [Sinyavskaya, Billingsley, 2015].

Мы полагаем, что этот пул исследований в значительной степени закрывает вопрос о том, как формировались и реализовывались репродуктивные намерения в России в 2010-х годах. Настоящая работа опирается на их результаты, расширяет период наблюдения, включает в анализ новые факторы и фокусируется на трансформации намерений женщин, заявлявших о желании родить ребенка, но не реализовавших его.

Особенности данных и методология исследования

Эмпирическая часть нашей работы опирается на данные двух крупных выборочных обследований населения, реализованных с применением панельной (повторяющейся) выборки — опросов РидМиЖ и ЧСО («Человек, семья, общество»). Анкета последнего во многом унаследовала структуру РидМиЖ, в частности в измерении репродуктивного поведения и намерений⁹. Основная проблема сопоставимости двух опросов заключается в разнице технологий сбора данных: РидМиЖ проводился методом личного опроса (face-to-face) по бумажной анкете, а ЧСО — методом телефонного интервью с электронным заполнением вопросника. Таким образом, мы не можем говорить о буквальной сопоставимости данных, но используем их в работе как наиболее близкие друг к другу источники.

В анализе на базе данных РидМиЖ первой ключевой переменной выступает *интегральный показатель репродуктивных намерений*, объединяющий намерения на ближайшие три года от момента опроса и отложенные намерения¹⁰. В анкете вопросы о намерениях задавались всем респондентам моложе 50 лет в следующих формулировках: «Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?» и «Предположим, что Вы не собираетесь заводить (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет, а хотели бы Вы вообще когда-нибудь завести (еще) детей?» с вариантами ответов «определенно да», «пожалуй, да», «пожалуй, нет» и «определенно нет». Из анализа исключались пенсионеры, инвалиды и длительно больные респонденты, а учет рождений проводился с исключением беременностей на момент первой точки наблюдения и включением беременностей на второй.

Второй ключевой переменной становится *показатель устойчивости намерений*. Этот индикатор включает три категории: «не родили ребенка в желаемый срок и отказались от намерений», «не родили ребенка в желаемый срок, но сохраняют намерения родить», «родили ребенка в желаемый срок».

Комплексный анализ данных всех трех раундов опроса (2004, 2007, и 2011 гг.) позволяет ответить на вопросы: что происходило с репродуктивными намерениями россиян, если их не удавалось реализовать в озвученный срок? Какие факторы связаны с сохранением или отказом от репродуктивных намерений?

⁹ Описание и массивы данных доступны по ссылке: Человек, семья, общество 2017 // Портал социологических данных РАНХиГС. URL: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-institut/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/86-chelovek-semya-obschestvo-2017> (дата обращения: 05.04.2023). Репрезентативные выборки каждого раунда опроса составляли около 9,5 тыс. респондентов.

¹⁰ Раздельный анализ намерений на ближайшие три года и отложенных, а также общих, то есть не привязанных к временному горизонту, можно посмотреть в [Синявская, Тындик, 2009].

В период с 2007 г. и в течение всех 2010-х годов в России проводилась активная демографическая политика. За это время сменилось поколение мужчин и женщин в активных репродуктивных возрастах, поменялись экономические и социальные обстоятельства. В 2017 и 2020 гг. Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) было проведено панельное обследование «Человек, семья, общество» (ЧСО). Собранные данные позволили еще раз оценить успешность реализации репродуктивных намерений и сравнить ее с оценками десятилетней давности. Опрос 2017 г. содержал идентичный вопрос о репродуктивных намерениях респондентов на ближайшие три года («Собираетесь ли вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?»). На него отвечали респонденты репродуктивного возраста (мужчины и женщины до 44 лет включительно), давшие положительный ответ на вопрос «Вы бы хотели иметь (еще) детей?». В 2020 г. был проведен панельный опрос респондентов, ранее давших любой ответ на вопрос о намерениях (кроме «затрудняюсь ответить»), который оценил факт рождения за прошедший период времени.

С опорой на эти данные мы отвечаем на следующие вопросы: какой стала успешность реализации репродуктивных намерений после нескольких лет проведения в России активной демографической политики? Как за это время поменялась сила благоприятных и неблагоприятных факторов реализации репродуктивных намерений?

Методами эконометрического анализа выступают мультиномиальная регрессия на панельных данных 2004—2011 гг. РидМиЖ, а затем — бинарная логистическая регрессия на панельных данных обследования ЧСО.

Эмпирические результаты

Интегральные репродуктивные намерения и их динамика

За период наблюдения трех раундов обследования РидМиЖ (2004, 2007, и 2011 гг.) принципиальных изменений в репродуктивных намерениях россиян не произошло: 23—26 % планировали родить ребенка в ближайшие три года, 20—25 % допускали такую возможность в более отдаленной перспективе, а 51—54 % респондентов детей иметь в дальнейшем не планировали (см. табл. 1). Ниже приведены оценки совместно по мужчинам и женщинам, так как гендерные различия в распределениях ответов невелики — в пределах нескольких процентных пунктов. В разбивке по очередности рождения можно видеть, что в 2011 г. значительно возросла доля тех, кто «пожалуй» планировал рождение первенца в ближайшие три года.

Какова реализация интегральных намерений? Для ответа на этот вопрос перейдем к массиву полных панельных данных трех волн и подвыборке женщин¹¹. Как отмечалось выше, успешность реализации определенных намерений на три года составляет около 40 %, а не вполне определенных — 25 %. Важно, что расширение горизонта наблюдения не сильно поднимает успешность реализации (см. табл. 2). Другими словами, если запланированное рождение не состоялось в намеченный срок, шансы на то, что оно состоится позже, невысоки.

¹¹ Наши предыдущие исследования показали, что ответы женщин о фактических рождениях (с учетом текущих беременностей) в период между опросами оказываются точнее по сравнению с ответами мужчин.

**Таблица 1. Репродуктивные намерения
в зависимости от числа уже рожденных детей, % по строке**

		Определенно да, в ближайшие три года	Пожалуй, да, в ближайшие три года	Да, но не в ближайшие три года	Нет
<i>Интегральные репродуктивные намерения в 2004 г.</i>					
Число род- ных детей (в 2004 г.)	Нет детей	15,3	27,6	41,8	15,3
	1 ребенок	7,3	20,3	23,6	48,7
	2 детей	0,9	3,9	9,1	86,1
	3 детей и более	1,6	3,3	5,3	89,8
Итого		7,2	16,2	22,9	53,7
<i>Интегральные репродуктивные намерения в 2007 г.</i>					
Число род- ных детей (в 2007 г.)	Нет детей	13,2	25,8	45,2	15,8
	1 ребенок	6,6	19,9	24,1	49,4
	2 детей	1,3	4,7	9,3	84,6
	3 детей и более	0,8	5,5	5,7	88,0
Итого		6,8	16,6	25,4	51,2
<i>Интегральные репродуктивные намерения в 2011 г.</i>					
Число род- ных детей (в 2011 г.)	Нет детей	13,7	36,6	25,1	24,6
	1 ребенок	4,4	18,3	14,7	62,7
	2 детей	1,1	5,0	5,6	88,3
	3 детей и более	0,0	4,5	2,0	93,5
Итого		7,8	18,8	19,8	53,7

Источник: расчеты авторов на данных обследования РИДМЖ 2004, 2007 и 2011 гг.

В таблицах сумма по столбцу может отличаться от 100 % в связи с округлением значений.

Среди тех, кто определенно намеревался завести ребенка в течение 2004—2007 гг., только 51,5 % добились этого к 2011 г. (53,8 % женщин и 48,6 % мужчин). Среди не вполне уверенных в своих намерениях — 35,7 %. Доля состоявшихся первых и вторых рождений одинакова среди тех, кто планировал их на ближайшее время. Отложенные намерения родить первенца сбывались чаще, чем намерения родить второго ребенка: 34,2 % против 21,9 %.

Таблица 2. Доля женщин, родивших ребенка в 2004—2011 гг. в зависимости от репродуктивных намерений и числа детей в 2004 г., % от подвыборки женщин

	Все женщины	Нет детей в 2004 г.	Один ребенок в 2004 г.	Двое детей в 2004 г.
Определенно да, в ближайшие три года	51,5	51,8	54,4	30,0*
Пожалуй, да, в ближайшие три года	35,7	37,9	37,2	16,7*
Да, но не в ближайшие три года	24,6	34,2	21,9	10,3
Нет	4,2	9,0	4,3	3,4

* Менее 10 наблюдений. Подвыборка имевших трех и более детей в 2004 г. не представлена из-за недостаточного числа наблюдений по дальнейшим рождениям.

Источник: расчеты авторов на данных обследования РидМиЖ, панельная подвыборка 2004—2007—2011 гг.

В наших предыдущих исследованиях недостаточно внимания уделялось вопросу, в какой мере сохраняются нереализованные намерения родить ребенка и от чего это зависит. Полная цепочка изменения намерений представлена на рисунке 1, где в силу небольшого числа наблюдений определенные и не вполне определенные намерения объединены в одну категорию.

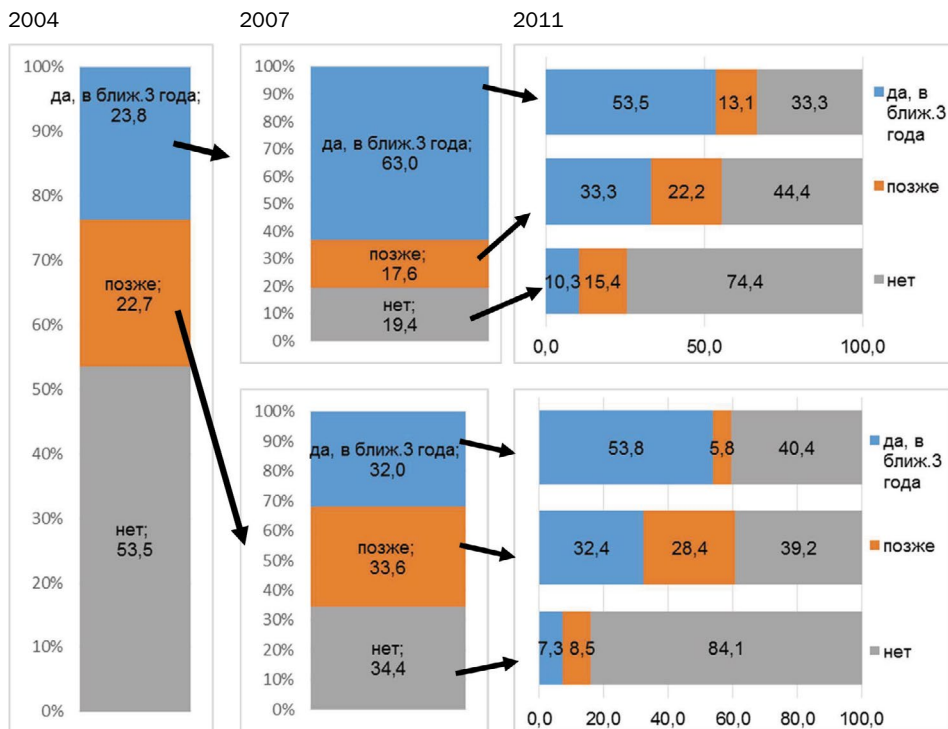
Динамика репродуктивных намерений в период между 2007 и 2011 гг. отличается от предыдущего периода. Мы используем полную панель, и это означает, что респонденты становятся старше. Именно возраст — главный фактор, из-за которого нереализованные репродуктивные намерения у части респондентов не переносятся на более поздний срок, а уходят вовсе.

Намерения родить ребенка в ближайшее время в значительной степени устойчивы: через три года сохраняется 63% из них, а 17,6% откладываются. Спустя еще три года, если рождения так и не происходит, сохраняется 53,5% ближайших намерений, а 13,1% переносятся дальше.

Одновременно с этим отложенные намерения (то есть намерения «родить <ребенка> более чем через три года») нередко продолжают откладываться. Так, только 32% из тех, кто в 2004 г. говорил, что хочет родить ребенка после 2007 г., при повторном опросе решали, что время пришло, и планировали рождение на ближайшие три года. Еще 33,4% продолжали откладывать рождение на все более поздний срок, а 34% и вовсе отказывались от своих намерений. К 2011 г. структура их репродуктивных намерений — при условии отсутствия рождения ребенка — становилась почти идентичной тем респондентам, которые в 2004 г. планировали рождение в ближайшие три года.

Переход из отрицательных намерений в положительные возможен, но редок: из тех, кто в 2004 г. не планировал рождение детей и не родил ребенка, 89% не изменили своих планов. При этом на рисунке 1 видна волатильность мнений: если в 2004 г. рождение планировалось, а в 2007 г. от этого намерения полностью отказались, то к 2011 г. оно могло вернуться (в сумме ближайших и отложенных намерений передумало почти 25% респондентов).

Рисунок 1. Динамика положительных репродуктивных намерений среди женщин, у которых не родилось ни одного ребенка в период 2004—2011 гг., % по строке

Источник: расчеты авторов на данных обследования РидМИЖ, панель 2004—2007—2011 гг., подвыборка женщин, которые во всех трех волнах отвечали на вопрос о намерениях (1246 наблюдений)¹².

Таким образом, если намерения родить ребенка в желаемый трехлетний срок не реализуются, они, как правило, сохраняются, и женщина снова говорит о желании родить ребенка в ближайшем будущем. Отложенные за трехлетний горизонт намерения нередко продолжают откладываться за пределы ближайшего будущего. Можно предположить, что наиболее сильными факторами отказа от намерений выступают репродуктивное здоровье, возраст женщины и распад брачно-партнерского союза. В следующем разделе статьи это предположение будет проверено на основе регрессионного анализа.

Факторы устойчивости нереализованных намерений

Число уже рожденных детей, возраст респондента, а также наличие, длительность и другие характеристики брака или партнерского союза — вот ключевые демографические факторы, влияющие на формирование репродуктивных намерений и успешность их реализации [Малева, Синявская, 2007; Синявская, Тын-дик, 2009]. На реализацию и сохранение намерений влияют события жизненного

¹² В 2011 г. в подвыборку попадают женщины до 50 лет; то есть на 2004 г. они находятся в возрасте 18—42 лет, а к 2011 г. им становится 25—49 лет.

пути (окончание образования, потеря работы или повышение в должности, переезд в другой город и т. д.), а также макроэкономические факторы, если они затрагивают конкретную семью (экономический кризис, безработица, военные конфликты, катастрофы и т. д.). К сожалению, даже панельное исследование не дает возможности в полной мере отследить такое влияние¹³: у нас нет информации, какое из событий в период между опросами произошло раньше — принятие решения о рождении ребенка или иное событие жизненного пути, а значит, нет возможности установить причинно-следственную связь, воздействие одних событий на другие. В данном случае можно говорить лишь о наличии или отсутствии значимой статистической связи между показателями. Тем не менее панельные опросы остаются лучшим источником данных для подобного анализа.

Чтобы выявить значимые связи, мы оцениваем мультиномиальную регрессионную модель, построенную на полной панельной подвыборке женщин, по состоянию на 2004 г. находившихся в возрасте 18—42 лет и имевших любые положительные репродуктивные намерения (как на ближайшие три года, так и отложенные). В зависимой переменной выделены три категории: «не родили ребенка в желаемый срок и отказались от намерений», «не родили ребенка в желаемый срок, но сохраняют намерения родить» (референтная), «родили ребенка в желаемый срок». В таблице 3 показаны результаты оценки такой модели, а в Приложении к статье справочно приведена аналогичная модель, оцененная для подвыборки, включающей не только женщин, но и мужчин.

Таблица 3¹⁴. **Результаты регрессионного анализа, подвыборка женщин; референтная категория — «не родили ребенка в желаемый срок, но сохраняют намерения родить»**

		B	Sig.	Exp(b)
Родили ребенка в желаемый срок	Сельская местность (реф. — городская)	0,365	0,140	1,441
	1 ребенок (реф. — нет детей)	-0,158	0,532	0,854
	2 детей и более	-0,408	0,071	0,665
	30—43 года (реф. — 20—29 лет)	0,513	0,065	1,670
	Был и есть партнер (реф. — не было и нет)	1,224	0,000	3,401
	Не было и появился партнер ¹⁵	1,678	0,000	5,352
	Высшее образование ¹⁶ (реф. — нет в. о.)	-0,324	0,198	0,723
	Трудно сводить концы с концами (реф. — нетрудно)	-0,494	0,029	0,610
	Мнение: для самореализации женщины дети не обязательны (реф. — обязательны)	0,520	0,095	1,683

¹³ Прямые ретроспективные вопросы также не дали бы полной и корректной информации в силу возможных искажений информации о прошлых событиях в воспоминаниях и интерпретациях респондентов.

¹⁴ Кроме того, в данную модель включались переменные по состоянию на 2004 г. (и оказались незначимы): характеристики занятости и жилья; индекс религиозности с учетом частоты посещения служб; степень согласия с утверждением «для ребенка дошкольного возраста обычно плохо, если его мать работает»; социально-психологические компоненты по методике, аналогичной исследованиям Екатерины Головляничной [Головляничина, 2007]; субъективная оценка степени зависимости решения о рождении от социальных факторов.

¹⁵ Партнерский статус определен по наличию партнера в домохозяйстве (учитываются как зарегистрированные, так и незарегистрированные браки).

¹⁶ Число не имевших, но получивших высшее образование за семь лет оказывается мало, поэтому в модели изменение сделано на 2004 г.

		B	Sig.	Exp(b)
Не родили ребенка в желаемый срок и отказались от намерений родить ребенка	Сельская местность	0,253	0,356	1,288
	1 ребенок	0,695	0,016	2,003
	2 детей и более	0,671	0,001	1,956
	30—43 года	2,098	0,000	8,147
	Был и есть партнер	0,336	0,225	1,400
	Не было и появился партнер	0,248	0,510	1,282
	Высшее образование	-0,126	0,643	0,882
	Трудно сводить концы с концами (в 2004 г.)	-0,037	0,880	0,964
	Для самореализации женщины дети не обязательны	0,891	0,007	2,438
Число наблюдений	591			
Нагелькерке г квадрат	0,354			

Источник: расчеты авторов на данных обследования РидМиж, панель опросов 2004—2007—2011 гг.; женщины, имевшие положительные репродуктивные намерения на любой срок; свободный член включен в регрессию, но опущен в таблице; замеры статичных контрольных переменных сделаны на 2004 г.

На вероятность родить ребенка в желаемый срок по сравнению с вероятностью сохранить нереализованные намерения эффект оказывает партнерский статус женщины, причем появление нового партнера влияет сильнее, чем продолжение стабильных отношений. Интересно, что наличие одного ребенка незначимо по сравнению с отсутствием детей, а наличие двух детей ожидаемо несет негативный эффект. Еще один значимый отрицательный фактор — низкое материальное положение по субъективной оценке женщины.

На вероятность отказа от нереализованных намерений родить ребенка по сравнению с их сохранением значимый эффект оказывает наличие как минимум двух детей и согласие с утверждением, что для самореализации женщины дети не являются обязательным условием. Однако самый сильный эффект наблюдается у переменной возраста — если женщина старше 35 лет. Из предыдущих исследований мы знаем, что возраст влияет нелинейно: на определенном рубеже он служит сильным стимулом к рождению ребенка (сейчас это рубеж в 30 лет, см. [Ипатова, Тындик, 2015]), после чего нарастает его ограничивающее влияние. Статус партнерского союза оказывается незначим — отказ от нереализованных в желаемый срок намерений возможен в равной степени как в стабильных союзах, так и вне их. Результаты анализа не выявили значимости для реализации и устойчивости намерений таких социальных факторов, как тип местности проживания и наличие высшего образования.

Влияние партнерского статуса дополнительно представлено в дескриптивной таблице 4. Доля женщин, реализовавших намерение родить в желаемый срок, значимо и ожидаемо варьирует по статусу партнерского союза. В то же время доля женщин, отказавшихся от нереализованных намерений, практически одинакова как в стабильных союзах, так и среди одиноких. Наконец, доля сохранивших нереализованные намерения выше всего среди одиноких (включая расставшихся с прежним партнером).

Таблица 4. Динамика репродуктивных намерений в зависимости от партнерского статуса (2004—2011 гг.)

	Хотели ребенка в 2004 г. и родили к 2011 г.	Хотели ребенка в 2004 г., не родили и сохранили намерения родить в 2011 г.	Хотели ребенка в 2004 г., не родили и отказались от намерений к 2011 г.
Партнер был в 2004 г., есть в 2011 г.	36,4	25,8	37,8
Партнера не было в 2004 г., появился партнер к 2011 г.	57,9	22,8	19,3
Прочее (не было и нет, не стало)	19,9	43,5	36,6

Источник: расчеты авторов на данных обследования РидМиЖ, панель 2004—2007—2011 гг.; подвыборка женщин, имевших положительные репродуктивные намерения на любой срок (591 наблюдение).

Реализация репродуктивных намерений в России: спустя еще десять лет

Для того чтобы оценить сопоставимость данных двух опросов, сравним распределение ответов на вопрос о репродуктивных намерениях в идентичных подвыборках опросов РидМиЖ и ЧСО (см. табл. 5). Сравнение столбцов 3 и 2 показывает, что при переходе от репрезентативной выборки к панельной в опросе ЧСО не произошло смещения в распределении ответов. Однако наиболее интересно сравнение столбцов 1 и 2, представляющих данные разных опросов. В 2017 г. респонденты намного чаще заявляли, что «определенно» собираются завести ребенка в ближайшие три года: 30,4% против 12,2% в 2007 г. В то же время суммарно о положительных репродуктивных намерениях в 2017 г. заявили 60,5% респондентов из панельной подвыборки. Эта оценка кажется чрезвычайно высокой, ведь при полной реализации таких намерений полученные результаты означали бы, что 60% всех мужчин и женщин репродуктивного возраста в период 2017—2020 гг. завели бы ребенка. Это невозможно, и значит, степень реализации намерений должна быть невысокой.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Собираетесь ли вы завести (еще одного) ребенка в течение ближайших трех лет?», подвыборки опросов 2007 и 2017 гг., в %

	1	2	3
	Ответы в 2007 г. респондентов, участвовавших потом в опросе 2011 г. (РидМиЖ по дизайну подвыборки ЧСО)	Ответы в 2017 г. респондентов, участвовавших потом в опросе 2020 г. (ЧСО)	Ответы всех респондентов в 2017 г.
Определенно нет	25,1	19,6	17,7
Скорее нет	32,2	19,9	20,2
Скорее да	30,5	30,1	28,4
Определенно да	12,2	30,4	27,8
Затрудняюсь ответить	—	—	6,0

Источники:

1. 2007 и 2011 гг.: расчеты авторов на данных обследования РидМиЖ. Здесь подвыборка сформирована в строгом соответствии с дизайном ЧСО (мужчины и женщины в возрасте 18—44 лет, давшие ненулевой ответ о желаемом числе детей), объем подвыборки составляет 1829 респондентов.
2. 2017 и 2020 гг.: расчеты авторов на данных обследования ЧСО. Объем анализируемой панельной подвыборки составляет 392 респондента.

Сравним уровень реализации «определенных» репродуктивных намерений на идентичных подвыборках с разницей в десять лет: он составил 38% в 2007—2010 гг. (35% среди мужчин, 40% среди женщин, см. табл. 6) и 34,5% в 2017—2020 гг. (30% среди мужчин, 41% среди женщин). Другими словами, при значительном расширении группы заявлявших о таких намерениях в 2017 г. уровень их реализации среди женщин остался неизменным, а среди мужчин незначительно снизился. Реализацию остальных категорий намерений мы приводим справочно, поскольку небольшой размер панельной подвыборки 2020 г. не позволяет анализировать их детально.

Таблица 6. Доля респондентов, родивших ребенка в период между опросами, %

Репродуктивные намерения		Оба пола	Мужчины	Женщины
<i>Рождения в 2017—2020 гг.</i>				
в 2017 г.	Определенно нет	11,7*	12,5*	10,8*
	Скорее, нет	11,5*	15,0*	7,9*
	Скорее, да	13,6	14,1	12,5*
	Определенно да	34,5	30,0	40,8
	В среднем	19,1	18,9	19,5
<i>Рождения в 2007—2010** гг.</i>				
в 2007 г.	Определенно нет	7,1	6,0	8,0
	Пожалуй, нет	12,5	11,5	13,2
	Пожалуй, да	21,4	18,9	23,3
	Определенно да	37,9	35,1	40,2
	В среднем	17,0	15,2	18,4

Примечания:

* малое количество наблюдений.

** несмотря на то, что опрос РидМиЖ был проведен в 2011 г., все рождения 2011 г. исключены для сохранения сопоставимой длины интервала наблюдения (3 года).

Источники:

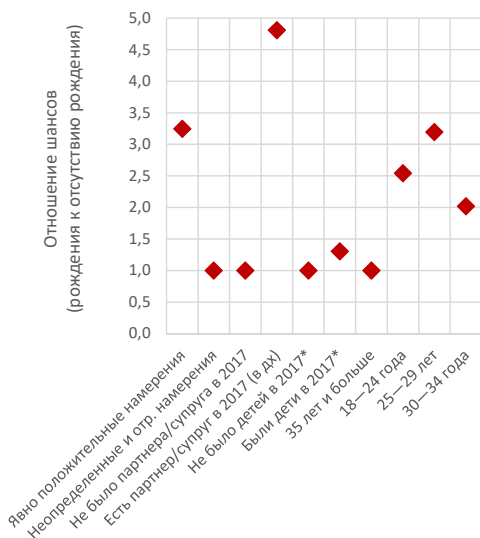
1. 2007—2010 гг.: расчеты авторов на данных обследования РидМиЖ. Здесь подвыборка сформирована в строгом соответствии с дизайном ЧСО (мужчины и женщины в возрасте 18—44 лет, давшие ненулевой ответ о желаемом числе детей), объем подвыборки составляет 1829 респондентов.

2. 2017 и 2020 гг.: расчеты авторов на данных обследования ЧСО. Объем анализируемой панельной подвыборки составляет 392 респондента.

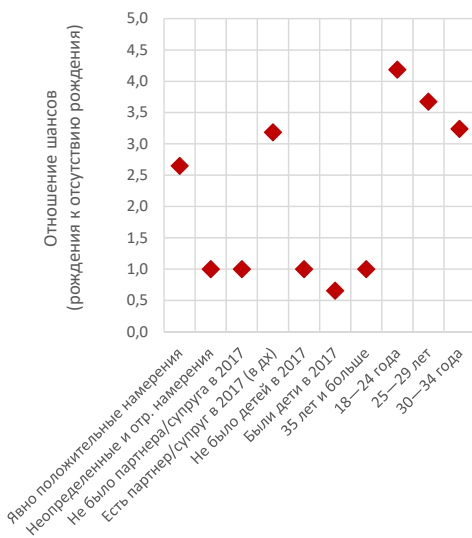
Далее оценим факторы, влиявшие в оба эти периода времени на шансы реализации рождения, на основе регрессионного анализа. В связи с небольшим размером выборки опроса 2020 г. независимая переменная намерений здесь сформирована дихотомически: «определенно намеренные» и «все прочие» (и в подвыборке РидМиЖ, и в подвыборке ЧСО). Использован метод бинарной логистической регрессии, где зависимая переменная принимает значение «1», когда рождение состоялось в желаемый трехлетний срок. Результаты регрессий для двух периодов наблюдений с разницей в десять лет представлены на рисунках 3а и 3б.

Рисунок 3. Факторы, определяющие шансы реализации репродуктивных намерений (при контроле прочих характеристик), в период 2017—2020 гг. (а) и 2007—2010 гг. (б)

а) 2017—2020 гг.

б) 2007—2010 гг.

Самая сильная связь рождения ребенка в 2017—2020 гг. наблюдается с фактором наличия супруга в домохозяйстве на период формирования намерений (в зарегистрированном или незарегистрированном браке). В 2007—2010 гг. влияние наличия супруга также было высоким, но не столь значительным.

Определенные положительные намерения значительно повышают шансы рождения ребенка в 2017—2020 гг. (в 3,2 раза). Кроме того, в 2017 г. сильно влияет возраст респондента: значительно повышают намерения все возрастные группы моложе 35 лет, но особенно сильно — в возрасте 25—29 лет. Неожиданным стало то, что наличие уже рожденных детей оказалось незначимым фактором. Другими словами, рождение первого и второго ребенка оказывается равновероятным при контроле прочих факторов. Во-первых, здесь стоит напомнить об особенностях формирования выборки и критериях ответа на вопрос о репродуктивных намерениях — он не задавался тем, кто отрицательно ответил на вопрос о желании иметь детей вообще, это могло сказаться на значимости данной переменной. Во-вторых, в течение периода наблюдения доля вторых и последующих рождений выросла¹⁷, а значит, разница в шансах появления ребенка у бездетных и однократных женщин сократилась.

В период 2007—2010 гг. мы видим несколько иную картину. Определенные положительные намерения значимы, но их влияние было чуть слабее (повышали шансы рождения ребенка в 2,6 раза по сравнению с иными намерениями при контроле прочих факторов). Вместе с тем значимо наличие детей: шансы рождения второго

¹⁷ В 2007 г. доля вторых рождений составляла 32,8%, а в 2020 г. — 36,2% (расчеты авторов на данных Росстата о естественном движении населения), при этом пик доли вторых рождений пришелся на 2016 г.

и последующего детей были значимо ниже по сравнению с шансами рождения первенца. Здесь также исключались респонденты с нулевым желаемым числом детей, однако доля таких респондентов в этом опросе была в два раза ниже (около 5% против 10% в 2017 г.), а значит, ограничения выборки слабее. Отмечается разное влияние возраста: самое сильное влияние в 2007 г. оказывалось не в возрастной группе 25—29 лет, а в самой младшей возрастной группе 18—24 лет.

В завершение отметим, что в 2020 г. около 80% респондентов, не реализовавших определенные намерения в желаемый трехлетний срок, не отказались от них и продолжают планировать рождение ребенка в ближайшей перспективе.

Выводы работы и обсуждение результатов

Представление о репродуктивном поведении как о последовательности решений иметь (еще одного) ребенка или нет заставляет переходить от попыток измерения общих репродуктивных установок (желаемое и ожидаемое число детей) к изучению намерений в разные моменты времени и в отношении заданного обозримого периода в будущем. Потенциально такой взгляд расширяет методологию изучения репродуктивного поведения как части жизненного пути, вписывая в него не только сам факт рождения ребенка, но и процесс принятия решения о рождении в контексте меняющихся социальных и экономических условий — личных и внешних. Использование такой методологии может опираться только на специализированные опросы рождаемости с панельным дизайном выборки, которых в России по-прежнему единицы. Поэтому в представленной работе мы не решаем задачу описания и исчерпывающей операционализации такого процесса, а лишь приближаемся к ее решению.

Внимание к краткосрочным репродуктивным намерениям отражает исследовательскую оценку современного мира как среды с высокой неопределенностью на макро- и микроуровнях. Будучи включенными в комплексный анализ репродуктивного поведения, краткосрочные намерения отражают настроения общества в отношении настоящего момента как подходящего или неподходящего для рождения ребенка. Степень их реализации в таком случае будет зависеть от соответствия реального жизненного контекста ожиданиям людей, а на генерализованном уровне изменения в репродуктивных намерениях и их пересмотр можно рассматривать как один из индикаторов социально-экономической обстановки в стране. При этом на индивидуальном уровне большее значение, как показывает это исследование, по-прежнему будут иметь события и обстоятельства личной жизни.

Из проведенного анализа, фокусом которого стало изучение динамики краткосрочных и отложенных намерений, их реализации, а также устойчивости нереализованных намерений, видна *инерция откладывания деторождения*. Во-первых, в работе показано, что намерения, отложенные за рамки трехлетнего периода, нередко продолжают откладываться дальше — снова за горизонт ближайшего временного периода. Во-вторых, если намерения родить ребенка в желаемый трехлетний срок не реализуются, они, как правило, сохраняются, и женщина снова говорит о желании родить ребенка в ближайшем будущем. Ключевым фактором отказа от нереализованных намерений выступает переход женщины в возрастную группу старше 35 лет.

Кроме того, проведенный в работе анализ выборочных данных указывает на изменения, происходящие в репродуктивных установках российского населения на длинном горизонте наблюдения. Если за 2004—2011 гг. принципиальных изменений в распределении ответов о намерениях отмечено не было, то за дальнейший 10-летний период они возникли: к 2017 г. респонденты стали значительно чаще декларировать «определенно положительные» репродуктивные планы (30 % против 12 %). Эти результаты могут отчасти объясняться постепенным усилением государственной поддержки семей с детьми с конца 2000-х годов и формированием позитивной повестки в отношении семей с детьми в целом и, в частности, многодетности. Безусловно, сопоставлять эти данные следует с осторожностью — важно учитывать различия в методологии сбора данных в обследованиях РидМиЖ и ЧСО. Однако формулировки и порядок вопросов о намерениях в двух этих опросах были идентичными; кроме того, обе выборки репрезентативны в целом по стране, поэтому мы считаем такие сравнения возможными. В то же время уровень реализации определенных положительных намерений среди женщин не изменился за весь период наблюдения и составил около 40 %.

Наиболее значимым фактором реализации положительных репродуктивных намерений на протяжении всего периода наблюдения оказывается партнерский статус, причем шансы появления ребенка повышаются как в связи с наличием стабильного партнерства (зарегистрированного или нет), так и в связи со сменой партнера. Следующий по силе влияния фактор — это возраст женщины. Здесь сопоставление данных за 2007—2010 гг. и 2017—2020 гг. показывает, что в последние годы по силе влияния на вероятность рождения ребенка «вперед» вышла группа 25—29 лет. Это соответствует трендам, видимым по макростатистике: средний возраст матери при рождении ребенка в России непрерывно повышается, приближаясь к 29 годам [Макаренцева, 2022].

Интерпретируя полученные результаты, необходимо отметить несовершенство стандартизированных опросов как методического инструмента измерения репродуктивных намерений и их реализации. К сожалению, анкета комплексного исследования не позволяет задать необходимое количество вопросов для получения сведений по такой сложной теме, корректно зафиксировать последовательность всех биографических событий и, что важнее, изменений в намерениях и планах респондента. Это ограничение можно преодолеть за счет увеличения частоты опросов панелистов, однако такой путь является затратным и позволяет решить лишь часть проблем. Перспективным направлением в данном случае может быть использование смешанных методов анализа — подключение качественных методов для более глубокого понимания самого механизма принятия решений, роли отдельных факторов в формировании репродуктивных намерений, их соотношения и последовательности их рассмотрения.

Список литературы (References)

Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006.

Antonov A. I., Borisov V. A. (2006) Russian Population Dynamics in the 21st Century and Demographic Policy Priorities. Moscow: Klyuch-S. (In Russ.)

Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.
Arkhangelsky V. N. (2006) Fertility Factors. Moscow: TEIS. (In Russ.)

Архангельский В. Н., Елизаров В. В., Зверева Н. В., Иванова Л. Ю. Демографическое поведение и его детерминация (по результатам социолого-демографического исследования в Новгородской области). М.: ТЕИС, 2005.
Arkhangelsky V. N., Elizarov V. V., Zvereva N. V., Ivanova L. Yu. (2005) Demographic Behavior and Its Determination (According to the Results of Sociological and Demographic Survey in the Novgorod Region). Moscow: TEIS. (In Russ.)

Архангельский В. Н., Васильева Е. Н., Васильева А. Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 3. С. 93—111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>.

Archangelsky V. N., Vasilieva E. N., Vasilieva A. E. (2021) Reproductive Intentions of Modern Russian Youth and Assessment of the Possibilities of Their Realization. *Logos et Praxis*. Vol. 20. No. 3. P. 93—111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>. (In Russ.)

Белова В. А. Число детей в семье. М.: Статистика, 1975.
Belova V. A. (1975) The Number of Children in the Family. Moscow: Statistika. (In Russ.)

Вакуленко Е. С., Макарова М. Р., Горский Д. И. Репродуктивные намерения и динамика рождаемости населения разных стран в период пандемии COVID-19: аналитический обзор исследований // *Демографическое обозрение*. 2022. Т. 9. № 4. С. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>.

Vakulenko E. S., Makarova M. R., Gorskiy D. I. (2022) Reproductive Intentions and Fertility Trends in Different Countries during the COVID-19 Pandemic: An Analytical Review of Studies. *Demographic Review*. Vol. 9. No. 4. P. 138—159. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i4.16747>. (In Russ.)

Головляница Е. Б. Роль социально-психологических факторов в репродуктивных намерениях // *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской*. М.: НИСП, 2007. С. 217—250.
Golovlyanitsina E. B. (2007) The Role of Socio-Psychological Factors in Reproductive Intentions. In: Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (eds.) *Parents and Children, Men and Women in the Family and Society*. Moscow: Independent Institute of Social Politics. P. 217—250. (In Russ.)

Гудкова Т. Б. Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // *Демографическое обозрение*. 2019. Т. 6. № 4. С. 83—103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428>.

Gudkova T. B. (2019) Fertility Intentions in Russia: Motivation and Constraints. *Demographic Review*. Vol. 6. No. 4. P. 83—103. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10428>. (In Russ.)

Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 1. С. 145—187. URL: <https://ej.hse.ru/2017-21-1/204563899.html> (дата обращения: 02.05.2023).

Zhuravleva T. L., Gavrilova Ya. A. (2017) Analysis of Fertility Factors in Russia: What Do the HSE RLMS Data Say? *The HSE Economic Journal*. Vol. 21. No. 1. P. 145—187. URL: <https://ej.hse.ru/2017-21-1/204563899.html> (дата обращения: 02.05.2023). (In Russ.)

Ипатова А. А., Тындик А. О. Репродуктивный возраст: 30-летний рубеж в предпочтениях и биографиях // Мир России. 2015. Т. 24. № 4. С. 123—148. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4921> (дата обращения: 02.05.2023).

Ipatova A. A., Tyndik A. O. (2015) Reproductive Age: 30 Years Old in Preferences and Biographies. *Universe of Russia*. Vol. 24. No. 4. P. 123—148. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4921> (accessed: 02.05.2023). (In Russ.)

Исупова О. Г., Уткина В. В. Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 69—88. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.05>.

Isupova O. G., Utkina V. V. (2016) Women in the Civil Service in Russia: Career, Family, Reproductive Intentions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 69—88. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.6.05>. (In Russ.)

Макаренцева А. О. Динамика вступления в материнство в современной России // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 162—182. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182>.

Makarentseva A. O. (2022) The Dynamics of Motherhood Entry in Modern Russia. *Universe of Russia*. Vol. 31. No. 1. P. 162—182. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-162-182>. (In Russ.)

Макаренцева А. О., Галиева Н. И., Рогозин Д. М. (Не)желание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 492—515. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>.

Makarentseva A. O., Galieva N. I., Rogozin D. M. (2021) Desire (Not) To Have Children in the Population Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 492—515. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1871>. (In Russ.)

Малева Т. М., Синявская О. В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2007. № 5. С. 70—97. Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (2007) Socio-Economic Factors of Fertility in Russia: Empirical Measurements and Challenges to Social Policy. *SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews*. No. 5. P. 70—97. (In Russ.)

Малева Т. М., Тындик А. О. Потенциал роста рождаемости в России: уроки мегаполиса // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. Т. 17. № 1. С. 137—158.

Maleva T. M., Tyndik A. O. (2013) Fertility Growth Potential in Russia: Lessons of the Megalopolis. *Journal of the New Economic Association*. Vol. 17. No. 1. P. 137—158. (In Russ.)

Рощина Я. М., Бойков А. В. Факторы фертильности в современной России. М.: Economics Education and Research Consortium, 2005.

Roshchina Ya. M., Boykov A. V. (2005) Fertility Determinants in Modern Russia. Moscow: Economics Education and Research Consortium. (In Russ.)

Семья в центре социально-демографической политики? Сборник аналитических статей / под отв. ред. О. В. Синявской. М.: НИСП, 2009.

Sinyavskaya O. V. (ed.) (2009) Is Family at the Center of Socio-Demographic Policy? A Collection of Analytical Articles. Moscow: Independent Institute of Social Politics. (In Russ.)

Синявская О. В., Тынди́к А. О. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2 / под общ. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2009. С. 9—44.

Sinyavskaya O. V., Tyndik A. O. (2009) Fertility in Modern Russia: From Plans to Actions? In: Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (eds.) *Parents and Children, Men and Women in the Family and Society*. Vol. 2. Moscow: Independent Institute of Social Politics. P. 9—44. (In Russ.)

Синявская О. В., Тынди́к А. О. Вклад репродуктивных намерений в объяснение рождаемости в современной России // Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 3 кн. Кн. 3 / под отв. ред. Е. Г. Ясина. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. С. 22—30.

Sinyavskaya O. V., Tyndik A. O. (2010) The Contribution of Reproductive Intentions to the Explanation of Fertility in Modern Russia. In: Yasin E. G. (ed.) *International Scientific Conference on the Problems of Economic and Social Development: in 3 vols*. Vol. 3. Moscow: HSE Publishing House. P. 22—30. (In Russ.)

Тынди́к А. О. Репродуктивные установки и их реализация в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 361—376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (дата обращения: 02.05.2023).

Tyndik A. O. (2012) Reproductive Attitudes and Their Realization in Modern Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 361—376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (accessed: 02.05.2023). (In Russ.)

Ajzen I. (2005) Laws of Human Behavior: Symmetry, Compatibility, and Attitude-Behavior Correspondence. In: Beauducel A., Biehl B., Bosniak M., Conrad W., Schönberger G., Wagener D. (eds.) *Multivariate Research Strategies*. Aachen: Shaker Verlag. P. 3—19.

Ajzen I. (2011) The Theory of Planned Behaviour: Reactions and Reflections. *Psychology & Health*. Vol. 26. No. 9. P. 1113—1127. <https://doi.org/10.1080/08870446.2011.613995>.

Ajzen I., Fishbein M. (1980) *Understanding Attitudes and Predicting Social Behavior*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Ajzen I., Klobas J. (2013) Fertility Intentions: An Approach Based on the Theory of Planned Behavior. *Demographic Research*. Vol. 29. P. 203—232. <https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.8>.

- Berrington A. (2004) Perpetual Postponers? Women's, Men's and Couple's Fertility Intentions and Subsequent Fertility Behavior. *Population Trends*. Vol. 117. P. 9—19.
- Billari F. C., Kohler H.-P. (2004) Patterns of Low and Lowest-Low Fertility in Europe. *Population Studies*. Vol. 58. No. 2. P. 161—176. <https://doi.org/10.1080/0032472042000213695>.
- Billari F. C., Philipov D., Testa M.-R. (2009) Attitudes, Norms and Perceived Behavioural Control: Explaining Fertility Intentions in Bulgaria. *European Journal of Population*. Vol. 25. No. 4. P. 439—465. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9187-9>.
- Bongaarts J. (1998) Fertility and Reproductive Preferences in Post-Transitional Societies. *Population and Development Review*. Vol. 27 (Supplement: Global Fertility Transition). P. 260—281.
- Dommermuth L., Klobas J., Lappegård T. (2011) Now or Later? The Theory of Planned Behavior and Timing of Fertility Intentions. *Advances in Life Course Research*. Vol. 16. No. 1. P. 42—53. <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2011.01.002>.
- Fishbein M., Ajzen I. (1975) Belief, Attitude, Intention, and Behavior: An Introduction to Theory and Research. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Fishbein M., Ajzen I. (2009) Predicting and Changing Behavior. The Reasoned Action Approach. New York, NY: Psychology Press. <https://doi.org/10.4324/9780203838020>.
- Heiland F., Prskawetz A., Sanderson W. C. (2008) Are Individuals' Desired Family Sizes Stable? Evidence from West German Panel Data. *European Journal of Population*. Vol. 24. No. 2. P. 129—156. <https://doi.org/10.1007/s10680-008-9162-x>.
- Miller W. B., Pasta D. J. (1995) Behavioral Intentions: Which Ones Predict Fertility Behavior in Married Couples? *Journal of Applied Social Psychology*. Vol. 25. No. 6. P. 530—555. <https://doi.org/10.1111/j.1559-1816.1995.tb01766.x>.
- Morgan S. P. (2001) Should Fertility Intentions Inform Fertility Forecasts? Presented at the U. S. Census Bureau Conference “The Direction of Fertility in the United States” (2—3 October 2001, Alexandria, Washington, DC).
- Schoen R., Astone N. M., Kim Y. J., Nathanson C. A., Fields J. M. (1999) Do Fertility Intentions Affect Fertility Behavior? *Journal of Marriage and Family*. Vol. 61. No. 3. P. 790—799. <https://doi.org/10.2307/353578>.
- Schoen R., Kim Y. J., Nathanson C. A., Fields J., Astone N. M. (1997) Why Do Americans Want Children? *Population and Development Review*. Vol. 23. No. 2. P. 333—358. <https://doi.org/10.2307/2137548>.
- Sinyavskaya O., Billingsley S. (2015) The Importance of Job Characteristics to Women's Fertility Intentions and Behavior in Russia. *Genus*. Vol. 71. No. 1. P. 23—59.
- Tesfaghiorghis H. (2007) Fertility, Desires and Intentions: A Longitudinal Analysis. In: Wooden M., Rodgers B., de Vaus D. (eds.) *HILDA Survey Research Conference 2007 Proceedings*. P. 1—17. URL: <https://melbourneinstitute.unimelb.edu.au/assets/doc->

uments/hilda-bibliography/hilda-conference-papers/2007/Tesfaghiorghis,-Habte_ final-paper.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

Testa M.-R., Toulemon L. (2006) Family Formation in France: Individual Preferences and Subsequent Outcomes. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 4. P. 41—75.

Toulemon L., Testa M.-R. (2005) Fertility Intentions and Actual Fertility: A Complex Relationship. *Population & Societies*. No. 415. P. 1—4.

van de Kaa D.J. (2001) Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behavior. *Population and Development Review*. Vol. 27. P. 290—331.

Van Hoorn W., Keilman N. (1997) Births Expectations and Their Use in Fertility Forecasting. Eurostat Working Paper No. E 4/1997-4. Luxembourg: Office for Publications of the European Communities.

Westoff Ch. F., Ryder N. B. (1977) *The Contraceptive Revolution*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400871759>.

Приложение

Результаты регрессионного анализа для подвыборки женщин и мужчин

_B		Sig.	Exp(b)	
Хотели и родили ребенка	Женщины	0,311	0,060	1,364
	Сельская местность	0,302	0,095	1,353
	1 ребенок	-0,135	0,506	0,874
	2 детей и более	-0,146	0,410	0,864
	30—43 года	0,316	0,105	1,371
	Был и есть партнер	1,707	0,000	5,514
	Не было и появился партнер	1,949	0,000	7,022
	Высшее образование	0,105	0,588	1,111
	Трудно сводить концы с концами (в 2004 г.)	-0,183	0,272	0,833
	Для самореализации женщины дети не обязательны	0,140	0,502	1,150
Хотели, не родили и отказались от намерений родить ребенка	Женщины	0,394	0,033	1,483
	Сельская местность	-0,001	0,997	0,999
	1 ребенок	0,747	0,001	2,112
	2 детей и более	0,765	0,000	2,149
	30—43 года	1,916	0,000	6,793
	Был и есть партнер	0,466	0,033	1,594
	Не было и появился партнер	-0,131	0,651	0,877
	Высшее образование	-0,034	0,875	0,967
	Трудно сводить концы с концами (в 2004 г.)	0,289	0,112	1,336
	Для самореализации женщины дети не обязательны	0,401	0,083	1,493
Число наблюдений		1058		
Нагелькерке г квадрат		0,366		

Источник: расчеты авторов на данных обследования РИДМИЖ, панель 2004—2007—2011 гг.; свободный член включен в регрессию, но опущен в таблице; замеры статических контрольных переменных сделаны на 2004 г.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2362](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2362)

И. Е. Калабихина, П. О. Кузнецова

НЕОДНОРОДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПО ЧИСЛУ РОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ПОРЯДКОВЫЙ ПЕРЕХОД»?

Правильная ссылка на статью:

Калабихина И. Е., Кузнецова П. О. Неоднородность населения по числу рожденных детей: существует ли «порядковый переход»? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 57—81. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2362>.

For citation:

Kalabikhina I. E., Kuznetsova P. O. (2023) Population Heterogeneity in the Number of Children Born: Is There a “Parity Transition”? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 57–81. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2362>. (In Russ.)

Получено: 29.12.2022. Принято к публикации: 15.03.2023.

НЕОДНОРОДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПО ЧИСЛУ РОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ: СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «ПОРЯДКОВЫЙ ПЕРЕХОД»?

КАЛАБИХИНА Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, зав. кафедрой народонаселения экономического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: ikalabikhina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3958-6630>

Кузнецова Полина Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; старший научный сотрудник кафедры народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

E-MAIL: polina.kuznetsova29@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1524-5620>

Аннотация. В работе исследуется динамика неоднородности населения по числу рожденных детей разных порядков в странах с уровнем рождаемости ниже простого воспроизводства для когорт женщин 1960—1980-х годов рождения и ранее. Неоднородность рождаемости оценивается с помощью распределения женщин по порядкам рождений, вероятностей рождения детей определенных порядков, а также трех индексов концентрации рождаемости. В качестве эмпирической базы исследования используются данные Human Fertility Database для 18 стран.

Авторы показывают существование так называемого порядкового перехода, который выражается в двух ста-

POPULATION HETEROGENEITY IN THE NUMBER OF CHILDREN BORN: IS THERE A “PARITY TRANSITION”?

Irina E. KALABIKHINA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Head of the Population Department at the Faculty of Economics

E-MAIL: ikalabikhina@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3958-6630>

Polina O. KUZNETSOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute for Social Analysis and Forecasting; Senior Researcher

E-MAIL: polina.kuznetsova29@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1524-5620>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

² Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The paper studies the dynamics of fertility heterogeneity in terms of parities in the countries with a birth rate below replacement for cohorts of women born in 1960–1980 or earlier. Fertility heterogeneity is estimated using the distribution of women by birth order, the probabilities of having children of certain orders, and three fertility concentration indices. Empirically, the study bases on the Human Fertility Database data for 18 countries.

The authors show the existence of the so-called “parity transition”, which contains two stages, namely, a gradual decrease and subsequent increase in fertility heterogeneity in terms of parities. The study regards the contribution of differ-

диях — последовательное снижение и рост неоднородности по числу рожденных детей разных порядков, и изучают, за счет каких порядков изменяется неоднородность на этих стадиях. Анализ данных для пяти стран с длинным рядом наблюдений показал, что первая стадия может ассоциироваться с отказом от рождений высоких порядков, а вторая стадия — с ростом бездетности. Авторы отмечают, что в будущем этот вывод должен быть подкреплён большим числом наблюдений.

Кроме того, в работе подтверждается наличие «восточноевропейской» и «западноевропейской» моделей рождаемости в контексте динамики неоднородности населения по числу рожденных детей. «Восточноевропейская» модель рождаемости сохраняется даже в процессе роста неоднородности населения, наблюдаемого для поколений второй половины 1970-х годов рождения; ее отличает относительно низкий уровень неоднородности населения по числу рожденных детей разных порядков, а также менее глубокие изменения неоднородности в процессе «порядкового перехода».

Ключевые слова: рождаемость, очередность рождений, вероятность рождения детей различной очередности, вероятность увеличения семьи, концентрация рождаемости, неоднородность по числу рожденных детей разных порядков, Human Fertility Database

Благодарность. Авторы благодарят двух анонимных рецензентов, чьи комментарии позволили существенно доработать текст.

ent parities in the changes in heterogeneity that occur at these stages. Examination of data for five countries with a long period of observation showed that the first stage may be associated with a decrease in high-parity births, while the second stage is characterized by an increase in childlessness rate. The authors note that in the future this conclusion should be supported by a larger number of observations.

The study confirms the presence of the “Eastern European” and the “Western European” fertility models in the context of the population heterogeneity dynamics measured by the number of children born. The “Eastern European” fertility model remains even in the process of growing parity heterogeneity observed for the generations born in the second half of the 1970s. Its important feature is the relatively low level of fertility heterogeneity in terms of different parities, as well as less significant changes in fertility concentration in the process of “parity transition”.

Keywords: fertility, parity progression ratio, fertility concentration, heterogeneity in parity, Human Fertility Database

Acknowledgments. The authors are grateful to two anonymous reviewers whose comments allowed us to significantly improve the text.

Исследование проведено при финансовой поддержке Госзадания МГУ № 122041800047-9 «Воспроизводство населения в социально-экономическом развитии».

The research was conducted with the financial support of the Government research subsidy No. 122041800047-9 “The reproduction of the population in the context of the socioeconomic development”.

Введение

В современных развитых обществах традиционный анализ рождаемости с использованием возрастных распределений рождаемости оказывается недостаточным. Важным становится распределение женщин по порядку рождения детей. В процессе демографического перехода [Landry, 1987] происходит отказ от рождения детей старших порядков. Ключевым вопросом в оценке уровня рождаемости является вероятность рождения вторых (и третьих) детей и уровень бездетности. При этом модели перехода к низкому уровню рождаемости различаются.

В частности, различаются модели рождаемости по числу рожденных детей разных порядков (см. когортные данные по имеющимся странам на рис. 4). Например, в России десятилетиями наблюдалась высокая однородность населения по числу рожденных детей. При сопоставимом уровне рождаемости (например, в России и Италии в середине 1990-х годов [Barkalov, 1999, 2005]) женщины в России стремились обязательно родить первого ребенка, но чаще не имели больше детей. В то же время вероятность остаться бездетными или родить больше одного ребенка в западных европейских странах была выше. Можно сказать, что в 1980-х — середине 2010-х годов существовала отдельная «восточноевропейская» модель, заметно отличавшаяся от других моделей для стран с низкой рождаемостью по итоговому распределению женщин по числу рожденных детей разных порядков. Россия и ее «соседи» имели свои особенности в модели рождаемости [Barkalov, 1999; Shkolnikov et al., 2007; Zakharov, 2017; Zeman et al., 2018]. Один из ключевых критериев модели — степень неоднородности населения по числу рожденных детей разных порядков. Длительное время в России сохранялась высокая вероятность первых рождений, и доля женщин, родивших первого ребенка, составляла не менее 0,85 (см. рис. 3), но в последние годы ситуация меняется: растет уровень бездетности и повышается вероятность рождения детей старших порядков [Тындик, 2021].

Анализ по порядку рождений может быть достаточно информативен и при относительно коротких рядах данных [Devolder, Reeve, 2018], которыми мы располагаем в базе данных «Human Fertility Database» (HFD).

В своем исследовании мы сравниваем изменения вероятности рождения детей различной очередности и распределения поколений женщин по числу рождений, наблюдавшиеся в течение 20 лет в странах, присутствующих в базе данных «Human Fertility Database». Использование данных о кумулятивной рождаемости в возрасте до 40 лет позволяет несколько удлинить изучаемый временной ряд (от поколений 1968—1971 гг. рождения до поколений 1978—1981 гг. рождения)¹.

¹ К этому возрасту женщины реализуют 97—99% своих репродуктивных планов.

Основная гипотеза нашего исследования состоит в том, что существует так называемый порядковый переход в рождаемости. Мы можем выделить две стадии перехода: сначала исходно высокая неоднородность групп женщин по порядкам рожденных детей снижается, а затем растет. Однако, несмотря на сходство в уровне концентрации рождаемости в начале и в конце «порядкового перехода», постпереходная композиция женщин по числу рожденных детей разных порядков кардинально отличается от исходной. Вторая гипотеза состоит в том, что на первой стадии «порядкового перехода» неоднородность снижается за счет отказа от рождения детей старших порядков, а на второй стадии «порядкового перехода» неоднородность растет за счет увеличения доли бездетных женщин и, возможно, роста рождений третьих детей. И, наконец, третья гипотеза состоит в том, что даже в процессе «порядкового перехода» и сходимости стран по уровню концентрации рождаемости сохраняется «восточноевропейская» модель рождаемости, характеризующая относительно низкой неоднородностью по числу рожденных детей разных порядков.

Текст статьи структурирован следующим образом. После описания данных и методов исследования представлен анализ динамики рождений детей разной очередности в итоговом распределении женщин по числу рожденных детей разных порядков в изучаемых странах для поколений 1960—1980-х годов рождения, на основе которого сформулирован предварительный вывод о существующих различиях стран в распределении женщин по числу рожденных детей. Затем рассчитывается степень неоднородности населения по числу рожденных детей разных порядков с помощью различных мер неоднородности и проверяется гипотеза о двух стадиях «порядкового перехода». Далее мы проверяем вторую гипотезу — о вкладе разных порядков рождения в «порядковый переход». В заключении предлагается краткая дискуссия о сохранении «восточноевропейской» модели рождаемости в процессе сходимости стран по уровню неоднородности населения по итоговому распределению по числу рожденных детей определенных порядков на основе не только визуального распределения, но и рассчитанных индексов.

Данные и методика

При расчетах мы использовали информацию базы данных «Human Fertility Database» для 18 стран, для которых имеются данные таблиц рождаемости за достаточно длительный период (примерно с 1960 г. по 1980 г.; для Австрии — с 1969 г.). В основной анализ были включены 7 стран Восточной и Центральной Европы (Россия, Белоруссия, Венгрия, Литва, Польша, Чехия, Эстония), 4 страны Северной Европы (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция), 2 страны Западной Европы (Австрия, Нидерланды), 1 страна Южной Европы (Испания), 2 страны Юго-Восточной Азии (Тайвань, Япония) и 2 страны Северной Америки (Канада, США).

В качестве исходных данных использовалась информация специальных таблиц рождаемости (файл *sft* — таблицы рождаемости для когорт для порядков рождений от 1 до 5+), которые в отличие от общих таблиц рассматривают рождения как неповторимые события. В таблицах представлена информация о количестве женщин $I_{c,i}$ из возрастной когорты c , имеющих i детей, позволяющая оценить вероятность $p_{c,i}$ рождения последующего ребенка:

$$p_{c,i} = \frac{\sum_{j=i}^4 I_{c,j}}{\sum_{j=i-1}^4 I_{c,j}}, \text{ где } 1 \leq i \leq 4 \quad (1)$$

Мы рассматриваем в качестве верхней границы репродуктивного возраста 39 лет, что позволяет несколько удлинить ряд наблюдений. Как показано в работе [Shkolnikov et al., 2007], рождаемость в возрасте от 40 лет и старше невелика и существенных различий между окончательной рождаемостью, средним возрастом рождения первого ребенка и показателями концентрации рождаемости, рассчитанными для возрастных диапазонов от 15 до 39 лет и от 15 до 44 лет, не наблюдается.

Для проверки первой гипотезы о наличии закономерности в изменении неоднородности населения по числу рожденных детей определенных порядков было рассмотрено три показателя концентрации рождаемости: коэффициент концентрации, индекс дисперсии и индекс Кольма. Также в дополнение к общему коэффициенту концентрации рассматривался материнский коэффициент концентрации, рассчитываемый без учета бездетных женщин. Почему мы используем несколько мер неоднородности? Как показано далее, каждая мера имеет свои достоинства и недостатки.

Коэффициент концентрации, будучи аналогом коэффициента Джини, применяется для оценки неравенства в распределении доходов. Коэффициент концентрации измеряется как площадь между кривой Лоренца, построенной для зависимости кумулятивной доли рожденных детей от кумулятивной доли женщин, и диагональю (см. закрашенные области на рис. 9). Чем выше коэффициент концентрации, тем выше неоднородность распределения рождений по порядку рождений в популяции. Наряду с коэффициентом концентрации в литературе используются другие меры неоднородности рождаемости, использующие кривую Лоренца: *havehalf* (доля женщин, на которых приходится половина детей) и *halfhave* (максимальная доля детей, приходящаяся на половину женщин) [Vaupel, Goodwin, 1987; Shkolnikov et al., 2007; Yoo, 2015]. Эти показатели интуитивно просты, они упрощают восприятие темы неоднородности, но они существенно скоррелированы с коэффициентом концентрации и потому их использование наряду с последним в межвременных и межстрановых сравнениях практически не дает дополнительной информации [Yoo, 2015; Barakat, 2014].

Наряду с коэффициентом концентрации в литературе иногда рассматривается коэффициент концентрации для матерей (см. формулу взаимосвязи с основным коэффициентом и описание в работе [Shkolnikov et al., 2007]). Применение этого показателя позволяет оценить неоднородность рождаемости, очищенную от влияния бездетности.

Удобство использования коэффициентов концентрации состоит в возможности хорошей визуализации результатов (кривая Лоренца). Так как коэффициент концентрации является аналогом привычного многим коэффициента Джини, традиционно используемого в качестве одной из основных мер доходного неравенства, он интуитивно воспринимается как более понятный и простой. Проблема коэффициента концентрации в его инвариантности к масштабу, или свойстве оставаться неизменным при умножении на число (инвариантность по умножению). Таким образом, с точки зрения коэффициента концентрации различия между женщи-

нами, имеющими одного и двух детей, такие же, как между женщинами, имеющими двух и четырех детей, что, скорее всего, не является реалистичным. Другой сложностью применения коэффициента Джини к данным о рождаемости является наличие бездетных женщин. В качестве альтернативной меры неоднородности рождений в работах [Barakat, 2014; Yo, 2015] используются индекс дисперсии и индекс Кольма.

Индекс Кольма также преимущественно используется для измерения доходного неравенства. В отличие от коэффициента концентрации, он является аддитивно инвариантным, то есть не меняется при увеличении детей у каждой женщины на единицу. Другими словами, с точки зрения данного индекса различия между женщинами, имеющими одного и двух детей, такие же, как между женщинами, имеющими двух и трех детей (инвариантность по сложению). Таким образом, в отличие от коэффициента концентрации, который базируется на относительных различиях, индекс Кольма рассматривает абсолютные различия, что, возможно, больше подходит для анализа данных о количестве детей. Индекс Кольма рассчитывается по формуле:

$$K_{\alpha}(X) = \frac{1}{\alpha} \log \sum_{j=0}^{4+} w_j \times e^{\alpha(\bar{X} - X_j)}, \quad (2)$$

где w_i — доля женщин с количеством детей i , $\bar{X} = w_1 + 2 \times w_2 + 3 \times w_3 + X_{4+} \times w_4$ — среднее количество детей, X_i — количество детей у женщин с данным паритетом ($X_0 = 0, X_1 = 1, \dots, X_{4+}$ — среднее количество детей у женщин, имеющих 4 и более детей). Параметр α указывает на чувствительность индекса к неоднородности рождений. С неограниченным ростом параметра индекс сходится к разнице между средним и минимальным числом детей, что, как правило, соответствует среднему числу детей, поэтому предпочтительно брать относительно невысокие значения параметра. Вслед за другими авторами [Barakat, 2014; Yo, 2015] мы используем значение параметра, равное 0,1.

Среди недостатков индекса Кольма можно отметить его слабую вариативность, которая накладывает ограничения на анализ неоднородности населения после завершения «порядкового перехода».

Индекс дисперсии рассчитывается как отношение дисперсии к среднему для числа детей у различных групп женщин. Это мера разброса числа детей в различных группах женщин по отношению к среднему числу детей у женщин всей популяции. Если индекс дисперсии выше единицы, то число детей имеет большее рассеяние, чем у пуассоновского распределения, и является чрезмерно рассеянным, и наоборот, если индекс меньше единицы, то оно по сравнению с пуассоновским недостаточно рассеянное. Данный индекс применяется для верификации результатов о наличии универсальных стадий перехода.

Для понимания того, как изменения различных порядков рождения в наибольшей мере влияли на динамику неоднородности населения по стадиям «порядкового перехода» (проверка второй гипотезы), мы разложили разности коэффициентов концентрации для поколений 1980 и 1970 гг. рождения для стран, включенных в анализ, на слагаемые, характеризующие вклад каждого из порядков рождений. Таким образом, нами был учтен последовательный характер

рождаемости как цепочки переходов от низших порядков рождений к высшим. Для каждой страны мы разложили изменение концентрации итоговой рождаемости женщин в возрасте 15—39 лет в сумму вкладов изменения каждой из вероятности рождения первого, второго, третьего, а также четвертого и последующего ребенка.

Мы определяем вклад изменений вероятности рождений детей различной очередности (последовательно от первого до четвертого и последующих) в общее изменение коэффициента концентрации с помощью «замороженных» значений коэффициента концентрации, у которых поочередно меняется только одно из значений наборов вероятностей рождения детей.

Вклад изменения вероятности рождений порядков рождений 1, 2, 3 и 4+ определялся как соответственно первое, второе, третье и четвертое слагаемое из следующей суммы:

$$\begin{aligned} & G(p_1^{(1)}, p_2^{(1)}, p_3^{(1)}, p_{4p}^{(1)}) - G(p_1^{(0)}, p_2^{(0)}, p_3^{(0)}, p_{4p}^{(0)}) = \\ & = (G(p_1^{(1)}, p_2^{(1)}, p_3^{(1)}, p_{4p}^{(1)}) - G(p_1^{(0)}, p_2^{(1)}, p_3^{(1)}, p_{4p}^{(1)})) + \\ & + (G(p_1^{(0)}, p_2^{(1)}, p_3^{(1)}, p_{4p}^{(1)}) - G(p_1^{(0)}, p_2^{(0)}, p_3^{(1)}, p_{4p}^{(1)})) + \\ & + (G(p_1^{(0)}, p_2^{(0)}, p_3^{(1)}, p_{4p}^{(1)}) - G(p_1^{(0)}, p_2^{(0)}, p_3^{(0)}, p_{4p}^{(1)})) + \\ & + (G(p_1^{(0)}, p_2^{(0)}, p_3^{(0)}, p_{4p}^{(1)}) - G(p_1^{(0)}, p_2^{(0)}, p_3^{(0)}, p_{4p}^{(0)})). \end{aligned} \quad (3)$$

Здесь $G(p_1^{(1)}, p_2^{(1)}, p_3^{(1)}, p_{4p}^{(1)})$ — коэффициент концентрации для вероятностей рождения первого, второго, третьего, четвертого и последующих детей $p_1^{(1)}, p_2^{(1)}, p_3^{(1)}, p_{4p}^{(1)}$ в конечный момент времени, $G(p_1^{(0)}, p_2^{(0)}, p_3^{(0)}, p_{4p}^{(0)})$ — аналогичный коэффициент концентрации в начальный момент времени. Отметим, что при расчете декомпозиции коэффициента Джини в обратном порядке (то есть для случая, когда в первом слагаемом изменяется не p_1 , а p_{4p} , во втором — не p_2 , а p_3 , и т. д.) результаты остаются стабильными.

Для проверки третьей гипотезы мы используем показатели специальной таблицы рождаемости, их визуализацию с наложением пороговых границ разных моделей рождаемости по [Zeman et al., 2018: 662], а также результаты расчета индексов неоднородности населения по числу рожденных детей разных порядков.

Результаты

Модели распределения женщин по числу рожденных детей различной очередности: сохраняются ли различия?

Итоговое распределение женщин по числу рожденных детей анализируют с помощью двух показателей — доли женщин, родивших определенное число детей, и вероятности рождения ребенка следующей очередности у женщин, родивших ребенка предыдущей очередности. Эти показатели связаны между собой с помощью формулы (1), в которой значения количества женщин $I_{c,i}$ из специальных таблиц рождаемости могут быть заменены на значения долей женщин $w_{c,i}$ с числом детей i в поколении c .

На рисунках 1 и 2, а также в таблице в приложении представлена сравнительная информация о вероятности рождения детей различной очередности для женщин 1970 и 1980 г. рождения в других странах из базы HFD. Напомним, что всего было рассмотрено 18 стран. Помимо России и Белоруссии, в анализ были включены страны Центральной и Восточной Европы (Венгрия, Литва, Польша, Чехия, Эстония), Северной Европы (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция), Западной Европы (Австрия, Нидерланды), Южной Европы (Испания), Юго-Восточной Азии (Тайвань и Япония) и Северной Америки (Канада и США).

В работе [Zeman et al., 2018: 662] приводится классификация моделей рождаемости в зависимости от набора вероятностей рождений первого, второго, а также третьего и последующих детей в популяции с суммарным коэффициентом рождаемости, равным 1,6. Модель с *высокой бездетностью* соответствует низкой вероятности рождения первого ребенка (на уровне 0,7, что соответствует 30% бездетных женщин в популяции). Преимущественно *однодетная модель* характеризуется низкой вероятностью рождения второго ребенка, на уровне 0,55. Модель «не более двух детей» предполагает очень низкие вероятности рождения третьего и четвертого и последующих детей (не выше 0,15). Модель рождаемости с *высокой поляризацией* возникает в том случае, если одновременно с высокой бездетностью (вероятность рождения первого ребенка на уровне 0,75) наблюдается высокая вероятность рождения третьего, а также четвертого и последующих детей (на уровне 0,45). Мы выделили на рисунках 1 и 2 линии примерных границ вероятностей рождения детей различных порядков согласно этой классификации.

Высокая бездетность наблюдается в Польше, Венгрии, Австрии, Финляндии, Японии и Тайване. К группе стран с высокой распространенностью однодетности в поколениях 1980 г. рождения можно отнести только Россию и Белоруссию (для поколения 1970 г. рождения Россия точно относилась к этой группе — см. рис. 3). Высокая поляризация рождаемости наблюдается в США, Канаде, отчасти в Нидерландах и странах Северной Европы, за исключением Финляндии. К модели «не более двух детей» можно отнести ситуацию с рождаемостью в Чехии, Литве, Тайване, отчасти в Эстонии.

Различия в «порядковых» моделях в странах размываются, как мы видим при сравнении распределений по порядкам рождений в поколениях 1970 и 1980 г. рождения. Но тем не менее они не исчезают полностью и деление на группы согласно описанной классификации в целом сохраняется. Продолжают хотя бы отчасти соответствовать «восточноевропейской» модели, помимо России и Белоруссии, Литва, Чехия и в меньшей степени Эстония, где бездетность остается невысокой, а вероятность третьих и последующих детей относительно низка.

Среди рассматриваемых стран выделяются страны Северной Европы, где преобладают двух- и трехдетные семьи (относительно высокая вероятность вторых и третьих рождений). Также хорошо видны страны с очень высокой неоднородностью распределения рождений по популяции женщин: это Венгрия, Финляндия, Япония и Канада, где высокий уровень бездетности (низкая вероятность рождения первого ребенка) сочетается с высокой вероятностью рождения третьих детей.

Рис. 1. Вероятности рождения детей различной очередности у женщин 1970 г. рождения, страны Human Fertility Database²

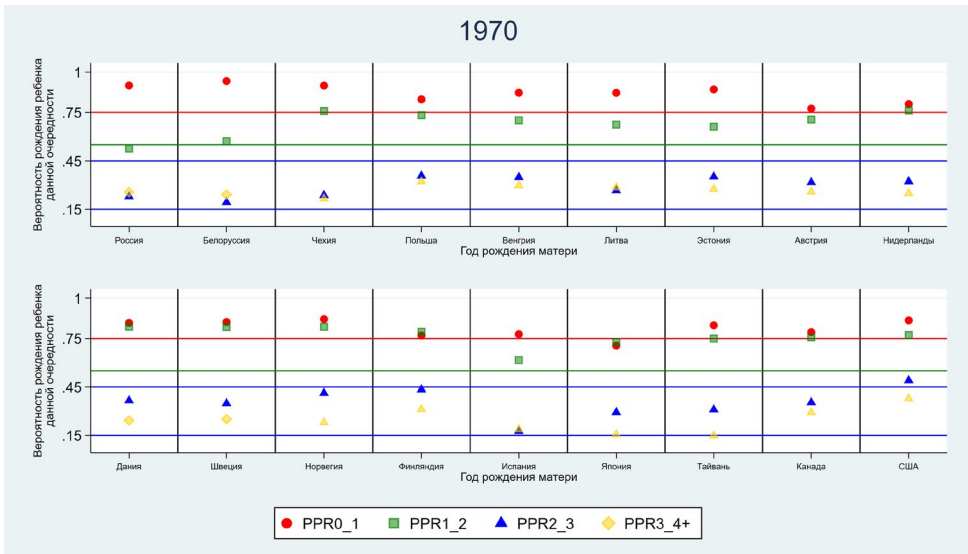
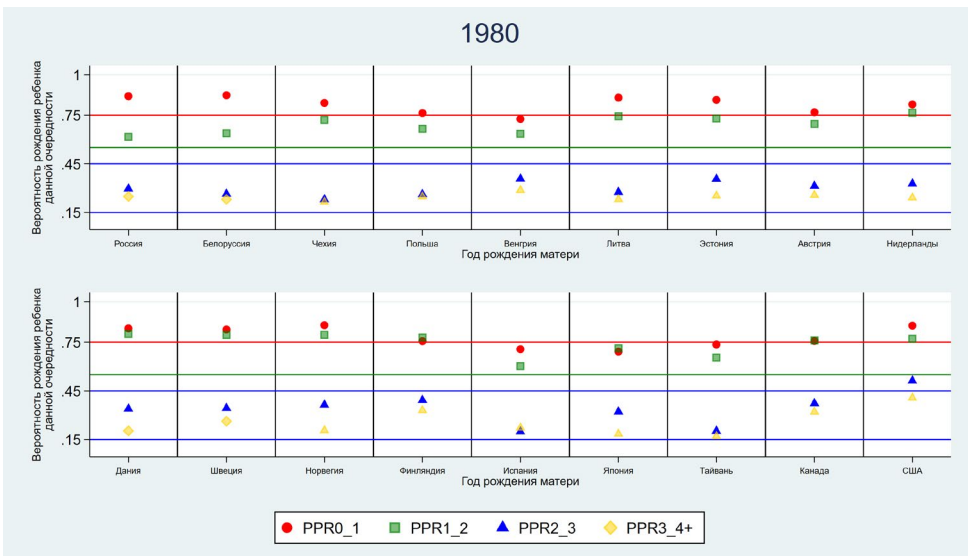

Рис. 2. Вероятности рождения детей различной очередности у женщин 1980 г. рождения, страны Human Fertility Database

Примечание. Для Польши используются данные для когорты 1978 г. рождения, для Белоруссии и России — 1979 г. рождения.

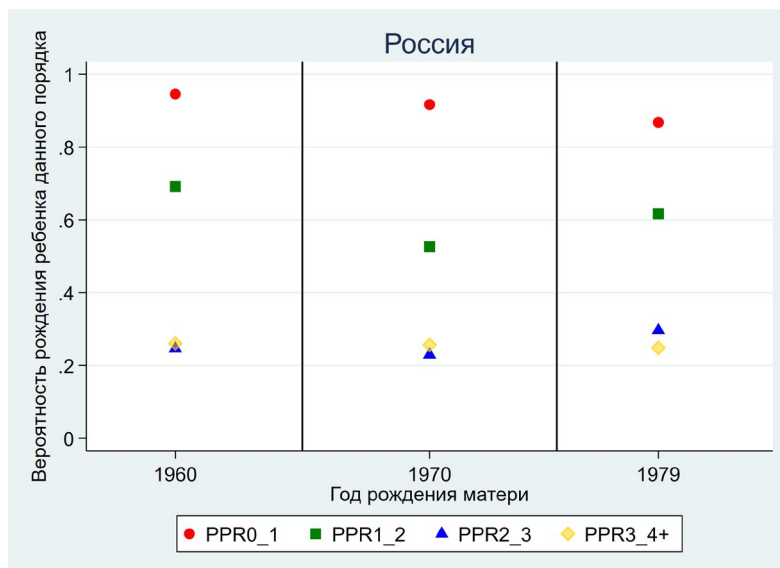
² Источник: расчеты авторов на данных HFD.

Для наглядности покажем изменения вероятностей рождения детей определенной очередности в течение 30 лет, для поколений 1960, 1970 и 1979 гг. рождения в России (см. рис. 3). Высокая вероятность рождения на протяжении всего периода наблюдений присутствует только для первых и вторых рождений. Это говорит о двойственности, двуполярности рождаемости в России и о присутствии существенного барьера, разделяющего вторые и третьи рождения [Avdeev, 2003].

На рисунке 3 хорошо видно, как снижалась вероятность рождения второго ребенка (значения отмечены зеленым) для поколений женщин, рожденных в 1970 г. Изменения для следующей возрастной когорты (1979 г.) в основном выражаются в снижении вероятности рождения первого ребенка и росте вероятности вторых рождений. Таким образом, с одной стороны наблюдается рост доли бездетных женщин, а с другой стороны растет количество детей у тех женщин, у которых они есть.

Определенные изменения происходили и для рождаемости детей большей очередности. Так, вероятность рождения третьих детей немного выросла и превысила вероятность рождения четвертых и последующих детей.

Рис. 3. Вероятности рождения детей различной очередности у женщин 1960 г., 1970 г. и 1979 г. рождения, Россия³

Далее мы переходим от вероятностей рождения детей различных порядков к распределению женщин по числу рождений в изучаемых странах, поскольку именно его характеристики используются для расчета показателей неоднородности рождаемости. Информация о динамике долей женщин с различным числом детей представлена на рисунке 4.

³ Источник: расчеты авторов на данных HFD.

Сначала изучим, как менялась доля бездетных женщин в странах HFD. В поколениях 1920-х и начала 1930-х годов рождения она снижалась в США (для поколения родителей бэби-бумеров). В послевоенных поколениях, которые более широко представлены в базе, бездетность в основном росла. Есть страны, где она увеличивалась очень быстро, это в том числе Испания, Япония, Венгрия, Польша. Россия остается страной с низкой по европейским меркам бездетностью, хотя устойчивый рост показателя наблюдается на протяжении как минимум десяти лет. Также следует отметить, что рост бездетности еще не завершился и мы пока не понимаем ни ее возможных пределов, ни будущей итоговой вариации стран по данному показателю (ни в одной стране график не вышел на устойчивое плато, возможно, за исключением Нидерландов).

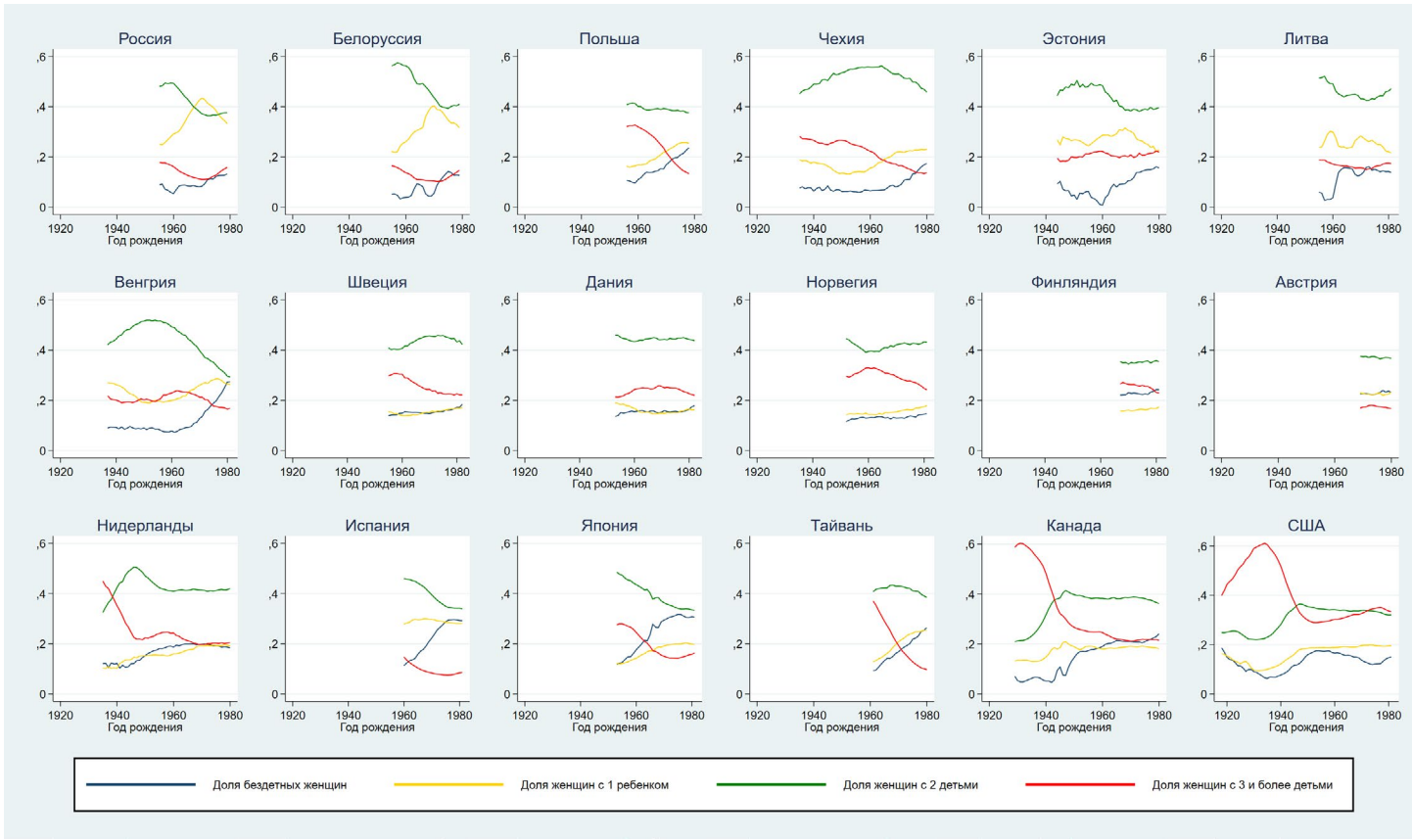
Доли женщин с одним ребенком росли у рассматриваемых поколений в большинстве стран. Там, где доля таких женщин становилась очень высокой, через несколько поколений наблюдалось снижение. На относительной стабильности показателя для других стран особо выделяются его изменения для России и Белоруссии — резкий рост для поколений 1960-х годов рождения, ярко выраженный пик для поколений начала 1970-х и столь же резкое последующее снижение.

Похожая динамика и у доли двухдетных женщин для большинства стран — рост доли двухдетных женщин сменяется ее снижением. Доли женщин с тремя и более детьми сравнивать сложнее, поскольку это открытая группа, и динамика доли детей третьего, четвертого и пятого порядков в разных странах может различаться. Снижение этой доли среди женщин более поздних поколений (начиная с 1955—1960 гг. рождения) наблюдается в большинстве стран, мы видим три группы — страны с сильным снижением (Япония, Тайвань, Венгрия, Швеция, Чехия), страны со слабым снижением (другие страны Северной и Восточной Европы) и страны, в которых снижение сменилось ростом, часто на фоне очень низких значений (Россия, Белоруссия, Испания).

Итак, мы рассмотрели отдельные показатели распределения женщин по числу рождений — вероятности рождения детей различных порядков и доли женщин в зависимости от итогового распределения числа рожденных детей по порядкам рождений. Этот анализ позволил сделать выводы о том, что различия в моделях рождаемости по распределению женщин по числу рожденных детей по порядкам рождений сохраняются, но становятся слабее у поколений 1980 г. рождения по сравнению с 1970 г. рождения.

При оценке степени неоднородности населения по порядкам рождений нужна мера неоднородности, выраженная единым числом. Чтобы представить целостную картину изменений распределений женщин по числу рожденных детей, удобно использовать индекс или индексы, которые учитывают и сводят в единую характеристику данные интересующих нас показателей.

Рис. 4. Доли женщин в зависимости от числа детей, рожденных к возрасту 39 лет, страны HFD⁴

⁴ Источник: расчеты авторов на данных HFD.

«Порядковый переход» в рождаемости: что показывают меры неоднородности населения по числу рожденных детей определенных порядков

Для большинства популяций женщин характерна значительная неоднородность по количеству рожденных детей, что определяется различиями в репродуктивном поведении и предпочтениях и приводит, в свою очередь, к разнообразным социально-демографическим последствиям. Среди прочего неоднородность рождаемости оказывает влияние на доступность родственной помощи пожилым, рождаемость в следующих поколениях, спрос на жилье и потребительские товары, социальную мобильность и доходное неравенство [Lutz, 1989]. Для оценки степени неоднородности распределения детей используются различные меры концентрации рождаемости.

Периоды присутствия информации о разных странах в базе данные HFD различаются. С одной стороны, изучение динамики интересующих нас показателей на более длинных временных интервалах позволяет увидеть долгосрочные фундаментальные тенденции в рождаемости по порядкам рождений, с другой стороны, это может укрупнять масштаб и потому затруднять анализ наиболее свежих данных. В связи с этим мы будем рассматривать преимущественно показатели за все годы наблюдений, присутствующие в базе данных, но иногда дополнительно представим визуализацию и для более короткого периода.

В данной работе мы оценивали неоднородность рождаемости с помощью коэффициента концентрации и двух абсолютных мер неоднородности — коэффициента дисперсии и индекса Кольма. Кроме того, дополнительно был рассмотрен коэффициент концентрации рождаемости для матерей, изучающий неоднородность рождаемости без учета бездетности.

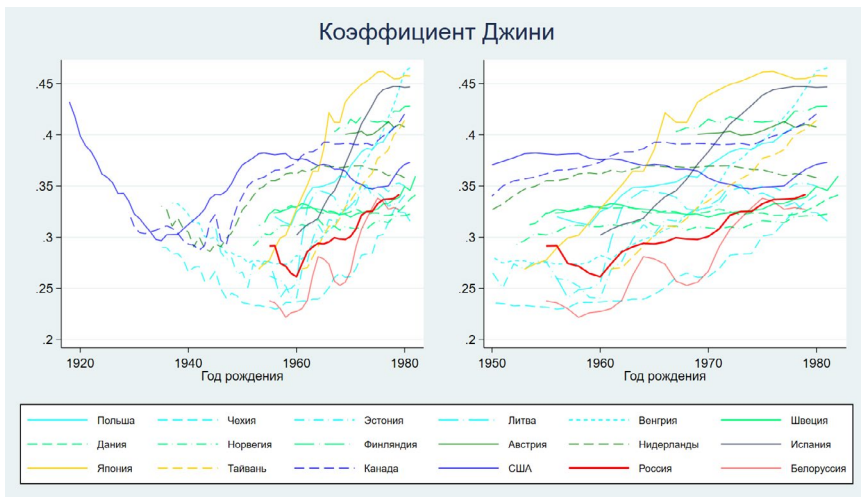
Коэффициент концентрации (см. рис. 5) дает представление о том, насколько сильно распределение женщин по числу рождений отличается от равномерного распределения, когда на каждую женщину приходится по одинаковому числу детей. Чем выше значение коэффициента, тем выше неоднородность по числу рождений и тем больше различий между группами женщин.

На рисунке 5 мы видим три группы стран, отличающихся по динамике коэффициента концентрации. Первая группа стран демонстрирует относительную стабильность на протяжении интересующего нас периода (примерно двадцати лет, начиная с когорт 1960 г. рождения). Среди стран с незначительной динамикой можно назвать США, Канаду, Австрию, Нидерланды и Скандинавские страны (Данию, Норвегию, Финляндию, Швецию). Во второй группе стран, таких как Испания, Венгрия, Польша, Япония, Тайвань, неоднородность, наоборот, существенно меняется, а точнее быстро растет. В третьей группе стран также наблюдается определенный рост, но в отличие от стран второй группы — медленный, с «препятствиями». К третьей группе можно отнести Россию, Белоруссию, а также Эстонию и Литву.

Отдельный интерес представляет динамика коэффициента концентрации в странах с наиболее продолжительными периодами наблюдений, а именно в США, Канаде, Нидерландах, Венгрии и Чехии. Для этих стран мы видим очертания «порядкового перехода» от высокой к низкой неоднородности рождаемости и опять к высокой, имеющего две основные стадии. Исходно в допереходном обществе с естественной рождаемостью (без массовой практики применения контрацепции

и производства искусственных аборт), видимо, мы имеем высокий уровень неоднородности, затем неоднородность сокращается по причине отказа от рождения детей старших порядков (стадия первого перехода), далее неоднородность растет по причине роста доли бездетных женщин (стадия второго порядкового перехода).

Рис. 5. Динамика коэффициента концентрации рождаемости, страны HFD⁵

Вероятно, порядковый переход происходит вместе с демографическим переходом и вторым демографическим переходом, которые, скорее всего, соответствуют первой и второй стадиям «порядкового перехода». На момент написания статьи мы не можем подтвердить соответствие начальных этапов двух переходов, а именно начала демографического перехода и снижения разнообразия по числу рожденных детей, поскольку используемые данные не охватывают необходимых возрастных когорт. Напомним, что демографическим переходом (или первым демографическим переходом) называется кардинальное, как правило асинхронное, снижение уровней смертности и рождаемости [Notestein, 1945; Landry, 1987]. Смертность начинает снижаться раньше рождаемости, что сначала приводит к демографическому росту, а затем к старению населения. Вторым демографическим переходом называется концепция, впервые изложенная в работах [Lesthaeghe, van de Kaa, 1986; van de Kaa, 1986], которая объясняет изменения рождаемости и брачности, наблюдаемые во многих постиндустриальных обществах, трансформацией системы ценностей и норм поведения.

В период классического демографического перехода сокращаются рождения старших порядков, в период второго демографического перехода растет уровень бездетности. «Порядковый переход» охватывает эти два перехода, позволяет рассказать историю изменения рождаемости на более широком историческом интервале. Осмысление этого демографического перехода могло осуществиться

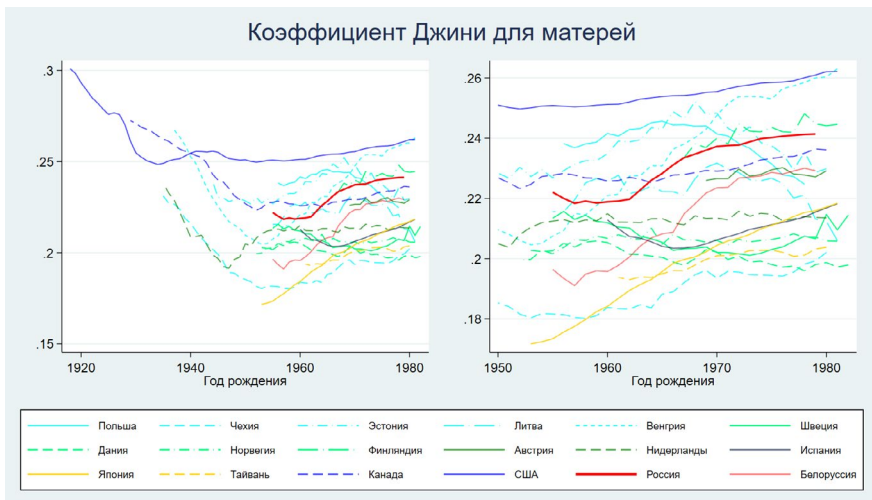
⁵ Источник: расчеты авторов на данных HFD.

только после завершения демографического перехода и развития второго демографического перехода.

Мы пока не можем проверить гипотезу о «порядковом переходе» для всех изучаемых стран по причине отсутствия данных о рождаемости ранних поколений для некоторых стран в нашей выборке (в будущем мы планируем дополнить ретроспективный анализ другими источниками данных, например данными переписей). Но в некоторых случаях мы видим две стадии описываемого «порядкового перехода» на графике для женщин 1920—1980-х годов рождения. График для 1950—1980-х годов рождения женщин демонстрирует рост неоднородности на второй стадии «порядкового перехода».

Далее рассмотрим коэффициент концентрации для матерей, не учитывающий влияние бездетности (см. рис. 6). Этот показатель более устойчив, поскольку не отражает главных изменений второй стадии «порядкового перехода», а именно значительного роста бездетности. Тем не менее он позволяет заметить любопытные тенденции. Напомним, что все страны, включенные в наш анализ, давно завершили демографический переход. Однако в некоторых из них (Чехия, Венгрия, Россия, Белоруссия, а также Япония и Испания) мы видим рост неоднородности рождаемости у женщин, имеющих детей. Для первой четверки стран это означает преодоление «восточноевропейской» модели рождаемости по порядкам с очень высокими долями первых и вторых детей. В этих странах наблюдается рост доли вторых и третьих рождений, что можно расценить как приближение к распределению «западноевропейского» стиля.

Рис. 6. Динамика коэффициента концентрации рождаемости для матерей, страны HFD⁶

Динамика коэффициента концентрации для матерей на более длительном временном отрезке (на примере США, Канады, Чехии, Венгрии и Нидерландов) дает

⁶ Источник: расчеты авторов на данных HFD.

нам более четкое представление о первой стадии перехода. Правда, на данных для США мы почти не видим вторую стадию перехода — заметного роста неоднородности нет, в течение длительного времени она колеблется, оставаясь на довольно высоких абсолютных значениях. Возможно, это объясняется сложной структурой американского населения, в состав которого входят группы, существенно различающиеся по рождаемости, по типам воспроизводства. Таблица 1 об изменении уровня неоднородности по разным стадиям «порядкового перехода» подтверждает нашу гипотезу о стадиях «порядкового перехода», основанную на анализе динамики индекса концентрации.

Таблица 1. Коэффициент концентрации рождаемости на разных стадиях «порядкового перехода» для некоторых стран с длинными рядами данных

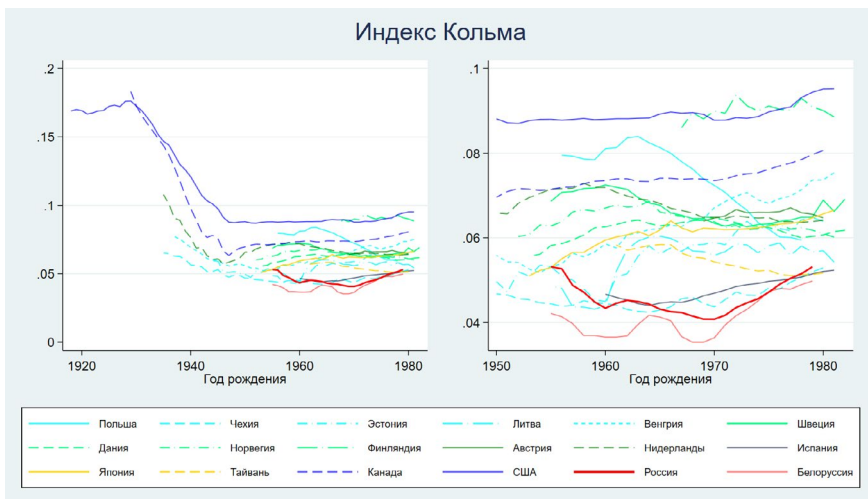
Страна	Коэффициент концентрации		
	Накануне 1-й стадии	Между 1-й и 2-й стадией	После 2-й стадии
США (1920—1935, 1935—1955)	,40	,30	,38
Нидерланды (1935—1945; 1945—1955)	,33	,29	,36
Канада (1930—1940; 1940—1955)	,31	,29	,36
Венгрия (1940—1955; 1955—1970)	,32	,28	,34
Чехия (1935—1955; 1955—1975)	,29	,23	,30

Источник: расчеты авторов на данных HFD.

Мы видим снижение уровня неоднородности для всех стран с длинными рядами данных на первой стадии и рост уровня неоднородности — на второй стадии перехода.

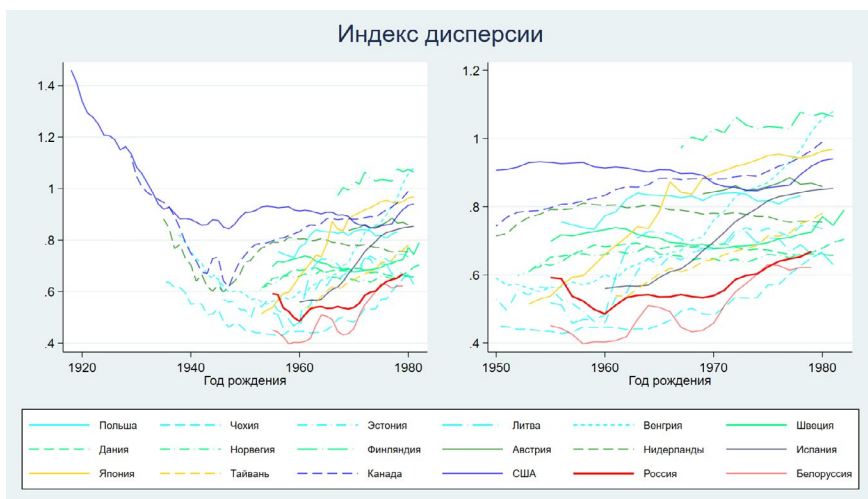
Данные об изменении другого показателя концентрации рождаемости, индекса Кольма, представлены на рисунке 7. Изменения индекса для короткого периода крайне невелики (возможно, это связано с выбором параметра α на уровне 0,1 по примеру более ранних исследований). Значительно интереснее выглядят изменения индекса Кольма для более длинного периода наблюдений — они отражают первую стадию «порядкового перехода». Его динамика напоминает изменение коэффициента концентрации для матерей. Но он менее зашумлен по сравнению с этим индексом и, как нам кажется, лучше подходит для определения первой стадии изменений в порядке рождений. В коэффициенте концентрации, особенно в его основном варианте, с учетом всех женщин, суммировано несколько эффектов. На первой стадии «порядкового перехода» наслаивание разнонаправленных тенденций не так выражено, поскольку изменения происходят в основном за счет снижения многодетности, а в странах бывшего СССР — даже двудетности. Хотя на примере США можно вспомнить и про снижение бездетности для женщин 1920-х годов рождения (родители бэби-бумеров). На второй стадии бездетность США стала расти, но одновременно с ней росла и доля многодетных женщин. Эта смешанная картина роста неоднородности требует привлечения альтернативных методов оценки концентрации рождаемости. По примеру других исследований мы решили использовать индекс дисперсии.

Рис. 7. Динамика индекса Кольма, страны HFD⁷

Индекс дисперсии (см. рис. 8) дает информацию о том, как наблюдаемое распределение по количеству детей отклоняется от среднего числа детей в расчете на одну женщину. Картина изменения неоднородности рождаемости согласно индексу дисперсии в целом напоминает динамику коэффициента концентрации.

Рис. 8. Динамика индекса дисперсии, страны HFD⁸

⁷ Источник: расчеты авторов на данных HFD.

⁸ Источник: расчеты авторов на данных HFD.

Основной вывод данного раздела: мы наблюдаем похожие для рассматриваемых стран тенденции по динамике неоднородности. Сначала происходит снижение неоднородности по числу рожденных детей разных порядков рождения, затем — ее рост. Эта схожесть позволяет нам выдвинуть версию о наличии так называемого порядкового перехода. Более того, разные меры неоднородности дают похожую картину.

Какие порядки рождений вносят свой вклад в «порядковый переход» на разных стадиях?

Мы предполагали, что первая стадия «порядкового перехода» была обусловлена снижением рождений старших порядков, а вторая — ростом бездетности. Однако композиция вклада порядков в изменение уровня неоднородности оказалась сложнее. Например, первая стадия в США характеризовалась не только отказом от рождения детей старших порядков, но и снижением уровня бездетности на фоне улучшения структуры брачного рынка, экономического роста, феномена эбби-бума. Проанализируем, за счет каких порядков происходят изменения на разных стадиях «порядкового перехода». В таблице 2 представлена информация о вкладе рождений различных порядков в изменение коэффициента концентрации (см. формулу 3) для стран с наиболее длинным периодом наблюдений (США, Канада, Нидерланды, Венгрия, Чехия).

Таблица 2. Разложение изменений концентрации рождаемости по вкладу рождений различной очередности для первой и второй стадий «порядкового перехода», страны HFD с наиболее длинным рядом данных

Страна	Коэффициент концентрации		Вклад порядков рождений в изменение к-та концентрации, %				Коэффициент концентрации		Вклад порядков рождений в изменение к-та концентрации, %			
	Накануне 1 стадии	После 1 стадии	1-й	2-й	3-й	4+	После 1 стадии	После 2 стадии	1-й	2-й	3-й	4+
США (1920—1935; 1935—1955)	,40	,30	-,065	-,026	-,007	-,005	,30	,38	,083	,035	,002	-,036
Нидерланды (1935—1945; 1945—1955)	,33	,29	-,001	,011	-,019	-,028	,29	,36	,048	,009	,005	0
Канада (1930—1940; 1940—1955)	,31	,29	-,015	,005	,008	-,002	,29	,36	,042	,019	,001	-,05
Венгрия (1940—1955; 1955—1970)	,32	,28	-,005	-,017	-,007	-,017	,28	,34	,032	,019	,014	,004
Чехия (1935—1955; 1955—1975)	,29	,23	-,013	-,016	-,012	-,018	,23	,30	,058	,031	-,019	,000

Источник: расчеты авторов на данных HFD.

Наиболее объективными данными мы считаем ряд значений показателя для Нидерландов (относительно однородная страна по типу воспроизводства, длинный ряд данных, слабее влияние войн и кризисов). Мы видим, что в Нидерланд

дах реализуется наша гипотеза о снижении рождения детей старших порядков на первой стадии и рост вклада вероятности первых рождений на второй стадии. В Чехии первая стадия сопровождалась вкладом всех порядков рождений, в Венгрии так же, как и в Нидерландах, более заметен вклад снижения многодетности.

Неоднородность на второй стадии изменений во всех рассматриваемых странах росла на фоне снижения первых рождений, в Канаде и США этому противостояло существенное снижение многодетности, произошедшее после эбби-бума.

Далее мы делаем декомпозицию изменений неоднородности на второй стадии перехода, для более молодых поколений женщин. В таблице 3 представлена информация об изменении коэффициента концентрации в течение 1970-х годов в 18 странах базы данных HFD. Страны упорядочены по убыванию разности коэффициентов концентрации в 1980 г. и в 1970 г. Наибольший рост неоднородности рождаемости наблюдался в Венгрии, Чехии и Испании. В России и Белоруссии она также заметно увеличилась.

Мы вновь видим, что основной вклад в изменения коэффициента концентрации на второй стадии в большинстве стран вносило снижение вероятности первых рождений (рост бездетности).

Вероятности вторых и последующих рождений влияли меньше и не всегда одинаково. Так, в Белоруссии, России и Литве вероятности вторых рождений росли (от низких базовых значений) и потому противодействовали общему росту коэффициента концентрации.

Таблица 3. Вклад различных порядков рождений в изменения коэффициента концентрации для поколений 1970 и 1980 годов рождения (в возрасте 39 лет)

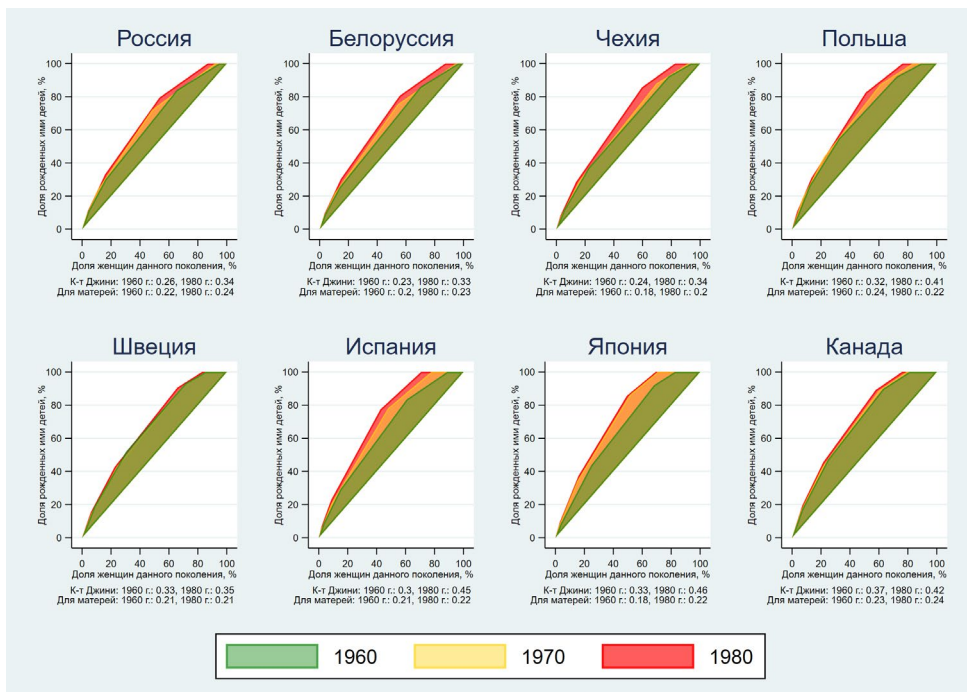
Страна	Суммарный коэффициент рождаемости		Коэффициент концентрации		Вклад порядков рождений в изменение коэффициента концентрации, %			
	1970	1980	1970	1980	1 ребенок	2 ребенок	3 ребенок	4 и последующий
Венгрия	1,81	1,44	0,34	0,46	0,107	0,011	0,002	-0,002
Чехия	1,83	1,60	0,26	0,34	0,072	0,009	-0,002	0
Тайвань	1,68	1,34	0,34	0,41	0,076	0,019	-0,02	0,003
Испания	1,36	1,25	0,38	0,45	0,055	0,002	0,005	0,002
Белоруссия	1,63	1,63	0,27	0,33	0,055	-0,009	0,016	-0,002
Россия	1,56	1,62	0,30	0,34	0,037	-0,009	0,014	-0,001
Польша	1,77	1,46	0,37	0,41	0,052	0,012	-0,016	-0,01
Швеция	1,89	1,81	0,32	0,35	0,019	0,007	-0,001	0,005
Канада	1,70	1,66	0,39	0,42	0,024	-0,001	0,003	0,004
Эстония	1,78	1,76	0,33	0,35	0,038	-0,013	0,001	-0,004
Япония	1,40	1,38	0,44	0,46	0,01	0,003	0,004	0,002
США	2,05	2,07	0,36	0,37	0,008	0	0,001	0,004
Финляндия	1,79	1,72	0,42	0,43	0,009	0,003	-0,005	0,005
Норвегия	1,97	1,86	0,31	0,32	0,012	0,007	-0,005	-0,002
Австрия	1,56	1,53	0,40	0,41	0,004	0,002	-0,001	0,001
Дания	1,88	1,79	0,32	0,33	0,009	0,006	-0,004	-0,005
Литва	1,69	1,74	0,33	0,32	0,01	-0,014	0,002	-0,005
Нидерланды	1,68	1,72	0,37	0,36	-0,011	-0,001	0,001	0

Источник: расчеты авторов на данных HFD.

На рисунке 9 изображены изменения коэффициентов концентрации для ряда стран для поколений 1960 г., 1970 г. и 1980 г. рождения. Чем больше закрашенная область, тем сильнее неоднородность в рождаемости. Заметное расширение в правом верхнем углу кривой Лоренца соответствует высоким показателям бездетности, и наоборот, более широкая закрашенная область внизу слева говорит об относительно высоком вкладе в рождаемость рождений высоких порядков.

На рисунке хорошо видны различия между странами. В одних странах изменений концентрации почти не было (или они завершились раньше, чем мы начали наблюдения, — Швеция и Канада). В других странах концентрация росла в основном за счет быстрого роста бездетности (расширение верхней правой части диаграммы в Японии, Испании, Польше). В России и Белоруссии более заметно определенное расширение в средней части диаграммы, соответствующее росту доли вторых и третьих детей.

Рис. 9. Изменение кривой Лоренца и коэффициента концентрации для ряда стран из базы данных HFD для когорт женщин 1960 г., 1970 г. и 1980 годов рождения (в возрасте 39 лет)⁹

Примечание. Для Польши использовались данные для когорты женщин 1978 г. рождения, для Белоруссии и России — 1979 г. рождения.

Ключевой вывод данного раздела заключается в том, что гипотеза о вкладе рождений определенной очередности в стадии «порядкового перехода» подтвер-

⁹ Источник: расчеты авторов на данных HFD.

дилась лишь частично. Первая стадия ассоциируется с отказом от многодетности реже, чем вторая стадия ассоциируется с ростом бездетности. Композиция порядков, участвующих в первой и второй стадии изменений неоднородности, может быть достаточно сложной. Влияние экономических кризисов и войн, нарушающих структуру брачного рынка, могло способствовать относительно высокому уровню бездетности в допереходный период. Далее следовал рост первых рождений, который приходился на первую стадию перехода и способствовал снижению неоднородности рождаемости (как в США или Канаде). Или, например, восточноевропейский тип рождаемости характеризовался сначала отказом не только от рождения старших порядков, но и от рождения вторых и третьих детей, а затем на второй стадии шла компенсация — рост рождения детей вторых и третьих порядков. Все эти особенности не нарушали картины «порядкового перехода», но композиция порядков по вкладу в изменения могла варьироваться, что требует дальнейшего изучения с использованием большего числа данных.

Выводы

В данной работе мы изучаем динамику структуры рождаемости по порядкам рождений в России и других странах, входящих в базу данных Human Fertility Database. В качестве характеристик неоднородности мы рассматриваем показатели распределения женщин различных поколений в зависимости от числа рождений, а также индексы концентрации (коэффициент концентрации, индекс Кольма и индекс дисперсии). Для того чтобы несколько продлить ряд наблюдений, мы изучаем итоговую рождаемость для различных порядков рождений для женщин в возрасте 39 лет.

Важный вывод нашего исследования состоит в сходстве процессов изменения распределения рождаемости в рассматриваемых странах. Сначала неоднородность женщин по числу рожденных детей разных порядков рождения снижается, а затем растет. Применение альтернативных мер оценки неоднородности дает похожую картину. Эта схожесть позволяет нам выдвинуть версию о наличии так называемого порядкового перехода.

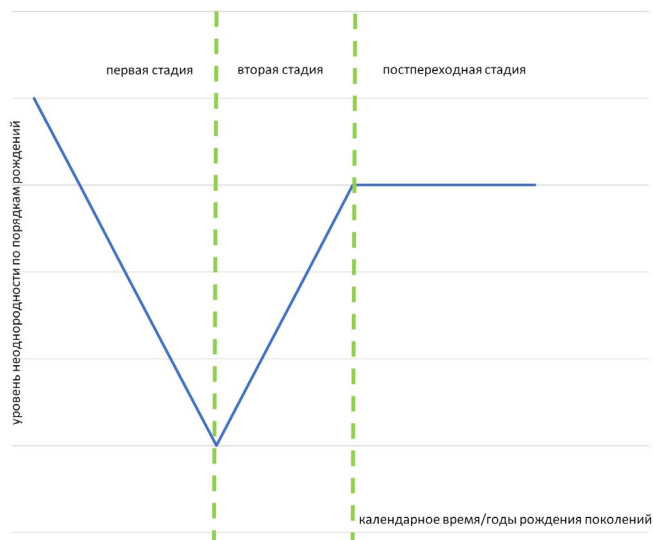
Условная схема «порядкового перехода» представлена на рисунке 10. Его реализация для разных стран может отличаться глубиной изменений, временем старта перехода, но общая форма остается похожей, напоминая математический символ извлечения корня (см. также динамику коэффициентов концентрации в 18 странах на рис. 5 и 6).

Исходно мы предполагали, что первая стадия «порядкового перехода» шла за счет снижения рождений старших порядков, а вторая — за счет роста бездетности. Однако композиция вклада порядков в изменение уровня неоднородности оказалась сложнее. Например, первая стадия в США характеризовалась не только отказом от рождения детей старших порядков, но и снижением уровня бездетности на фоне улучшения структуры брачного рынка, экономического роста, феномена эбби-бума.

Композиция порядков, участвующих в первой и второй стадии изменений неоднородности, может быть достаточно сложной. Например, «восточноевропейский» тип рождаемости характеризуется на первой стадии отказом не только от рож-

дения старших порядков, но и от рождения вторых и третьих детей, за которым на второй стадии последовала компенсация в виде роста рождения детей второго и третьего порядков. Этот компенсационный рост заметен для поколений 1970-х годов рождения в Белоруссии, России, Литве и Эстонии.

Рис. 10. Условная схема «порядкового перехода» рождаемости

Важным выводом исследования является вывод о сохранении «восточноевропейской» модели рождаемости. Несмотря на определенную конвергенцию стран в процессе «порядкового перехода» по уровню концентрации рождаемости, «восточноевропейская» модель рождаемости характеризуется относительно низкой неоднородностью по числу рожденных детей разных порядков, поздним стартом и неглубокими изменениями неоднородности в процессе «порядкового перехода».

Список литературы

Тындик А. Демографическая повестка современной России: структура и воспроизводство населения. М.: РАНХиГС, 2021.

Tyndik A. (2021) Demographic Agenda of Modern Russia: Structure and Reproduction of the Population. Moscow: RANEPА.

Avdeev A. (2003) On the Way to a One-Child Family: Are We beyond the Point of No Return? Some Considerations Concerning the Fertility Decrease in Russia. In: *Population of Central and Eastern Europe: Challenges and Opportunities, European Population Conference, Warsaw*. P. 26—30.

Barakat B. (2014) Revisiting the History of Fertility Concentration and Its Measurement. *Vienna Institute of Demography Working Papers*. No. 1.

Barkalov N. B. (1999) The Fertility Decline in Russia, 1989—1996: A View with Period Parity-Progression Ratios. *Genus*. Vol. 55. No. 3/4. P. 11—60. URL: <https://www.jstor.org/stable/29788609> (accessed: 29.03.2023).

Barkalov N. B. (2005) Changes in the Quantum of Russian Fertility during the 1980s and Early 1990s. *Population and Development Review*. Vol. 31. No. 3. P. 545—556. URL: <https://www.jstor.org/stable/3401479> (accessed: 29.03.2023).

Devolder D., Reeve P. (2018) Relationships between Total and Birth Order-Specific Fertility Indicators: Application to Spain for the 1898—1970 Cohorts. *Population*. Vol. 73. No. 1. P. 61—88. <https://doi.org/10.3917/popu.1801.0063>.

Landry A. (1987) Adolphe Landry on the Demographic Revolution. *Population and Development Review*. Vol. 13. No. 4. P. 731—740.

Lesthaeghe R., Van de Kaa D. J. (1986) Twee demografische transitie. *Bevolking: groei en krimp*. P. 9—24.

Lutz W. (1989) *Distributional Aspects of Human Fertility*. London: Academic Press.

Notestein F. W. (1945) Population: The Long View. In: T. Schultz (ed.) *Food for the World*. Chicago: University of Chicago Press. P. 36—57.

Shkolnikov V. M., Andreev E. M., Houle R., Vaupel J. W. (2007) The Concentration of Reproduction in Cohorts of Women in Europe and the United States. *Population and Development Review*. Vol. 33. No. 1. P. 67—99.

Van de Kaa D. J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. Vol. 42. No. 1. P. 1—59.

Vaupel J. W., Goodwin D. G. (1987) Concentration of Reproduction in Cohorts of Women, 1917—80. *Population and Development Review*. Vol. 13. No. 4. P. 723—730. <https://doi.org/10.2307/1973030>.

Yoo S. H. (2015) *Convergence Towards Diversity? Cohort Analysis of Fertility and Family Formation in South Korea. A Dissertation Presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy*. Arizona State University.

Zakharov S. (2017) The Modest Demographic Results of Pronatalist Policy against the Background of the Long-Term Evolution of Fertility in Russia. *Demographic Review*. Vol. 3. No. 5. P. 4—46. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i5.7310>.

Zeman K., Beaujouan É., Brzozowska Z., Sobotka T. (2018) Cohort Fertility Decline in Low Fertility Countries: Decomposition Using Parity Progression Ratios. *Demographic Research*. Vol. 38. P. 651—690. <https://dx.doi.org/10.4054/DemRes.2018.38.25>.

Приложение

Вероятности рождения детей разных порядков для женщин в возрасте 39 лет
в 18 странах базы данных HFD, возрастные когорты 1970 и 1980 годов рождения

Название	1970				1980			
	ppr1	ppr2	ppr3	ppr4+	ppr1	ppr2	ppr3	ppr4+
Австрия	0,774	0,706	0,317	0,259	0,768	0,696	0,313	0,257
Белоруссия	0,944	0,572	0,194	0,242	0,873	0,638	0,264	0,23
Венгрия	0,872	0,702	0,348	0,297	0,727	0,635	0,357	0,287
Дания	0,846	0,823	0,366	0,243	0,835	0,802	0,339	0,203
Испания	0,777	0,617	0,176	0,187	0,707	0,603	0,198	0,222
Канада	0,79	0,758	0,354	0,293	0,759	0,761	0,373	0,32
Литва	0,871	0,674	0,266	0,286	0,858	0,743	0,275	0,231
Нидерланды	0,802	0,762	0,322	0,249	0,816	0,765	0,327	0,241
Норвегия	0,87	0,823	0,412	0,23	0,855	0,796	0,364	0,206
Польша	0,831	0,732	0,357	0,322	0,763	0,667	0,262	0,248
Россия	0,917	0,526	0,229	0,257	0,868	0,617	0,296	0,249
США	0,862	0,772	0,49	0,379	0,852	0,771	0,512	0,407
Тайвань	0,832	0,749	0,31	0,149	0,736	0,655	0,202	0,17
Финляндия	0,769	0,791	0,434	0,311	0,757	0,778	0,392	0,33
Чехия	0,916	0,759	0,237	0,216	0,826	0,721	0,23	0,214
Швеция	0,853	0,821	0,348	0,251	0,828	0,795	0,343	0,263
Эстония	0,893	0,662	0,352	0,276	0,844	0,73	0,356	0,253
Япония	0,706	0,729	0,293	0,155	0,692	0,713	0,322	0,185

Примечание. Для России и Белоруссии вместо когорты 1980 года рождения используются данные для когорты 1979 года рождения, для Польши — 1978 г. рождения.

Источник: расчеты авторов на данных HFD.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2363](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363)

М. А. Голева

ПЕРЕХОД К РОДИТЕЛЬСТВУ В ПЕРСПЕКТИВЕ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ С МОЛОДЫМИ РОДИТЕЛЯМИ

Правильная ссылка на статью:

Голева М. А. Переход к родительству в перспективе супружеских отношений: на примере интервью с молодыми родителями // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 82—102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363>.

For citation:

Goleva M. A. (2023) The Transition to Parenthood in the Perspective of Spousal Relations: The Case of Interviews with Young Parents. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 82–102. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2363>. (In Russ.)

Получено: 29.12.2022. Принято к публикации: 06.03.2023.

ПЕРЕХОД К РОДИТЕЛЬСТВУ В ПЕРСПЕКТИВЕ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ С МОЛОДЫМИ РОДИТЕЛЯМИ

ГОЛЕВА Мария Александровна — младший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: m.goleva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9321-7791>

THE TRANSITION TO PARENTHOOD IN THE PERSPECTIVE OF SPOUSAL RELATIONS: THE CASE OF INTERVIEWS WITH YOUNG PARENTS

Maria A. GOLEVA¹ — Junior Researcher at the “Sociology of Religion” Research Laboratory
E-MAIL: m.goleva@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9321-7791>

¹ Saint Tikhon’s Orthodox University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматривается, как супруги, недавно ставшие родителями, осмысливают переход к родительству в связи с отношениями в паре. Исследование базируется на анализе глубинных интервью с мужьями и женами (интервью с каждым из них проводились дважды, с промежутком в один-два года; стаж в браке до шести лет; на момент проведения второго интервью у информантов было один-два ребенка). Проанализированы 32 интервью с восемью парами. Появление ребенка запускает переосмысление разных аспектов супружеских отношений: включение в материнство и отцовство; трансформация индивидуальных представлений о семейной жизни; переоценка отношений в паре; представление о ребенке как о «чуде», «продолжении семьи», «плоде любви». Переоценка отношений в паре включает в себя следующие составляющие: «вы в одной лодке» — осознание того, что супруги «работают в команде»; ребенок как «третий», опосредующий отношения; значимость «переключений» — возможностей для индивидуального проведения времени в соответствии с желаниями и потребностями, а также семейного совместного интересного времяпрепровождения. Полученные результаты

Abstract. The article focuses on how spouses who have recently become parents comprehend the transition to parenthood in spousal relations. The study is based on the analysis of in-depth interviews with spouses. Interviews with each of the spouses were conducted twice, with an interval of 1–2 years; the marriage duration was up to 6 years; at the time of the second interview, the informants had 1–2 children. Interviews with eight couples (32 interviews) were analyzed. The analysis shows that the appearance of a child is followed by a rethinking of several aspects of spousal relations: involvement in motherhood or fatherhood; transformation of individual ideas about family life; reassessment of relationships in a couple, perception of a child as a “miracle”, “fruit of love”, “continuation of the family”. Reassessment of relationships in a couple includes the following components: the realization that “you work as a team with your husband”; the child as a “third” broadening relationship; the significance of “switching” opportunities for individual spending time and joint enjoyable family pastime. Thus, the transition to parenthood for family relationships is not only a period of risks and difficulties but also and an opportunity for individuals and fami-

позволяют сделать вывод, что переход к родительству — это не только период рисков и сложностей, но и возможность для индивидуального и семейного переосмысления отношений, развития навыков поиска компромиссов, взаимопомощи и поддержки. В заключении предлагаются гипотезы для дальнейшей разработки.

Ключевые слова: супружеские отношения, родительство, супруги, переход к родительству, осмысление деторождения

Благодарность. Исследование осуществлено в 2021—2023 гг. в рамках проекта «Осознание жизни в браке молодыми супругами. Разработка категорий общения, взаимности, совместности» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Фонда «Живая традиция».

Введение

Существующие исследования показывают, что, с одной стороны, рождение одного-двух детей является нормативным [Малева, Синявская, 2006], а появление нескольких детей может быть следствием положительной оценки супругами отношений в семье [Павлюткин, Голева, 2020]. С другой стороны, деторождение может восприниматься в категориях риска [Тёмкина, 2017], а ребенок — «ответственности», «проекта», «паузы в жизни» [Забаев и др., 2012]. Кроме того, современные концепции родительства предполагают не только адаптацию всех членов семьи к новым ролям [Гурко, 2020], но и высокую степень включенности родителей в жизнь детей — интенсивное материнство [Исупова, 2018] и вовлеченное отцовство [Борисова, 2017].

Согласно обзорам зарубежных исследований динамики супружеских отношений при переходе к родительству [Савенышева, 2016] и факторов удовлетворенности браком после рождения ребенка [Савенышева, 2017], с появлением ребенка у супругов может снижаться удовлетворенность их отношениями, поскольку последняя зависит от достаточно широкого спектра факторов социально-демографического, экономического и психологического характера, вследствие чего может сокращаться степень устойчивости брачного союза. В работах, рассматривающих факторы конфликтов в семьях, указывается, что наличие детей повышает вероятность и частоту конфликтов в семьях, особенно в первые годы

lies to rethink, developing skills for finding compromises, mutual assistance and support. The conclusion outlines topics for further investigation.

Keywords: spousal relationship, parenthood, spouses, transition to parenthood, perception of childbearing

Acknowledgments. The article is part of the “Awareness of Family Life by Young Couples. Conceptualization and Operationalization of Categories Related to Communion in Marriage” project supported by Saint Tikhon’s Orthodox University and the Active Tradition Foundation in 2021–2023.

жизни ребенка, поскольку происходит переход от супружеской диады к триаде, «присоединяется еще один член семьи, который становится центром внимания, это ведет к снижению взаимодействия и интимности между партнерами» [Попова, 2017: 115].

В статье ставится задача предложить ответы на следующие вопросы: как супруги, недавно ставшие родителями, осмыслиют данный жизненный переход в связи с супружескими отношениями? Отразилось ли становление в качестве родителей на их отношениях?

Проведение анализа на микроуровне представляется актуальным в связи с результатами исследований матримониального поведения и рождаемости в России, фиксирующими высокие уровни как брачности, так и разводимости [Синельников, 2010; Артамонова, Митрофанова, 2018; Население России 2018..., 2020], особенно в первые пять лет брака [Чурилова, Захаров, 2021]. Анализ интервью с супругами, состоящими в зарегистрированном браке, позволяет узнать, как складывается жизнь семьи в первые годы брака и как развиваются отношения супругов.

В начале статьи кратко обозначается, почему рождение ребенка (детей) может быть «вызовом» для супружеских отношений. Далее приводятся результаты анализа интервью с информантами с небольшим стажем родительства. В завершающей части работы представлены предположения о факторах, которые могут обуславливать выявленные различия.

Переход к родительству как «вызов» для семейных отношений

Жизнь семьи может быть представлена как череда жизненных переходов, сопровождающихся изменением ролей и структуры отношений [Bengtson, Allen, 2009], одним из которых является переход к родительству [Rossi, 1968]. Последний является амбивалентным процессом. С одной стороны, появление ребенка ассоциируется с радостью и счастьем, стабильностью отношений, удовлетворением репродуктивных потребностей и социальных ожиданий. С другой стороны, от родителей требуется приспособление к новой роли, включающее в том числе обучение уходу за ребенком, нарушение сна, физические нагрузки [Kluwer, 2010: 106]. Совокупность перечисленных обстоятельств может приводить к изменению удовлетворенности браком, качества общения супругов [LaRossa, LaRossa, 1981], подхода к структурированию времени и досуга, но речь не идет, во-первых, о неизбежном ухудшении качества жизни и супружеских отношений, во-вторых, о необратимом понижении удовлетворенности отношениями [Kluwer, 2010]. Отмечается, что пары могут по-разному переживать данный переход в зависимости от специфики адаптивного процесса (например, причины конфликтов и их частота, взаимодействие супругов в случае разногласий) и личных и ситуационных характеристик (в числе которых тип привязанности, социально-демографические характеристики, темперамент ребенка, психологическое состояние родителей, график работы) [ibid.]. В психологии особое внимание уделяется совладающему поведению супругов, например, копинг-стратегиям в конфликтных или кризисных ситуациях [Мокиевская, Смирнова, 2020; Бонкало и др., 2020].

Таким образом, переход к родительству может быть рассмотрен как один из «поворотных моментов» в жизни пары, проявляющий отношения супругов, требую-

щий от молодых родителей определенных усилий, отношенческой рефлексивности (relational reflexivity), поскольку для благополучия партнеров значимо формирование общей идентичности, общности [Moscatelli et al., 2022].

Эмпирические данные

Исследование базируется на анализе глубинных интервью с супругами. С каждой из пар было проведено два интервью с промежутком один-два года. Интервью с мужем и женой проводились отдельно. Из массива данных, собранных при реализации двух исследовательских проектов¹, были отобраны пары, имевшие детей на момент проведения второго интервью. Первые интервью были проведены очно в 2019—2020 гг. в Москве и Московской области. При проектировании выборки была предпринята попытка привлечь к участию в исследовании респондентов с разными характеристиками. Рекрут осуществлялся через социальные сети интервьюеров. Предполагалось, что привлечение интервьюеров с разными характеристиками (пол, возраст, семейное положение, степень религиозности, место рождения) позволит обеспечить вариацию характеристик информантов. Важным условием было то, чтобы информанты относились ко второму или третьему кругу общения интервьюера (например, друзья знакомых или знакомые друзей) и не были знакомы с исследователями до интервью. Решение об отдельном проведении интервью с каждым из супругов в паре обуславливалось стремлением получить наиболее полное представление о первых годах брака, а также сократить влияние взаимного присутствия супругов на создаваемые в процессе интервью нарративы².

Вторые интервью были проведены в 2020—2021 гг. очно или онлайн, что обуславливалось эпидемиологическими условиями и ограничениями вследствие пандемии коронавируса или жизненными обстоятельствами информантов.

При подготовке данного текста были проанализированы интервью с восемью парами. Длительность брака на момент проведения второго интервью варьировалась от трех до шести лет. Все информанты обладают опытом перехода к родительству. У некоторых пар дети были уже к моменту проведения первого интервью, другие же стали родителями ко второму интервью. Информанты несколько различаются по уровню образования (высшее, от бакалавриата до аспирантуры, или неоконченное высшее) и числу детей (четыре пары с одним ребенком и четыре пары с двумя детьми), варьируются по степени религиозности (от атеистов до священнослужителей) и наличию опыта мобильности (некоторые супруги всю жизнь живут в одном городе, другие переезжали в связи с обучением или работой).

Гайд первого интервью включал следующие вопросы: биографические, о знакомстве супругов и вступлении в брак, о начале семейной жизни информантов

¹ При подготовке текстов использовались данные следующих исследовательских проектов: 1) «Как создаются и живут молодые семьи в современной России? Сравнение семей мирян и священников» (исследование осуществлено в рамках Программы научных исследований Фонда развития ПСТГУ в 2018—2021 гг.); 2) «Осознание жизни в браке молодыми супругами. Разработка категорий общения, взаимности, совместности» (исследование осуществлено при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция» в 2021—2023 гг.).

² В исследованиях семьи свои преимущества и ограничения есть как у индивидуальных, так и у парных интервью. Выбранный дизайн исследования позволил обеспечить вовлечение обоих супругов в процесс проведения интервью в равной мере.

(распределение обязанностей, баланс семьи и работы), об отношении к родительству и других жизненных планах, об их социальном окружении. Гайд второго интервью был сфокусирован на вопросах о динамике жизни информантов (изменилось ли что-либо в жизни супругов с момента первого интервью? если да, то что именно?), а также на их текущей жизни (баланс семьи и работы, финансовые вопросы, родительство) и отношениях в семье (практики общения и взаимодействия с домочадцами, семейные традиции). Таким образом, второе интервью позволяло не только узнать о развитии семейной истории, но и более подробно обсудить темы, которые в первом интервью могли быть представлены кратко. Например, в первом гайде не было отдельного блока вопросов о финансах, но данная тема могла подниматься в связи с другими группами вопросов — в частности, о балансе семьи и работы, представлениях о семейной жизни, взаимоотношениях с социальным окружением.

При работе с затранскрибированными нарративами были определены фрагменты, в которых информанты описывали свой опыт перехода к родительству и последовавшие за появлением ребенка изменения в жизни (в целом и в отношениях с супругом/ой), рефлексировали о ролях отца и матери. На следующем шаге анализа была проведена кодификация смысловых категорий.

Результаты исследования

Появление ребенка запускает переосмысление разных аспектов супружеских отношений, «приводит к смене приоритетов и перераспределению времени родителей» [Калабихина, Башкирова, Борисенко, 2022: 79]: включение в материнство и отцовство, трансформация индивидуальных представлений о семейной жизни, переоценка отношений, повышение значимости «командной работы» в отношениях. Такое переосмысление может быть осложнено обстоятельствами, сопровождающими уход за маленьким ребенком (недостаток сна, медицинские и финансовые факторы). Далее будут описаны аспекты переосмысления.

1. Осмысление включения в материнство или отцовство заключалось как в практических (новый режим, необходимость перераспределять приоритетность повседневных задач), так и в мировоззренческих аспектах. Информанты, описывая изменения в привычном укладе жизни, говорили о получении нового опыта, о проживании следующей стадии взросления.

Интервьюер. Скажи, как сейчас, после свадьбы, складывается ваша жизнь? Что-то кардинально изменилось?

*Респондент. Кардинально изменилось, когда у нас появился ребенок. **На самом деле изменился немножко темп жизни. И жизнь, в принципе, меняется, мне кажется, когда рождается ребенок. То, к чему ты привык, оно так или иначе поменяется.***

И. Расскажи, как? Как тебе самому?

*Р. Мне великолепно. Объясню. **Мне очень нравится, когда у меня нет времени. Я жалею, конечно: «Вот, у меня нет времени», но при этом мне это очень нравится. И мне нравится, когда есть работа и когда дома тоже есть хлопоты. Сейчас все эти хлопоты создает маленький ребенок, ну и мне кажется, мы очень достойно с женой их проходим.***

И. Что за хлопоты? Например?

Р. **Просто взросление** и, так как у нас не было никогда детей, мы не особо любим выслушивать советы [улыбается] бабушек и все прочее. **То есть это какой-то новый опыт, каждая стадия взросления — мы ее через себя пропускаем и чувствуем. И это очень круто.** (М., 1 ребенок)

Изменения в организации времени проявляются при переопределении баланса семьи и работы, досуга, возможностей строить планы. Так «темп жизни» начинает задаваться не только режимом работы и личными приоритетами, но и режимом ребенка, за счет чего становится более непредсказуемым. Время, которое супруги могут проводить «только вдвоем», сокращается, его организация требует дополнительных усилий — например, обращение за помощью к родственникам или поиск няни, поддержание традиции совместных разговоров во время сна ребенка.

И. Для вас важно проводить время вместе?

Р. Да, причем ей больше, чем мне. Мне достаточно просто находиться рядом. **А с появлением ребенка стало сложнее проводить время вдвоем полноценно.** Либо когда она спит, либо когда с ней кто-то сидит. А сидит с ней мама, когда жена учится, а меня нет дома. А когда кто-то из нас дома, то мама не сидит. Моя мама. **Получается, что мы больше втроем проводим время, чем вдвоем.** (М., 1 ребенок)

2. Также происходит **трансформация индивидуальных представлений о семейной жизни**. Так, отец двоих детей отмечает, что два маленьких ребенка сложно соотносятся с «современным комфортом», потому что они создают «хаос», затрудняющий поддержание привычного порядка в доме. Фактически, описывается ситуация поиска нового решения уравнения, с одной стороны которого — стремление к сохранению привычного уклада, а с другой — остальные сферы жизни и ограниченный ресурс времени.

И. А можешь рассказать, что важного у вас произошло после брака?

Р. У нас два сына родилось.

И. Они двойняшки?

Р. Погодки. Год и два месяца у них разница.

И. Можешь рассказать про свои ощущения?

Р. Я хочу сказать, что один ребенок — это гораздо проще, чем два. **Это такой переход**, поэтому, когда попадешь к людям, у них семья, но какая-то вылизанная квартира и маленькая девочка. Понимаешь, что **один ребенок в современный комфорт поместиться может, а два...** **Одного ребенка можно контролировать и убирать.** **Когда уже два, ситуация плохо контролируется.** <...> Старшему сыну полтора, говорить толком не может, но уже везде забирается, хватает предметы, создает хаос. **Реально можно не успевать.** Если будешь убираться, тогда вообще не успеваешь работу делать, еще чем-то заниматься. (М., 2 ребенка)

Погружение в роль родителя может происходить постепенно. Требуется время на «прочувствование» для формирования связи между родителем и ребен-

ком, для осознания того, что быть отцом или матерью — это не только «сложно», но и «что-то приятное».

Р. <...> Я на самом деле к ребенку стал относиться как к своему, а не как к чему-то просто прикольному, когда на Новый год мы поехали к родителям, **и я целыми днями ее видел, а не только по вечерам здесь сидел. И вот тогда у нас какая-то взаимосвязь возникла.** А до этого — «Ну да, мой ребенок, прикольно, хорошо». Связи как бы не было. <...>

И. А в чем ты чувствуешь это «свое»?

Р. Сложно объяснить. Ну вот прям **ощущается, что это твое. Ты приходишь, ребенок начинает тебе улыбаться, он тебе рад.** Если ты пришел и не сразу к ней подошел, поцеловал, она начинает буянить, почему ты не сразу к ней пошел. Моменты поведения.

И. Ты почувствовал родительство?

Р. Да, наверное.

И. В чем оно для тебя сейчас?

Р. Не уверен, что смогу объяснить. Я бы сказал, что **мне приятно сидеть играть с ней, просто смотреть, как она улыбается.** Наверное.

И. А у тебя были мысли о том, как это будет, до этого?

Р. Ну, я понимал, если прямо говорить, что будет сложно. Это все, что я понимал. **Но я не мог прочувствовать и осознать всю глубину ситуации. Сейчас уже прочувствовал, осознал, связь уже наладилась, и сейчас воспринимаются все эти подгузники, кормления как довесок к чему-то приятному.** (М., 2 ребенка)

Для некоторых участников исследования исполнение роли отца или матери становилось особым «способом взаимодействия с миром». Общение с детьми, по мнению отца двоих детей, обеспечивает межпоколенческую коммуникацию, позволяет узнавать что-то новое, переосмысливать привычные вещи, «остановиться», получить «время для созерцания».

И. Каково быть папой для тебя?

Р. **Хорошо. Это как способ взаимодействия с миром.** Пока у нас есть энергия для себя открывать что-то новое в мире, технологии, условия, новые люди. И к 40 годам человек устает разбираться в мире, начинает жить материалом своего поколения. И дети, они помогают, если ты с ними общаешься, продолжать с миром взаимодействовать. Также [потом происходит] со внуками. А если нет — начинаешь замыкаться в опыте, который был в молодости. <...> **А так дети дарят время для созерцания** <...> Трава, забор — и стало интересно, что это сеть, и это как-то выглядит, **потому что чтобы это увидеть, нужна остановка. Пока нет детей — нет этой остановки. А дети заставляют остановиться.** (М., 2 ребенка)

Информанты также рассуждали о различии «совместной жизни» и семейной (с детьми). Согласно цитате, приведенной ниже, «партнерские отношения» представляются респонденту более предсказуемыми по сравнению с «ситуативной» семьей, когда количество задач увеличивается и требуется вовлечение обоих супругов «по мере сил и возможностей».

И. А по дому распределяете обязанности?

Р. Нет.

И. Все она делает?

Р. Нет, просто, мне кажется, это невозможно сделать. Надо стараться все делать по мере сил и возможностей. Я даже не понимаю, бардак возник если, и мы стали решать, как это делать? Меня дома нет — жена занимается. Просто получается, что дел по дому больше, чем возможностей их сделать. **В этом разница между совместной жизнью и семьей. Это если в партнерских отношениях живешь, можно график составить. А тут уже ситуативно.** Если вспомнил, что нужно кашу в микроволновку поставить, то сделаешь. Или если утром жена не проснулась, не выпалась, кормить надо сына. А так стараемся вместе всегда есть. (М., 2 ребенка)

3. Переоценка отношений в паре. Некоторые пары отмечали, что после рождения ребенка столкнулись с изменением динамики отношений в отрицательную сторону (в интервью упоминались ссоры, конфликты), которую со временем удавалось сбалансировать благодаря, во-первых, адаптации к «непривычной нагрузке», во-вторых, осознанию того, что жизнь с ребенком — это командная работа супругов («вы в одной лодке, и назад пути нет»), подразумевающая совместное решение общих задач («ребенок общий, обязанности общие»), при котором они замечают не только свое состояние, но и состояние друг друга и соотносят с ним свое поведение («Я после родов <...> вспыхивала на каждый чих. Он терпел»). Информанты отмечали значимость для них лично и для отношений в паре совместного участия супругов в заботах о ребенке, говорили о благодарности к супругу(е) («он понимает, что это ребенок общий, обязанности общие <...> я ему очень благодарна»).

И. Скажи, а изменились ли ваши отношения с мужем после рождения ребенка?

Р. Да.

И. Да?

Р. Да. Сначала в худшую, а потом сильно в лучшую.

И. Расскажи.

Р. В худшую — это то, что я начала сильно уставать. **Сначала для меня была непривычная нагрузка, я потом только привыкла.** У меня началось раздражение, все было не так, я начала прикапываться, что мне, там, плохо, «я убиралась, а ты опять здесь носки свои положил». Причем после родов это все воспринимается гипертрофированно, там еще гормоны шалят. **А потом я увидела, что он включился в отцовство, и отношения действительно улучшились. Просто, понимаешь, когда у тебя ребенок, с мужем работаешь в команде. То есть понимаешь, что вы в одной лодке, и назад пути нет.** Обратного не засунешь [смеется].

И. Да, да, да.

Р. И вот **когда мы поняли, что мы организаторы, и надо как-то собраться и не ругаться** с ребенком [вероятно, подразумевается «не ругаться при ребенке»]. — Прим. авт.], отношения, конечно, наладились. (Ж., 1 ребенок)

И. А как появление ребенка, может быть, вас поменяло?

Р. Сложнее стало. **В отношениях друг с другом реально стало сложнее, на мой взгляд. Больше начали ссориться на бытовуху детскую** — то ты не так берешь ребенка,

то я не хочу сидеть, то еще что-то. С одной стороны, стало лучше, потому что у нас **теперь семья-семья**, а по-своему, в мелочах, мы чаще ссоримся, наверное, на всякую детскую ерунду. Но я надеюсь, что это положительно скажется в итоге. Перестанем ругаться на **каждых мелочах**. **Я после родов была такая, что вспыхивала на каждый чих. Он терпел**, пока я сидела, рыдала над всякими мелочами, мне было себя так жалко. И мне это тоже было тяжело, потому что я вся такая психованная была. Но через полгода — ничего. Плюс Иван молодец, он помогает, потому что в семье у него этого нет, у его бабушки жесткая позиция, что женщина должна делать все сама <...> Иван все-таки молодец, что **он понимает, что это ребенок общий, обязанности общие**, и нормально, если я скажу: «Я пойду на маникюр, посиди там с дочкой». Он скажет: «Да, иди». В этом плане **я ему очень благодарна**, потому что я знаю, что бывают такие ситуации, когда реально, когда муж на все забывает: «Ты мать, это все твое». В этом плане я ему прямо **благодарна**. (Ж., 1 ребенок)

Кроме того, наличие детей позволяет супругам не замыкаться друг на друге в случаях небольших конфликтов или ссор, но переключаться на заботу о ребенке, на общение с ним, что в некоторых случаях помогало снимать возникшее напряжение в отношениях родителей. В этом смысле ребенок может становиться «третьим» в отношениях, опосредовать их³.

И. Скажите, а изменились отношения с супругой после рождения ребенка?

Р. Ну, мне кажется, да, в лучшую сторону, потому что, если какое-то напряжение возникает, **можно переключиться на хлопоты, на ребенка, пообщаться с ребенком**. А то же напряжение, которое от усталости, еще от чего-то, вот оно может уйти.

И. То есть прям проходит, даже не замечаешь, что оно было?

Р. Ну, все же ссоры, они с какой-то мелочи происходят, а **когда ты переключаешься с этого на какие-то дела или просто на ребенка**, это помогает. (М., 1 ребенок)

«Переключаться» может быть важно не только в индивидуальном порядке, когда супруги дают друг другу возможность провести время в соответствии со своими желаниями и потребностями, но и «всей семьей из стен» — например, съездить в отпуск, интересно провести время вместе.

Р. Ну, сейчас, как мне кажется, **мы время от времени больше путешествуем**, куда-то ездим.

И. Куда ездите, расскажи?

Р. Мы можем ездить по друзьям, знакомым, родственникам или... Мы чаще ездим по друзьям и знакомым, но можем съездить куда-нибудь в монастырь, в храм <...> В том году мы на море тоже съездили на машине. Ну, как-то вот стали путешествовать, в отпуск.

И. А это вот важно, как думаешь?

Р. Для нас, мне кажется, да. Потому что это интересно — куда-то съездить, что-нибудь посмотреть. Ну и, получается, **на время всей семьей переключиться из стен**. Ну и мы очень любим природу, мы поняли это в этом году в отпуске. (Ж., 1 ребенок)

³ О философском понимании ребенка как «третьего» см. [Kostrova, 2018].

4. Также в перспективе отношений родителей **ребенок (дети) — это «чудо»**, «плод любви», «продолжение семьи», превращающее «партнерские отношения» в «семью-семью», открывающее возможности для познания и переосмысления обыденных вещей.

И. А вот вы сказали, что у вас дочка родилась. Что для вас значило это событие?

Р. Вообще, когда я узнал, что будет дочка, я очень обрадовался, вот. Даже в шутку — ну, не то, чтобы в шутку — кричал «ура!» и радовался, потому что **мой ребенок — это плод любви, как продолжение семьи, и это чудо вообще, что Господь создает ребенка**. И твоя задача вложить все самое доброе, все самое светлое в ребенка. <...> **Ты вместе с ребенком по-другому на мир** [смотришь], **наверное, взгляд у тебя меняется**. Ну, как **чудо, что ребенок вообще появился, то есть, в принципе, это достаточно интересно**.

И. Здорово. Ну, я так понимаю, из практических вещей на школу по подготовке родителей вы не ходили? Такие всякие вещи.

Р. А, нет. Ну, как бы сама новизна и сама как бы... Я не знаю, когда я с людьми общаюсь, я пытаюсь понять с точки зрения собеседника, и, наверное, в каком-то ключе ты вместе с ребенком, если задумаешься, то, получается, **ты вместе с ним познаешь мир, но как бы по-другому начинаешь относиться к вещам каким-то обыденным**.

И. Повседневность уже ярче становится?

Р. Ну да, да. От каких-то там усталости, еще чего-то просто переключиться, поулыбаться друг другу, как-то легче уже. Вот дочка лежит и обои рассматривает. Как сказать... Восхищается обоями, что они какие-то особенные. То есть само вот это вот отношение интереснее. (М., 1 ребенок)

Сходства и различия в нарративах: гипотезы и перспективы

При анализе интервью были выявлены некоторые сходства и различия в описании начальных этапов родительства. В качестве повторяющихся в нарративах можно отметить темы, типичные для дискурса о переходе к родительству: изменения представлений о времени (например, сокращение времени «для двоих») и самореализация. Интересной представляется ориентация обоих супругов на самореализацию вне семьи⁴, которая в нарративах отцов возникала в связи с карьерой и балансом семьи и работы, а у молодых матерей — в связи со стремлением «не замыкаться в семье» даже во время отпуска по уходу за ребенком⁵. Деятельность «вне семьи» могла выражаться в поиске возможностей для саморазвития, вовлечения в волонтерскую деятельность, поиске удаленной работы с гибким графиком и неполной занятостью⁶. Примечательно, что мужья поддерживают жен в этих стремлениях. Таким образом, самореализация является разделяемой супругами ценностью. Чем это может обуславливаться?

⁴ Благодарю анонимного рецензента за акцентирование данного тезиса.

⁵ Не все матери на момент рождения ребенка работали в режиме полной занятости: в некоторых парах дети появились незадолго или сразу после получения диплома о высшем образовании, и такие матери не успели в полной мере выйти на рынок труда.

⁶ Такие «женские» практики А. В. Швецова с соавторами определяют как «нематеринские практики молодых матерей» [Швецова и др., 2022].

И. Ну и как вот этот новый твой, как бы следующий, опыт родительства, он как-то отличается от предыдущего?

Р. На самом деле сильно. У меня по ощущениям, мне кажется, я сейчас **успеваю больше делать, чем когда у меня была одна дочка**. Я немножко **пересмотрела приоритеты**, вот, и как-то полегче в этот раз. Гораздо.

И. А что для тебя, как тебе кажется, ты пересмотрела?

Р. Ну я почему-то, когда я ушла в первый декрет, я вообще ничего не успевала. Мне казалось, что прямо вообще ужас-ужас и никуда. В первые полгода вообще не отойти. Но сейчас, конечно, тоже не отойти, потому что ковид. Вот я сейчас как бы, ну, я понимаю, что нужно **про себя не забывать и какие-то иметь сторонние интересы, занятия и что-то, что будет только твое, и не в области детей, не в области семьи, и я сейчас как бы пытаюсь хоть как-нибудь, но выкраивать на это время**.

И. Ну и как? Какие успехи в этом, получается сколько-нибудь?

Р. Ну сколько-нибудь, да. Я весной занялась волонтерством — ну, где-то по три часа в день, условно, на него трачу. <...> И я договорилась, что я буду два раза в неделю по интернету созваниваться, практиковать разговор на английском, пока вот сколько уже — два с половиной месяца, я только одно занятие пропустила, потому что дочка приболела у нас, вот. А так два раза в неделю я пока четко два часа на это трачу. (Ж., 2 ребенка)

И. Расскажи, часто ли вы ругаетесь? <...> Как ты сама определяешь?

Р. Я думаю, что часто, но это уменьшается со временем. Обычно я нервничаю из-за детей, начинаю наезжать на Мишу, а он может что-то ответить. Мне кажется, это самое частое. <...> То есть если создается напряженная обстановка, а ребенок часто ее создает, если он не в настроении, то по любой мелочи можно начать [ругаться — Прим. авт.]. Я пыталась ругаться — «ты только свои интересы продвигаешь, а я ничего не делаю, у меня мозги стухнут». Но, главное, что **Миша в какой-то момент меня услышал, наверное, когда я спокойно объясняла. Вот у меня бывает возможность [заняться творчеством]. Он поощряет это увлечение, дарит мне [необходимые материалы]** [смеется]. (Ж., 2 ребенка)

Во-первых, ценностным консенсусом в паре оказывается разделение обоими супругами ценности самореализации как одной из составляющих «хорошей жизни», для которой необходимо наличие разных сфер жизни и их баланс — они «не должны претендовать на исключительность, захватывать все их время полностью» [Забаев, Кострова, Голева, 2022: 144]. Кроме того, можно предположить, что возможность самореализации «вне семьи» во время ухода за маленьким ребенком позволяет несколько сгладить эффект «штрафа» за материнство (сокращение доходов после рождения ребенка при выходе на рынок труда [Бирюкова, Макаренцева, 2017]) за счет развития навыков, которые могут пригодиться в дальнейшей работе, или получения опыта в сферах деятельности, предполагающих гибкий график, позволяющий сочетать работу и материнство.

Во-вторых, еще одной точкой консенсуса является разделение представлений о «современном родительстве», для которого «важен не просто факт заключения брака, но и такие мотивы, как стремление к эмоциональной близости и желание личной самореализации в сфере родительства» [Чернова, Шпаковская, 2010: 31].

В-третьих, стремление к деятельности «не в области детей, не в области семьи» может быть способом совладания с жизненными вызовами, адаптации к новой ситуации: возможность смены вида деятельности может удовлетворять имеющиеся потребности и с большим энтузиазмом возвращаться к исполнению родительских обязанностей.

Дальнейшие репродуктивные планы информанты описывали по-разному: одни считали, что «свой план демографический мы выполнили», так как детей уже двое, другие отмечали, что хотели бы иметь большее количество детей. Отношение к родительству в разных парах также варьировалось. Кому-то пришлось прикладывать значительные усилия для адаптации (супругам по отдельности и совместно, в паре, а также в отношениях с другими близкими родственниками), и это могли быть достаточно сложные с эмоциональной точки зрения процессы. В других нарративах опыт родительства представлен как не менее эмоциональный, сопровождающийся своими сложностями, переживаниями, радостями. Однако трудности описываются как что-то естественное и свойственное семейной жизни.

И. Каково быть матерью?

*Р. Это, хочется сказать, что счастье. Это счастье, но не в том плане, что встаю... Ты, когда беременна, у тебя страх присутствует, что что-то может пойти не так. Но когда ты рождаешь, у тебя постоянно, даже если все хорошо и все нормально, ты всегда на легком старте, что что-то может случиться. **Всегда в таком легком нервном состоянии и переживаниях.** И это гордость, особенно мама мальчика, не все, конечно, хотя и мальчика, но я вот хотела первого мальчика. **Это большая гордость, ответственность, чтобы вырос настоящим мужчиной. И это радость, когда тебя ребенок любит, обнимает.** <...> Хочу, чтоб вырос полноценный здоровый психически и физически ребенок, потому что это важно. Хочется, чтоб просто человек был, чувствовал любовь. <...> Ну, и, конечно, **это ответственность большая.** То, что ты делаешь, это отражается, то есть нужно не ссориться на его глазах, не всегда получается, но мы стараемся ему не врать, что вот мы повздорили. (Ж., 1 ребенок)*

Различались также ответы информантов на вопросы об удовлетворенности жизнью в целом и семейной в частности. Оценка состояния может носить ситуативный характер, как в цитате ниже, где упоминается достаточно быстрое изменение самооощущения, быть следствием совокупности факторов (семья недавно переехала и еще не до конца освоилась в новом городе).

Р. Я вот все время думаю о будущем и переживаю, поэтому моя жизнь в целом, по шкале от одного до десяти, я бы оценил ее на «четыре», вот, я бы так оценил.

И. Угу.

Р. [Смеется]. Вернее, как. Вернее, если бы ты меня спросила три дня назад, я, думаю, по шкале от одного до десяти, это было бы «два», но сейчас <...> я бы написал «четыре-пять», вот я сказал бы моя жизнь сейчас, да. Вот, ну да, но не понятно, как с этим справиться, да. (М., 1 ребенок)

Примечательным представляется описание разных сфер жизни через глаголы движения (см. первую цитату ниже) — «вставать», «ехать», «бежать», — где семья становится местом относительной стабильности, живой, постоянной: дом, в котором находятся жена и ребенок (дети), остается, в него хочется возвращаться, несмотря на усталость и эмоциональные всплески (вторая цитата). Дом может быть рассмотрен как образ целостности семейного мира [Забаев, Кострова, Голева, 2022].

И. Удовлетворен ли ты своей жизнью?

Р. Да. Я очень на самом деле счастлив, да. Я, как бы ни уставал и все, я все равно хочу домой, да и вообще все классно [смеется]. Я с утра встаю и через четыре секунды ненависти к миру, к утру и всему прочему... просто в пять утра очень тяжело вставать, если ты ложишься в час ночи, вот все. Потому что я еду на работу, на которой мне интересно. При этом я встаю с кровати и смотрю на любимую женщину, на спящего вот в такой позе ребенка, ко мне бежит кошка... Ну, что еще может быть? Скоро будет бежать собака, черепаха будет проползать, короче, это очень круто. Мне всего хватает и все мне нравится. (М., 1 ребенок)

Ну, вот знаешь, я не могу — по крайней мере, если за себя говорить, — то да, я все время счастлив на самом деле. То есть, если брать нашу семейную в целом, то да. <...> Если вот недостатки моего характера не смотреть, то у нас все очень хорошо, у нас отличная семья, мы хорошо ладим, только иногда, я же говорю, недостатки мои личные вылезают. **У нас отличные дети, все замечательно, я счастлив, когда я прихожу домой.** Соня уставшая, все равно рад видеть Соню, я рад видеть детей, даже если они будут орать, просто высверливать мозг, <...> я иногда даже срываться буду, начну повышать голос, **но я все равно буду счастлив рядом с ними.** Я на работу уезжаю, там у меня счастье другого плана наступает, не семейное. Я возвращаюсь, и вот семейное счастье возвращается. Я счастливый человек, однозначно. (М., 2 ребенка)

Заключение

Переход к родительству запускает переосмысление разных аспектов отношений супругами, среди которых можно выделить как условно «индивидуальные» — включение в материнство и отцовство, трансформация представлений о семейной жизни, так и «семейные» — переоценка отношений в паре («вы в одной лодке», ребенок как опосредующий отношения «третий», значимость семейных «переключений»), представление о ребенке как о «чуде», «продолжении семьи», «плоде любви».

Говорить об однозначном влиянии становления в качестве родителей на отношения супругов сложнее. Некоторые респонденты на вопрос об изменениях в жизни говорили об улучшении или ухудшении отношений. При описании вторых ситуаций речь может идти об увеличении частоты ссор из-за «детских мелочей», недовольства друг другом, дефицита сна, нервного напряжения родителей, но не о снижении взаимной привязанности, исчезновении теплых чувств по отношению друг к другу. Некоторым из пар удалось найти способы взаимодействия, позволяющие справляться с такими «вызовами», например, за счет спокойного разговора и обсуждения ситуаций, создания условий для высвобождения индивидуального времени и времени «для двоих» (в том числе с привлечением друзей,

родственников, нянь), осознания наличия общих целей, обоюдного вовлечения в заботу о детях. Такие практики можно интерпретировать как выбор в пользу обоюдной работы над собой и над отношениями, стремления совместного движения по жизни в качестве и супругов, и родителей.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что переход к родительству для семейных отношений — это не только период рисков и сложностей, но и возможность для индивидуального и семейного переосмысления, развития навыков поиска компромиссов, взаимопомощи и поддержки. Также по его результатам следует обозначить ряд тем и гипотез, требующих дальнейшей разработки.

Во-первых, рассмотренные нарративы позволяют предположить, что матери и отцы по-разному осмысливают переход в родительство. Так, в книге «Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме» описывались различия в мужских и женских стратегиях при определении баланса семьи и работы в семьях с детьми [Хокшильд, Мачун, 2020]. Исследование представлений мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому, основанное на данных телефонного опроса, проведенного в 2015 г. в России, показывает, что существует разрыв в представлениях мужчин и женщин о затратах на домашний труд и что с появлением ребенка затраты женщин на работу по дому значительно увеличиваются (на несколько часов, в то время как у мужчин — в пределах получаса) [Макаренцева, Бирюкова, Третьякова, 2017: 104—105]. Возможно, при дальнейшем анализе семейных отношений фокус исследования мог бы быть перенесен со становления в родительстве в целом на освоение новых ролей мужа-отца и жены-матери с количественным учетом темпоральных изменений.

Во-вторых, еще одним направлением для дальнейших исследований является рассмотрение родительства через изменения в понимании времени, его смыслов и социальных значений⁷. Анализ социальных значений времени в семьях с несколькими детьми позволил сделать вывод о том, что «семейная жизнь и время в семье является не только периодом тяжелого труда и постоянной нехватки времени, но также счастьем, источником позитивных эмоций, возможностью осмысления действительности в возвышенных категориях („смысл жизни“, „вечность“») [Голева, 2019: 255]. Супруги с маленькими детьми переход к родительству также осмысливают в терминах времени, о чем свидетельствуют приведенные в тексте цитаты. Например, переход в родительство — это когда времени становится недостаточно, повышается интенсивность и концентрация задач и событий. Наличие детей может сокращать возможности для планирования, структурирования времени. Совместное времяпрепровождение с ребенком становится условием для полноценного погружения в роль отца и формирования детско-родительской привязанности. Это также возможность для остановки и созерцания, переосмысления привычных повседневных предметов и явлений. Появление ребенка и общение с ним, движение с ним во времени позволяет дольше оставаться включенными в современные и актуальные дискурсы и контексты.

В-третьих, наблюдаемые вариации в осмыслении супругами перехода к родительству (оценка отношений, жизненные ориентиры, описания формата общения

⁷ Благодаря анонимного рецензента за данный комментарий и за актуализацию темпоральных составляющих в разных аспектах осмысления перехода к родительству в цитируемых фрагментах интервью.

и семейных практик) и имеющиеся данные пока не позволяют однозначно ответить на вопрос о том, чем эти различия обуславливаются. Возможными факторами могут быть частота и поводы для конфликтов (в частности, финансовые конфликты [Жидкова, 2019]), степень религиозности (принадлежность к конфессии может быть связана с разделением определенной этики [Peterson, Seligman, 2004]), материальное положение (например, его стабильность [Сычев, Казанцева, 2017]), стаж в браке и/или длительность отношений [Денисова, Агаян, 2016], (не)включенность в социальные сети поддержки и взаимопомощи [Барсукова, 2005; Bott, 1957; Balbo, 2012].

В-четвертых, открытым остается вопрос о вариациях в осмыслении супругами отношений после рождения первого и второго (последующих) детей. Так, мотивы появления первенца и последующих детей могут различаться [Биктина, Соколова, 2017], а исследования многодетных семей показывают, что решение о рождении нескольких детей не всегда является универсальным при вступлении в брак, но может приниматься заново при рождении каждого следующего ребенка и быть следствием положительной оценки родителями их супружеских отношений [Павлюткин, Голева, 2020: 110].

В-пятых, практическим направлением развития данной темы может стать выявление «успешных практик» семей, совершивших исследуемый жизненный переход, сложностей, с которыми могут столкнуться молодые родители, и стратегий совладания с ними.

Список литературы (References)

- Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 1. С. 106—137. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7711>.
- Artamonova A. V., Mitrofanova E. S. (2018) Matrimonial Behavior of Russians in a European Context. *Demographic Review*. Vol. 5. No. 1. P. 106—137. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7711>. (In Russ.)
- Барсукова С. Ю. Сетевые обмены российских домохозяйств: опыт эмпирического исследования // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 34—45. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-8/barsukova_nets.pdf (дата обращения: 20.04.2023).
- Barsukova S. Yu. (2005) Network Exchanges of Russian Households: An Empirical Study. *Sociological Studies*. No. 8. P. 34—45. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-8/barsukova_nets.pdf (accessed: 20.04.2023). (In Russ.)
- Биктина Н. Н., Соколова Д. У. Особенности мотивации рождения ребенка-первенца у мужчин и женщин // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 1. С. 255—258.
- Biktina N. N., Sokolova D. U. (2017) Features of Motivation for Men and Women of the Child's Birth the First-Born. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. Vol. 6. No. 1. P. 255—258. (In Russ.)
- Бирюкова С. С., Макаренцева А. О. Оценки «штрафа за материнство» в России // Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 50—70.

Biryukova S., Makarentseva A. O. (2017) Estimates of The Motherhood Penalty in Russia. *Population and Economics*. Vol. 1. No. 1. P. 50—70. (In Russ.)

Бонкало Т. И., Маринова Т. Ю., Феоктистова С. В., Шмелева С. В. Диадические копинг-стратегии супругов как фактор латентных дисфункциональных отношений в семье: опыт эмпирического исследования в условиях пандемии // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 3. С. 35—50. <https://doi.org/10.17759/sps.202011030>.

Bonkalo T. I., Marinova T. Yu., Feoktistova S. V., Shmeleva S. V. (2020) Dyadic Coping Strategies of Spouses as a Factor in Latent Dysfunctional Relationships in the Family: An Empirical Study in a Pandemic. *Social Psychology and Society*. Vol. 11. No. 3. P. 35—50. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110303>. (In Russ.)

Борисова О. Н. Отцовская вовлеченность: индивидуальные и межстрановые различия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 260—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.13>.
Borisova O. N. (2017) Father's Involvement: Individual and Cross-Country Differences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 260—283. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.6.13>. (In Russ.)

Голева М. А. Социальное значение времени в семье с детьми (на примере многодетных семей) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 239—260. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.14>.
Goleva M. A. (2019) Social Meaning of Time in a Family with Children (A Case Study of Large Families). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 239—260. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.14>. (In Russ.)

Гурко Т. А. Понятие амбивалентности в изучении семейных отношений // Социологические исследования. 2020. № 2. С. 63—73. <https://doi.org/10.31857/S013216250008526-1>.

Gurko T. A. (2020) The Concept of Ambivalence in the Study of Family Relations. *Sociological Studies*. No. 2. P. 63—73. <https://doi.org/10.31857/S013216250008526-1>. (In Russ.)

Денисова Е. А., Агаян К. А. Сравнительный анализ супружеской удовлетворенности в молодых и зрелых семьях // Концепт. 2016. № 7. С. 143—148. URL: <https://e-koncept.ru/2016/16153.htm> (дата обращения: 20.04.2023).

Denisova E. A., Agayan C. A. (2016) Comparative Analysis of Matrimonial Satisfaction in Young and Mature Families. *Concept*. No. 7. P. 143—148. URL: <https://e-koncept.ru/2016/16153.htm> (accessed: 20.04.2023). (In Russ.)

Жидкова П. А. Детерминанты финансовых разногласий в российских семьях // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 3. С. 67—83. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.3.6676>.

Zhidkova P. A. (2019) The Determinants of Financial Disagreements in Russian Families. *Sociological Journal*. Vol. 25. No. 3. P. 67—83. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.3.6676>. (In Russ.)

Забаяев И. В., Емельянов Н. Н., Павленко Е. С., Павлюткин И. В. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012.

Zabaev I. V., Emeliyanov N. N., Pavlenko E. S., Pavlyutkin I. V. (2012) Family and Childbearing in Russia: Categories of Parental Mind. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University. (In Russ.)

Забаяев И. В., Кострова Е. А., Голева М. А. Самореализация и дети: логики использования пространства в нарративах россиянок // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 127—154.

Zabaev I. V., Kostrova E. A., Goleva M. A. (2022) Self-Realization and Children: Logics of Space Usage in the Narratives of Russian Women. *Russian Sociological Review*. Vol. 21. No. 3. P. 127—154. (In Russ.)

Исупова О. Г. Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018. № 3. С. 180—189. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2018/3/intensivnoe-materinstvo-v-rossii.html> (дата обращения: 20.04.2023).

Isupova O. G. (2018) Intensive Motherhood in Russia: Mothers, Daughters and Sons in School Growing Up. *Neprikosnovenny Zapas: Debates on Politics and Culture*. No. 3. P. 180—189. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2018/3/intensivnoe-materinstvo-v-rossii.html> (accessed: 20.04.2023). (In Russ.)

Калабихина И. Е., Башкирова К. Ю., Борисенко Я. А. Помогает ли гендерное равенство в благополучии многодетных семей? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 5. С. 77—96. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_5_77_96.

Kalabikhina I. E., Bashkirova K. Yu., Borisenko Ya. A. (2022) Does Gender Equality Help in the Well-Being of Large Families? *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 5. P. 77—96. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_5_77_96. (In Russ.)

Макаренцева А. О., Бирюкова С. С., Третьякова Е. А. Представления мужчин и женщин о затратах времени на работу по дому // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 97—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.06>.

Makarentseva A. O., Biryukova S. S., Tretyakova E. A. (2017) Perceptions of Time Spent on Housework Among Men and Women. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 97—114. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.2.06>. (In Russ.)

Малева Т. М., Синявская О. В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5. С. 70—97.

Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (2006) Socio-Economic Factors of Fertility in Russia: Empirical Measurements and Challenges to the Social Policy. *SPERO. Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews*. No. 5. P. 70—97. (In Russ.)

Мокиевская И. В., Смирнова О. В. Особенности совладающего поведения в ситуации супружеского конфликта у мужчин и женщин // Концепт. 2020. № 2. С. 121—127. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-12005>.

Mokievskaya I. V., Smirnova O. V. (2020) Some Features of Coping Behavior in a Situation of Marital Conflict Between Men and Women. *Concept*. No. 2. P. 121—127. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-12005>. (In Russ.)

Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад / под отв. ред. С. В. Захарова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020.

Zakharov S. V. (ed.) (2020) *Russia's Population in 2018: 26th Annual Demographic Report*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)

Павлюткин И. В., Голева М. А. Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // Социологические исследования. 2020. Т. 7. № 7. С. 106—117. <https://doi.org/10.31857/S013216250009564-3>.

Pavlyutkin I. V., Goleva M. A. (2020) How Do Families with Many Children Emerge? Typology of Parents' Transitions. *Sociological Studies*. Vol. 7. No. 7. P. 106—117. <https://doi.org/10.31857/S013216250009564-3>. (In Russ.)

Попова П. А. Как объяснить финансовый конфликт в семье? Обзор экономических, психологических и социологических концепций // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 2. С. 112—137. URL: https://ecsoc.hse.ru/2017-18-2/annot.html#doc_204513091 (дата обращения: 20.04.2023).

Popova P. A. (2017) How to Explain Financial Disagreements in Families: A Review of Economic, Psychological and Sociological Theories. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 18. No. 2. P. 112—137. URL: https://ecsoc.hse.ru/2017-18-2/annot.html#doc_204513091 (accessed: 20.04.2023). (In Russ.)

Савенышева С. С. Динамика супружеских отношений при переходе к родительству: анализ зарубежных исследований // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.473>.

Savenysheva S. S. (2016) The Dynamics of Marital Relationship during the Transition to Parenthood: Analysis of Foreign Studies. *Psychological Studies*. Vol. 9. No. 47. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.473>. (In Russ.)

Савенышева С. С. Факторы удовлетворенности браком в период после рождения ребенка: анализ зарубежных исследований // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.405>.

Savenysheva S. S. (2017) Marriage Satisfaction Factors during the Period after Childbirth: Analysis of Foreign Studies. *Psychological Studies*. Vol. 10. No. 51. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.405>. (In Russ.)

Синельников А. Б. Семья и брак на европейском фоне // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 4. С. 53—76. Sinelnikov A. B. (2010) Family and Marriage on the European Background. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 53—76. (In Russ.)

Сычев О. А., Казанцева О. А. Социально-демографические и психологические факторы удовлетворенности отношениями в браке // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. Т. 7. № 1. С. 106—128. <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1701.08>.

Sychev O. A., Kazantseva O. A. (2017) Socio-Demographic and Psychological Factors of Marital Satisfaction. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. Vol. 7. No. 1. P. 106—128. <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1701.08>. (In Russ.)

Тёмкина А. А. «Экономика доверия» в платном сегменте родовспоможения: городская образованная женщина как потребитель и пациентка // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 3. С. 14—53. URL: https://ecsoc.hse.ru/2017-18-3/annot.html#doc_206302723 (дата обращения: 20.04.2023).

Temkina A. A. (2017) “Economy of Trust” in Commercial Obstetric Care: Educated Urban Women as Consumers and Patients. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 18. No. 3. P. 14—53. URL: https://ecsoc.hse.ru/2017-18-3/annot.html#doc_206302723 (accessed: 20.04.2023). (In Russ.)

Хокшильд А. Р., Мачун Э. Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме / пер. с англ. под науч. ред. А. Космарского. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2102-1>.

Hochschild A. R., Machung A. (2020) *The Second Shift: Working Families and the Revolution at Home*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2102-1>. (In Russ.)

Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2010. Т. 2. № 3. С. 19—43. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/216> (дата обращения: 20.04.2023).

Chernova Zh. V. Shpakovskaya L. L. (2010) Young Adults: Marriage, Partnership, and Parenthood. Discursive Prescriptions and Practices in Contemporary Russia. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 2. No. 3. P. 19—43. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/216> (accessed: 20.04.2023). (In Russ.)

Чурилова Е. В., Захаров С. В. Тенденции прекращения первых брачно-партнерских союзов в России // *Вопросы статистики*. 2021. Т. 28. № 2. С. 54—66. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-54-66>.

Churilova E. V., Zakharov S. V. (2021) Trends in Dissolution of First Partnerships in Russia. *Voprosy Statistiki*. Vol. 28. No. 2. P. 54—66. <https://doi.org/10.34023/2313-6383-2021-28-2-54-66>. (In Russ.)

Швецова А. В., Симонова И. А., Оболенская А. Г., Кривошекова М. С. Онлайн-практики экономического поведения российских женщин в период декретного отпуска // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 4. С. 12—36. <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-12-36>.

Shvetsova A. V., Simonova I. A., Obolenskaya A. G., Krivoshchekova M. S. (2022) Online Practices of the Economic Behavior of Russian Women During Maternity Leave. *Jour-*

nal of Economic Sociology. Vol. 23. No. 4. P. 12—36. <http://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-4-12-36>. (In Russ.)

Balbo N. F. G. (2012) *Family, Friends and Fertility*. Ridderkerk: Ridderprint.

Bengtson V. L., Allen K. R. (2009) The Life Course Perspective Applied to Families over Time. In: Boss P., Doherty W. J., LaRossa R., Schumm W. R., Steinmetz S. K. (eds.) *Sourcebook of Family Theories and Methods: A Contextual Approach*. Boston, MA: Springer. P. 469—504. https://doi.org/10.1007/978-0-387-85764-0_19.

Bott E. (1957) *Family and Social Networks*. London: Tavistock.

Kluwer E. S. (2010) From Partnership to Parenthood: A Review of Marital Change Across the Transition to Parenthood. *Journal of Family Theory & Review*. Vol. 2. No. 2. P. 105—125. <https://doi.org/10.1111/j.1756-2589.2010.00045.x>.

Kostrova E. (2018) The Dyad and the Third Party: The Traces of Simmel's Distinction in Phenomenology and Family Studies. *Avant. The Journal of the Philosophical-Interdisciplinary Vanguard*. Vol. 9. No. 2. P. 187—202. <http://dx.doi.org/10.26913/avant.2018.02.12>.

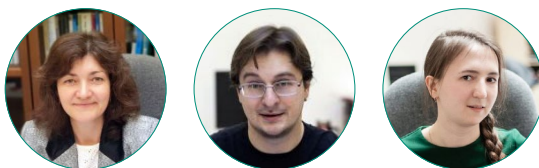
LaRossa R., LaRossa M. M. (1981) *Transition to Parenthood: How Infants Change Families*. Beverly Hills, CA: Sage.

Moscattelli M., Ferrari C., Parise M., Serrano C., Carrà E. (2022) “Constructing the We”: Relational Reflexivity of Couples with Children in Italy. A Mixed-Method Study. *Marriage & Family Review*. Vol. 58. No. 5. P. 383—412. <https://doi.org/10.1080/01494929.2021.1997873>.

Peterson C., Seligman M. E. P. (2004) *Character Strengths and Virtues: A Handbook and Classification*. Washington, DC: American Psychological Association.

Rossi A. S. (1968) Transition to Parenthood. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 30. No. 1. P. 26—39. <https://doi.org/10.2307/350219>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2359](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359)

Е. В. Пруцкова, И. В. Павлюткин, О. Н. Борисова

СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ НА ФОНЕ ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН: ЭФФЕКТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

Правильная ссылка на статью:

Пруцкова Е. В., Павлюткин И. В., Борисова О. Н. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других европейских стран: эффект социального контекста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 103—126. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359>.

For citation:

Prutskova E. V., Pavlyutkin I. V., Borisova O. N. (2023) Religiosity and Fertility in Russia and Other European Countries: The Effect of Social Context. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 103–126. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2359>. (In Russ.)

Получено: 25.12.2022. Принято к публикации: 27.02.2023.

СВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОСТИ И РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ НА ФОНЕ ДРУГИХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН: ЭФФЕКТ СОЦИАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

RELIGIOSITY AND FERTILITY IN RUSSIA AND OTHER EUROPEAN COUNTRIES: THE EFFECT OF SOCIAL CONTEXT

ПРУЦКОВА Елена Викторовна — кандидат философских наук, научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», старший преподаватель кафедры философии и религиоведения, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: evprutskova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9969-0536>

*Elena V. PRUTSKOVA*¹ — *Cand. Sci. (Philos.)*, Research fellow at the “Sociology of Religion” Laboratory; Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Religious Studies
E-MAIL: evprutskova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9969-0536>

ПАВЛЮТКИН Иван Владимирович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: euhominid@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1077-6377>

*Ivan V. PAVLYUTKIN*¹ — *Cand. Sci. (Soc.)*, Senior Research Fellow at the “Sociology of Religion” Laboratory
E-MAIL: euhominid@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1077-6377>

БОРИСОВА Ольга Николаевна — научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва, Россия
E-MAIL: hevel.boriska@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2804-5951>

*Olga N. BORISOVA*¹ — Research fellow at the “Sociology of Religion” Laboratory
E-MAIL: hevel.boriska@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2804-5951>

Аннотация. На фоне процессов секуляризации и ослабления связи между религиозностью и рождаемостью увеличиваются различия между конфессиями и регионами Европы, и перспективной становится задача поиска факторов, отвечающих за ее усиление или ослабление. В статье на данных трех волн Европейского исследования ценностей (1999, 2008, 2018) в 39 странах анализируется значение социального контекста и религиозной социализации для объяснения

Abstract. The differences across religions and regions of Europe are growing against the background of secularization processes and the weakening connection between religiosity and fertility. This causes interest in the factors responsible for the strengthening or weakening of the connection between religiosity and fertility. Based on data from three waves of the European Values Study (1999, 2008, 2018) in 39 countries, this study analyzes the role of the social context and religious socialization in ex-

¹ St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia

специфики связи между религиозностью и количеством детей для России и постсоветских стран с доминированием православного населения на фоне других регионов Европы.

Результаты многоуровневого регрессионного анализа показывают, что уровень первичной религиозной социализации (регулярное посещение религиозных служб в период взросления) и поддерживающий религиозный контекст (средний уровень религиозности в стране) усиливают связь индивидуальной религиозности и количества детей. Полученный результат позволяет объяснить слабую связь между религиозностью и рождаемостью для постсоветских стран с доминированием православного населения. Западноевропейские страны, считающиеся сегодня центром процессов секуляризации, до сих пор имеют значительные «очаги» институционального влияния религии на рождаемость, связанные с семейными и образовательными институтами. Восточноевропейские и постсоветские страны, несмотря на наблюдаемый процесс «религиозного возрождения» в 1990-е и 2000-е годы, не сформировали развитые институты религиозной социализации, которые отвечают за семейный образ жизни и отражаются в демографических моделях связи религиозности и рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, религиозность, религиозная социализация, религиозный социальный контекст, Европейское исследование ценностей

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 18-78-10089, <https://>

explaining the specifics of the relationship between religiosity and childbearing for Russia and other post-Soviet countries with the dominance of the Orthodox population in comparison with other regions of Europe.

The results of a multilevel regression analysis show that the level of primary religious socialization (regular attendance at religious services at the age of 12 years old) and a supportive religious context (the average level of religiosity in the country) increase the connection between individual religiosity and the number of children. This explains the weak relationship between religiosity and fertility in post-Soviet countries with the dominance of the Orthodox population. Western European countries, which today are considered the center of secularization processes, still have significant “foci” of the institutional influence of religion on fertility, associated with family and educational institutions. Eastern European and post-Soviet countries, despite the observed process of the “religious revival” in the 1990s and 2000s, did not form developed institutions of religious socialization responsible for family lifestyle. This is reflected in demographic models of connection between religiosity and fertility.

Keywords: fertility, religiosity, religious socialization, religious social context, European Values Study

Acknowledgments. The project was supported by the Russian Science Foundation in a form of a grant (project № 18-

rscf.ru/project/18-78-10089/. Организация выполнения проекта — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Благодарим анонимных рецензентов за ценные комментарии и советы.

7810089, <https://rscf.ru/en/project/18-78-10089/>). The grant was given to Saint Tikhon's Orthodox University. The authors of the study are grateful to anonymous reviewers for valuable comments and advice.

Введение

Исследования показывают положительную связь религиозности и рождаемости в различных странах и регионах Европы. Так, религиозность статистически положительно влияет на количество рожденных детей в браке, на представления об идеальном и желаемом количестве детей, а также на установки и намерения родить еще одного ребенка [Adsera, 2006; Berghammer, 2009; Buber-Ennser, Berghammer, 2021; Derosas, Van Poppel, 2006; DeRose, 2021; Frejka, Westoff, 2008; Heaton, 2011; Heineck, 2012; Herzer, 2019; Peri-Rotem, 2016; Philippov, Berghammer, 2007; Terämä, 2010]. Сложно найти еще один такой фактор, который бы демонстрировал устойчивое и воспроизводимое влияние в исследованиях последних 50 лет, несмотря на то что его значение в масштабах обществ постепенно снижается и становится более нелинейным.

Общее ослабление корреляции между религиозностью и рождаемостью в Европе сопровождается усилением различий между конфессиями и регионами, что указывает на увеличение вариативности форм связи и приводит к необходимости поиска факторов, объясняющих эту вариативность. Например, все чаще подтверждается снижение значимости религиозного влияния, когда речь идет о рождаемости среди католиков в сравнении с протестантами [Herzer, 2019]. На фоне христианских конфессий Европы традиционно католические страны, изначально выделявшиеся сильным сцеплением религии и фертильности, сегодня демонстрируют более низкие показатели и скромный вклад религии в итоговую рождаемость (несмотря на относительно высокие показатели рождаемости высокорелигиозных групп) [Berman, Iannaccone, Ragusa, 2018; Herzer, 2019; Mogi, Esteve, Skirbekk, 2022]. Сюда же можно отнести различия во влиянии аспектов религиозности на рождаемость между Западным, Центральным и Восточным регионами Европы. Например, в исследовании И. Бубер-Эннсер и К. Бергхаммер зафиксировано, что уровень реализации намерений в отношении количества детей намного выше в Западной Европе (около 40—50%), чем в странах ЦВЕ (около 20—30%), при этом влияние религиозности в целом слабое и непостоянное [Buber-Ennser, Berghammer, 2021]. Одно из предположений, объясняющих данные различия, связано с неоднородностью процессов секуляризации в XX веке в разных европейских регионах («естественная» и «форсированная» секуляризация).

В ситуации слабого сцепления между религиозностью и рождаемостью важно понимать, какие модулирующие, или «третьи», факторы усиливают или ослабляют влияние религиозности на рождаемость в масштабах обществ. Например, в ряде исследований эффект религиозной аффилиации варьируется в зависимости от образования [de la Croix, Delavallade, 2018; Peri-Rotem, 2020].

В публикациях на российских данных было показано, что количество детей в религиозных семьях немного выше, а религиозность объясняет повышение численности многодетных семей, влияет на вторые и последующие рождения [Борисова, Павлюткин, 2019; Карабчук, Кечетова, 2017; Рощина, 2018]. Однако этот результат нельзя назвать устойчивым, поскольку в других исследованиях, а также при сравнении разных возрастных когорт эта связь не обнаруживается [Малева, Синявская, 2007; Захаров, Чурилова, 2022]. В целом, по мнению демографов, современная Россия как кейс влияния православия на рождаемость и выявления модерлирующих факторов остается малоизученной [Buber-Ennser, Berghammer, 2021].

В данной статье рассматриваются возможные подходы к объяснению причин, дифференцирующих характер связи религиозности и рождаемости в разных странах Европы. Это важно и для понимания специфики российской модели связи. Для достижения поставленной цели применяется социально-контекстный подход, предложенный Р. Старком [Stark, 1996]. Он исходит из того, что религиозность оказывает влияние на ценности и нормы, только если она принимается большинством населения как общезначимое основание для действия. Также мы опираемся на институциональный подход К. МакКвиллана [McQuillan, 2004], акцентирующий важность социально-религиозного контекста для рождаемости.

Религия и рождаемость: важность социального контекста

Рассматривая противоречивые результаты исследований влияния религиозности на правонарушения, Р. Старк предложил отказаться от предпосылки, что религиозность — это в первую очередь индивидуальная характеристика, и заменить ее предпосылкой, что религия — это прежде всего социальный феномен [Stark, 1996]. Действительно, согласно результатам его исследования, религиозность оказывает влияние только в поддерживающем социально-религиозном контексте.

Существует не так много исследований, которые одновременно учитывали бы влияние религиозности на рождаемость на двух уровнях — индивидуальном и контекстуальном. Примечательно, что со времени проведения В. Лутцем масштабного анализа данных по 128 странам [Lutz, 1987], который еще тогда стал маркером малого числа работ подобного рода, за три с лишним десятка лет ситуация изменилась незначительно. Обычно, если и проводится межстрановой анализ, он ограничивается уровнем таблиц сопряженности со сравнением различных религиозных деноминаций внутри определенных стран или сравнением показателей религиозности и рождаемости на выборке из нескольких стран [Adsera, 2006; Frejka, Westoff, 2008, Philipov, Berghammer, 2007]. Между тем вне зависимости от индивидуальной веры доминантная религия и уровень религиозности в стране могут быть мощной культурной силой, которая формирует индивидуальные установки и поведение в области рождаемости [Skirbekk, 2022].

В. Лутц представил масштабную макросоциологическую модель объяснения различий в рождаемости, куда наряду с религиозностью включил показатели, связанные с уровнем социально-экономического развития (развитость экономики, систем образования и здравоохранения, рынка труда) [Lutz, 1987]. В целом меньшая развитость экономики сопряжена с более низким уровнем использо-

вания контрацепции, низким уровнем образованности, а также вовлеченности женщин в рынок труда. Однако, несмотря на то что рождаемость негативно скоррелирована с образованием, ВВП и уровнем контрацепции, а положительно — с религиозностью, для Западной Европы характерно увеличение рождаемости с уровнем образованности, и снижение — с уровнем религиозности [Götmark, Andersson, 2020]. Более того, страны с наиболее высокими показателями занятости на рынке труда и низкой религиозностью демонстрируют наивысшие показатели рождаемости [Coleman, 2004; Guetto et al., 2015]. На неоднозначность связи между уровнем рождаемости и ВВП также указывают и другие известные исследования [Sobotka, Skirbekk, Philipov 2011]. Анализируя условия взаимосвязи религии и рождаемости, К. МакКвиллан предположил, что, поскольку религия функционирует в условиях прочих институтов, ее влияние на рождаемость в значительной мере опосредуется институциональным контекстом [McQuillan, 2004]. В частности, автор указывает, что религиозность может оказывать положительное влияние только при соблюдении трех условий: наличие артикулированных норм в сфере рождаемости и семьи (пронатализм), развитость религиозных институтов (и положение церкви в обществе), позволяющее иметь рычаги влияния для поддержания этих норм, чувство принадлежности к религиозному сообществу как важная часть идентичности его членов [McQuillan, 2004]. Иными словами, для «эффективного влияния» нормативная составляющая религиозности обязательно должна подкрепляться развитыми институтами.

Вслед за К. МакКвилланом предпринимались попытки включать в анализ развитость и характер влияния религиозных институтов. Например, в статье Е. Бермана, Л. Ианнаконе и Дж. Рагусы [Berman, Iannaccone, Ragusa, 2018] снижение рождаемости в католических странах (Италия, Франция) объяснялось не столько снижением общей религиозности среди католиков, сколько уменьшением предоставления социальных услуг, связанных с заботой о детях, обеспеченных Католической церковью. Такие услуги значимо снижали издержки семей с детьми на уровне целого общества в середине XX века. Показателем данного процесса служило количество монахинь, которые были основными поставщиками подобных услуг. В то же время за передачу пронаталистской нормы отвечало количество священников в стране, но оно не имело такого эффекта на рождаемость.

Различия могут фиксироваться на региональном уровне внутри одной страны [Coleman, Dubuc, 2010; van Poppel, 1985; Terämä, 2010]. Культурная принадлежность к региону, концентрация определенной религии или этнического меньшинства способны повышать общие показатели локальной рождаемости. В одном из исследований была выявлена сильная корреляция между уровнем религиозности в регионе и долей семей с большим количеством детей, а связи с уровнем образования в регионе и безработицей не наблюдалось [Terämä, 2010].

Альтернативой гипотезам Р. Старка и К. МакКвиллана о важности поддерживающего религиозного контекста является предположение о более сильном влиянии религиозности в секулярном социальном контексте, поскольку религиозные люди в таком обществе ощущают отличие своих ценностей, норм и поведения и должны их некоторым образом актуализировать и обосновывать [Blekesaune, Skirbekk, 2022]. Например, было показано, что влияние религиозности на рож-

даемость может становиться более выраженным в более секуляризованных контекстах [Berghammer, 2009].

Такая неоднозначность результатов заставляет исследователей предпринять следующий шаг — включить в анализ *культурное измерение*. Одним из инструментов его оценки выступает общий уровень рождаемости. Включение уровня рождаемости в модель как контрольной, а не зависимой переменной позволяет рассматривать его как индикатор доминирующих в стране норм рождаемости. В частности, те женщины, чьи родители были родом из стран с большим количеством детей, оказывались более склонны иметь и большее количество собственных детей [Fernández, Fogli, 2006]. При этом на примере США была продемонстрирована 30-летняя стабильность представлений в этой сфере. Это позволяет взять за основу построения модели женской фертильности намерения относительно рождений у девушек 20—24 лет [Hayford, Morgan, 2008]. Важным оказывается и факт, что детерминанты фертильности отличаются для высокофертильных и низкофертильных популяций [Bongaarts, 2001; Hayford, Morgan, 2008; Lutz, 1987]. И если для первых более актуальны факторы, связанные с социально-экономическим развитием (развитость контрацепции и пр.), то для последних на первый план выходит уже культурная составляющая.

Различия в режимах религиозной социализации

При изучении связи религиозности и рождаемости целесообразно учитывать не только показатели религиозности, но и социальные процессы, связанные с межпоколенной передачей религиозности, то есть процессы религиозной социализации [Sherkat, 2003]. Религия содержит определенный набор установок, норм и ценностей, в том числе связанных с рождением детей, которые передаются (приобретаются) в ходе социализации. В качестве ключевых агентов этого процесса, как правило, выделяют: семью, социальные сети друзей и родственников, религиозные организации (приходы, школы, НКО) [Гузельбаева, 2015; Пруцкова, 2015; Cornwall, 1988]. Под первичной религиозной социализацией понимается религиозное воспитание, полученное человеком в детстве, под вторичной — изменения установок, норм и ценностей в более позднем возрасте.

Логично предположить, что если религия усвоена рано, то она может оказать существенное воздействие на формирование норм, ценностей и дальнейший образ жизни человека. Влияние религиозного воспитания на формирование установок относительно деторождения велико и перевешивает даже эффект социально-экономических факторов [Berghammer, 2009; Pearce, 2002; Rijken, Liefbroer, 2009]. Важную роль играет также передача семейного опыта, модели детности родительской семьи [Baudin, 2015]. Так, на примере Франции было показано, что передача модели фертильности и семейно-ориентированных ценностей остается значимой и не ослабевает даже после добавления переменных религиозности. У К. Бергхаммер подобное влияние оказывает такой ненаблюдаемый фактор, как склонность к семейной жизни [Berghammer, 2009]. Однако в статье А. Рийкен и А. Лифброера показывается, что передача семейных ценностей и установок полностью опосредуется уровнем собственной религиозности детей [Rijken, Liefbroer, 2009].

Еще одним агентом первичной социализации служат религиозные организации. Дети, прошедшие обучение в религиозных школах, в среднем раньше вступают в брак и рожают первого ребенка, более ориентированы на создание семьи, стабильность брака и рождение нескольких детей [Постернак, 2019; Cornwall, 1988; Tevington, 2018; Uecker, Hill, 2014].

И. В. Забаев и соавторы [Забаев и др., 2013], а также Е. В. Пруцкова [Prutskova, 2019] показали, что ключевым фактором, объясняющим различия в силе связи религиозности и рождаемости, является уровень первичной религиозной социализации как характеристика социального контекста в стране, однако в этих исследованиях применялись только простые методы анализа данных — анализ таблиц сопряженности и линейный регрессионный анализ на уровне стран.

На основании обзора литературы могут быть сформулированы следующие основные гипотезы:

H0: Религиозность в целом положительно связана с рождаемостью, поскольку вероучение многих религий, в частности христианства или ислама, содержит «норму многодетности». Религия способна снижать ощущение неопределенности, и религиозные люди в большей мере включены в социальные сети поддержки.

H1: Связь между религиозностью и рождаемостью сильнее в странах, где население в целом более религиозно, поскольку в таких обществах религия является легитимным основанием для действия.

H2: Связь между религиозностью и рождаемостью сильнее в тех странах, где население в целом менее религиозно, поскольку в таких обществах религиозным людям приходится постоянно актуализировать свои отличающиеся нормы, ценности и образ жизни.

H3: Связь между религиозностью и рождаемостью сильнее в странах, где высок уровень первичной религиозной социализации, поскольку она представляет собой социальный механизм, посредством которого и осуществляется передача религиозных ценностей, норм и образа жизни.

Данные, методы

В статье представлены результаты анализа данных Европейского исследования ценностей (European Values Study, далее EVS) 1999 г., 2008 г. и 2017 г.¹ В исследовании задавался вопрос «Сколько у Вас детей?»². В целом по массиву 27 % респондентов указали, что у них нет детей, 19 % имеют одного ребенка, 33 % — двоих, 13 % — троих, 4 % — четверых и 3 % — пятерых и более детей (среднее количество детей — 1,6, дисперсия — 1,7). Поскольку эта переменная представляет собой количество, и дисперсия практически равна среднему, для построения многоуровневых моделей используется регрессия Пуассона. В качестве зависимой переменной выступает натуральный логарифм количества детей³.

¹ EVS Trend File 1981—2017. GESIS Data Archive, Cologne. ZA7503 Data file Version 2.0.0. <https://doi.org/10.4232/1.13736> (accessed: 08.11.2022).

² Переменная X011 в массиве EVS, в русской версии анкеты — «Скажите, пожалуйста, у Вас есть дети?». Вопрос задавался с дальнейшим уточнением, сколько детей живут вместе с респондентом и отдельно.

³ Интерпретация регрессионных коэффициентов (b) в данном случае следующая: при увеличении независимой переменной на 1 количество детей в модели увеличивается в e^b раз.

Для анализа были отобраны 39 стран (100 единиц анализа на макроуровне)⁴. Анализ проводился при помощи программы HLM 7.01. Пропущенные данные удалялись. Данные на индивидуальном уровне взвешивались таким образом, чтобы выравнивать количество опрошенных в разных странах⁵.

Многоуровневый регрессионный анализ позволяет включать в регрессионную модель данные на нескольких уровнях одновременно. Индивидуальный уровень представлен ответами отдельных респондентов на вопросы анкеты. На уровне страны мы агрегируем индивидуальные ответы, чтобы получить характеристики социального контекста в стране, а также используем данные государственной статистики, различные показатели социально-экономического развития страны и так далее.

В качестве независимых переменных все модели включают на индивидуальном уровне вероисповедание, показатель важности Бога в жизни респондента, а также частоту посещения религиозных служб, характерную для периода жизни, когда проводился опрос. Контрольные переменные включают социально-демографические характеристики и макропеременные, по результатам предыдущих исследований существенно влияющие на рождаемость.

По результатам обзора литературы мы включаем в модели три группы показателей макроконтекста, которые оказываются важными при анализе влияния религиозности на рождаемость:

1) развитость и сила религиозных институтов (выраженная в показателях общей религиозности населения и уровне первичной религиозной социализации в стране);

2) структурно-экономические макропоказатели, которые включают как общую оценку уровня развития в стране (ВВП, Индекс человеческого развития), так и развитость систем здравоохранения, образования и социальной поддержки (ожидаемая продолжительность жизни, доля женщин с высшим образованием, затраты на семейную политику);

3) социально-культурные показатели, которые могут задавать норму детности (коэффициент суммарной рождаемости).

В качестве индикатора для оценки получения респондентом первичной религиозной социализации мы выбираем посещение религиозных служб один раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет. На уровне страны он измеряется как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет один раз в месяц или чаще. Частота посещения религиозных служб в возрасте 12 лет отражает

⁴ Единицей анализа на макроуровне является волна (период опроса) в определенной стране. Были отобраны единицы анализа, в которых задавался вопрос о частоте посещения религиозных служб в возрасте 12 лет, а также присутствовали вопросы, представляющие собой, по результатам предыдущих исследований, значимые для рождаемости факторы. Из анализа были исключены страны, для которых нам не удалось найти важные макропоказатели, а также страны, где высока доля представителей ислама (в оставшихся странах доля мусульман ниже 15%), поскольку некоторые используемые показатели религиозности и первичной религиозной социализации (частота посещения служб на момент опроса и в возрасте 12 лет) у мусульман нерелевантны для женщин. Из анализа была исключена Швеция 1999 г., так как отсутствуют данные о посещении служб в возрасте 12 лет (волны 2009 г. и 2017 г. в Швеции включены в анализ). Для Северной Ирландии не удалось найти некоторые важные макропоказатели, поэтому регион исключен из анализа. Из-за высокой доли мусульман среди населения исключены из анализа: Албания, Азербайджан, Босния и Герцеговина, Македония, Косово, Северный Кипр.

⁵ Веса стран для каждой модели вычислялись отдельно на основании количества респондентов без пропущенных значений. Для расчета весов данные разных волн в одной стране объединялись.

социализирующее воздействие семьи (в этом возрасте ребенок обычно посещает церковь с кем-то из взрослых членов семьи), а также религиозных организаций / Церкви. Вторым показателем религиозной социализации — обучение в религиозной школе: количество учащихся религиозных школ (на 1000 населения).

Модели включают четыре эффекта взаимодействия религиозных переменных:

1) между важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне и средней важностью Бога на страновом уровне (гипотеза H1 и H2);

2) между важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне и уровнем первичной религиозной социализации на страновом уровне (гипотеза H3);

3) между принадлежностью к вероисповеданию и образованием;

4) между частотой посещения религиозных служб и наличием первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне.

В статье представлены результаты расчета ряда многоуровневых регрессионных моделей для различных наборов стран и независимых переменных⁶ (см. табл. 1). Модели 1—4 построены на базе максимального числа волн исследования в разных странах (100 единиц наблюдения на макроуровне). Здесь присутствует основной набор независимых и контрольных переменных индивидуального уровня, за исключением дохода, отличаются эти модели набором показателей макроуровня. Модель 1 включает на макроуровне только уровень первичной религиозной социализации и межуровневый эффект взаимодействия между важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне и уровнем первичной религиозной социализации на страновом уровне (проверка гипотезы H3). Модель 2 включает на макроуровне только среднюю важность Бога в стране и межуровневый эффект взаимодействия между важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне и средней важностью Бога на страновом уровне (проверка гипотез H1 и H2). Модель 3 включает все контрольные переменные макроуровня, за исключением коэффициента суммарной рождаемости, который добавляется в модели 4.

Модель 5 содержит полный набор переменных модели 4, к которому добавляется на индивидуальном уровне доход, а также эффект взаимодействия дохода и образования. Модель 5 построена на базе 99 единиц анализа на макроуровне (исключена Португалия за 2020 г., поскольку в массиве отсутствуют данные о доходе).

В модель 6 на макроуровне включаются данные о численности учащихся религиозных школ, а в модель 7 — о затратах на социальную поддержку семей (нам удалось найти эти данные не для всех стран и периодов, поэтому число единиц анализа на макроуровне здесь 82 и 72 соответственно). На индивидуальном уровне эти две модели содержат максимальный набор основных и контрольных переменных.

Результаты

Связь религиозности населения и рождаемости заметна в ряде стран, например, корреляция Пирсона между количеством детей и ответом на вопрос о важно-

⁶ Часть независимых переменных, особенно на макроуровне, в значительной степени скоррелированы, поэтому модели строились с их поочередным включением. В статье для экономии места представлены только несколько ключевых моделей.

сти Бога в жизни респондента в пятой волне EVS, проведенной в 2017—2020 гг., составляет 0,29 в Исландии и Литве, 0,27 в Испании и Финляндии, 0,25 в Польше и Португалии, 0,23 в Италии и Швейцарии ($p < 0,001$). В то же время в других странах (Армения, Грузия, Азербайджан, Черногория, Великобритания и др.) она практически не обнаруживается (коэффициент корреляции близок к 0). В России взаимосвязь между религиозностью и рождаемостью, по данным EVS, очень слабая ($r = 0,11$, $p < 0,001$).

Роль индивидуальных переменных

Модель включает показатели первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне и частоту посещения религиозных служб на момент опроса (которая отчасти отвечает понятию вторичной религиозной социализации), и эффект взаимодействия между этими факторами. Нам удалось показать, что разные сочетания первичной (посещение религиозных служб в возрасте 12 лет раз в месяц и чаще) и вторичной (частота посещения религиозных служб на момент опроса) религиозной социализации оказывают разное влияние на рождаемость.

Регрессионные коэффициенты частоты посещения религиозных служб для большинства построенных моделей — незначимые, однако при этом обнаружен значимый положительный эффект взаимодействия между частотой посещения религиозных служб и наличием первичной религиозной социализации. Этот результат свидетельствует, что положительная связь между частотой посещения религиозных служб и рождаемостью проявляется только для респондентов, получивших первичную религиозную социализацию.

Таблица 1. **Многоуровневые регрессионные модели, описывающие связь религиозности и рождаемости (нестандартизированные регрессионные коэффициенты)**

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
Константа	-2,71***	-2,64***	-4,14***	-3,72***	-3,74***	-2,64***	-2,75***
Волна 4			-0,061	-0,079*	-0,076*		
Волна 5			-0,096*	-0,088*	-0,094**		
Уровень первичной религиозной социализации в стране	-0,151		-0,233*	-0,142*	-0,140*		
Средняя важность Бога в стране (0—9)		-0,027*	0,013	-0,006	-0,006		
Затраты на семейную политику (% ВВП)							0,071***
ВВП			0,000001	0,000001	0,000001		
Коэффициент суммарной рождаемости				0,259***	0,265***		

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
<i>Регион (контрольная группа — Западная Европа)</i>							
— Западная Азия			0,107	0,157*	0,169*		
— Восточная Европа			0,031	0,082*	0,088*		
— Северная Европа			0,099**	0,098***	0,110***		
— Южная Европа			−0,066	0,0004	−0,003		
Ожидаемая продолжительность жизни			0,018**	0,008	0,009		
Численность учащихся религиозных школ (на 1000 населения)						0,001***	
<i>Вероисповедание (контрольная группа — без вероисповедания)</i>							
— Католицизм	0,045**	0,051***	0,049***	0,048***	0,040*	0,031	0,021
— Протестантизм	0,061**	0,064***	0,057**	0,058**	0,047*	0,024	0,024
— Православие	−0,01	−0,013	−0,011	−0,009	−0,016	−0,047*	−0,091***
— Другое вероисповедание	0,116***	0,119***	0,118***	0,118***	0,105***	0,097***	0,059*
Частота посещения религиозных служб (0 = никогда, 7 = чаще, чем раз в неделю)	0,001	0,001	0,001	0,001	0,002	0,0002	0,008***
Важность Бога (0 = совсем не важен, 9 = очень важен)	−0,001	−0,010*	−0,012***	−0,012***	−0,012***	0,009***	0,008***
Важность Бога * Уровень первичной религиозной социализации в стране	0,023***		0,017***	0,018***	0,017***		
Важность Бога * Средняя важность Бога в стране		0,004***	0,003***	0,003***	0,003***		
Первичная религиозная социализация	−0,021*	−0,024*	−0,021	−0,02	−0,022*	−0,043***	−0,030**

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
Первичная религиозная социализация * Частота посещения религиозных служб	0,008**	0,009***	0,008**	0,008**	0,008**	0,012***	0,008**
Пол (1 = женщина, 0 = мужчина)	0,051***	0,050***	0,050***	0,050***	0,050***	0,057***	0,064***
Возраст (лет)	0,062***	0,062***	0,062***	0,062***	0,061***	0,059***	0,064***
Возраст ²	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***	-0,0005***
<i>Семейное положение (контрольная группа — холост, никогда не состоял в браке)</i>							
— Женат/замужем	1,77***	1,77***	1,77***	1,77***	1,74***	1,71***	1,53***
— Незарегистрированный брак	1,55***	1,55***	1,55***	1,55***	1,50***	1,46***	1,28***
— Разведен	1,59***	1,59***	1,59***	1,59***	1,56***	1,53***	1,39***
— Разошлись	1,64***	1,64***	1,64***	1,64***	1,60***	1,58***	1,40***
— Вдовец/вдова	1,72***	1,72***	1,72***	1,72***	1,68***	1,65***	1,48***
<i>Доход (контрольная группа — средний доход)</i>							
Низкий доход					0,057***	0,054***	0,064***
Высокий доход					-0,039*	-0,033	-0,046***
Образование	-0,028***	-0,027***	-0,028***	-0,028***	-0,028***	-0,031***	-0,027***
Образование * Высокий доход					0,011***	0,010***	0,014***
Образование * Низкий доход					-0,013***	-0,014***	-0,023***
Полная занятость	-0,018*	-0,018*	-0,018*	-0,018*	-0,024**	-0,026**	-0,016
Полная занятость * Пол (женский)	-0,030**	-0,030**	-0,029**	-0,029**	-0,032**	-0,032*	-0,057***
Образование * Принадлежность к какому-либо вероисповеданию	-0,009**	-0,009**	-0,009**	-0,009***	-0,007*	-0,007*	-0,005
N (чел.) — индивидуальный уровень	136918	136918	136918	136918	114692	94782	83954
N (единиц наблюдения) — макроуровень	100	100	100	100	99	82	72

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7
N (стран) — макроуровень	39	39	39	39	39	35	27
Лог. правдоподобия	-180783	-180404	-180112	-180117	-150149	-124561	-110536
AIC	361616	360857	360295	360306	300379	249177	221126

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Влияние первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне оказалось неоднозначным: в зависимости от частоты посещения религиозных служб на момент опроса меняется знак при коэффициенте для наличия первичной религиозной социализации. Для респондентов, не посещающих религиозные службы на момент опроса, коэффициент отрицательный (например, $-0,02$ в моделях 1—5, $p < 0,06$), то есть при наличии первичной религиозной социализации нерелигиозные люди имеют меньше детей по сравнению с теми, кто не имел опыта первичной религиозной социализации. Иными словами, респонденты, отошедшие от религии, рожают меньше детей, чем те, кто ни в настоящее время, ни ранее не был активно практикующим последователем. Имеющиеся данные не позволяют делать выводов о направлении причинно-следственной связи, но интерпретация такого результата может заключаться в том, что респонденты, которым на основании детского и юношеского опыта оказался чуждым церковный образ жизни, включающий, помимо прочего, «норму многодетности», по мере взросления ограничивают посещение религиозных служб.

Для респондентов, регулярно посещающих службы, коэффициент для религиозной социализации становится положительным (для посещающих службы чаще одного раза в неделю он составляет $0,03$ в моделях 1, 3, 4 и 5, $p < 0,01$; $0,04$ в моделях 2 и 6, $p < 0,001$; $0,02$ в модели 7, $p < 0,05$). Иными словами, религиозные люди, получившие первичную религиозную социализацию, имеют больше детей, чем не имевшие опыта регулярного посещения религиозных служб в период взросления. Полученные нами результаты для регулярно посещающих религиозные службы согласуются с нашей основной гипотезой (H0) и уточняют ее: для того чтобы религиозность оказывала влияние на рождаемость, необходимо, чтобы работал социальный механизм, посредством которого передаются нормы церковного образа жизни, причем важной оказывается не только религиозность в настоящее время, но и присоединение к религии в период взросления. Наличие первичной религиозной социализации у религиозных людей (посещающих религиозные службы на момент опроса) является фактором, увеличивающим рождаемость.

Сравнение регрессионных коэффициентов для различных вероисповеданий показало, что религиозная аффилиация (за исключением православия), оказывает положительное влияние на рождаемость, но только в группе с низким уровнем образования. При повышении уровня образования этот позитивный эффект исчезает.

Эффект макроконтекста

Во всех построенных моделях устойчиво выделяется межуровневый эффект взаимодействия первичной религиозной социализации на уровне страны и важности Бога на уровне индивида. Это позволяет утверждать следующее: первичная религиозная социализация на макроуровне играет важную роль для объяснения межстрановых различий в силе связи между религиозностью и рождаемостью. Помимо этого средний уровень религиозности в стране (измеренный как средняя важность Бога) на макроуровне также положительно взаимодействует с важностью Бога на уровне индивида. Такие результаты свидетельствуют о том, что поддерживающий религиозный социальный контекст усиливает связь религиозности и рождаемости.

Общий эффект важности Бога состоит из основного эффекта этой переменной на уровне индивида и межуровневого эффекта взаимодействия с показателем первичной религиозной социализации и средней важности Бога в стране. Связь важности Бога и рождаемости в странах с наиболее низким уровнем первичной религиозной социализации (в нашей выборке он составляет 0,06 для России в 1999 г. и 2008 г.) и высокой степенью секуляризации (минимальный уровень важности Бога в стране составляет 3,6 балла в Швеции 2017 г.) — отсутствует (регрессионные коэффициенты статистически незначимы и близки к нулю). В то же время в странах с поддерживающим религиозным социальным контекстом (максимальный уровень составляет 8,2 балла в Грузии 2018 г. и Мальте 1999 г.) и высоким уровнем первичной религиозной социализации (0,98 на Мальте и в Ирландии в 1999 г.) значимые положительные эффекты взаимодействия существенно увеличивают силу связи важности Бога и рождаемости (коэффициент достигает уровня от 0,02 в моделях 1 и 2; 0,03 в моделях 3, 4 и 5, $p < 0,001$).

В модель 6 в качестве предиктора на макроуровне была включена численность учащихся религиозных школ (на 1000 человек). Это также показатель первичной религиозной социализации в стране, который оказывает положительное влияние на рождаемость.

Ключевой результат нашего анализа состоит в том, что в странах с низким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном постсоциалистические страны, кроме Польши: Грузия, Латвия, Украина, Эстония, Белоруссия, Россия, Сербия, Болгария и др.) связь религиозности (важности Бога) и рождаемости имеет пологую форму, в то время как в группе стран с высоким уровнем первичной религиозной социализации и поддерживающим религиозным социальным контекстом (куда вошли в основном южноевропейские и западноевропейские страны: Испания, Италия, Португалия, Австрия, Швейцария, Люксембург, Нидерланды и др., а также Польша и Ирландия) угол наклона регрессионной прямой более крутой. Чем выше уровень первичной религиозной социализации и уровень религиозности в стране, тем сильнее положительная взаимосвязь индивидуальной религиозности и количества детей.

Контрольные переменные

Среди показателей макроуровня выделяется значимый эффект коэффициента суммарной рождаемости. Респонденты, проживающие в странах с высокой рождаемостью, и сами рожают большее количество детей (модели 4 и 5). С одной сто-

роны, здесь могут иметь место эффекты «заражения»: люди стараются соответствовать норме детности социального окружения, в которое они включены. С другой стороны, высокий вклад коэффициента суммарной рождаемости на макроуровне может быть обусловлен тем, что респонденты с большим количеством детей как раз и проживают в странах с высокой рождаемостью. Поскольку в литературе этот фактор выделяется как значимый, мы посчитали необходимым включить его в качестве контрольного, однако для того чтобы избежать проблемы эндогенности из-за двусторонней причинно-следственной связи, были также построены модели, не включающие этот показатель (например, модель 3). Результаты этих расчетов свидетельствуют об устойчивости других выявленных закономерностей.

Регионы, включенные в анализ, заметно отличаются по уровню рождаемости: он наиболее высок в Западной Азии, чуть ниже — в Северной Европе. Восточная Европа характеризуется еще более низкой рождаемостью, но также значительно отличается от Западной Европы в положительную сторону.

В литературе активно обсуждается влияние семейной политики на рождаемость. В построенных нами моделях затраты на семейную политику (в % ВВП) показали изменчивый эффект: в ряде моделей он обнаруживался и был положительным, мы привели такую модель в качестве примера (модель 7), — однако в некоторых конфигурациях он отсутствовал и даже был отрицательным, поэтому на данном этапе мы не можем с уверенностью утверждать, что этот эффект стабильный. Данный вопрос требует дальнейшего более глубокого изучения.

В качестве контрольных переменных на макроуровне также были включены ВВП и ожидаемая продолжительность жизни, однако значимого эффекта в итоговых моделях выявлено не было (в ряде промежуточных моделей оба показателя изредка имели небольшой положительный эффект). Мы предпринимали попытки включить в модель Индекс человеческого развития и уровень образования женщин в стране, однако и эти показатели оказались незначимыми.

Наличие партнера или супруга, возраст⁷ и женский пол положительно связаны с количеством детей. Полная занятость (особенно женская), образование и доход, как и ожидалось на основании предыдущих исследований, связаны с уменьшением количества детей, однако отрицательное влияние уровня дохода на рождаемость фиксируется только для людей с низким уровнем образования, в то время как при росте уровня образования доход начинает играть положительную роль.

Проведенный анализ имеет ряд ограничений. Модели строились на наборе стран и периодов, доступных для анализа в рамках Европейского исследования ценностей, которое включает в основном различные регионы Европы и небольшое количество стран Западной Азии. Фактически анализировалась только связь христианской религиозности и рождаемости, для распространения выводов на другие религии и страны, где высока доля мусульман или представителей других вероисповеданий, необходимы дальнейшие исследования. Вопрос, который задается в EVS для измерения количества детей, также налагает определенные ограничения, главное из которых — отсутствие возможности включить в анализ количество умерших детей.

⁷ Отрицательный коэффициент для квадрата возраста показывает нелинейный характер этой взаимосвязи, которая ослабевает и исчезает по мере старения.

Заключение

Наша базовая гипотеза о значении модерлирующих факторов социального контекста и религиозной социализации для усиления связи между религиозностью и количеством детей в семье в целом подтвердилась. Как интерпретировать данный результат, в том числе в отношении постсоветских стран с доминированием православного населения? Вероятно, есть несколько механизмов такого воздействия.

Во-первых, религия может влиять через восприятие населением транслируемых доктринальных учений о рождении детей и семейной жизни [Марков, 2020; Синельников, Медков, Антонов, 2009]. Можно предположить, что по мере ослабления религиозных норм брака и рождаемости на уровне обществ фактор религиозной социализации становится «стержневым» и отвечает за образ жизни молодых людей, связанный с браком и рождением большого количества детей вне зависимости от других сфер самореализации [Sherkat, 2000]. Важный вопрос — насколько религиозные институты и сообщества могут адаптировать или же адаптироваться под изменение светских моделей образования, занятости, домашней жизни, потребления — всего, что так или иначе связано с рождением и воспитанием детей. Возможно, именно этот фактор будет приводить к большему стиранию межконфессиональных границ: прошедшие религиозную социализацию католики, протестанты, православные будут иметь меньше различий в моделях рождаемости, чем остальные религиозные и нерелигиозные, поскольку принадлежат к «религиозному ядру», оставаясь при этом «белыми воронами» в секулярном обществе.

Во-вторых, имеет смысл говорить о механизме институционального влияния религии на рождаемость. Можно предположить, что религиозная социализация отвечает не столько за внешнее выражение ценности семьи и рождения детей, сколько за связь этих ценностей и действий, которая, как фиксируют демографы, является довольно слабой для постсоветских стран. Специфика постсоветских стран связана с разрывом между намерениями в области рождения детей и их реализацией — люди заявляют больше, чем потом реализуют [Тындик, 2012]. Несмотря на выражаемую большинством российского общества ценность семьи, она не всегда реализуется в конкретных действиях, если посмотреть на уровень рождаемости и соотношение браков и разводов [Тындик, 2012; Billingsley, 2010; Spéder, Kapitány, 2015]. В этом смысле разница между странами Западной, Центральной и Восточной Европы в объяснении рождаемости заключается не только в разном уровне социально-экономического развития, но и в разных моделях связи институтов религиозной социализации и рождения детей. Западноевропейские страны, считающиеся центром процессов секуляризации, до сих пор имеют значительные «очаги» институционального влияния религии на рождаемость, связанные с семейными и образовательными институтами (школами). Восточноевропейские и постсоветские страны, несмотря на наблюдаемый процесс «религиозного возрождения» в 1990-е и 2000-е годы, не сформировали развитые институты религиозной социализации, отвечающие за семейный образ жизни и отражающиеся в демографических моделях влияния религии на рождаемость.

В-третьих, переменная религиозной социализации аппроксимирует механизм влияния религии на рождение детей на приходском/общинном уровне [Забаев и др., 2013]. Фактор религиозной социализации, выраженный в регулярном по-

сещении храма в детстве или воспитании в религиозных школах, связан: а) с возможностью общения со священником и другими приходскими семьями в одной среде или сообществе, что отражается на семейном образе жизни [Емельянов, 2019; Gervais, Gauvreau, 2003; Praz, 2009; Somers, van Poppel, 2003]; б) с возможностью включения в сетевые материальные и эмоциональные сети поддержки приходских семей — религиозные общины могут снизить фактическую цену воспитания детей, предоставляя «клубные» социальные услуги, такие как детские сады, школы и медицинское обслуживание [Врублевская, 2016; Голева, 2019; Krause et al., 2001]. Во многих странах религиозные школы включены как в церковные институты, так и в приходскую жизнь, являясь результатом реализации низовых инициатив приходских семей.

Устойчивость установок в отношении рождения детей — то, к чему пытаются сегодня прийти многие правительства стран, предлагая различные финансовые и административные меры демографической политики. На примере России можно увидеть, что данные меры могут влиять на поддержку семей с детьми, компенсируя сокращение доходов и расходов, снижая уровень бедности домохозяйств и давая семьям ощущение стабильности. Как показали результаты оценки вклада мер фискальной демографической политики, они также могут играть определенную, хотя и несущественную роль в стимулировании новых рождений [Frejka, Gietel-Basten, 2016; Slonimczyk, Yurko, 2014]. Однако эти меры не могут быть источником устойчивой мотивации, поскольку не отвечают на вопросы о смысле рождения детей и супружеской жизни [Павлюткин, Голева, Борисова, 2021]. С этой точки зрения интересной для исследования динамики рождаемости представляется оценка совокупного влияния индивидуальных и социальных признаков религиозности, отвечающих за устойчивую мотивацию и среду для рождения и воспитания детей, а также мер социальной политики, которые отвечают за поддержку тех, кто эту мотивацию реализует на практике.

Список литературы (References)

- Борисова О. Н., Павлюткин И. В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 128—151. <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2019-28-4-128-151>.
- Borisova O., Pavlyutkin I. (2019) The Revival of Tradition, New Marriages or Network Effects: Variability of Models of Large Modern Urban Families. *Mir Rossii*. Vol. 28. No. 4. P. 128—151. <https://doi.org/10.17323/1811-038x-2019-28-4-128-151>. (In Russ.)
- Врублевская П. В. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // Религиоведческие исследования. 2016. № 1. С. 103—127. URL: <https://rrs-journal.ru/wp-content/uploads/2018/11/13.103-127.pdf> (дата обращения: 30.04.2023).
- Vrublevskaya P. (2016) Circulation of Children' Items in Christian Orthodox Parish: Observations to the Gift Exchange Theory. *Researches in Religious Studies*. No. 1. P. 103—127. URL: <https://rrs-journal.ru/wp-content/uploads/2018/11/13.103-127.pdf> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)

Голева М. А. Сетевые эффекты рождаемости: случай многодетных семей в России // *Экономическая социология*. 2019. Т. 20. № 3. С. 136—163. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-136-163>.

Goleva M. (2019) The Effects of Social Network on Fertility: The Case of Large Families in Russia. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 20. No. 3. P. 136—163. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2019-3-136-163>. (In Russ.)

Гузельбаева Г. Я. Агенты религиозной социализации в постсекулярный период: роль в трансформации ценностно-нормативной системы // *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2015. № 4. С. 21—26.

Guzelbaeva G. Y. (2015) Agents of Religious Socialization in Postsecular Period and Their Role in the Transformation of Value System. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. No. 4. P. 21—26. (In Russ.)

Емельянов Н. Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. 2019. № 82. С. 34—50. <https://doi.org/10.15382/sturi201982.34-50>.

Emeliyanov N. (2019) Significance of Family of Orthodox Priest in Pastoral Ministry: Theological Approach. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. No. 82. P. 34—50. <https://doi.org/10.15382/sturi201982.34-50>. (In Russ.)

Забаяев И. В., Мелкумян Е. Б., Орешина Д. А., Павлюткин И. В., Пруцкова Е. В. Влияние религиозной социализации и принадлежности к общине на рождаемость. Постановка проблемы // *Демоскоп Weekly*. 2013. № 553—554. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php> (дата обращения: 25.12.2022).

Zabaev I., Melkumyan E., Oreshina D., Pavlyutkin I., Prutskova E. (2013) The Impact of Religious Socialization and Belonging to a Religious Community on Fertility. The Problem Formulation. *Demoscope Weekly*. No. 553—554. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0553/analit03.php> (accessed: 25.12.2022). (In Russ.)

Захаров С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2022. Т. 40. № 4. С. 77—104. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104>.

Zakharov S., Churilova E. (2022) Fertility in Russia: Does Religion and Religiousness Matter? *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. Vol. 40. No. 4. P. 77—104. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-77-104>.

Карабчук Т. С., Кечетова А. П. Количество детей и семейные ценности: существуют ли когортные различия в Европе? // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2017. № 5. С. 251—270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14>.

Karabchuk T. S., Kechetova A. P. (2017) The Number of Children and Family Values: Are There any Cohort Differences in Europe? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 251—270. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.5.14>. (In Russ.)

Малева Т. М., Синявская О. В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике // SPERO. 2006. № 5. С. 70—98.

Maleva T. M., Sinyavskaya O. V. (2006) Social and Economic Factors of Fertility in Russia: Empirical Results and Challenges for Social Policy. *SPERO*. No. 5. P. 70—98. (In Russ.)

Марков Д. А. О христианской традиции и проблеме деторождения с точки зрения «Структуры теологических революций» М. Масса // Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 2. С. 250—261. URL: <https://theologyjournal.spbu.ru/article/download/7791/5725> (дата обращения: 09.03.2023).

Markov D. (2020) What is the Christian Tradition and the Problem of Childbearing from the Point of View of the “Structure of Theological Revolutions” by Mark Massa. *Questions of Theology*. Vol. 2. No. 2. P. 250—261. URL: <https://theologyjournal.spbu.ru/article/download/7791/5725> (accessed: 09.03.2023). (In Russ.)

Павлюткин И. В., Голева М. А., Борисова О. Н. Море жизни: Как рождаются многодетные семьи в современной России. М.: Изд-во ПСТГУ, 2021.

Pavlyutkin I., Goleva M., Borisova O. (2021) *The Sea of Life: How Large Families are Born in Modern Russia*. Moscow: PSTGU. (In Russ.)

Постернак А. В. Православная Школа мегаполиса в зеркале различных адресных групп // Этнодиалоги. 2019. № 1. С. 57—67.

Posternak A. (2019) Orthodox School in a Megacity Through the Eyes of Different Communities. *Ethnical Dialogues*. No. 1. P. 57—67. (In Russ.)

Пруцкова Е. В. Связь религиозности и ценностно-нормативных показателей: фактор религиозной социализации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2015. № 3. С. 62—80. <https://doi.org/10.15382/sturi201559.62-80>.

Prutskova E. (2015) Association of Religiosity with Norms and Values. The Factor of Religious Socialization. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies*. No. 3. P. 62—80. <https://doi.org/10.15382/sturi201559.62-80>. (In Russ.)

Рощина Я. М. Роль религии в жизни россиян // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) / Отв. ред.: П. М. Козырева. Вып. 8. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2018. С. 100—112. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1825-0_100-112.

Roshchina Ya. M. (2018) Religion and Its Role in Russian Life. *The Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE)*. Vol. 8. Moscow: HSE. P. 100—112. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1825-0_100-112. (In Russ.)

Синельников А. Б., Медков В. М., Антонов А. И. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). М.: Книжный дом Университет, 2009.

Sinelnikov A. B., Medkov V. M., Antonov A. I. (2009) Family and Faith in the Sociological Dimension (Results of Interregional and Interfaith Research). Moscow: KDU. (In Russ.)

Тындик А. О. Репродуктивные установки населения в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10. № 3. С. 361—376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (дата обращения: 30.04.2023).

Tyndik A. (2012) Reproductive Attitudes and Their Realization in Modern Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 10. No. 3. P. 361—376. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3471> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)

Adsera A. (2006) Religion and Changes in Family-Size Norms in Developed Countries. *Review of Religious Research*. Vol. 47. No. 3. P. 271—286. URL: https://journals.scholarportal.info/details/0034673x/v47i0003/271_racifnidc.xml (accessed: 30.04.2023).

Baudin T. (2015) Religion and Fertility: The French Connection. *Demographic Research*. Vol. 32. P. 397—420. <https://doi.org/10.4054/demres.2015.32.13>.

Berghammer C. (2009) Religious Socialisation and Fertility: Transition to Third Birth in the Netherlands. *European Journal of Population*. Vol. 25. No. 3. P. 297—324. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9185-y>.

Berman E., Iannaccone L. R., Ragusa G. (2018) From Empty Pews to Empty Cradles: Fertility Decline among European Catholics. *Journal of Demographic Economics*. Vol. 84. No. 2. P. 149—187. <https://doi.org/10.1017/dem.2017.22>.

Billingsley S. (2010) The Post-Communist Fertility Puzzle. *Population Research and Policy Review*. Vol. 29. No. 2. P. 193—231. <https://doi.org/10.1007/s11113-009-9136-7>.

Blekesaune M., Skirbekk V. (2022) Does Forming a Nuclear Family Increase Religiosity? Longitudinal Evidence from the British Household Panel Survey. *European Sociological Review*. Vol. 38. No. 6. jcac060. P. 1—13. <https://doi.org/10.1093/esr/jcac060>.

Bongaarts J. (2001) Fertility and Reproductive Preferences in Post-Transitional Societies. *Population and Development Review*. Vol. 27. P. 260—281. <https://doi.org/10.31899/pgy6.1015>.

Buber-Ennser I., Berghammer C. (2021) Religiosity and the Realisation of Fertility Intentions: A Comparative Study of Eight European Countries. *Population, Space and Place*. Vol. 27. No. 6. e2433. <https://doi.org/10.1002/psp.2433>.

Coleman D. (2004) Why We Don't Have to Believe without Doubting in The "Second Demographic Transition": Some Agnostic Comments. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 2. P. 11—24. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2004s11>.

Coleman D. A., Dubuc S. (2010) The Fertility of Ethnic Minorities in the UK, 1960s—2006. *Population Studies*. Vol. 64. No. 1. P. 19—41. <https://doi.org/10.1080/00324720903391201>.

Cornwall M. (1988) The Influence of Three Agents of Religious Socialization: Family, Church, and Peers. In: Thomas D. L. (ed.) *The Religion & Family Connection: Social Science Perspectives*. Provo, UT: Religious Studies Center, Brigham Young University. P. 207—231.

De la Croix D., Delavallade C. (2018) Religions, Fertility, and Growth in Southeast Asia. *International Economic Review*. Vol. 59. No. 2. P. 907—946. <https://doi.org/10.1111/iere.12291>.

Derosas R., van Poppel F. (eds.) (2006) Religion and the Decline of Fertility in the Western World. Dordrecht: Springer. <https://doi.org/10.1007/1-4020-5190-5>.

DeRose L. F. (2021) Gender Equity, Religion, and Fertility in Europe and North America. *Population and Development Review*. Vol. 47. No. 1. P. 41—55. <https://doi.org/10.1111/padr.12373>.

Fernández R., Fogli A. (2006) Fertility: The Role of Culture and Family Experience. *Journal of the European Economic Association*. Vol. 4. No. 2—3. P. 552—561. <https://doi.org/10.3386/w11569>.

Frejka T., Gietel-Basten S. (2016) Fertility and Family Policies in Central and Eastern Europe After 1990. *Comparative Population Studies*. Vol. 41. No. 1. P. 3—56. <https://doi.org/10.12765/cpos-2016-03>.

Frejka T., Westoff C. F. (2008) Religion, Religiousness and Fertility in the US and in Europe. *European Journal of Population*. Vol. 24. No. 1. P. 5—31. <https://doi.org/10.1007/s10680-007-9121-y>.

Gervais D., Gauvreau D. (2003) Women, Priests, and Physicians: Family limitation in Quebec, 1940—1970. *Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 34. No 2. P. 293—314. <https://doi.org/10.1162/002219503322649516>.

Götmark F., Andersson M. (2020) Human Fertility in Relation to Education, Economy, Religion, Contraception, and Family Planning Programs. *BMC Public Health*. Vol. 20. No. 1. P. 1—17. <https://doi.org/10.1186/s12889-020-8331-7>.

Guetto R., Luijckx R., Scherer S. (2015) Religiosity, Gender Attitudes and Women's Labour Market Participation and Fertility Decisions in Europe. *Acta Sociologica*. Vol. 58. No. 2. P. 155—172. <https://doi.org/10.1177/0001699315573335>.

Hayford S. R., Morgan S. P. (2008) Religiosity and Fertility in the United States: The Role of Fertility Intentions. *Social Forces*. Vol. 86. No. 3. P. 1163—1188. <https://doi.org/10.1353/sof.0.0000>.

Heaton T. (2011) Does Religion Influence Fertility in Developing Countries. *Population Research Policy Review*. Vol. 30. No. 3. P. 449—465. <https://doi.org/10.1007/s11113-010-9196-8>.

Heineck G. (2012) The Relationship Between Religion and Fertility: Evidence from Austria. *Homo Oeconomicus*. Vol. 29. No. 1. P. 73—94.

Herzer D. (2019) A Note on the Effect of Religiosity on Fertility. *Demography*. Vol. 56. No. 3. P. 991—998. <https://doi.org/10.1007/s13524-019-00774-6>.

Krause N., Ellison C. G., Shaw B. A., Marcum J. P., Boardman J. D. (2001) Church-Based Social Support and Religious Coping. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 40. No. 4. P. 637—656. <https://doi.org/10.1111/0021-8294.00082>.

- Lutz W. (1986) Culture, Religion and Fertility: A Global View. IIASA Working Paper. WP-86—034. URL: <http://pure.iiasa.ac.at/2825/> (accessed: 09.03.2023).
- McQuillan K. (2004) When Does Religion Influence Fertility? *Population and Development Review*. Vol. 30. No. 1. P. 25—56. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2004.00002.x>.
- Mogi R., Esteve A., Skirbekk V.F. (2022) The Decline of Spanish Fertility: The Role of Religion. *European Journal of Population*. Vol. 38. P. 1333—1346. <https://doi.org/10.1007/s10680-022-09644-1>.
- Pearce L. D. (2002) The Influence of Early Life Course Religious Exposure on Young Adults' Dispositions Toward Childbearing. *Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 41. No. 2. P. 325—340. <https://doi.org/10.1111/1468-5906.00120>.
- Peri-Rotem N. (2016) Religion and Fertility in Western Europe: Trends Across Cohorts in Britain, France and the Netherlands. *European Journal of Population*. Vol. 32. No. 2. P. 231—265. <https://doi.org/10.1007/s10680-015-9371-z>.
- Peri-Rotem N. (2020) Fertility Differences by Education in Britain and France: The Role of Religion. *Population*. Vol. 75. No. 1. P. 9—38. URL: https://www.cairn-int.info/article-E_POPU_2001_0009-fertility-differences-by-education-in.htm (accessed: 09.03.2023).
- Philipov D., Berghammer C. (2007) Religion and Fertility Ideals, Intentions and Behaviour: A Comparative Study of European Countries. *Vienna Yearbook of Population Research*. Vol. 5. P. 271—305. <https://doi.org/10.1553/populationyearbook2007s271>.
- Van Poppel F. (1985) Late Fertility Decline in the Netherlands: The Influence of Religious Denomination, Socioeconomic Group and Region. *European Journal of Population*. Vol. 1. No. 4. P. 347—373. <https://doi.org/10.1007/bf01797148>.
- Praz A. F. (2009) Religion, Masculinity and Fertility Decline: A Comparative Analysis of Protestant and Catholic Culture (Switzerland 1890—1930). *The History of the Family*. Vol. 14. No. 1. P. 88—106. <https://doi.org/10.1016/j.hisfam.2009.01.001>.
- Prutskova E. (2019) Religiosità e Natalità nei Paesi Europei. L'effetto del Contesto Sociale: “Tentazione Secolare”, “Socializzazione Religiosa Primaria” o “Difesa Religiosa”? (Sulla Base Dello European Values Study). In: *La Bellezza Della Famiglia in Italia e in Russia: Problemi e Soluzioni*. Livorno: Pharus Editore Librario. P. 132—138.
- Rijken A. J., Liefbroer A. C. (2009) Influences of the Family of Origin on the Timing and Quantum of Fertility in the Netherlands. *Population Studies*. Vol. 63. No. 1. P. 71—85. <https://doi.org/10.1080/00324720802621575>.
- Sherkat De (2000) “That They be Keepers of the Home”: The Effect of Conservative Religion on Early and Late Transitions into Housewifery. *Review of Religious Research*. Vol. 41. No. 3. P. 344—358. <https://doi.org/10.2307/3512034>.
- Sherkat D. E. (2003) Religious Socialization: Sources of Influence and Influences of Agency. In: Dillon M. (ed.) *Handbook of the Sociology of Religion*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 151—163. <https://doi.org/10.1017/cbo9780511807961.012>.

Skirbekk V. (2022) New Times, Old Beliefs: Religion and Contemporary Fertility. In: Skirbekk V. *Decline and Prosper! Changing Global Birth Rates and the Advantages of Fewer Children*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 285—300. https://doi.org/10.1007/978-3-030-91611-4_15.

Slonimczyk F., Yurko A. V. (2014) Assessing the Impact of the Maternity Capital Policy in Russia. *Labour Economics*. Vol. 30. P. 265—281. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2014.03.004>.

Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 2. P. 267—306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>.

Somers A., van Poppel F. (2003) Catholic Priests and the Fertility Transition Among Dutch Catholics, 1935—1970. *Annales de Démographie Historique*. Vol. 106. No. 1. P. 57—88. <https://doi.org/10.3917/adh.106.0057>.

Spéder Z., Kapitány B. (2015) Influences on the Link Between Fertility Intentions and Behavioural Outcomes. Lessons from a European Comparative Study. In: Philipov D., Liefbroer A. C., Klobas J. E. (eds.) *Reproductive Decision-Making in a Macro-Micro Perspective*. Dordrecht: Springer. P. 79—112. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9401-5_4.

Stark R. (1996) Religion as Context: Hellfire and Delinquency One More Time. *Sociology of Religion*. Vol. 57. No. 2. P. 163—173. <https://doi.org/10.2307/3711948>.

Terämä E. (2010) Regional Demographic Differences: The Effect of Laestadians. *Finnish Yearbook of Population Research*. Vol. 45. P. 123—141. <https://doi.org/10.23979/fypr.45057>.

Tevington P. (2018) “You’re Throwing Your Life Away”: Sanctioning of Early Marital Timelines by Religion and Social Class. *Social Inclusion*. Vol. 6. No. 2. P. 140—150. <https://doi.org/10.17645/si.v6i2.1397>.

Uecker J. E., Hill J. P. (2014) Religious Schools, Home Schools, and the Timing of First Marriage and First Birth. *Review of Religious Research*. Vol. 56. No. 2. P. 189—218. <https://doi.org/10.1007/s13644-014-0150-9>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2295](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2295)

Ю. Харконен, С. Биллингслей, М. Хорнунг

**ТРЕНДЫ РАЗВОДИМОСТИ В СЕМИ СТРАНАХ
В ТЕЧЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ТРАНЗИТА
ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА: 1981—2004 гг.
Вступ. слово и пер. с англ. В. В. Солодникова**

Правильная ссылка на статью:

Харконен Ю., Биллингслей С., Хорнунг М. Тренды разводимости в семи странах в течение продолжительного транзита от государственного социализма: 1981—2004 гг. / вступ. слово и пер. с англ. В. В. Солодникова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 127—159. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2295>.

For citation:

Härkönen J., Billingsley S., Hornung M. (2023) Divorce Trends in Seven Countries Over the Long Transition from State Socialism: 1981—2004 (V. Solodnikov, intro & trans.). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 127—159. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2295>. (In Russ.)

Получено: 08.08.2022. Принято к публикации: 17.02.2023.

ТРЕНДЫ РАЗВОДИМОСТИ В СЕМИ СТРАНАХ В ТЕЧЕНИЕ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО ТРАНЗИТА ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОЦИАЛИЗМА: 1981—2004 ГГ. ВСТУП. СЛОВО И ПЕР. С АНГЛ. В.В. СОЛОДНИКОВА

ХАРКОНЕН Юхо — Европейский университетский институт, Флоренция, Италия
E-MAIL: juho.harkonen@eui.eu
<https://orcid.org/0000-0001-9687-1932>

БИЛЛИНГСЛЕЙ Санни — PhD, профессор социологии факультета социологии, Стокгольмский университет, Стокгольм, Швеция
E-MAIL: sunnee.billingsley@sociology.su.se
<https://orcid.org/0000-0001-5698-2419>

ХОРНУНГ Мария — ассистент проекта, Стокгольмский университет, Стокгольм, Швеция
E-MAIL: maria.hornung@hu-berlin.de
<https://orcid.org/0000-0002-2905-2707>

DIVORCE TRENDS IN SEVEN COUNTRIES OVER THE LONG TRANSITION FROM STATE SOCIALISM: 1981—2004

*Joho HÄRKÖNEN*¹
E-MAIL: juho.harkonen@eui.eu
<https://orcid.org/0000-0001-9687-1932>

*Sunnee BILLINGSLEY*² — PhD, Professor of Sociology at the Department of Sociology
E-MAIL: sunnee.billingsley@sociology.su.se
<https://orcid.org/0000-0001-5698-2419>

*Maria HORNUNG*² — Project Assistent
E-MAIL: maria.hornung@hu-berlin.de
<https://orcid.org/0000-0002-2905-2707>

¹ European University Institute, Florence, Italy

² Stockholm University, Stockholm, Sweden

Аннотация. Крах коммунизма — геополитическое событие в Европе конца XX века с хорошо документированными экономическими, социальными и политическими последствиями. Однако до сих пор отсутствуют исследования того, как оно повлияло на уровень разводов. Целью нашей работы является анализ трендов, связанных с уровнем разводов в течение длительного перехода от коммунизма — начавшегося с упадка коммунистической экономики в 1980-х годах и закончившегося экономическим возрождением, — в семи странах: Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России. Мы обсуждаем, мог ли этот переход увеличить или уменьшить риск развода. Мы

Abstract. The collapse of communism was a defining geopolitical event of late-twentieth century Europe, with well-documented economic, social, and political implications. Yet there is a striking absence of research on how it influenced divorce. The objective of this study is to provide an exploratory analysis of trends in divorce over the long transition from communism — starting from the decline of the communist economy in the 1980s and ending with economic revival — in seven countries: Bulgaria, Estonia, Hungary, Lithuania, Poland, Romania, and Russia. We discuss how the transition could be expected to either increase or decrease divorce risks. We analyze retrospective micro-level data on first mar-

анализируем ретроспективные данные микроуровня, касающиеся первых браков, из базы исследования «Изменение режимов жизненного цикла в Восточной Европе» (Changing Life Course Regimes in Eastern Europe — CLiCR). Основываясь на анализе истории наступления событий (event-history analyses), мы выявили, что на определенном этапе этого длительного перехода уровень разводов вырос во всех странах. Однако это увеличение не может быть объяснено структурным изменением. Нами не было обнаружено и единого паттерна увеличения риска развода по времени и продолжительности. Поразительная вариабельность данных приводит нас к выводу, что даже последствия крупных социальных разрывов контекстуально опосредованы.

Ключевые слова: развод, Центральная и Восточная Европа, социальное изменение, переход от коммунизма к рыночной экономике, анализ наступления событий

riages from the Changing Life Course Regimes in Eastern Europe (CLiCR) dataset. Based on our event-history analyses, we find that divorce rates increased in each country at some stage during the long transition and these increases cannot be explained by compositional change of the marriages. However, no uniform pattern emerged in the timing and duration of the increase in divorce risk. This striking variation leads us to conclude that even the effect of major societal ruptures is contextually contingent.

Keywords: divorce, Central and Eastern Europe, social change, transition from communism, event history analysis

Вступительное слово.

Об изучении динамики разводов в сравнительном макросоциальном контексте

При изучении стабильности/качества/успешности брака (см. подробнее [Солодников, 2016]) развод — негативный полюс континуума этой переменной. В 2000-е годы развод выступал в качестве традиционного объекта исследования для российских социологов [Солодников, 2018: 281]. В публичном дискурсе интерес к распаду брака возникает эпизодически. Например, на пике пандемии COVID-19 в средствах массовой коммуникации неоднократно говорилось о росте внутрисемейного насилия, которое, в свою очередь, должно было привести к увеличению количества разводов. Однако научных доказательных публикаций об этом встречать не приходилось. Более того, при описании динамики разводимости в массовых изданиях нередко используются некорректные показатели.

Во-первых, нередко апеллируют к *абсолютному показателю количества разводов*. Между тем такой показатель зависит от (не)многочисленности поколения (возрастной когорты) и не может быть однозначно интерпретирован.

Во-вторых, сравнивается количество заключенных браков и зарегистрированных разводов за определенный (один и тот же) промежуток времени. На основании этого делается вывод о «распаде каждого энного брака». Однако, если регистрации брака действительно характерны только для выбранного отрезка времени, то зарегистрированные разводы — это «накопленная» величина за все годы брака, продолжительность которых сопоставима с продолжительностью жизненного пути и может насчитывать десятки лет. В переводе предлагаемой читателю главы монографии [Mortelmans, 2020] в качестве одного из корректных показателей используется *суммарный коэффициент разводимости (total divorce rates)* — количество разводов в расчете на 100 браков. Для России это показатель не рассчитывается.

Наконец, по аналогии с показателями промышленного производства, при оценке динамики разводов используются по демографическим меркам очень непродолжительные отрезки времени (квартал, год и т. п.). Это может приводить к «апокалиптическим» оценкам динамики разводов.

Для иллюстрации приведем российские данные *общего коэффициента разводимости* — количество разводов в расчете на 1 000 населения (еще более точным был бы показатель, учитывающий население в возрасте 18 лет и старше) за отрезок времени, анализируемый в тексте иностранных авторов (см. рис. 1).

Примечание. По оси X — годы; по оси Y — количество разводов в расчете на 1 000 чел. населения.

Таким образом, на протяжении последних сорока лет не отмечено сколько-нибудь существенной динамики разводов, а аппроксимационная прямая даже свидетельствует о некотором их снижении.

Приведенные соображения подчеркивают актуальность главы трех авторов Ю. Харконена, С. Биллингслей и М. Хорнунг в коллективной монографии

¹ За 2003—2010 гг. показатели разводов рассчитаны с использованием численности населения, пересчитанной с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г.

² С 2014 г. с учетом данных по Республике Крым и г. Севастополю.

³ Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 18.06. 2022).

[Mortelmans, 2020], посвященной анализу трендов разводимости в семи странах (включая Россию) в течение транзита от социализма к рыночной экономике в период 1981—2004 гг.

Предпринятый авторами количественный анализ масштабных статистических данных будет интересен не только социальным исследователям, но и широкой аудитории. В его ходе были реализованы два шага.

Первый шаг — описание переменных, связанных с «риском развода» по каждой из стран (с учетом пяти этапов «транзита»). Рассматривались такие переменные, как доля респондентов-женщин; уровень образования супругов; возраст их вступления в брак и продолжительность последнего; факт добрачного сожительства; воспитание супруга в приемной семье; наличие ребенка в возрасте до трех лет и количество детей (см. Приложение 1). Была выявлена обратная зависимость между продолжительностью брака и вероятностью развода (более высок риск развода в первые годы брака с последующим уменьшением и стабилизацией этого риска). Однако сами тренды разводимости широко варьировали в разных странах.

На втором шаге предпринятого анализа были построены две модели, объясняющие риск развода на макросоциальном уровне (см. Приложение 2).

В первой (более простой) модели контролировалась доля женщин-респондентов и продолжительность брака. Вторая модель, помимо этого, учитывала остальные переменные.

Предложенную авторами исследовательскую схему можно с некоторыми оговорками интерпретировать как квазисоциальный полевой экспериментальный анализ на макроуровне. При этом в методической литературе отмечается, что строгие требования в организации экспериментального исследования превращают его в *лабораторное* или *истинное* и «могут быть полностью воплощены лишь в бесконечном идеальном эксперименте» [Девятко, 1998: 52]. Если принять за независимую переменную переход от социалистической экономики, «командно-административной системы» (с выделенными пятью временными этапами), то в качестве зависимой переменной выступает показатель количества разводов в его динамике.

Сложность представляет определение перечня контролируемых переменных. Авторами в качестве таковых были выбраны параметры супругов, брака и семьи, связанные с риском развода (выделенные на первом шаге анализа). Еще сложнее учесть особенности макросоциального контекста происшедшей «перестройки», варьирующие в бывших социалистических странах.

Это отмечают сами авторы при подведении итогов исследования, поскольку «несмотря на то что социальный опыт в течение длительного транзита от коммунизма (к рыночной экономике) обладает многими сходными чертами, <...> он не сопровождался единым трендом разводимости. Скорее, мы обнаружили очевидные различия в том, как и когда транзит формировал стабильность брака и, вероятно, отразил различные исторические отправные точки и традиции, а также национальные отличительные особенности адаптации к демократии, основанной на рыночной экономике» [Mortelmans, 2020: 83—84].

Тем не менее, предпринятая авторами попытка анализа макросоциальных факторов разводимости заслуживает уважения и обозначает перспективы этого исследовательского направления в социологии семьи⁴.

*В. В. Солодников,
д. соц. н., профессор кафедры
прикладной социологии, РГГУ
<https://orcid.org/0000-0002-3440-9096>*

Введение⁵

Падение коммунизма считается одним из определяющих геополитических событий в Европе конца XX века. Помимо перекраивания геополитической карты Европы переход от коммунизма к рыночной экономике оказал мощное влияние на повседневную жизнь людей, которые его пережили. В предыдущих исследованиях для выявления последствий этого перехода изучались социальное неравенство и социальная мобильность [Gerber, Hout, 2004], здоровье населения [Billingsley, 2011; Brainerd, 1998], брачность и рождаемость [Billingsley, 2010; Billingsley, Duntava, 2017; Gerber, Berman, 2010; Nedoluzhko, Agadjanian, 2015].

Повлиял ли этот транзит на уровень разводов? Переход от коммунизма означал наступление радикальных социальных, политических и экономических трансформаций, затрагивающих сложившиеся ранее социальные нормы и отношения, экономические структуры, а также системы институциональной поддержки. Социальный распад и сопутствующая ему турбулентность повседневной жизни с большой вероятностью должны были оказать влияние на (не)стабильность брака. Однако, как мы подробнее рассмотрим ниже, многие из этих макросоциальных последствий привели к противоположному результату и сократили уровень разводов, увеличив экономическую взаимозависимость членов семьи или усилив барьеры на пути к достижению развода. Вопреки потенциальному влиянию перехода к рынку на семью и ее создание, поразительно отсутствие исследований, изучающих тенденции разводимости в странах транзита.

Целью нашей работы является анализ рисков развода в течение периода с 1981 по 2004 г. в семи посткоммунистических странах: Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России. Наше исследование оказывается первым межстрановым сравнительным анализом данных о трендах развода на микроуровне при переходе от коммунизма к рыночной экономике. Предыдущие исследования развода в этот период времени детально описали его тренды в России [Avdeev, Monnier, 2000; Solodnikov, 2016], Венгрии [Bukodi, Róbert, 2003; Spéder,

⁴ Благодарю за помощь в интерпретации математических терминов А. В. Кученкову.

⁵ Перевод текста (Харконен Ю., Биллингслей С., Хорнунг М. Тренды разводимости в семи странах в течение продолжительного транзита от государственного социализма: 1981—2004 гг. // Развод в Европе. Новые инсайты относительно трендов, причин и последствий расставания супругов / под ред. Д. Мортелманса. Чам: Спрингер, 2020. С. 63—92) публикуется с разрешения авторов и издателей. Открытый доступ под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Оригинал: Härkönen J., Billingsley S., Hornung M. (2020) Divorce Trends in Seven Countries Over the Long Transition from State Socialism: 1981—2004. In: Mortelmans D. (ed.) *Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-Ups*. Cham: Springer. P. 63—92. https://doi.org/10.1007/978-3-030-25838-2_4. Open Access. This book is licensed under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 International License.

2005; Spéder, Kamarás, 2008], Болгарии [Philipov, Jasilioniene, 2008], Румынии [Mureşan et al., 2008], а также социально-экономические детерминанты развода в Эстонии [Rootalu, 2010] и Литве [Maslauskaitė et al., 2015]. На сегодняшний день есть только одно сравнительное исследование развода, основанное на агрегированных данных [Philipov, Dorbritz, 2003].

Мы сформулировали три вопроса.

Первый: что происходило с уровнем разводов в процессе перехода от государственного социализма к рыночной экономике в семи странах в период с 1981 по 2004 г.? Эти годы включают постепенное разрушение коммунистической системы, перестройку, институциональные и политические изменения, а также наступление немедленных последствий и стабилизацию новых политических и экономических систем. Другими словами, мы рассматриваем продолжительный транзит как постепенный процесс, а не дискретное событие.

Второй: основываясь на хорошо изученных изменениях, касающихся поведенческих особенностей при формировании семьи, может ли какой-то период времени, обладающий специфическим уровнем разводимости, быть связан с демографическими или структурными (*compositional*) особенностями брака? Тенденции, выявленные на основе агрегированных данных (например, [Ibid.]), предполагают изменение структурных особенностей брака. Наш анализ истории событий на основе гармонизированных ретроспективных данных из базы исследования CLiCR позволяет нам сравнить набор трендов, описывающих структурные изменения брака.

Третий: являются ли любые выявленные тренды общими для всех семи стран? Как мы собираемся более детально обсудить ниже, некоторые особенности перехода присущи всем странам, тогда как другие, такие как изменения ценностей или гендерных норм [Sobotka, 2011] и успешности рыночных реформ [Bohle, Greskovits, 2007] обнаруживают значительную вариативность, приводя к уникальным (*idiosyncratic*) изменениям уровня разводов.

Изученность темы

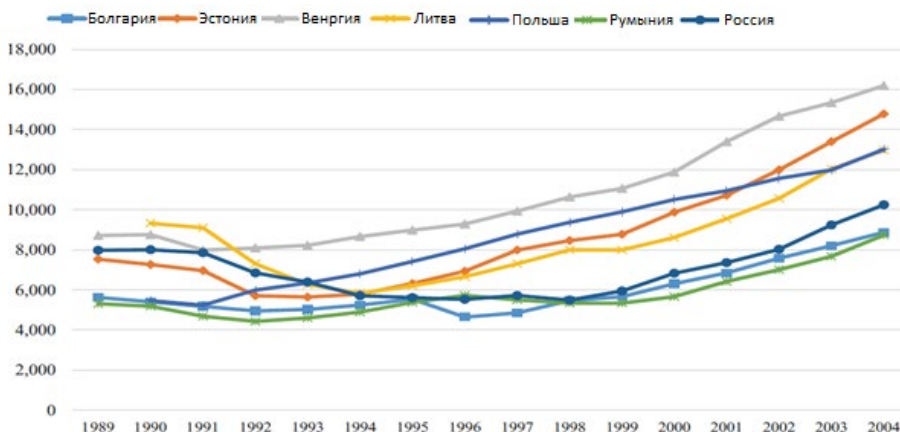
Мы сконцентрируем свое внимание на семи бывших коммунистических странах, переживших переход от социализма к рыночной экономике и демократической политической системе: Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России. Этот переход начался с революций 1989 г., начавшихся летом в Польше и далее распространившихся на Венгрию, Болгарию и Румынию. Эстония и Литва провозгласили независимость от СССР в сентябре 1991 г. Сам же СССР прекратил существование в декабре 1991 г., что привело к возникновению Российской Федерации. Этому периоду быстрого развития событий в 1989—1991 гг. предшествовало зарождение независимого самоуправляемого профсоюза «Солидарность» в Польше в 1980 г. (активность которого подавлялась до обретения независимости) и период политики реформ, открытости, перестройки и гласности в СССР, начавшийся в 1985 г. Главным импульсом для изменений в политических системах были экономические трудности, которые начались в конце 1970-х годов.

Переход от коммунизма к рыночной экономике привел к значительным изменениям политических, социальных и экономических условий в постсоциалистических странах [Blanchard, 1997; Gerber, Hout, 2004]. Если социалистическая система

обеспечивала жилищную и трудовую безопасность, базовый доход, финансовую поддержку семьям, а также доступность ухода за детьми, то переход к рынку разрушил многое из перечисленного [Barr, 2001; Fajth, 1999; Frejka, 2008; Stankuniene, Jasilioniene, 2008]. Постсоциалистическая система принесла с собой сокращение господдержки и увеличение либерализации рынка, вызвав экономический кризис во многих странах и ухудшив экономическую и жилищную безопасность граждан [Gimpelson, 2001], а также возможность совмещения оплачиваемой и неоплачиваемой работы для женщин [Pascall, Manning, 2000; Szelewa, Polakowski, 2008].

Вплоть до 1990-х годов экономики Восточного блока были взаимозависимы в рамках Совета экономической Взаимопомощи (СЭВ), возглавляемого СССР. Крах коммунизма и СЭВ привел к экономическому упадку в каждой ассоциированной стране. Рисунок 1 иллюстрирует эти экономические трудности, варьирующие по глубине и продолжительности. Страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), которые мы изучали, показали к 1991 г. незначительное падение ВВП на душу населения. Польша продемонстрировала самые быстрые темпы восстановления и экономического роста после 1991 г. Показатели Венгрии стабилизировались и вышли на умеренный экономический рост после 1991 г., обогнав остальные страны в 1992 г. Первоначальный экономический спад в Болгарии в начале 1990-х годов был минимален, но рецессия в 1996 г. и 1997 г. оказалась более выраженной. Экономическое восстановление Румынии было зеркальным отражением ситуации в Болгарии, за исключением того, что экономический спад продолжался с 1997 по 1999 г. Страны бывшего Советского Союза (СБСЮ) столкнулись с гораздо более глубокой рецессией в начале 1990-х годов. Обе анализируемые нами страны Балтии, пережившие быстрые упадок и восстановление (ставшее очевидным к 1995 г.), стали преимущественно стабильными вскоре после этого. С другой стороны, Россия не демонстрировала признаков настоящего восстановления вплоть до 1999 г.

Рис. 1. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (2012, международный долл.)⁶

⁶ TransMonEE. (2012) TransMonEE 2012 database. Geneva: UNICEF Regional Office for CEE/CIS.

В России рыночная либерализация привела к инфляции, рецессии, невыплате заработной платы, нисходящей (социальной) мобильности и безработице [Blanchard, 1997; Gerber, Hout, 2004]. Экономическая рецессия и высокая инфляция также были характерны для различных стадий перехода в Болгарии, Эстонии, Литве и Румынии; в несколько меньшей степени — в Венгрии и Польше [Bohle, Greskovits, 2007; Koytcheva, Philipov, 2008; Maslauskaitė et al., 2015; Mureşan et al., 2008; Robila, 2004; Spéder, Kamarás, 2008]. В сравнении с Россией, где экономическая трансформация ухудшила ситуацию с трудовой занятостью для женщин, увеличив гендерные различия в оплате труда, женщины остальных стран Восточной Европы — Болгарии, Эстонии, Польши и Венгрии — существенно выиграли в сравнении с мужчинами [Spéder, Kamarás, 2008; Brainerd, 2000].

Законодательство и тренды изменения уровня разводов

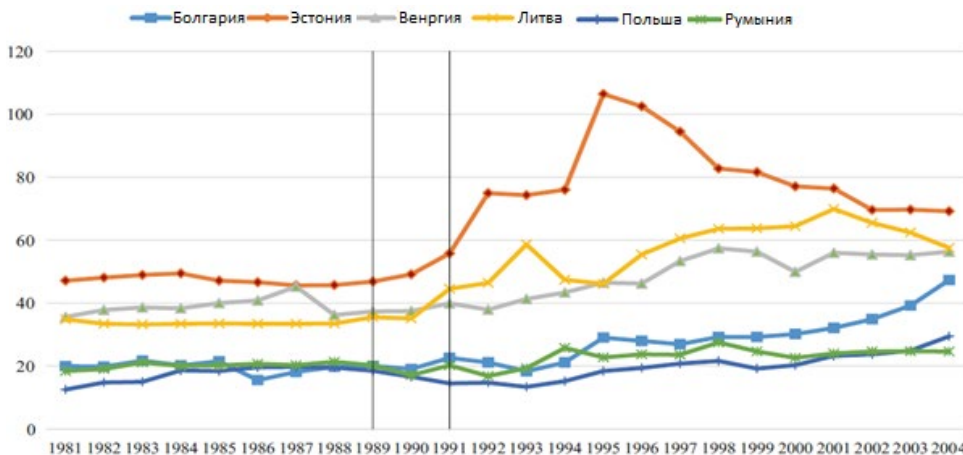
Уровень разводов в коммунистических странах варьировал еще до начала перехода к рынку. В Советском Союзе либерализация законодательства о разводе в середине 1960-х годов привела к общему повышению их уровня [Solodnikov, 2016]. Большинство коммунистических стран в это же время или чуть позднее также приняли либеральные законы о разводе, и уровень разводимости в них увеличился, однако, например, в Румынии в 1967—1971 гг. развод был практически невозможен [Mureşan, 2007]. В конце 1980-х годов в некоторых странах законы о разводе ужесточились, например, в Венгрии, что временно приостановило там предшествующий рост разводимости [Bukodi, Róbert, 2003; Spéder, Kamarás, 2008], или в Болгарии, где был восстановлен развод по вине одной из сторон [Todorova, 2000]. Переход от коммунизма к рыночной экономике сопровождался новой волной изменений в законодательстве о разводе. Тем не менее в Румынии его либерализация имела слабый эффект на фоне жилищного кризиса, бедности и негативного отношения к разводу, поэтому низкий уровень разводимости относительно других европейских стран здесь сохранился [Mureşan et al., 2008; Pantea, 2013]. Страны Балтии в 1990-х годах пытались отказаться от Советского законодательства о семье, вернувшись к досоветскому его варианту. Поскольку многие бывшие страны Восточной Европы стремились к вхождению в Европейский Союз, соответствующее законодательство было приведено в соответствие с европейскими юридическими понятиями, исключая очень строгие ограничения [Khazova, 2012].

В целом уровни разводов варьируют в семи странах, как до, так и после рыночного перехода (см. рис. 2, а также [Philipov, Dorbritz, 2003]). Наиболее высокими и в целом сходными со странами Северной Европы они были в государствах Балтии и России, а самыми низкими — в Болгарии, Румынии и Польше. Рисунок 2 демонстрирует тренды суммарного коэффициента разводимости (их количество в расчете на 100 браков) в шести странах за исключением России⁷. По большей части общий коэффициент разводимости оставался стабильным в течение 1980-х годов, но начал расти во многих странах после крушения коммунизма. Наиболее очевидно это в странах Балтии, а также Венгрии, изначально имеющих высокий

⁷ В России рассчитывается общий коэффициент разводимости как отношение количества разводов на 1000 населения (прим. переводчика).

уровень разводов. Можно обнаружить признаки восходящей тенденции количества разводов в Болгарии и Румынии, и несколько менее очевидные — в Польше.

Рис. 2. Суммарный коэффициент разводимости в шести посткоммунистических странах⁸

Несмотря на наложения трендов развода на переход от коммунизма к рынку, некоторые авторы [Philipov, Dorbritz, 2003] утверждают, что он не привел к какому-либо заметному влиянию на суммарные показатели разводимости. Более того, эти показатели оставались низкими в странах, где они изначально были ниже. А любые их повышения обусловлены главным образом временными эффектами (*timing effects*), задаваемыми продолжительностью расторгнутых браков. Также нет никаких подтверждений сокращения количества разводов за время этого перехода. Однако подобные выводы основаны преимущественно на агрегированных данных, следовательно, они могут быть чувствительны к «зашумляющим» воздействиям, обусловленным как структурными изменениями, так и несовершенным измерением временных эффектов.

Теоретические связи между контекстом перехода от плановой экономики к рыночной модели и разводам

Теоретически переход от коммунизма к рыночной экономике может как увеличить, так и уменьшить риск развода. Отталкиваясь от социологических и экономических теорий развода (см., например, [Becker, 1981; Lvinger, 1976]), можно предположить, что макросоциальные и экономические потрясения увеличивают риск развода, усиливая стресс в семейных отношениях посредством расшатывания норм, регулирующих семейную жизнь, или же, напротив, уменьшают этот риск, усиливая издержки развода и приверженность семейным узам.

Экономический кризис, наступивший вследствие развала коммунистической системы, был наиболее очевидным механизмом воздействия на уровень разво-

⁸ EUROSTAT. (2018) Divorce indicators. Цит. по: Mortelmans D. (ed.) (2020) Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-Ups. Cham: Springer. P. 67. https://doi.org/10.1007/978-3-030-25838-2_4.

дов. Экономическая рецессия могла оказать как позитивное, так и негативное влияние на разводимость [Cohen, 2014; Philipov, Dorbritz, 2003; Sobotka, Skirbekk, Philipov, 2011]. Согласно теории семейного стресса [Conger et al., 1990], безработица и ухудшение жизненных стандартов увеличивают экономический стресс и негативное взаимодействие супругов, тем самым увеличивая риск развода в период рецессии [Fischer, Liefbroer, 2006; Sobotka et al., 2011; South, 1985]. Дополнительно к этому аргументу исследователи показывают, что снижение уровня доверия потребителей приводит к росту расторжения браков, например, в Нидерландах для женщин при любом их уровне образования [Fischer, Liefbroer, 2006]. Исходя из этих аргументов, следовало бы ожидать, что экономические потрясения, сопутствовавшие переходу от коммунизма к рыночной экономике, увеличили уровень разводов во время этого перехода, особенно в странах, где экономический спад был наиболее выражен.

Экономический кризис может уменьшить риск развода, увеличивая издержки раздельного проживания супругов (*separation*). Рецессия сокращает возможности независимого экономического (само)обеспечения, увеличивая экономическую зависимость от семьи. Сокращение доходов также увеличивает издержки любых юридических процедур. Многочисленные исследования, проведенные в странах Запада, показали, что уровень разводов процикличен [Amato, Beattie, 2011; Cohen, 2014; Hellerstein, Morrill, 2011; Schaller, 2013; South, 1985], предполагая, что эффекты рецессии, которые проявляются через издержки развода, перекрывают эффекты, действующие через механизмы стресса, поскольку пары отказываются от развода или, по крайней мере, откладывают его во время экономических спадов. Исследование Р. Гнозалес-Валу и М. Марчен [González-Val, Marcén, 2017] подтвердило проциклическое реагирование уровня разводов в европейских странах в период 1991—2012 гг. Однако результаты исследований, использовавших индивидуальные данные, приводят к противоположным выводам: безработица [Kraft, 2001] и непредсказуемое падение доходов [Böheim, Ermisch, 2001; Weiss, Willis, 1997] увеличивают риск развода [Böheim, Ermisch, 2001; Kraft, 2001; Weiss, Willis, 1997]. Тем не менее здесь есть гендерный разрыв: если неожиданный рост дохода для мужчин уменьшает риск развода, то для женщин — увеличивает [Böheim, Ermisch, 2001; Weiss, Willis, 1997].

Доказательства влияния экономического кризиса на уровень разводов получены преимущественно для стран Запада, хотя общие механизмы, связывающие экономические потрясения с уровнем разводов, вероятно, схожи и справедливы также для стран, переживших переход от коммунизма к рыночной экономике. Однако глубина пройденного ими кризиса заставляет с осторожностью относиться к обобщениям. Помимо скачка безработицы и падения уровня доходов во многих этих странах инфляция взлетела до четырехзначных цифр. Вследствие данных особенностей прогнозы влияния экономических потрясений на уровень разводов, основанные на опыте стран Запада, выглядят ненадежными.

Помимо экономических последствий переход от строительства коммунизма к рыночной экономике сопровождался глубокими социальными изменениями, которые могли повлиять на уровень разводов. Несмотря на значимость идеи общедоступного социального жилья в коммунистической идеологии, базирующей-

ся на праве каждого иметь свой дом, социалистические государства испытывали его острую нехватку. Жилищная система благоприятствовала супругам, состоящим в браке, поощряя раннее создание семьи и воспитание детей [Deacon, 1987; Frejka, 2008; Hussar, 2018; Morton, 1979; Turnock, 1990]. Разрушение социалистической системы могло устранить некоторые барьеры на пути получения развода, поскольку предложение жилья выросло после перехода жилищной сферы на рыночные условия. Тем не менее процессы приватизации, начавшиеся в отдельных странах в преддверии 1990-х годов, привели к росту цен как на частное, так и на государственное жилье [Hegedüs, Tosics, 1992; Tsenkova et al., 1996]. Несмотря на то что все посткоммунистические страны начали приватизацию рынка жилья, отмечалась значительная вариабельность степени и эффективности этих шагов [Clapham, Kintrea, 1996]. Например, в России многие параметры советской жилищной системы, такие как низкое качество жилья или очереди, сохранились [Lux, Sunega, 2014]. В Румынии дефицит жилья тоже сохранился и оставался проблемой после краха коммунизма [Robila, 2004]. В Венгрии жилищная система была приватизирована на ранней стадии транзита [Bodnar, Böröcz, 1998], но вместо того, чтобы улучшить ситуацию для широкого круга людей, приватизация привела к новой форме сегрегации, благоприятствуя состоятельным домохозяйствам и заманивая низкодоходные в ловушку сектора социальной аренды [Hegedüs, 2013].

Второй фактор касается гендерно специфичных последствий перехода. Социалистическая экономика обеспечивала гендерное равенство в публичной сфере посредством централизованного установления размера заработной платы, всеобщей занятости, а также доступного (в том числе по цене) ухода за детьми. Одним из последствий перехода стал рост женской безработицы, гендерный разрыв в оплате труда, трудности совмещения работы и ухода за детьми, а также гендерная дискриминация во многих странах [Degtiar, 2000; Khotkina, 2001; LaFont, 2001; Spéder, Kamarás, 2008]. Если мужская безработица положительно связана с уровнем разводов, то женская способна стабилизировать брак, особенно в более традиционных обществах и там, где женщина экономически более зависима от мужа [Cooke et al., 2013; Härkönen, 2014; Lyngstad, Jalovaara, 2010]. Эта закономерность определяет влияние перехода от строительства коммунизма к рынку на уровень разводов. В Литве женская безработица стабилизировала брак только в урбанизированных областях [Maslauskaitė et al., 2015], тогда как в сельских уход с рынка труда увеличивал для женщин риск развода [там же]. Для мужчин в Литве безработица увеличивала риск развода. В России не было выявлено различий в уровне разводов для работающих и неработающих женщин во время социализма и после перехода [Muszyńska, 2008]. Д. Виньоли и соавторы [Vignoli et al., 2018] не обнаружили влияния женской занятости на риск развода в Венгрии, однако в Польше он оказался выше для работающих женщин. Исследование брачных когорт 1940—1992 гг. в Венгрии выявило более высокий риск развода для работающих женщин [Bukodi, Róbert, 2003].

На процесс транзита влияли также ценности и установки населения рассматриваемых стран. Исторически они различались по своей религиозной принадлежности (*affiliation*). Россия, Болгария и Румыния были православными

[Fitzpatrick, Kostina-Ritchey, 2013; Kte'pi, 2013; Pantea, 2013], тогда как Литва, Польша и Венгрия — католическими странами [Dvorak, 2013; Lobodzinska, 1983; Palmer, Molenda-Kostanski, 2013], а Эстония — преимущественно протестантской. Крах коммунистических режимов уменьшил безопасность, обеспечиваемую такими гарантиями как занятость и бесплатное обучение, что могло привести к более открытому принятию населением католического и православного христианства, ранее находящегося в латентной форме или подавляемого [Müller, 2009; Robila, 2004; Spéder, Kamarás, 2008]. Только в Венгрии и Польше религиозное возрождение было неочевидным. В случае Польши католицизм доминировал уже на начальном этапе перехода к рынку. Возросшая или активизированная религиозность могла подпитывать возрождение традиционализма или семейственности (*re-traditionalization* или *re-familization*) гендерных ролей [Teplova, 2007], увеличивая воспринимаемую и действительную зависимость женщины от ее партнера-мужчины.

В то же время ослабление социалистических ценностей во многих случаях подразумевало больше возможностей для личного свободомыслия, самовыражения и разнообразия стилей жизни. Изменения рождаемости и семейного поведения в период транзита к рыночной экономике считаются связанными со вторым демографическим переходом [Lesthaeghe, Surkyn, 2002]. Его идентифицируют посредством ряда демографических паттернов, таких как увеличение внебрачных сожительств и отсрочка родительства, которые преимущественно вызваны распространением постматериалистических и индивидуалистических ценностей. Открытие границ, повлекшее за собой приток идей и информации, связанных с контрацепцией и сексуальностью, изменило социальные нормы, касающиеся внебрачного секса и порнографии [Sobotka, 2011]. Несмотря на то что прямая связь между изменением этих норм и семейным поведением эксплицировано не изучалась, вероятно, время вступления в брак и потенциальный выбор брачного партнера изменились в условиях большей доступности внебрачной сексуальной активности и контрацепции. Рано или поздно это, в свою очередь, могло привести к снижению уровня разводов. Стигма, связанная с разводом, в ряде стран также со временем уменьшалась [Karabchuk, 2017; Perelli-Harris et al., 2017].

Переход также усугубил некоторые ранее существовавшие социальные проблемы, наиболее документированной из которых является алкоголизм в России [Mckee, Shkolnikov, Leon, 2001]. Доказано, что частое потребление алкоголя увеличивало в России риск развода [Keenan et al., 2013]. В то же время неочевидно, что потребление алкоголя значительно выросло в других посткоммунистических странах.

Наконец, переход мог оказать непосредственное влияние на уровень разводов, изменив социально-демографическую структуру брачных пар. Он сопровождался увеличением возраста вступления в брак [Frejka, 2008], что связано с уменьшением риска развода [Lyngstad, Jalovaara, 2010]. С другой стороны, стали распространены внебрачные сожительствa [Gerber, Berman, 2010; Hoem et al., 2009; Katus et al., 2007; Philipov, Jasilioniene, 2008; Spéder, Kamarás, 2008], включая добрачные и с повторным партнерством после развода. Рост сожительств отражает ослабление значимости института брака. А браки с предшествующим сожитель-

ством (с тем же или другим партнером) менее стабильны, чем «непосредственные» («*direct*»). Помимо этого, переход сопровождался очевидным снижением рождаемости [Billingsley, 2010; Billingsley, Duntava, 2017; Frejka, 2008]. В Центральной и Восточной Европе это было обусловлено преимущественно отсрочкой родительства в целом, а в Эстонии, Литве и России — связано с сокращением количества вторых и третьих рождений [Billingsley, Duntava, 2017]. Наличие детей (особенно младшего возраста) в целом уменьшает риск развода [Lyngstad, Jalovaara, 2010]. Исходя из этого, можно полагать, что супруги, откладывающие родительство и имеющие меньшее количество детей, косвенно подвергаются большему риску развода.

Подводя итоги, отметим, что несмотря на то что все семь изученных стран осуществили переход от строительства коммунизма к рыночному и демократическому обществу, его специфические особенности обнаруживают кросс-национальную вариабельность. Теоретически неясно, этот транзит увеличивает или уменьшает уровень разводов. Также неясно, существуют ли единые паттерны развода, применимые ко всем семи странам, при наличии отличительных национальных особенностей как до перехода, так и в процессе адаптации к нему.

Анализ данных

Мы использовали унифицированные ретроспективные данные базы «Изменение режимов жизненного цикла в Восточной Европе». Это ресурс, поддерживаемый Стокгольмским Центром здоровья обществ переходного периода университета Садерторм (Södertörn University) и Демографической лабораторией Стокгольмского университета (Stockholm University). База содержит данные, полученные из различных источников. Кроме того, в нашем исследовании использовались общенациональные данные «Исследования поколений и гендера» (Generations and Gender Surveys), а также «Исследования рождаемости и семьи» (Fertility and Families Surveys).

Наша выборка включала в себя мужчин и женщин, состоящих в первом браке и заключивших его в период с 1966 по 2004 г. Она насчитывала 51 568 индивидов. Размер выборки варьировал от 3 745 человек в Эстонии до 16 269 в Польше. Нашей зависимой переменной был развод, маркируемый числом месяцев, после которого было зафиксировано раздельное проживание (*separation*) или юридический развод в зависимости от того, что было раньше. Браки были цензурированы справа (*right-censored*) смертью супруга на момент интервью, или продолжительностью 15 лет (180 месяцев) с момента их заключения. Выборка также включала усеченные слева случаи (*left-truncated cases*), то есть браки, заключенные до начала исследования в 1981 г. Их продолжительность отсчитывалась от момента заключения брака, а не от их первого появления в базе данных [Guo, 1993].

Нашей первичной независимой переменной был исторический период, разделенный на ряд этапов: 1981—1984 (базовый), 1985—1988, 1989—1991, 1992—1995, 1996—2000 и 2001—2004. Базовый период включает годы, предшествовавшие периоду перестройки (1985—1988). Он представляет собой сходную отправную точку для всех государств. В более поздние годы в изучаемых странах появляются различия в зависимости от того, является ли страна частью Централь-

ной и Восточной Европы (ЦВЕ) — Болгария, Венгрия, Польша и Румыния — или бывшего Советского Союза (БСС) — Эстония, Литва и Россия. Годы с 1989 по 1991 охватывают период краха коммунизма и последовавшую за ним рецессию в странах ЦВЕ. Сразу вслед за этим, в период с 1992 по 1995 г., страны БСС столкнулись с глубоким экономическим кризисом, тогда как в странах ЦВЕ это был период экономической и институциональной стабилизации (за исключением Болгарии). Последующие годы перехода (1996—2000) включали в себя экономическое восстановление для большинства стран ЦВЕ, но продолжение кризиса в России. Заключительный период, используемый в нашем анализе (2001—2004), — это годы экономического восстановления для всех стран, а для Эстонии, Венгрии, Литвы и Польши — годы вступления в Евросоюз. Такая периодизация (*the measure*) характеризует основные этапы краха коммунизма и перехода к рыночной экономике, но не учитывает специфичных национальных вариаций.

На первом этапе нашего анализа для оценки риска развода в каждой из семи стран были использованы кривые выживания Каплана-Мейера (*Kaplan-Meier hazard curves*). На этом описательном этапе мы оценивали риск развода, используя периодический подход, опирающийся на синтетические когорты (*synthetic cohorts*). Респонденты вносили свой вклад в каждый из временных периодов при оценке выживания по мере того, как он/она проходил(а) эти периоды. Это означает, что индивиды могли включаться в различные временные периоды, но их вклад зависел от продолжительности брака (в месяцах). Этот подход синтетической когорты полезен, когда необходимо показать тренд в течение определенного периода времени, избегая избирательности вследствие откладывания (регистрации) брака. Кривые выживания со временем изменяются, что может быть обусловлено композиционным изменением. Поэтому вслед за этим мы использовали многомерный анализ.

На втором этапе анализа мы построили дискретно-непрерывные экспоненциальные модели истории событий (*piecewise constant exponential event history models*) [Blossfeld, Golsch, Rohwer, 2007]. Наша первая модель сравнивала риск развода по историческим периодам при контроле только продолжительности брака и пола респондента. Влияние такого периода на риск развода может быть «зашумлено» (*confounded*) влиянием продолжительности брака. Риск развода в общем случае увеличивается в течение первых (приблизительно четырех-семи лет) брака и уменьшается позже. Мы разбили данные на двухлетние (по 24 месяца) интервалы по продолжительности брака и контролировали ее включением фиктивных переменных, используя в качестве базовой категории первые два года брака. Продолжительность брака рассчитывалась от его начала, включая те браки, которые были заключены до 1981 г., то есть до первого периода наблюдения — 1981—1984 гг. Пол респондента контролировался, чтобы корректировать возможные гендерные различия оценок продолжительности брака.

Наша вторая модель исторического события контролировала дополнительные известные переменные, предсказывающие развод. Обе модели оценивались с целью определить, может ли структурное изменение брака привести к различиям риска развода, вызванным историческим периодом. Как отмечалось выше, переход от коммунизма к рыночно-ориентированной экономике обладает мно-

гочисленными социетальными последствиями, которые помимо определенных постоянно действующих трендов, могут повлиять на уровень разводов супругов, вступивших в брак в период социализма или после него.

Во-первых, мы контролировали уровень образования, который увеличивался во многих странах, и является известным предиктором развода в посткоммунистических обществах и за их пределами [Becker, Hemley, 1998; Bukodi, Róbert, 2003; Härkönen, Dronkers, 2006; Karabchuk, 2017; Rootalu, 2010]. Для этого использовался показатель наиболее высокого уровня полученного образования и времени, затраченного на это. Показатель кодировался изменяющейся по времени переменной завершения образования, имеющей три значения: низкий, средний и высокий. Низкий уровень образования включал в себя оконченную или неоконченную общеобразовательную школу; средний — учебу в вузе менее трех лет (включая послешкольное образование или профессиональный тренинг); высший уровень подразумевал наличие как минимум трехлетнего послешкольного, то есть университетского обучения. Мы не могли реконструировать полную образовательную траекторию респондентов, поскольку знали только дату завершения последней образовательной ступени. Это могло бы стать проблемой для тех, кто вступает в брак до получения среднего образования, но продолжает получать высшее. Однако с учетом того, что большинство вступает в брак после завершения своего образования — особенно среднего (в возрасте 18—19 лет) — это не могло привести к значительному смещению временного упорядочивания переменных (для сравнения см. [Ноем, 1996; Härkönen, Dronkers, 2006]). Наши данные включали информацию только об уровне образования респондента (мужчины или женщины). Поскольку уровень образования мужчин и женщин может влиять на риск развода по-разному, мы связывали (*interact*) эту переменную с полом.

Мы также контролировали возраст вступления в брак респондента, сожительствовал(а) ли он(а) и имел(а) ли он(а) детей до брака. Кроме того, мы учитывали варьирующую по времени переменную количества детей (0, 1, 2, или 3 и более), а также наличие маленького ребенка (в возрасте менее трех лет). Контроль этих переменных учитывает любые изменения уровня разводов, происходящие вследствие изменения паттернов формирования семьи. Вступление в брак в более раннем возрасте и сожительство до брака связаны с более высоким риском развода [Härkönen, Dronkers, 2006; Muszyńska-Spielauer, 2008; Muszyńska-Spielauer, Kulu, 2007]. С другой стороны, наличие маленького ребенка прогнозирует более низкий риск развода [Jasilioniene, 2007; Karabchuk, 2017; Muszyńska-Spielauer, Kulu, 2007]. В коммунистическую эру некоторые процедуры развода были осложнены при наличии в семье несовершеннолетних детей. Это еще одна причина для контроля возраста ребенка [Moskoff, 1983; Goode, 1993; Fitzpatrick, Kostina-Ritchey, 2013].

Описательные статистики этих переменных по выборке каждой страны приведены в Приложении 1. Несколько общих паттернов заслуживают внимания. Во-первых, 55%–69% всех респондентов в выборке имеют средний уровень образования (остальные относятся к высокому или низкому). В странах бывшего СССР (Эстония, Литва и Россия) зафиксирована более низкая доля индивидов со средним или более низким уровнем образования (7%—11% в сравнении

с 20%—29% в несоветских странах) и более высокая доля респондентов с университетским образованием. Между этими странами не отмечено существенных различий по среднему возрасту вступления в брак (22—23 года), количеству детей (1,3—1,5 ребенка), наличию ребенка в возрасте до трех лет (35%—37%) или наличию детей у партнера до брака (3%—9%).

Распространенность сожительств до брака широко варьировала, но они были более распространены в Болгарии и Эстонии. Различия в распространенности добрачного сожительства отражают вариабельность процесса формирования семьи [Heuveline, Timberlake, 2004]. Например, в Болгарии высокая распространенность добрачного сожительства обусловлена его непродолжительностью, предшествуя заключению брака с тем же партнером [Philipov, Jasilioniene, 2008].

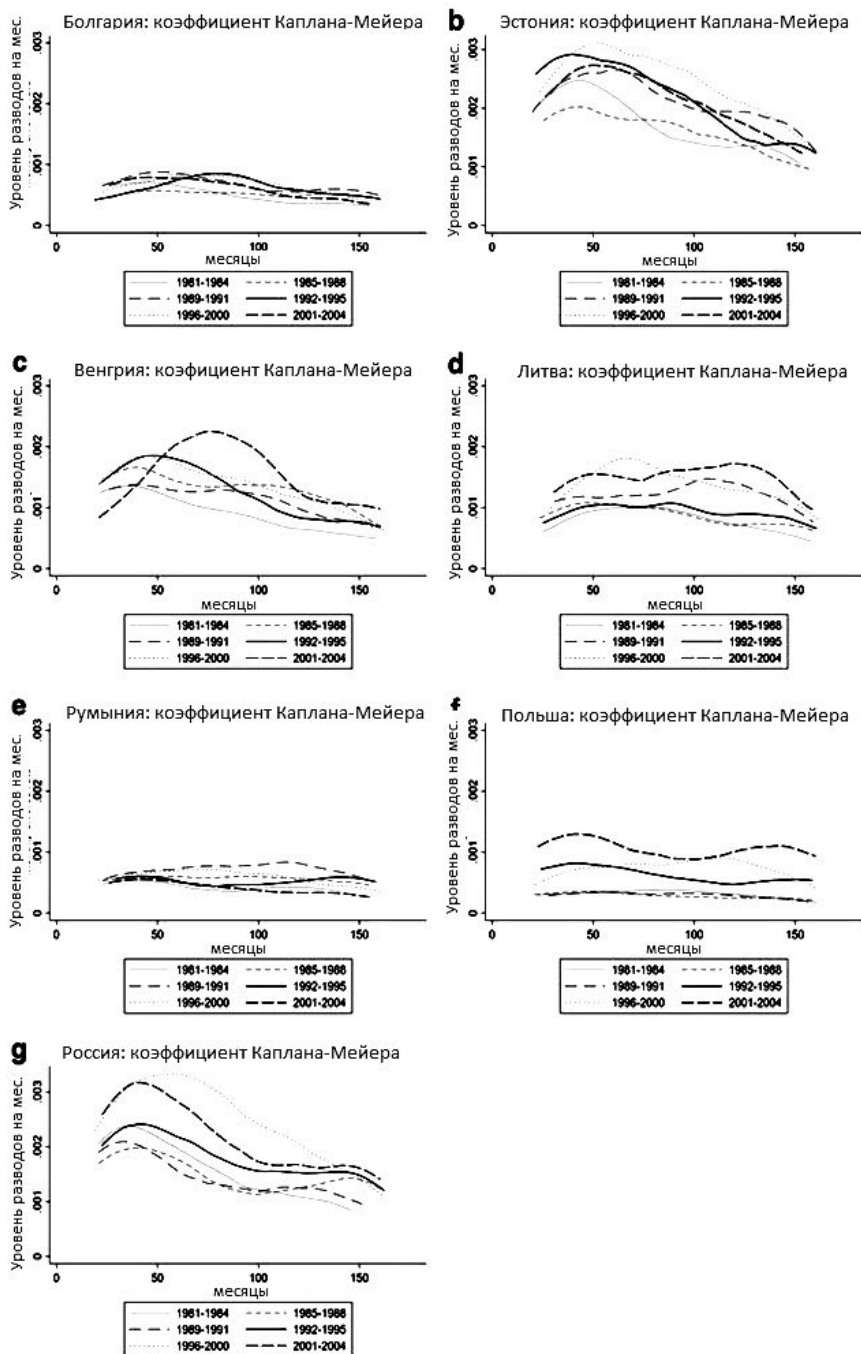
Результаты

Риск развода, продолжительность брака и стадии перехода к рыночной экономике

Рисунок 3 описывает риск развода (уровень выживания) в различные периоды времени в зависимости от продолжительности брака в семи странах. Как правило, мы выделяем общий специфический по продолжительности брака паттерн, согласно которому уровень разводов растет в первые годы брака, уменьшаясь и стабилизируясь впоследствии. Также можно определить четкую кросс-национальную вариативность уровня разводов в различные периоды времени. Уровень разводов был самым низким в Болгарии и Румынии и самым высоким в Эстонии и России. За исключением Болгарии и Румынии, где уровень разводов оставался стабильным в течение всего периода наблюдения, для остальных стран ЦВЕ и БСС наблюдаются его изменения. В период перестройки уровень разводов снизился в России и Эстонии, тогда как в Литве и Венгрии вырос. Начиная с 1989—1991 гг. Эстония, Венгрия и Литва отклоняются от общего паттерна уровня разводов. В этих странах уровень разводов остается достаточно стабильным или растет с увеличением продолжительности брака. Сходные тренды можно отметить для Польши, начиная с 1992 г. и позднее. В Эстонии, Венгрии и Польше рост уровня разводов наблюдается в 1992—1995 гг., а в Литве и России он начинает постоянно увеличиваться с 1996 г. Если в Эстонии, начиная с 2001 г., уровень разводов восстановился, то в России, Венгрии, Литве и Польше его уменьшение не отмечено.

В целом дескриптивные данные обнаруживают весьма значительную кросс-национальную вариативность, как по уровню разводов, так и по временному паттерну при переходе от коммунизма к рыночно-ориентированной экономике. Мы полагаем, что транзит мог повлиять на разводимость, однако это влияние специфично для разных стран. Однако дескриптивные данные не могут сказать нам, являются ли фиксируемые различия устойчивыми с поправкой на структурные факторы. Любые различия уровня разводов на протяжении перехода от государственного социализма к рыночной экономике могут отражать изменения структуры браков, например уровня образования супругов или поведенческих проявлений, связанных с формированием семьи, таких как откладывание вступления в брак, рост сожительств или изменения рождаемости. Каждый из этих факторов является предиктором развода, следовательно, их нужно учитывать при анализе изменений его уровня.

Рис. 3. Ежемесячный уровень разводов по синтезированным брачным когортам в Болгарии, Эстонии, Венгрии, Литве, Польше, Румынии и России

Регрессия развода как исторического события в течение длительного перехода.

Коэффициент Каплана-Мейера, приведенный выше, представляет дескриптивные данные уровня разводов в зависимости от продолжительности брака по семи странам. Однако эти данные не учитывают структурные факторы. Поэтому любые различия (или отсутствие таковых) уровня разводов могут отражать изменения структуры браков, например уровня образования супругов, или поведения, связанного с формированием семьи, таких его проявлений, как откладывание вступления в брак, рост сожительства или изменения рождаемости. Каждый из этих факторов тоже является предиктором развода, следовательно, их нужно учитывать при анализе изменений уровня разводов.

В Приложении 2 представлены результаты двух моделей исторического события применительно к риску развода, каждая из которых оценивала этот риск в семи странах. Первая модель показывает оценки различия риска развода в зависимости от исторического периода при контроле только гендера респондента и продолжительности брака. Вторая модель контролирует образование, его взаимодействие с гендером, возраст вступления в брак, наличие добрачного сожительства, количество детей и наличие детей до заключения брака. Вторая модель была использована для того, чтобы оценить, сохраняются ли изменения риска развода со временем — особенно, если брак был заключен в процессе перехода от коммунизма к рыночной экономике, — если принять во внимание изменения поведенческих параметров образования семьи.

Очевидны два общих вывода. Первый: подтверждаются дескриптивные результаты об отсутствии какого-либо единого паттерна риска развода на протяжении перехода от коммунизма к рыночной экономике. Второй: за некоторыми исключениями, изменения поведенческих параметров образования семьи и структуры брака не объясняют различий риска развода с течением времени. Различия в оценках риска развода, полученные с помощью моделей 1 и 2 применительно к различным периодам времени, незначительны, если результаты корректируются с учетом полученного образования респондентов, поведенческих параметров рождаемости, истории сожительства и наличия приемных детей. Более высокий риск развода в определенные периоды перехода от коммунизма к рыночной экономике несколько менее выражен в полной модели применительно к Венгрии, Польше и России. Напротив, аналогичный риск развода в Болгарии (1989—1998), не проявлялся без учета структурных различий.

Специфические временные различия отмечаются в модели 2 после учета структурных изменений, происходящих с течением времени. Во всех странах уровень разводов вырос на протяжении некоторого временного отрезка после фонового периода отсчета 1981—1984 гг. Однако страны четко различались по тому, когда впервые был отмечен этот рост, а также был ли он стабильным или временным. Перестройка — начало периода перехода от коммунизма к рыночной экономике. В это время отмечено увеличение рисков развода только в двух странах — Венгрии и Румынии. В Венгрии этот рост оставался стабильным вплоть до 2004 г. В Румынии, напротив, отмечено дальнейшее возрастание уровня разводов (с максимумом в 1989—1991 гг.) с последующим возвратом к более низкому уровню в 2001—2004 гг.

В Болгарии, Литве и Эстонии первое увеличение уровня разводов отмечено в период крушения коммунизма в 1989—1991 гг. В Болгарии оно было кратковременным, после чего уровень разводимости вновь снизился и оставался стабильным в течение всего периода наблюдений. В Литве после временного снижения в 1992—1995 гг. мы видим, скорее, устойчивый рост в течение большинства последующих периодов. В Эстонии уровень разводов впервые увеличился в период 1989—1991 гг., но это изменение статистически значимо только на уровне 10% по сравнению с исходным периодом сравнения. Уровень разводов в Эстонии оставался повышенным на протяжении 1990-х годов, но вернулся к исходному значению на рубеже тысячелетий.

Польша и Россия — две страны, в которых уровень разводов начал расти после периода транзита 1989—1991 гг. Уровень разводов в Польше резко вырос, начиная с 1992—1995 гг. по сравнению с исходно низким значением (см. рис. 3), и продолжил положительную динамику до окончания периода 2001—2004 гг. С другой стороны, в России уровень разводов оставался стабильным в 1980-е годы и годы транзита начала 1990-х годов. Он увеличился только в конце 1990-х и оставался повышенным до начала 2000-х годов.

Подводя итог вышесказанному: наши результаты показывают, что уровень разводов сенситивен (по меньшей мере временно) к социетальным изменениям во всех странах, но с различными паттернами. Увеличившийся риск развода, сопровождавший переход от коммунизма к рыночной экономике, видимо, был кратковременной реакцией на социетальные изменения в Болгарии, Эстонии и Румынии, тогда как в Литве и Польше транзит стал триггером более продолжительного тренда роста. В Венгрии изменение уровня разводов было более ранним, а в России — более поздним, но в обоих случаях устойчивый тренд роста неочевиден.

Выводы

В данном исследовании мы проанализировали тренды риска разводов в семи посткоммунистических странах, уделяя особое внимание тому, повлиял ли на этот риск продолжительный транзит от коммунизма к рыночно ориентированному обществу (варьируя от постепенного распада коммунистической экономической системы в 1980-х годах до периода экономического восстановления и вступления восточноевропейских стран в Евросоюз). Крах коммунизма был одним из определяющих геополитических событий в Европе конца двадцатого столетия, обладающим масштабными последствиями для жизни граждан, переживших его. Это зафиксировано множеством исследований, посвященных здоровью и смертности, потреблению алкоголя, рождаемости и формированию семьи. Однако исследования уровня разводов на протяжении транзита в явном виде отсутствовали.

Наше сравнение охватило семь посткоммунистических стран, переживших транзит, — Болгарию, Эстонию, Венгрию, Литву, Польшу, Румынию и Россию, которые отличались друг от друга по нескольким параметрам. Некоторые были частью Советского Союза, другие — нет. Они также различались по религиозному наследию и уровню религиозности, а также продолжительности транзита и его экономической и социальной успешности.

Наш поисково-разведочный анализ трендов развода на протяжении длительного транзита от коммунизма к рыночной экономике стремился ответить на три вопроса. Первый — что происходило с риском развода в это время? Второй — могут ли его тренды быть объяснены изменениями образовательной и демографической структуры браков? Теоретически мы обсудили, что транзит и сопровождавшие его изменения (экономические, социальные и правовые) мог привести к росту или снижению уровня разводов. Наши результаты свидетельствуют, что в каждой из семи стран могут быть обнаружены признаки увеличения риска развода на определенных стадиях транзита. Мы настаиваем, что транзит сыграл в этом определенную роль, хотя и не можем исключить, что эти данные отражают более долговременные тренды разводимости, начало ее роста или временные паттерны.

Более того, мы обнаружили, что поправки на уровень образования и демографические характеристики супругов большей частью не объясняют данного роста. Эти данные противоречат выводу [Philipov, Dorbritz, 2003] об отсутствии явного влияния транзита на агрегированные уровни разводов. Это, в свою очередь, предполагает, что наш сравнительный анализ трендов развода в посткоммунистических странах на микроуровне, первый в своем роде, выявляет тенденции, скрытые для анализа на агрегированном уровне.

Отвечая на третий вопрос, мы обнаружили, что несмотря на признаки влияния транзита в каждой стране, конкретный паттерн уровня разводов в течение длительного периода существенно варьировал. Все семь стран изначально имели весьма различные показатели уровня разводов. В течение длительного транзита не было выявлено четкого паттерна, описывающего тренды разводов. В трех странах — Болгарии, Литве и Эстонии — уровень разводов вырос в период их отсоединения от коммунистического блока в 1989—1991 гг. А в Румынии данный показатель в это время достиг своего пика. В Болгарии рост уровня разводов был временным (от низкого уровня) и вернулся к исходным значениям, так же как в Эстонии и Румынии. Литва отличается от этого паттерна. Там уровень разводов продолжал расти после временного снижения в 1992—1995 гг. вплоть до последнего наблюдаемого периода 2001—2004 гг.

В Венгрии и Румынии уровень разводов вырос уже в 1985—1988 гг. по сравнению с 1981—1984 гг. Венгрия ужесточила законодательство о разводе в конце 1980-х годов. В результате это могло внести свой вклад в то, что предшествующее этому увеличение разводов [Bukodi, Róbert, 2003; Spéder, Kamarás, 2008] сменилось их временным снижением в 1989—1991 гг. Но с другой стороны, венгерский уровень разводов впоследствии оставался стабильным до 2001—2004 гг. Уровень разводов в Румынии и Болгарии был самым низким среди семи стран. Он достиг своего пика в 1989—1991 гг., впоследствии снизившись и, в итоге в 2001—2004 гг. вернулся к значениям 1981—1984 гг. В Польше уровень разводов был низким в 1980-е годы. Затем он резко вырос, начиная с 1992—1995 гг. и позднее, совпав с экономическим возрождением страны. В России наложение посттранзитного кризиса и роста разводов было иным. Даже несмотря на распад Советского Союза, приведший к упомянутым выше экономическим и социальным проблемам, уровень разводов в России вырос только в 1996—2000 гг., наложившись на экономический обвал конца 1990-х годов.

Подводя итоги, отметим, что несмотря на то что экономические и социальные явления в течение длительного транзита от коммунизма к рыночной экономике обладают многими сходными чертами в семи странах — постепенный закат коммунистической системы в 1980-х годах, экономический кризис как незамедлительное последствие краха коммунизма в 1989—1991 гг., а также экономическая неопределенность в 1990-х годах и экономическое восстановление в первые годы нового тысячелетия, — они не сопровождались единым трендом, касающимся уровня разводимости. Скорее, мы обнаружили очевидные различия в том, как и когда транзит формировал стабильность брака и, вероятно, отразил различные исторические отправные точки и традиции, а также национальные отличительные особенности адаптации к демократии, основанной на рыночной экономике. Несмотря на то что наш разведочный анализ не высветил специфичные объяснения, он тем не менее показал, что даже в случае масштабных социальных потрясений, их влияние на разводимость зависит от социального контекста. Будущие исследования позволят пролить дополнительный свет на контекстуальные особенности, которые могут предопределять влияние масштабных социальных переломов на уровень разводов.

Список литературы (References)

- Amato P. R., Beattie B. (2011) Does the Unemployment Rate Affect the Divorce Rate? An Analysis of State Data 1960—2005. *Social Science Research*. Vol. 40. No. 3. P. 705—715. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2010.12.012>.
- Avdeev A., Monnier A. (2000) Marriage in Russia: A Complex Phenomenon Poorly Understood. *Population: An English Selection*. Vol. 12. P. 7—50. <https://doi.org/10.1016/10.2307/3030243>.
- Barr N. (2001) Reforming Welfare States in Post-Communist Countries. In: Orłowski L. T. (ed.) *Transition and Growth in Post-Communist Countries: The Ten-Year Experience*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 169—218.
- Becker G. S. (1981) *A Treatise on the Family*. Cambridge, MA: Harvard U. P.
- Becker C. M., Hemley D. D. (1998) Demographic Change in the Former Soviet Union during the Transition Period. *World Development*. Vol. 26. No. 11. P. 1957—1975. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(98\)00113-2](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(98)00113-2).
- Billingsley S. (2010) The Post-Communist Fertility Puzzle. *Population Research and Policy Review*. Vol. 29. No. 2. P. 193—231. <https://doi.org/10.1007/s11113-009-9136-7>.
- Billingsley S. (2011) Economic Crisis and Recovery: Changes in Second Birth Rates within Occupational Classes and Educational Groups. *Demographic Research*. Vol. 24. P. 375—406. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2011.24.16>.
- Billingsley S., Duntava A. (2017) Putting the Pieces Together: 40 Years of Fertility Trends Across 19 Post-Socialist Countries. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. No. 5. P. 389—410. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2017.1293393>.

Blanchard O. (1997) *The Economics of Post-Communist Transition*. Oxford: Oxford University Press.

Blossfeld H.-P., Golsch K., Rohwer G. (2007) *Event History Analysis with Stata*. Mahwah, NJ: Taylor and Francis.

Bodnar J., Böröcz J. (1998) Housing Advantages for the Better Connected? Institutional Segmentation, Settlement Type and Social Network Effects in Hungary's Late State-Socialist Housing Inequalities. *Social Forces*. Vol. 76. No. 4. P. 1275—1304. <https://doi.org/10.2307/3005835>.

Böheim R., Ermisch J. (2001) Partnership Dissolution in the UK — The Role of Economic Circumstances. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. Vol. 63. No. 2. P. 197—208. <https://doi.org/10.1111/1468-0084.00216>.

Bohle D., Greskovits B. (2007) Neoliberalism, Embedded Neoliberalism and Neocorporatism: Towards Transnational Capitalism in Central-Eastern Europe. *West European Politics*. Vol. 30. No. 3. P. 443—466. <https://doi.org/10.1080/01402380701276287>.

Brainerd E. (1998) Market Reform and Mortality in Transition Economies. *World Development*. Vol. 26. No. 11. P. 2013—2027. [https://doi.org/10.1016/S0305-750X\(98\)00096-5](https://doi.org/10.1016/S0305-750X(98)00096-5).

Brainerd E. (2000) Women in Transition: Changes in Gender Wage Differentials in Eastern Europe and the Former Soviet Union. *Industrial and Labor Relations Review*. Vol. 54. No. 1. P. 138—162. <https://doi.org/10.2307/2696036>.

Bukodi E., Róbert P. (2003) Union Disruption in Hungary. *International Journal of Sociology*. Vol. 33. No. 1. P. 64—94.

Clapham D., Kintrea K. (1996) Analyzing Housing Privatization. In: Clapham D., Kintrea K., Hegedüs J., Tosics I. (eds.) *Housing Privatization in Eastern Europe*. Westport, CT: Greenwood Publishing Group. P. 1—15.

Cohen P.N. (2014) Recession and Divorce in the United States, 2008—2011. *Population Research and Policy Review*. Vol. 33. No. 5. P. 615—628. <https://doi.org/10.1007/s11113-014-9323-z>.

Conger R. D., Elder G. H., Lorenz F. O., Conger K. J., Simons R. L., Whitbeck L. B., Huck S., Melby J. N. (1990) Linking Economic Hardship to Marital Quality and Instability. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 53. No. 3. P. 643—656. <https://doi.org/10.2307/352931>.

Cooke L. P., Erola J., Evertsson M., Gähler M., Härkönen J., Hewitt B., et al. (2013) Labor and Love: Wives' Employment and Divorce Risk in its Socio-Political Context. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. Vol. 20. No. 4. P. 482—509.

Deacon B. (1987) Sociopolitics or Social Policy: Bulgarian Welfare in Transition? *International Journal of Health Services: Planning, Administration, Evaluation*. Vol. 17. No. 3. P. 489—514. <https://doi.org/10.2190/45LA-T4L0-341R-276C>.

Degtjar L. (2000) The Transformation Process and the Status of Women. *Problems of Economic Transition*. Vol. 43. No. 7. P. 7—19. <https://doi.org/10.2753/PET1061-199143077>.

- Dvorak J. (2013) Lithuania. In: Emery R. E. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE P. 720—721.
- Fajth G. (1999) Social Security in a Rapidly Changing Environment: The Case of the Postcommunist Transformation. *Social Policy and Administration*. Vol. 33. No. 4. P. 416—436. <https://doi.org/10.1111/1467-9515.00161>.
- Fischer T., Liefbroer A C. (2006) For Richer, for Poorer: The Impact of Macroeconomic Conditions on Union Dissolution Rates in the Netherlands 1972—1996. *European Sociological Review*. Vol. 22. No. 5. P. 519—532. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl013>.
- Fitzpatrick J., Kostina-Ritchey E. (2013) Russia. In: Emery R. E. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 1049—1050.
- Frejka T. (2008) Overview Chapter 5: Determinants of Family Formation and Childbearing during the Societal Transition in Central and Eastern Europe. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 139—170. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.7>.
- Gerber T., Berman D. (2010) Entry to Marriage and Cohabitation in Russia, 1985—2000: Trends, Correlates, and Implications for the Second Demographic Transition. *European Journal of Population*. Vol. 26. No. 1. P. 3—31. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9196-8>.
- Gerber T., Hout M. (2004) Tightening Up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition. *American Sociological Review*. Vol. 69. No. 5. P. 677—703. <https://doi.org/10.1177/000312240406900504>.
- Gimpelson V. (2001) The Politics of Labor-Market Adjustment: The Case of Russia. In: Kornai J., Haggard S., Kaufman R. R. (eds.) *Reforming the State*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 25—52.
- González-Val R., Marcén M. (2017) Divorce and the Business Cycle: A Cross-Country Analysis. *Review of Economics of the Household*. Vol. 15. No. 3. P. 879—904. <https://doi.org/10.1007/s11150-016-9329-x>.
- Goode W. J. (1993) *World Changes in Divorce Patterns*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Guo G. (1993) Event-History Analysis for Left-Truncated Data. *Sociological Methodology*. Vol. 23. P. 217—243. <https://doi.org/10.2307/271011>.
- Härkönen J. (2014) Divorce: Trends, Patterns, Causes and Consequences. In: Treas J., Scott J. L., Richards M. (eds.) *The Sociology of Families*. Chichester: Wiley. P. 303—323. <https://doi.org/10.1002/9781118374085.ch15>.
- Härkönen J., Dronkers J. (2006) Stability and Change in the Educational Gradient of Divorce. A Comparison of Seventeen Countries. *European Sociological Review*. Vol. 22. No. 5. P. 501—517. <https://doi.org/10.1093/esr/jcl011>.
- Hegedüs J. (2013) The Transformation of the Social Housing Sector. In: Hegedüs J., Lux M., Teller N. (eds.) *Social Housing in Transition Countries*. New York, NY: Routledge. P. 3—33.

Hegedüs J., Tosics I. (1992) Conclusion: Past Tendencies and Recent Problems of the East European Housing Model. In: Turner B., Hegedüs J., Tosics I. (eds.) *The Reform of Housing in Eastern Europe and the Soviet Union*. London; New York, NY: Routledge. P. 318—335.

Hellerstein J. K., Morrill M. S. S. (2011) Booms, Busts, and Divorce. *The B. E. Journal of Economic Analysis and Policy*. Vol. 11. No. 1. <https://doi.org/10.2202/1935-1682.2914>.

Heuveline P., Timberlake J. M. (2004) The Role of Cohabitation in Family Formation: The United States in Comparative Perspective. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 5. P. 1214—1230. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00088.x>.

Hoem J. M. (1996) The Harmfulness or Harmlessness of Using an Anticipatory Regressor: How Dangerous Is It to Use Education Achieved as of 1990 in the Analysis of Divorce Risks in Earlier Years? *Yearbook of Population Research in Finland*. Vol. 33. P. 34—43. <https://doi.org/10.23979/fypr.44892>.

Hoem J. M., Kostova D., Jasilioniene A., Mureşan C. (2009) Traces of the Second Demographic Transition in Four Selected Countries in Central and Eastern Europe: Union Formation as a Demographic Manifestation. *European Journal of Population*. Vol. 25. No. 3. P. 239—255. <https://doi.org/10.1007/s10680-009-9177-y>.

Hussar A. (2018) Estonia: Prospects for Steady Improvement. In: Hegedüs J., Lux M., Horváth V. (eds.) *Private Rental Housing in Transition Countries: An Alternative to Owner Occupation*. London: Palgrave Macmillan. P. 211—233. https://doi.org/10.1057/978-1-137-50710-5_9.

Jasilioniene A. (2007) Premarital Conception and Divorce Risk in Russia in the Light of the GGS Data. *MPIDR Working Papers*. WP-2007—025. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2007-025>.

Karabchuk T. (2017) Marriage and Divorce, 1994—2014. In: Karabchuk T., Kumo K., Selezneva E. (eds.) *Demography of Russia*. London: Macmillan Publishers Ltd. P. 115—155.

Katus K., Puur A., Poldma A., Sakkeus L. (2007) First Union Formation in Estonia, Latvia and Lithuania: Patterns Across Countries and Gender. *Demographic Research*. Vol. 17. P. 247—300. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.10>.

Keenan K., Kenward M. G., Grundy E., Leon D. A. (2013) Longitudinal Prediction of Divorce in Russia: The Role of Individual and Couple Drinking Patterns. *Alcohol and Alcoholism*. Vol. 48. No. 6. P. 737—742. <https://doi.org/10.1093/alcalc/agt068>.

Khazova O. A. (2012) Marriage and Divorce Law in Russia and the Baltic States: Overview of Recent Changes. In: Carlbäck H., Gradszkova Y., Kravchenko Z. (eds.) *And they Lived Happily Ever After*. Budapest; New York, NY: Central European University Press. P. 251—273.

Khotkina Z. (2001) Female Unemployment and Informal Employment in Russia. *Problems of Economic Transition*. Vol. 43. No. 9. P. 20—33. <https://doi.org/10.2753/PET1061-1991430920>.

Koytcheva E., Philipov D. (2008) Bulgaria: Ethnic Differentials in Rapidly Declining Fertility. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 361—401. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.13>.

Kraft K. (2001) Unemployment and the Separation of Married Couples. *Kyklos*. Vol. 54. No. 1. P. 67—87. <https://doi.org/10.1111/1467-6435.00141>.

Kte'pi B. (2013) Bulgaria. In: Emery R. E. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 157—158.

LaFont S. (2001) One Step Forward, Two Steps Back: Women in the Post-Communist States. *Communist and Postcommunist Studies*. Vol. 34. No. 2. P. 203—220.

Lesthaeghe R., Surkyn J. (2002) New Forms of Household Formation in Central and Eastern Europe: Are They Related to Newly Emerging Value Orientations? In: UNECE (eds.) *Economic Survey of Europe*. Vol. 1. Geneva: UNECE. P. 197—217.

Levinger G. (1976) A Social Psychological Perspective on Marital Dissolution. *Journal of Social Issues*. Vol. 32. No. 1. P. 21—47. <https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1976.tb02478.x>.

Lobodzinska B. (1983) Divorce in Poland: Its Legislation, Distribution and Social Context. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 45. No. 4. P. 927—942. <https://doi.org/10.2307/351806>.

Lux M., Sunega P. (2014) Public Housing in the Post-Socialist States of Central and Eastern Europe: Decline and an Open Future. *Housing Studies*. Vol. 29. No. 4. P. 501—519. <https://doi.org/10.1080/02673037.2013.875986>.

Lyngstad T. H., Jalovaara M. (2010) A Review of the Antecedents of Union Dissolution. *Demographic Research*. Vol. 23. P. 257—292. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2010.23.10>.

Maslauskaitė A., Jasilionienė A., Jasilionis D., Stankuniene V., Shkolnikov V. M. (2015) Socio-Economic Determinants of Divorce in Lithuania: Evidence from Register-Based Census-Linked Data. *Demographic Research*. Vol. 33. P. 871—908. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2015.33.30>.

Mckee M., Shkolnikov V., Leon D. A. (2001) Alcohol is Implicated in the Fluctuations in Cardiovascular Disease in Russia Since the 1980s. *Annals of Epidemiology*. Vol. 11. No. 1. P. 1—6. [https://doi.org/10.1016/S1047-2797\(00\)00080-6](https://doi.org/10.1016/S1047-2797(00)00080-6).

Morton H. W. (1979) Housing Problems and Policies of Eastern Europe and the Soviet Union. *Studies in Comparative Communism*. Vol. 12. No. 4. P. 300—321. [https://doi.org/10.1016/S0039-3592\(79\)90271-0](https://doi.org/10.1016/S0039-3592(79)90271-0).

Moskoff W. (1983) Divorce in the USSR. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 45. No. 2. P. 419—425. <https://doi.org/10.2307/351520>.

Müller O. (2009) Religiosity in Central and Eastern Europe: Results from the PCE 2000 Survey in Comparison. In: Pickel G., Müller O. (eds.) *Church and Religion in Contem-*

porary Europe. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften. P. 65—88. https://doi.org/10.1007/978-3-531-91989-8_6.

Mureşan C. (2007) Family Dynamics in Pre- and Post-Transition Romania: A Life-Table Description. *MPIDR Working Papers*. WP-2007—018. Rostock: Max Planck Institute for Demographic Research. <https://doi.org/10.4054/MPIDR-WP-2007-018>.

Mureşan C., Haraguş P.T., Haraguş M., Schröder C. (2008) Romania: Childbearing Metamorphosis Within a Changing Context. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 855—906. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.23>.

Muszyńska-Spielauer M. (2008) Women's Employment and Union Dissolution in a Changing Socio-Economic Context in Russia. *Demographic Research*. Vol. 18. P. 181—204. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.18.6>.

Muszyńska-Spielauer M., Kulu H. (2007) Migration and Union Dissolution in a Changing Socio-Economic Context: The Case of Russia. *Demographic Research*. Vol. 17. P. 803—820. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2007.17.27>.

Nedoluzhko L., Agadjanian V. (2015) Between Tradition and Modernity: Marriage Dynamics in Kyrgyzstan. *Demography*. Vol. 52. No. 3. P. 861—882. <https://doi.org/10.1007/s13524-015-0393-2>.

Palmer L., Molenda-Kostanski Z. (2013) Poland. In: Emery R. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 937—974. <https://doi.org/10.4135/9781452274447.n355>.

Pantea M.-C. (2013) Romania. In: Emery R. E. (ed.) *Cultural Sociology of Divorce: An Encyclopedia*. Thousand Oaks, CA: SAGE. P. 1047—1048. <https://doi.org/10.4135/9781452274447.n378>.

Pascall G., Manning N. (2000) Gender and Social Policy: Comparing Welfare States in Central and Eastern Europe and the Former Soviet Union. *Journal of European Social Policy*. Vol. 10. No. 3. P. 240—266. <https://doi.org/10.1177/a013497>.

Perelli-Harris B., Berrington A., Sánchez Gassen N., Galezewska P., Holland J. A. (2017) The Rise in Divorce and Cohabitation: Is There a Link? *Population and Development Review*. Vol. 43. No. 2. P. 303—329.

Philipov D., Dorbritz J. (2003) Demographic Consequences of Economic Transition in Countries of Central and Eastern Europe. *Population Studies*. Vol. 45. Strasbourg: Council of Europe Publishing.

Philipov D., Jasilioniene A. (2008) Union Formation and Fertility in Bulgaria and Russia: A Life Table Description of Recent Trends. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 2057—2114. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.62>.

Robila M. (2004) Child Development and Family Functioning within the Romanian Context. In: Robila M. (ed.) *Families in Eastern Europe*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 141—154. [https://doi.org/10.1016/S1530-3535\(04\)05009-5](https://doi.org/10.1016/S1530-3535(04)05009-5).

Rootalu K. (2010) The Effect of Education on Divorce Risk in Estonia. *TRAMES. A Journal of the Humanities and Social Sciences*. Vol. 14. No. 1. P. 21—33. <https://doi.org/10.3176/tr.2010.1.02>.

Schaller J. (2013) For Richer, If Not for Poorer? Marriage and Divorce over the Business Cycle. *Journal of Population Economics*. Vol. 26. No. 3. P. 1007—1033.

Sobotka T. (2011) Fertility in Central and Eastern Europe After 1989: Collapse and Gradual Recovery. *Historical Social Research*. Vol. 36. No. 2. P. 246—296.

Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 2. P. 267—306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>.

Solodnikov V. V. (2016) Social Research of Divorce in USSR and Russia. In: Giancesini G., Blair S. L. (eds.) *Divorce, Separation, and Remarriage: The transformation of Family*. Bingley: Emerald Group Publishing Limited. P. 301—326. <https://doi.org/10.1108/S1530-353520160000010012>.

South S. J. (1985) Economic Conditions and the Divorce Rate: A Time-Series Analysis of the Postwar United States. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 47. No. 1. P. 31—41. <https://doi.org/10.2307/352066>.

Spéder Z. (2005) The Rise of Cohabitation as First Union and Some Neglected Factors of Recent Demographic Developments in Hungary. *Demográfia*. Vol. 49. No. 5. P. 77—103.

Spéder Z., Kamarás F. (2008) Hungary: Secular Fertility Decline with Distinct Period Fluctuations. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 599—664. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.18>.

Stankuniene V., Jasilioniene A. (2008) Lithuania: Fertility Decline and its Determinants. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 705—742. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.20>.

Szelewa D., Polakowski M. P. (2008) Who Cares? Changing Patterns of Childcare in Central and Eastern Europe. *Journal of European Social Policy*. Vol. 18. No. 2. P. 115—131. <https://doi.org/10.1177/0958928707087589>.

Teplova T. (2007) Welfare State Transformation, Childcare, and Women's Work in Russia. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. Vol. 14. No. 3. P. 284—322. <https://doi.org/10.1093/SP/JXM016>.

Todorova V. (2000) Family Law in Bulgaria: Legal Norms and Social Norms. *International Journal of Law, Policy and the Family*. Vol. 14. No. 2. P. 148—181. <https://doi.org/10.1093/lawfam/14.2.148>.

Tsenkova S., Georgiev G., Motev S., Dimitrov D. (1996) Bulgaria. In: Clapham D., Hegedüs J., Kintrea K., Tosics I. (eds.) *Housing Privatization in Eastern Europe*. Westport: Greenwood. P. 97—119.

Turnock D. (1990) Housing Policy in Romania. In: Sillince J. (ed.) *Housing Policies in Eastern Europe and the Soviet Union*. New York, NY: Routledge. P. 82—135.

Vignoli D., Matysiak A., Styrac M., Tocchioni V. (2018) The Positive Impact of Women's Employment on Divorce: Context, Selection, or Anticipation? *Demographic Research*. Vol. 38. P. 1059—1110. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2018.38.37>.

Weiss Y., Willis R. J. (1997) Match Quality, New Information, and Marital Dissolution. *Journal of Labor Economics*. Vol. 15. No. 1. P. 293—329. <https://doi.org/10.1086/209864>.

Дополнительный перечень источников, использованных во вступительной статье

Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1998.

Deviatko I. F. (1998) *Methods of Sociological Research*. Yekaterinburg: Ural University Publishing House. (In Russ.)

Солодников В. В. Лонгитюдная стратегия исследования качества и изменений браков: отечественная традиция и зарубежный опыт (Обзор теорий, методов и исследований) // Мониторинг общественного мнения. 2016. № 1. С. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.01>.

Solodnikov V. V. (2016) Longitudinal Strategy of Studies of the Quality and Evolution of Marriage: Russian Tradition and Foreign Practices (Theories, Methods and Studies). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3—20. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.01>. (In Russ)

Солодников В. В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 6. С. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>.

Solodnikov V. V. (2018) Russian Sociological and Psychological Research of the Family: Meta-Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 269—332. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.14>. (In Russ.)

Mortelmans D. (ed.) (2020) *Divorce in Europe. New Insights in Trends, Causes and Consequences of Relation Break-Ups*. Cham: Springer.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. *Дескриптивные помесячные индивидуальные статистические данные*

Страна	Болгария		Эстония		Венгрия		Литва		Польша		Румыния		Россия		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Наблюдения	66482	14,5	33305	7,26	58067	12,67	47974	10,46	134225	29,28	65727	14,34	52692	11,49	458472	100
Период времени																
1981—84	9714	14,61	7064	21,21	12082	20,81	7911	16,49	33026	24,6	11832	18,0	9724	18,45	91353	19,93
1985—88	11046	16,62	6946	20,86	11194	19,28	8416	17,54	31883	23,75	11635	17,7	10170	19,3	91290	19,91
1989—91	9929	14,93	5309	15,94	8432	14,52	7306	15,23	23809	17,74	9526	14,49	8188	15,54	72499	15,81
1992—95	12528	18,84	5667	17,02	9455	16,28	8759	18,26	15600	11,62	11381	17,32	9308	17,66	72698	15,86
1996—2000	13643	20,52	5009	15,04	9758	16,8	9022	18,81	16902	12,59	12332	18,76	9225	17,51	75891	16,55
2001—04	9622	14,47	3310	9,94	7146	12,31	6560	13,67	13005	9,69	9021	13,72	6077	11,53	54741	11,94
Женщин	39534	59,47	21,09	63,32	32489	55,95	23628	49,25	77492	57,73	32162	48,93	32086	60,89	258481	56,38
Уровень образования																
Низкий	13586	20,44	3817	11,46	11947	20,57	5454	11,37	34860	25,97	18971	28,86	3631	6,89	92266	20,12
Средний	40903	61,52	19308	57,97	36809	63,39	32951	68,69	84399	62,88	40659	62,86	29142	55,31	284171	61,98
Высокий	11993	18,04	10180	30,57	9311	16,03	9569	19,95	14966	11,15	6097	9,28	19919	37,8	82035	17,89
Возраст / брак — (ср./дисп.)	22,06 4,32		23,15 4,5		22,51 4,18		23,6 4,69		23,19 4,14		23,13 4,65		22,51 4,66		22,9 4,42	
Сожительство	39828	59,91	17053	51,2	8221	14,16	7472	15,58	12774	9,52	11145	16,96	14113	26,78	110606	24,12
Приемная семья	1828	2,75	2595	7,79	1898	3,27	2635	5,49	6682	4,98	2787	4,24	4736	8,99	23161	5,05
Ребенок < 3 лет	23864	35,9	12292	36,91	21528	37,07	17458	36,39	47762	35,58	22710	34,55	18277	34,69	162891	35,75
№ детей (ср./дисп.)	135 078		150 090		1451 087		128 083		138 099		131 090		126 079		135089	

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Таблица 1. Риск развода в семи посткоммунистических странах.

Коэффициенты выживания и доверительные интервалы дискретно-непрерывных экспоненциальных моделей исторического события
(МОДЕЛЬ 1)

Период / переменная	Болгария	Эстония	Венгрия	Литва	Польша	Румыния	Россия
1981—1984 — установочный период							
1985—1988	0,965 (0,680—1,370)	0,93 (0,732—1,181)	1,374** (1,097—1,723)	1,162 (0,849—1,591)	0,898 (0,695—1,160)	1,457* (1,034—2,052)	1,005 (0,820—1,2320)
1989—1991	1,285 (0,914—1,807)	1,193 (0,935—1,524)	1,234 (0,955—1,594)	1,454* (1,063—1,989)	0,896 (0,674—1,190)	1,729** (1,218—2,456)	0,956 (0,766—1,194)
1992—1995	1,151 (0,832—1,592)	1,299* (1,031—1,636)	1,330* (1,048—1,688)	1,161 (0,853—1,581)	2,125** (1,657—2,725)	1,414* (1,002—1,996)	1,196† (0,981—1,457)
1996—2000	1,186 (0866—1,625)	1,380* (1,0951,739)	1,403** (1,115—1,764)	1,596** (1,199—2,124)	2,085** (1,638—2,6540)	1,515* (1,090—2,105)	1,583** (1,315—1,906)
2001—2004	1,122 (0,793—1,589)	1,169 (0,884—1,545)	1,579** (1,238—2,015)	1,754** (1,297—2,372)	3,397** (2,697—4,278)	1,044 (0,706—1,543)	1,468** (1,188—1,814)
Женщины	1,220* (1,011—1,471)	1,168* (1,005—1,358)	1,128* (0,982—1,296)	2,064** (1,741—2,447)	1,373** (1,181—1,595)	1,139 (0,942—1,377)	1,241** (1,100—1,400)
Стаж брака	да	да	да	да	да	да	да
Константа	0,000448** (0,000314— 0,000639)	0,00156** (0,00120— 0,00203)	0,000889** (0,000687— 0,00115)	0,000324** (0,000325— 0,000466)	0,000255* (0,000194— 0,000336)	0,000374** (0,000257— 0,000544)	0,00171** (0,00139— 0,00209)
Наблюдения	66482	33,305	58067	47974	134225	65727	52692
Логарифм правдоподобия	−2025,7231	−2331,1949	−2909,4515	−2070,1476	−3194,0717	−1844,8212	−3746,5455
Хи-кв. (ст. своб.)	29,97 (13)	77,35913)	87,66 (13)	125,52 (13)	229,25 (13)	25,49 (13)	151,48 (13)

* $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; † $p < 0,1$.

**Таблица 2. Риск развода в семи посткоммунистических странах.
Коэффициенты выживания и доверительные интервалы дискретно-непрерывных экспоненциальных моделей исторического события
(МОДЕЛЬ 2)**

Период / переменная	Болгария	Эстония	Венгрия	Литва	Польша	Румыния	Россия
1981—1984 — установочный период							
1985—1988	0,995 (0,701—1,412)	0,967 (0,761—1,230)	1,352** (1,078—1,695)	1,197 (0,874—1,640)	0,892 (0,691—1,153)	1,144* (1,024—2,034)	1,034 (0,843—1,267)
1989—1991	1,383* (0,983—1,946)	1,275† (0,997—1,630)	1,225 (0,947—1,584)	1,529** (1,116—2,095)	0,876 (0,659—1,164)	1,740** (1,224—2,473)	0,991 (0,793—1,239)
1992—1995	1,225 (0,884—1,696)	1,306* (1,035—1,650)	1,305* (1,026—1,660)	1,217 (0,892—1,660)	1,981** (1,539—2,551)	1,385† (0,980—1,957)	1,153 (0,946—1,406)
1996—2000	1,228 (0,895—1,686)	1,301* (1,028—1,647)	1,298* (1,027—1,641)	1,640** (1,228—2,190)	1,878** (1,468—2,404)	1,434* (1,029—1,998)	1,408** (1,168—1,697)
2001—2004	1,175 (0,827—1,669)	1,112 (0,837—1,478)	1,395** (1,083—1,796)	1,763** (1,298—2,395)	2,843** (2,240—3,608)	0,965 (0,651—1,432)	1,248* (1,008—1,546)
Женщины	1,198 (0,776—1,850)	1,168* (1,005—1,358)	1,101 (0,780—1,554)	1,592† (0,992—2,254)	1,328 (0,903—1,953)	0,654* (0,433—0,988)	0,804 (0,511—1,265)
Образование — установочное значение — низкий уровень							
Средний	0,984 (0,673—1,438)	0,756† (0,550—1,040)	1,183 (0,865—1,617)	0,723† (0,496—1,055)	1,650** (1,180—2,307)	0,939 (0,669—1,319)	0,885 (0,616—1,272)
Высокий	0,663 (0,377—1,166)	0,622* (0,410—0,942)	1,148 (0,755—1,746)	0,535* (0,324—0,884)	1,969** (1,285—3,014)	1,058 (0,632—1,773)	0,801 (0,541—1,184)
Средний (женщины)	0,947 (0,585—1,532)	0,997 (0,656—1,516)	0,875 (0,600—1,278)	1,194 (0,715—1,993)	0,927 (0,609—1,412)	1,878** (1,180—2,990)	1,412 (0,876—2,276)
Высокий (женщины)	1,082 (0,551—2,127)	1,022 (0,613—1,703)	0,893 (0,538—1,485)	1,693 (0,897—3,193)	1,046 (0,610—1,795)	2,129* (1,055—4,296)	1,489 (0,901—2,461)
Брачный возраст	0,970* (0,946—0,994)	0,916** (0,898—0,935)	0,942** (0,924—0,961)	0,966** (0,948—0,984)	0,946** (0,929)	0,968** (0,947—0,990)	0,933** (0,918—0,948)
Сожительство до брака	0,705** (0,588—0,845)	1,046 (0,899—1,218)	1,933** (1,632—2,289)	1,135 (0,917—1,405)	2,271** (1,903—2,709)	1,463** (1,158—1,848)	1,682** (1,486—1,905)
Приёмная семья	1,112 (0,691—1,789)	1,832** (1,448—2,316)	1,267 (0,908—1,767)	1,303† (0,957—1,7750)	3,895** (3,182—4,768)	2,610** (1,891—3,603)	1,203† (0,990—1,461)

Период / переменная	Болгария	Эстония	Венгрия	Литва	Польша	Румыния	Россия
№ детей < 3	0,694** (0,530—0,910)	0,667** (0,542—0,820)	0,675** (0,553—0,824)	0,781* (0,619—0,986)	0,881 (0,720—1,078)	0,666** (0,499—0,890)	0,998 (0,841—1,184)
Стаж брака	да	да	да	да	да	да	да
Константа	0,00158** (0,000758— 0,00329)	0,0210** (0,0116— 0,0377)	0,00360** (0,00200— 0,00646)	0,00116** (0,000592— 0,00226)	0,000559** (0,000312— 0,00100)	0,000913** (0,000445— 0,00187)	0,0104** (0,00615— 0,0177)
Наблюдения	66 482	33,305	58 067	47 974	134 225	65 727	52 692
Логарифм правдоподобия	-1968,6438	-2212,1904	-2783,2938	-2039,3693	-3051,9169	-1793,8818	-3594,0967
Хи-кв. (ст. своб.)	144,13 (22)	315,36 (22)	337,97 (22)	187,08 (22)	513,56 (22)	127,37 (22)	456,38 (22)

* $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; † $p < 0,1$.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2355](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2355)

М. А. Карцева, П. О. Кузнецова

ЗДОРОВЬЕ, ДОХОДЫ, ВОЗРАСТ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕРАВЕНСТВА В ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Карцева М. А., Кузнецова П. О. Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 160—185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2355>.

For citation:

Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. (2023) Health, Income, Age: Empirical Analysis of Health Inequality in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 160–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2355>. (In Russ.)

Получено: 23.12.2022. Принято к публикации: 20.02.2023.

ЗДОРОВЬЕ, ДОХОДЫ, ВОЗРАСТ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕРАВЕНСТВА В ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

КАРЦЕВА Марина Анатольевна — кандидат экономических наук, зам. директора Института социального анализа и прогнозирования по науке, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: mkartseva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4292-3597>

Кузнецова Полина Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социального анализа и прогнозирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: polina.kuznetsova29@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1524-5620>

Аннотация. В работе изучается взаимосвязь здоровья и материального благосостояния взрослого населения России. С помощью регрессионного анализа авторы тестируют гипотезы о наличии доходного градиента в здоровье населения и его возрастных особенностях. Дополнительно в статье уточняются механизмы взаимосвязи здоровья и доходов. Эмпирическая основа исследования — микроданные национального репрезентативного Выборочного наблюдения состояния здоровья населения (Росстат). В качестве меры здоровья используются самооценка здоровья по 100-балльной шкале и индикатор наличия хронических заболеваний, а в качестве меры доходов — информация о субъективном благосостоянии семьи.

HEALTH, INCOME, AGE: EMPIRICAL ANALYSIS OF HEALTH INEQUALITY IN RUSSIA

Marina A. KARTSEVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Deputy Director for Science at the Institute of Social Analysis and Forecasting

E-MAIL: mkartseva@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4292-3597>

Polina O. KUZNETSOVA¹ — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher at the Institute of Social Analysis and Forecasting

E-MAIL: polina.kuznetsova29@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-1524-5620>

¹ Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The study examines the connection between health and wealth indicators among Russian adults. Using regression analysis, the authors test hypotheses on income gradient in health changes over the life cycle. Furthermore, they validate the mechanisms underlying the relationship between health and income. The study bases on the microdata from the Rosstat Population Health Survey. To measure the state of individual health, the authors use self-assessment on a 100-point scale and the presence of chronic diseases; the measurement of income is based on the self-reported subjective well-being of a household.

The study shows that income has a significant impact on health. When controlled for all other factors, the health of individuals from high-income groups is

Показано, что здоровье людей статистически значимо связано с их доходами. При прочих равных здоровье людей из высокодоходных групп лучше, а здоровье людей из низкодоходных групп хуже, чем здоровье людей со средними доходами. С возрастом взаимосвязь здоровья и доходов усиливается. Исключения составляют старшие возраста, в которых доходный градиент, как минимум, перестает расти, что объясняется в том числе селективной смертностью, особенностями российской пенсионной системы и мерами социальной поддержки пожилых граждан и инвалидов.

Результаты исследования предполагают наличие двух механизмов взаимосвязи доходов и здоровья населения. Во-первых, представители более высокодоходных групп реже страдают хроническими заболеваниями. Во-вторых, высокие доходы позволяют людям лучше справляться с возникающими проблемами здоровья, обеспечивая более высокий уровень здоровья при наличии хронических заболеваний. Низкие доходы, наоборот, ассоциируются с более высокими рисками хронических заболеваний и худшим самочувствием хронических больных.

Полученные данные говорят о дополнительной уязвимости низкодоходных групп населения — помимо материальных ресурсов, для улучшения уровня жизни людям не хватает здоровья. Включение людей с низким уровнем доходов в фокус социальной политики в области сохранения и укрепления здоровья позволит снизить риски возникновения ловушек плохого здоровья и бедности.

better, and the health of individuals from low-income groups is worse compared to middle-income population. As people age, the relationship between health and income becomes stronger. This relationship changes in the oldest groups, where the income gradient stops growing. This can be attributed to selective mortality, the peculiarities of the Russian pension system, and social support for the elderly and disabled.

The results of the study suggest two mechanisms linking income and health. First, higher-income groups are less likely to suffer from chronic diseases. Second, high incomes enable people to better cope with emerging health problems, providing better health in the presence of chronic diseases. Low incomes, on the contrary, are associated with higher risks of chronic diseases and worse well-being of chronic patients.

These findings indicate high vulnerability of low-income groups lacking health potential necessary to enhance their living standards. By putting low-income individuals at the center of social policy, the state can reduce risks of both income and health poverty traps.

Ключевые слова: здоровье, доходы, градиент в здоровье, неравенство в здоровье, взрослые

Keywords: health, income, health gradient, health inequality, adults

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

Введение

Здоровье населения — важнейший фактор человеческого капитала страны, лежащий в основе ее экономического, социального и демографического развития и определяющий благополучие общества не только в настоящее время, но и в следующих периодах [World Bank, 2005; WHO, 2008]. Неслучайно обеспечение хорошего здоровья и благополучия для всех возрастных групп входит в цели устойчивого развития, разработанные ООН [United Nations Development Programme, 2023].

Важную роль в формировании здоровья человека играет его социально-экономический статус, особенно материальное положение [Townsend, Whitehead, Davidson, 1992; Acheson, 1998; SDH, 2008]. У людей с высоким уровнем дохода лучше здоровье, поскольку они имеют более широкий доступ к качественным медицинским услугам, а также могут позволить себе лучшее жилье, питание, отдых, условия работы и многое другое. Понимание взаимосвязи здоровья и социально-экономического положения населения — ключевой фактор формирования политики содействия здоровью и благополучию населения. Изучению особенностей доходного градиента в здоровье посвящено большое количество научных работ. Было показано, что доходный градиент в здоровье существует независимо от уровня социально-экономического развития и богатства страны. С возрастом зависимость здоровья и доходов, как правило, усиливается [Deaton, Paxson, 1998; Benzeval, Green, Leyland, 2011; Davillas et al., 2019]. Однако динамика доходного градиента в старших возрастах не столь очевидна — есть свидетельства как сглаживания неравенства в здоровье, так и сохранения или даже роста доходных различий в здоровье среди пожилых [Lowry, Xie, 2009].

В России с начала 1990-х годов отмечается наличие существенной зависимости здоровья от материального благосостояния человека [Тапилина, 2004; Lokshin, Ravallion, 2008; Кислицына, 2015; Канева, 2016; Канева, Байдин, 2019; Пол, Валтонен, Ковтун, 2019; Habibov, Auchynnika, Luo, 2019]. Эмпирической основой большинства работ, выполненных на национальном уровне, являются микроданные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ НИУ ВШЭ).

Наше исследование продолжает тему изучения взаимосвязи здоровья и уровня материального благосостояния взрослого населения России на национальном уровне, актуализируя и дополняя существующие работы. В частности, мы исполь-

зую альтернативный РМЭЗ НИУ ВШЭ источник данных — микроданные Выборочного наблюдения состояния здоровья населения (СЗН), проведенного Росстатом в 2021 г. Объем выборки СЗН позволяет провести анализ не только для населения в целом, но и для достаточно узких возрастных групп, что дает возможность сформулировать выводы о взаимосвязи здоровья и доходов людей на протяжении жизненного цикла. Дополнительная задача нашей работы заключается в уточнении механизмов взаимосвязи доходов и здоровья взрослого населения России. В качестве характеристик здоровья мы используем самооценку здоровья по 100-балльной шкале и индикатор наличия хронических заболеваний, в качестве меры доходов — информацию о субъективном материальном благосостоянии семьи.

Статья имеет следующую структуру. Сначала представлен краткий обзор литературы. Далее, в третьем разделе, приводится описание эмпирической базы исследования и принципов построения переменных, в разделе также представлены описательные статистики. Четвертый раздел посвящен методологии исследования. В пятом разделе обсуждаются результаты работы. Основные выводы исследования сформулированы в заключительном, шестом, разделе.

Обзор литературы

Доходный градиент в здоровье — широко распространенное явление. Различия в здоровье людей в зависимости от их социально-экономических характеристик обнаружены во многих странах, независимо от их уровня развития и богатства [Cheng et al., 2002; Elo, 2009; Choi et al., 2020; Jivraj, 2020; Öncel, 2018; Cialani, Mortazavi, 2020]. Как пишет автор одного из обзорных исследований различий в здоровье и смертности И. Эло, «помимо прочих преимуществ, богатым и образованным досталась более долгая и здоровая жизнь» [Elo, 2009: 557]. Экономическое развитие страны влияет на средний уровень здоровья населения, но не ослабляет связи между богатством и здоровьем [Semyonov, Lewin-Epstein, Maskileyson, 2013]. В работе [Alvarez-Galvez et al., 2013] сравниваются взаимосвязи показателей социально-экономического статуса и здоровья в 29 странах Европы, включая Россию. Наиболее значительный доходный градиент в здоровье отмечается в странах Восточной Европы.

Замечены и определенные отклонения от закономерностей доходного градиента в здоровье. В обзорной работе ОЭСР показано, что в ряде стран, например, в Австралии, Колумбии, Греции и Италии, различия в здоровье наиболее богатых и наиболее бедных крайне невелики, а в Израиле здоровье людей из низшей доходной группы лучше, чем населения в целом [OECD, 2021]. В качестве другого примера нарушения закономерности доходного градиента в здоровье можно привести Китай, где риски некоторых заболеваний выше для групп населения с более высокими доходами. Это объясняется высокой популярностью курения и умеренного потребления алкоголя, которые в Китае, в отличие от многих других стран, не зависят от доходов, а также распространенностью ожирения, в Китае свойственного больше людям с высокими доходами [Huang, Grol-Prokopczyk, 2022].

С возрастом доходный градиент в здоровье растет [Deaton, Paxson, 1998; Davillas et al., 2019], однако в старших возрастах его динамика не столь однозначна.

Изменения доходного градиента с возрастом объясняют две конкурирующие теории: принцип накопленного преимущества, или так называемый эффект Матфея, описанный Р. Мертоном (имеющееся на ранних этапах жизни какое-то преимущество/ограничение с возрастом усиливается), и гипотеза сглаживающего влияния возраста [Merton, 1968; см. также графическое описание в: Lowry, Xie, 2009: 7].

В работе М. Бензеваль и соавторов [Benzeval, Green, Leyland, 2011] на данных двадцатилетней панели обследования населения Западной Шотландии показано, что социальные различия в здоровье заметно проявляются примерно в тридцатилетнем возрасте и продолжают расти до 60 лет, после чего снижаются и к 75 годам практически исчезают. Авторы выяснили, что показатели здоровья различных социальных групп в старших возрастах сближаются в том числе за счет избирательной смертности: люди с очень плохим здоровьем и с низким социально-экономическим статусом умирают раньше, за счет чего средние значения показателей здоровья в этих группах улучшаются. Но встречаются и случаи усиления социального градиента в здоровье с возрастом. Так, в Китае в силу определенных социально-политических факторов доходные различия в здоровье в младших и средних возрастах невелики, но с возрастом они становятся более выраженными [Lowry, Xie, 2009].

Есть ряд работ, посвященных избирательному выпадению респондентов старших возрастов из обследований в связи со смертностью и институционализацией (то есть переходом из домохозяйств в дома престарелых и другие организации ухода за пожилыми). Например, было обнаружено, что в Голландии существует определенный, хотя и небольшой по величине эффект смертности и переезда в учреждения на градиент в здоровье [Baeten, Van Ourti, Van Doorslaer, 2013].

В России также существует ряд эмпирических исследований, посвященных анализу взаимосвязи здоровья и благосостояния домохозяйств на национальном уровне. Практически все они выполнены с использованием микроданных РМЭЗ НИУ ВШЭ за 1994—2016 гг. Во многом это объясняется тем, что база РМЭЗ НИУ ВШЭ содержит подробную информацию о здоровье и доходах респондента и находится в открытом доступе. В ряде работ показано, что при прочих равных вероятность плохого здоровья значительно снижается с ростом доходов домохозяйства [Канева, Байдин, 2019; Канева, 2016; Кислицына, 2015; Пол, Валтонен, Ковтун, 2019; Тапилина, 2004]. Данный эффект отмечается как для мужчин, так и для женщин, однако для мужчин он более выражен [Perlman, Bobak, 2008]. Взаимосвязь дохода и здоровья также в большей степени выражена для людей старших возрастов [Тапилина, 2004]. Важным фактором здоровья является такая составляющая материального благополучия, как владение активами длительного пользования [Кислицына, 2015; Пол, Валтонен, Ковтун, 2019]. На здоровье оказывает влияние не только объективный показатель доходов, но и субъективный экономический статус: люди с низким субъективным экономическим статусом имеют худшее здоровье, чем те, кто оценивает свое материальное благополучие относительно высоко [Тапилина, 2004; Lokshin, Ravallion, 2008].

В работе [Habibov, Auchynnika, Luo, 2019] анализ взаимосвязи здоровья и доходов взрослого населения в России проводится на основе данных третьего раунда обследования «Жизнь в переходный период» (LiTS III). Показано, что бедность (как объективная, так и субъективная) значительно ухудшает здоровье людей.

Ухудшение состояния здоровья со снижением уровня доходов отмечается в России и на региональном уровне [Малышева, Русанова, Варызгина, 2016; Римашевская и др., 2008; Русинова, Панова, Сафронов, 2009; Шабунова, 2010]. Эмпирическую базу этих исследований составляют специализированные региональные социологические обследования.

В данной статье мы анализируем взаимосвязь здоровья и доходов взрослого населения России на национальном уровне с использованием нового источника данных — микроданных Выборочного наблюдения состояния здоровья населения за 2021 г. Альтернативный РМЭЗ НИУ ВШЭ источник данных позволяет не только актуализировать полученные ранее результаты, но и проверить их устойчивость. Кроме того, наша работа расширяет и дополняет результаты предыдущих исследований, рассматривая возрастные особенности градиента в здоровье, а также механизмы его формирования.

В основе эмпирического исследования взаимосвязи здоровья и доходов лежит классическая модель спроса на здоровье М. Гроссмана [Grossman, 1972; 2000]. В этой модели здоровье рассматривается как основной капитал, минимальный уровень которого необходим для выживания. Здоровье ухудшается с течением времени, но также может ухудшаться в результате негативных шоков (заболеваний). Улучшить здоровье человек может с помощью инвестиций. Данная модель позволяет не только зафиксировать взаимосвязь здоровья и доходов, но и проанализировать механизмы, посредством которых осуществляется эта взаимосвязь. В рамках модели существует два канала влияния доходов на здоровье человека. Во-первых, вероятность заболеваний может зависеть от доходов — менее обеспеченные люди могут чаще болеть, чем более обеспеченные (например, из-за различий в образе жизни, месте и условий жизни, питании, использовании услуг профилактической медицины и т. п.). Во-вторых, возможно, менее обеспеченные люди хуже справляются с последствиями заболеваний и тяжелее восстанавливаются (например, из-за откладывания лечения или из-за использования менее эффективных лекарств/медицинских услуг в силу недостатка средств).

Опираясь на модель Гроссмана и результаты прикладных российских и зарубежных исследований, мы формулируем следующие гипотезы:

1. Существует значимый доходный градиент в здоровье взрослого населения России: чем ниже доходы людей, тем хуже их здоровье.
2. Доходный градиент в здоровье меняется с возрастом.
3. Распространенность хронических заболеваний связана с доходами: чем выше доходы, тем меньше вероятность наличия хронических заболеваний.
4. Состояние здоровья людей с хроническими заболеваниями связано с их доходами: чем выше уровень дохода, тем лучше здоровье хронических больных.

Данные. Построение переменных и описательные статистики

Данные

Эмпирическую основу работы составляют микроданные Выборочного наблюдения состояния здоровья населения (СЗН), проведенного Росстатом в 2021 г. В ходе обследования СЗН собирается подробная статистическая информация о состоянии здоровья и образе жизни населения. Кроме того, данные СЗН содер-

жат ключевую информацию о социально-демографическом и экономическом положении человека и его домохозяйства.

Единица отбора в обследовании — домохозяйство. Выборочная совокупность формируется на базе данных Всероссийской переписи населения 2010 г. с помощью случайного двухступенчатого отбора. Охват обследования — 60 тыс. домохозяйств. В домохозяйстве опрашиваются все его члены (инструментарий обследования включает в себя взрослый и детский вопросники). Данные СЗН репрезентируют население России.

Взаимосвязь здоровья и доходов мы анализируем с использованием индивидуальных данных респондентов в возрасте от 15 лет и старше. Общий объем выборки исследования составляет 104,1 тыс. человек. Объем выборки СЗН существенно превышает объем выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ, что позволяет провести более детальный анализ взаимосвязи здоровья и доходов, в частности для узких возрастных групп.

Средний возраст индивида в выборке — 50 лет. 60 % участников опроса составляют женщины. 31 % респондентов проживают в городах. Подробнее распределение респондентов по основным социально-демографическим группам представлено в таблице П1 Приложения.

Показатели здоровья и доходов. Описательные статистики

Здоровье

В качестве показателя здоровья в работе используется самооценка здоровья респондентами. Самооценка здоровья не является объективным показателем здоровья, тем не менее широко признается, что она представляет собой достаточно эффективный инструмент оценки реального состояния здоровья, связанный с заболеваемостью и смертностью [Idler, Benyamini, 1997; Wu et al., 2013].

В отличие от многих других обследований (в частности, от РМЭЗ НИУ ВШЭ), где самооценка здоровья измеряется по 5-балльной шкале, в обследовании СЗН для самооценки здоровья используется шкала от 0 до 100, что позволяет уточнить мнение респондентов об их самочувствии. В целом люди достаточно хорошо оценивают свое здоровье: средний показатель самооценки составляет 77 баллов. Состояние здоровья ухудшается с возрастом от 92 баллов в группе 15—24 года до 62 баллов в группе от 65 лет и старше. По данным обследования, женщины оценивают свое здоровье несколько более критично, чем мужчины, однако величину различий нельзя назвать существенной. Подробнее средние показатели самооценки здоровья в зависимости от пола и возраста приведены в таблице П2 Приложения.

Помимо общей самооценки здоровья, мы используем индикатор хронической заболеваемости. Данный показатель принимает значение 1, если респондент имеет хотя бы одно хроническое заболевание (из предложенных в анкете 20 типов заболеваний), и 0 в противном случае. Расчеты показали, что более половины респондентов (58 %) имеют как минимум одно хроническое заболевание. Уровень хронической заболеваемости растет с возрастом. Женщины чаще сообщают о наличии хронических заболеваний, чем мужчины (см. табл. П3 Приложения).

Доходы

В качестве индикатора доходов в работе используется субъективная оценка материального благополучия домохозяйства. Во многом данный подход связан с ограничениями используемой эмпирической базы — данные обследования СЗН не содержат информации о номинальных доходах респондента и его домохозяйства. Однако субъективные оценки благосостояния во многом отражают распределение его объективных показателей, в частности доходов [Carver, Grimes, 2019; Tan et al., 2020; Градосельская, 2003]. В литературе накоплен существенный опыт использования субъективных показателей доходов в исследованиях взаимосвязи здоровья и доходов [Cialani, Mortazavi, 2020; Cheng et al., 2002; Habibov, Aichynnikava, Luo, 2019; Римашевская и др., 2008; Тапилина, 2004].

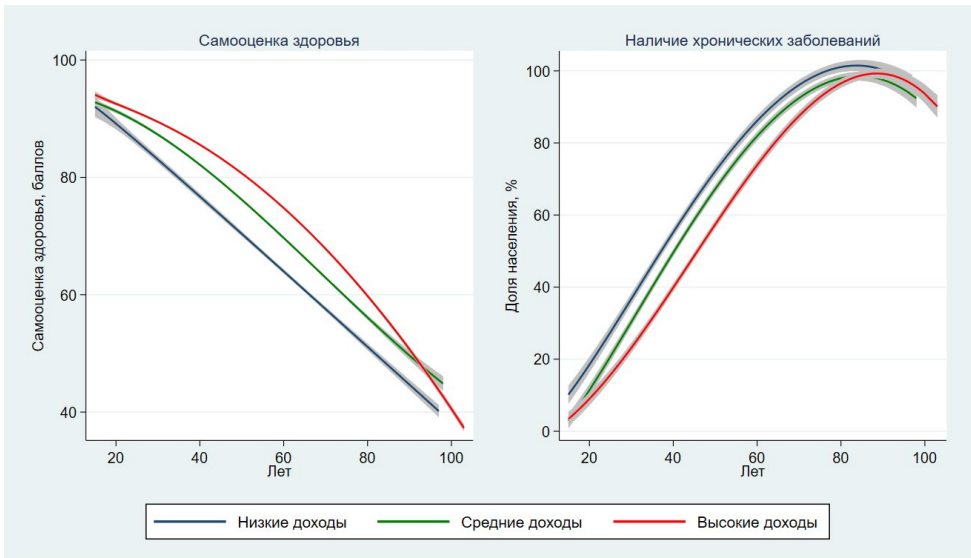
В обследовании СЗН информация о доходах домохозяйства дается в виде категориальной переменной, представляющей собой субъективную оценку материального благополучия домохозяйства респондентом. В ходе опроса респонденту предлагается оценить материальное положение семьи по шкале достаточности, выбрав наиболее подходящий из пяти предложенных вариантов: 1 — нет никаких материальных затруднений; 2 — особых материальных затруднений нет, но не все покупки по карману; 3 — денег хватает только на основные продукты питания и одежду; 4 — денег не хватает на продукты питания, лекарства и одежду; 5 — живу в крайней нужде. На основе данной информации в работе была построена переменная, характеризующая уровень доходов индивида как относительно высокий (значения исходного показателя 1 или 2), средний (значение исходного показателя 3) и низкий (значения исходного показателя 4 или 5). Расчеты показали, что у 55 % респондентов доходы относительно высокие, еще у 35 % доходы можно характеризовать как средние. Только 10 % респондентов имеют низкий уровень доходов. Распределение доходов респондентов в зависимости от пола и возраста представлено в таблице П4 Приложения.

Здоровье и принадлежность к различным доходным группам

Показатели состояния здоровья для представителей различных доходных групп устойчиво различаются: более высокие доходы соответствуют более высокой самооценке здоровья и более низкой распространенности хронических заболеваний. Данный эффект наблюдается практически для всех возрастных групп (см. рис. 1). Линия тренда для попарных зависимостей возраста и здоровья на рисунках 1—3 оценивалась с помощью команды `fpfitci` в статистическом пакете Stata.

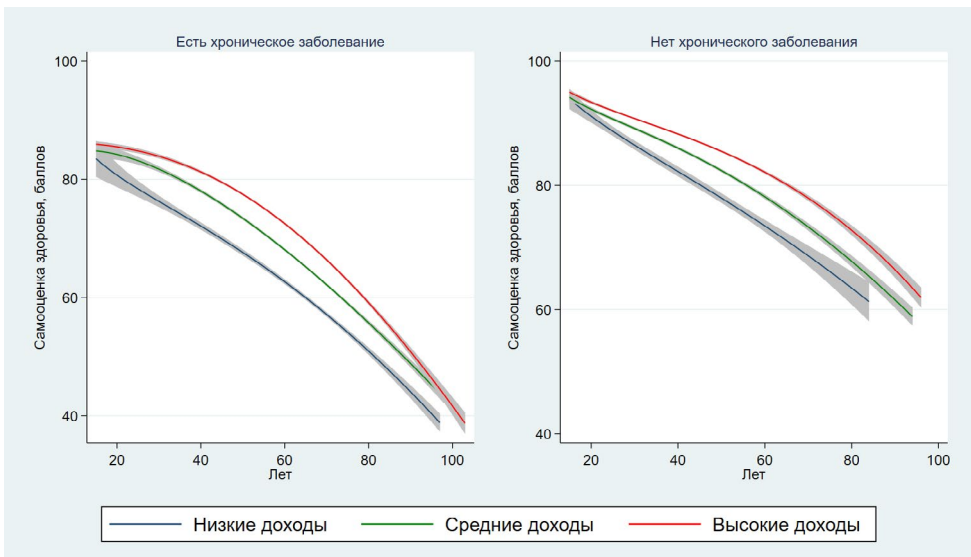
Важным следствием низких доходов могут быть не только более высокие риски иметь плохое здоровье, но и меньшие возможности компенсировать проблемы, вызванные наличием хронических заболеваний. Сравнение возрастных профилей средней самооценки здоровья в зависимости от наличия хронических заболеваний (см. рис. 2) позволяет увидеть, что в высокодоходной группе наблюдаются не только существенно более высокие абсолютные значения самооценки здоровья, но и меньшие ее потери для людей с хроническими заболеваниями, особенно в молодых возрастах.

Рис. 1. Самооценка здоровья по 100-балльной шкале и распространенность хронических заболеваний в зависимости от возраста (линия тренда, полученная с использованием кусочно-полиномиальной регрессии), группы доходов

Источник: расчеты авторов на данных СЗН Росстата, 2021 г.

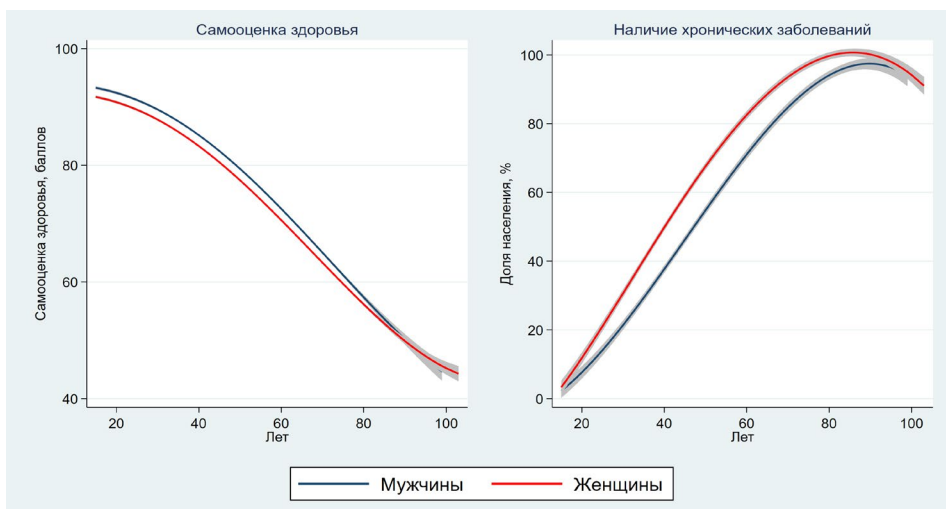
Рис. 2. Самооценка здоровья по 100-балльной шкале в зависимости от возраста и наличия хронических заболеваний (линия тренда, полученная с использованием кусочно-полиномиальной регрессии), группы доходов

Источник: расчеты авторов на данных СЗН Росстата, 2021 г.

На рисунке 3 показано, как меняются показатели здоровья для мужчин и женщин в течение жизни. С возрастом средняя самооценка здоровья снижается, а вероятность наличия хотя бы одного хронического заболевания растет. Здоровье женщин несколько хуже, чем у мужчин, с точки зрения как более низкой оценки собственного здоровья, так и большей распространенности хронических заболеваний. Однако величина различий в возрастных профилях здоровья для мужчин и женщин невелика, что позволяет рассматривать их в рамках общей модели.

Рис. 3. Самооценка здоровья по 100-балльной шкале и распространенность хронических заболеваний в зависимости от возраста (линия тренда, полученная с использованием кусочно-полиномиальной регрессии), мужчины и женщины

Источник: расчеты авторов на данных СЗН Росстата, 2021 г.

Методология исследования

Для выявления статистической взаимосвязи здоровья и доходов населения недостаточно простого сравнения средних показателей здоровья для разных доходных групп. Необходимо проведение эконометрического анализа, позволяющего определить значимость доходов как фактора здоровья при прочих равных социально-демографических характеристиках человека. Ниже кратко описаны модели, используемые в работе.

На первом этапе исследования был проведен регрессионный анализ зависимости здоровья и доходов. В качестве контрольных переменных в регрессионное уравнение здоровья добавлены показатели, отражающие социально-демографическое положение индивидов и потенциально оказывающие влияние на здоровье (возраст, пол, состояние в браке, образование и место проживания)¹. С помощью метода наименьших квадратов была оценена следующая линейная модель:

¹ Используемый набор контрольных переменных во многом совпадает с контрольными переменными, используемыми в российских и зарубежных работах по сходной тематике (например, [Кислицына, 2015; Канева, 2016; Пол, Валтонен, Ковтун, 2019; Perlman, Bobak, 2008; Lowry, Xie, 2009; Alvarez-Galvez, 2013 et. al.]

$$\text{health}_i = \beta_0 + \beta_1 \times \text{inc1}_i + \beta_2 \times \text{inc3}_i + \beta_3 \times \text{age}_i + \beta_4 \times \text{gender}_i + \beta_5 \times \text{marsta}_i + \beta_6 \times \text{edu1}_i + \beta_7 \times \text{edu2}_i + \beta_8 \times \text{settl_type}_i + \varepsilon_i, \quad (1)$$

где health_i — здоровье респондента (самооценка, от 0 до 100 баллов), inc1_i — дамми-переменная низких доходов респондента, inc3_i — дамми-переменная высоких доходов (базовая категория — средние доходы), age_i — возраст респондента, gender_i — пол респондента, marsta_i — дамми-переменная для состоящих в официальном и гражданском браке, edu1_i — дамми-переменная среднего общего образования и ниже, edu2_i — дамми-переменная среднего профессионального образования (базовая категория — высшее профессиональное образование), settl_type_i — тип поселения проживания (город/село), ε_i — случайная ошибка.

Далее в работе с помощью бинарной пробит-модели был проведен анализ факторов вероятности наличия хронических заболеваний в зависимости от доходов семьи при контроле социально-демографических характеристик респондентов:

$$P(\text{chr}_i = 1 | x_i) = \Phi(\beta_1 \times \text{inc1}_i + \beta_2 \times \text{inc3}_i + \beta_3 \times \text{age}_i + \beta_4 \times \text{gender}_i + \beta_5 \times \text{marsta}_i + \beta_6 \times \text{edu1}_i + \beta_7 \times \text{edu2}_i + \beta_8 \times \text{life_exp}_i), \quad (2)$$

где chr_i — дамми-переменная, характеризующая наличие хотя бы одного хронического заболевания у респондента, inc1_i — дамми-переменная низких доходов респондента, inc3_i — дамми-переменная высоких доходов, а набор социально-демографических характеристик совпадает с набором, используемым в модели (1).

Для выявления взаимосвязи дохода и состояния здоровья людей с хроническими заболеваниями в работе с помощью метода наименьших квадратов было оценено уравнение здоровья, аналогичное (1) с добавлением в качестве объясняющих переменных индикатора наличия хронических заболеваний и перекрестных членов дохода и хронической заболеваемости:

$$\text{health}_i = \beta_0 + \beta_1 \times \text{chr}_i + \beta_2 \times \text{inc1}_i + \beta_3 \times \text{inc3}_i + \beta_4 \times \text{inc1chr}_i + \beta_5 \times \text{inc3chr}_i + \beta_6 \times \text{age}_i + \beta_7 \times \text{gender}_i + \beta_8 \times \text{marsta}_i + \beta_9 \times \text{edu1}_i + \beta_{10} \times \text{edu2}_i + \varepsilon_i, \quad (3)$$

где health_i — здоровье респондента (самооценка, от 0 до 100 баллов), inc1_i — дамми-переменная низких доходов респондента, inc3_i — дамми-переменная высоких доходов, chr_i — дамми-переменная, характеризующая наличие хотя бы одного хронического заболевания у респондента, inc1chr_i — произведение индикаторов низкого дохода и наличия хронического заболевания, inc3chr_i — произведение индикаторов высокого дохода и наличия хронического заболевания, а набор социально-демографических характеристик совпадает с набором, используемым в модели (1).

При оценке моделей стандартные ошибки были рассчитаны как робастные стандартные ошибки, кластеризованные на уровне субъекта Федерации, что позволяет отчасти учесть региональные особенности состояния здоровья населения.

Все расчеты в работе выполнены с использованием статистического пакета Stata 17.

Результаты

В таблице 1 представлены результаты регрессионного анализа уравнения здоровья (модель 1) для выборки в целом (15 лет и старше) и для 10-летних возрастных групп. Исследование подтвердило гипотезу о наличии значимой взаимосвязи здоровья и доходов. Средняя самооценка здоровья у людей с низкими доходами на 5,0 баллов ниже, а у людей с относительно высокими доходами на 3,3 балла выше, чем у тех, кто имеет средние доходы. Значимая взаимосвязь здоровья и доходов (положительная для группы с высокими доходами и отрицательная для группы с низкими доходами) отмечается для всех возрастных групп (см. также рис. 4).

Самооценка здоровья у женщин статистически значимо ниже, чем у мужчин. Однако гендерное различие в здоровье не слишком велико: в среднем женщины в возрасте от 15 лет и старше оценивают здоровье только на 1,6 балла ниже, чем мужчины (по 100-балльной шкале). Эффект нахождения в браке/партнерстве на здоровье в целом соответствует ожиданиям: положительный для выборки в целом и для трех из семи возрастных подвыборок и значимо отрицательный для ранних браков (в группе от 15 до 24 лет). Не отмечается значимой взаимосвязи самооценки здоровья и типа места проживания человека.

Важный фактор здоровья — уровень образования. Люди с высшим образованием оценивают свое здоровье в среднем на 1,5 балла выше, чем люди со средним профессиональным образованием, и на 3,1 балла выше, чем люди без профессионального образования. С возрастом связь здоровья и образования усиливается, что может быть обусловлено в том числе меньшей распространенностью вредных привычек и лучшей информированностью о здоровом образе жизни среди более образованных людей.

Результаты анализа подтверждают гипотезу о зависимости доходного градиента в здоровье от возраста. На рисунке 4 графически представлены результаты регрессионного анализа взаимосвязи здоровья и доходов для отдельных возрастных групп. С возрастом связь здоровья и доходов усиливается — здоровье пожилых более чувствительно к доходам, чем здоровье молодых. При этом с возрастом более выраженной становится связь как с низкими, так и с высокими доходами. Если для возрастной группы 15—24 года переход от группы средних доходов к группе высоких доходов при прочих равных соответствует увеличению самооценки здоровья на 1,2 балла, то для группы 55—64 года аналогичное изменение составляет 4,9 балла. Переход от средних доходов к низким доходам приводит к снижению оценки здоровья на 2,2 балла для молодых (15—24 года) и на 5,8 балла для людей 55—64 лет.

Для здоровья молодых большее значение имеют низкие доходы, в то время как связь здоровья с высокими доходами в большей степени выражена для людей в возрасте от 45 лет и старше. Взаимосвязь здоровья и доходов усиливается примерно до 50 лет, после чего стабилизируется (для низких доходов) или даже снижается (для высоких доходов). В литературе подобный эффект объясняется влиянием биологического старения, когда в старших возрастах общее ухудшение здоровья преобладает над эффектами социально-экономических факторов [Lowry, Xie, 2009]. Кроме того, среди пожилых людей отмечается меньшее неравенство доходов, что обусловлено особенностями российской пенсионной системы, в зна-

чительной степени сглаживающей неравенство трудовых доходов. Дополнительное стабилизирующее влияние на взаимосвязь доходов и здоровья оказывают меры социальной поддержки граждан старшего поколения и инвалидов.

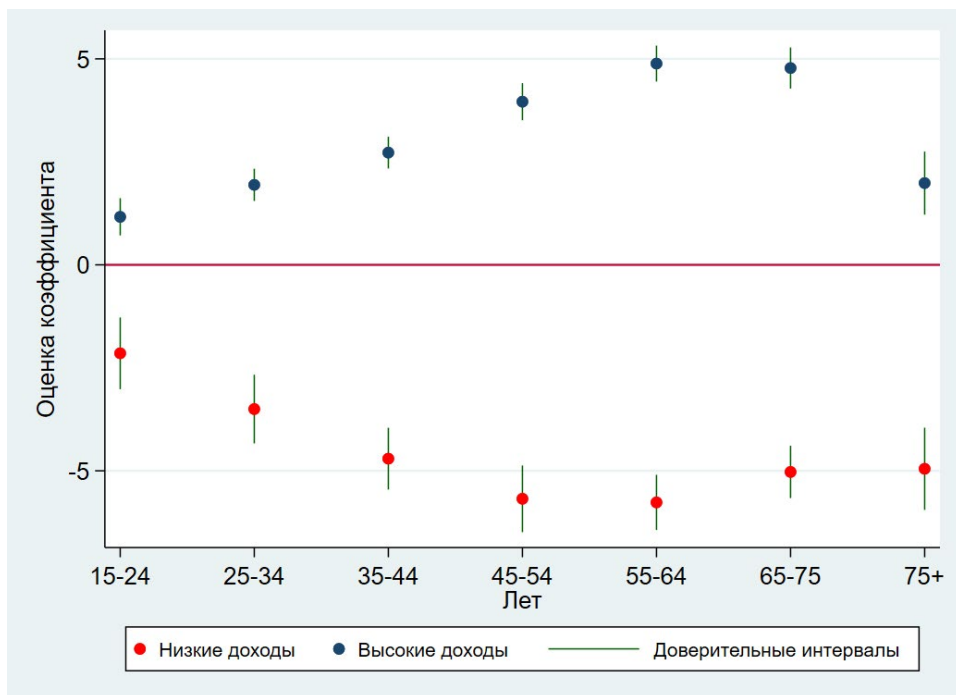
Таблица 1. Результаты регрессионного анализа взаимосвязи самооценки здоровья и доходов (модель 1) в целом по выборке и для отдельных возрастных групп, коэффициенты

Фактор	15 лет и старше	Возрастная группа						
		15—24 лет	25—34 лет	35—44 лет	45—54 лет	55—64 лет	65—74 лет	75 лет и старше
<i>Доходы (базовая категория — средние доходы)</i>								
Низкие доходы	-5,000*** [0,329]	-2,151*** [0,591]	-3,518*** [0,741]	-4,696*** [0,510]	-5,681*** [0,580]	-5,780*** [0,476]	-5,000*** [0,510]	-4,924*** [0,677]
Высокие доходы	3,315*** [0,169]	1,200*** [0,277]	1,980*** [0,259]	2,769*** [0,250]	3,978*** [0,371]	4,919*** [0,305]	4,781*** [0,359]	1,960*** [0,520]
<i>Возраст</i>								
Возраст, лет	-0,562*** [0,007]							
<i>Пол</i>								
Женщина	-1,601*** [0,088]	-0,781*** [0,217]	-2,052*** [0,159]	-1,784*** [0,140]	-2,148*** [0,206]	-1,714*** [0,215]	-0,849*** [0,255]	-0,963** [0,377]
<i>Брачный статус</i>								
Состоит в браке/ партнерстве	0,789*** [0,145]	-1,664*** [0,431]	0,207 [0,236]	1,069*** [0,257]	0,743** [0,303]	-0,261 [0,269]	0,777*** [0,290]	0,679 [0,462]
<i>Образование (базовая категория — высшее профессиональное)</i>								
Нет проф. образования	-3,110*** [0,240]	0,948*** [0,335]	-2,685*** [0,391]	-3,096*** [0,359]	-3,352*** [0,460]	-2,647*** [0,420]	-3,362*** [0,493]	-3,828*** [0,688]
Среднее проф. образование	-1,452*** [0,189]	-0,577 [0,399]	-1,023*** [0,277]	-1,423*** [0,251]	-1,873*** [0,312]	-1,828*** [0,321]	-2,371*** [0,428]	-1,105* [0,577]
<i>Тип местности проживания (базовая категория — городская)</i>								
Сельская местность	0,394 [0,308]	0,340 [0,393]	0,928* [0,476]	0,584 [0,423]	0,386 [0,350]	-0,442 [0,376]	0,052 [0,458]	-0,046 [0,695]
Константа	105,272*** [0,442]	91,641*** [0,413]	88,554*** [0,359]	84,033*** [0,368]	78,795*** [0,531]	72,772*** [0,471]	65,812*** [0,592]	58,732*** [0,798]

***, **, * — значимость на 1, 5 и 10% уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки.

Источник: расчеты авторов на данных СЗН Росстата, 2021 г.

Рис. 4. Оценки коэффициентов уравнения здоровья (модель 1) при переменных высоких и низких доходов в зависимости от возраста с указанием 95-процентных доверительных интервалов

Источник: расчеты авторов на данных СЗН Росстата, 2021 г.

В таблице 2 представлены результаты регрессионного анализа факторов вероятности наличия хронических заболеваний (модель 2) для выборки в целом (15 лет и старше) и для 15-летних возрастных групп. В таблице также справочно приведены показатели хронической заболеваемости, рассчитанные на данных СЗН.

Распространенность хронических заболеваний растет с возрастом. В среднем по выборке она составляет 59%. В младшей возрастной группе от 15 до 24 лет доля имеющих хронические заболевания невелика, около 15%, затем она стабильно растет, достигая для старшей возрастной группы (60 лет и более) 90%.

Результаты работы подтвердили наличие статистически значимой взаимосвязи доходов и вероятности наличия хронических заболеваний. При прочих равных уровень хронической заболеваемости в высокодоходных группах ниже, а в низкодоходных группах выше, чем в группе людей со средними доходами. В среднем риск иметь хотя бы одно хроническое заболевание в случае низких доходов на 21 п. п. выше, а в случае высоких доходов на 24 п. п. ниже, чем в случае средних доходов. С возрастом связь высоких доходов с вероятностью наличия хронических заболеваний усиливается, для низких доходов однозначной тенденции не наблюдается.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа взаимосвязи хронической заболеваемости и доходов (модель 2) в целом по выборке и для отдельных возрастных групп, коэффициенты

Фактор Возраст	Оценки коэффициентов		Справочно: доля респондентов с хроническими заболеваниями, %
	Низкие доходы (базовая категория средние доходы)	Высокие доходы (базовая категория средние доходы)	
15—29 лет	0,240*** [0,051]	-0,133*** [0,026]	14,9
30—44 года	0,153*** [0,046]	-0,228*** [0,020]	35,5
45—59 лет	0,224*** [0,040]	-0,238*** [0,028]	66,8
60 лет и старше	0,186*** [0,042]	-0,243*** [0,032]	90,2
Взрослое население (15 лет и старше)	0,194*** [0,027]	-0,220*** [0,018]	58,9

Примечание. Для краткости изложения в таблице представлены только оценки коэффициентов при индикаторах дохода. Подробные результаты регрессионного анализа могут быть высланы по запросу.

***, **, * — значимость на 1, 5 и 10% уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки.

Источник: расчеты авторов на данных СЗН Росстата, 2021 г.

Гипотеза о связи доходов и здоровья людей с хроническими заболеваниями была протестирована с помощью модели 3. Анализ проводился как для выборки в целом, так и для отдельных возрастных групп. Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 3.

Хронические заболевания ожидаемо ухудшают состояние здоровья. В среднем наличие хронического заболевания понижает самооценку здоровья на 8,9 балла. С возрастом негативное влияние хронических заболеваний на здоровье усиливается: наличие хронического заболевания снижает самооценку здоровья людей 15—29 лет на 8,3 балла, тогда как аналогичный показатель для людей 60 лет и старше составляет 12,2 балла.

Особый интерес представляет обсуждение оценок коэффициентов при перекрестных переменных индикаторов здоровья и доходов (низкие доходы × хроническое заболевание и высокие доходы × хроническое заболевание). Эти коэффициенты говорят о взаимосвязи состояния здоровья людей с хроническими заболеваниями и их доходов. Отрицательный знак и значимость коэффициентов при перекрестной переменной для низких доходов для людей 15—29 лет, 30—44 лет, 45—59 лет и для взрослого населения в целом свидетельствует о том, что принадлежность к группе с низкими доходами дополнительно способствует ухудшению состояния людей с хроническими заболеваниями. И наоборот, высокие доходы для людей 30—44 лет, 45—59 лет и для всего взрослого населения позволяют компенсировать часть потерь здоровья, вызванных наличием хронического заболевания (коэффициенты при соответствующей перекрестной переменной положительны и значимы).

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа взаимосвязи самооценки здоровья и доходов при наличии хронических заболеваний (модель 3) в целом по выборке и для отдельных возрастных групп, коэффициенты

Фактор	Низкие доходы (базовая категория средние доходы)	Высокие доходы (базовая категория средние доходы)	Есть хроническое заболевание	Есть хроническое заболевание x низкие доходы	Есть хроническое заболевание x высокие доходы
Возраст					
15—29 лет	-1,575*** [0,482]	1,072*** [0,223]	-8,255*** [0,604]	-2,607* [1,466]	0,780 [0,625]
30—44 лет	-3,004*** [0,575]	1,575*** [0,272]	-8,233*** [0,370]	-2,079*** [0,758]	1,020*** [0,353]
45—59 лет	-3,538*** [0,886]	2,913*** [0,489]	-9,675*** [0,404]	-2,399** [0,967]	0,669* [0,341]
60 лет и старше	-4,257*** [1,273]	3,829*** [0,737]	-12,171*** [0,599]	-0,527 [1,273]	-0,488 [0,740]
Взрослое население (15 лет и старше)	-2,621*** [0,463]	1,777*** [0,242]	-8,899*** [0,272]	-2,539*** [0,512]	1,734*** [0,278]

Примечание.

1 ***, **, * — значимость на 1, 5 и 10% уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки

2. Для краткости изложения в таблице представлены только оценки коэффициентов при индикаторах дохода. Подробные результаты регрессионного анализа могут быть высланы по запросу.

Источник: расчеты авторов на данных СЗН Росстата, 2021 г.

Можно предположить, что характер взаимосвязи доходов и состояния здоровья варьируется для различных групп заболеваний. В работе был проведен эконометрический анализ модели 3 для наиболее распространенных хронических заболеваний, сведения о которых собираются в обследовании СЗН: для гипертонии (32 % общей выборки), болезней сердца (18 %) и болезней желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) (13 %) (см. табл. 4). Люди, страдающие гипертонией и имеющие высокие доходы, чувствуют себя лучше, чем гипертоники со средним уровнем доходов. В то же время низкие доходы статистически не связаны с оценкой здоровья людей с гипертонией. На наш взгляд, это во многом объясняется тем, что хотя лекарства от гипертонии относительно доступны, более обеспеченные люди могут позволить себе более эффективные современные препараты.

Для заболеваний ЖКТ (в данную группу болезней вошли желчнокаменная болезнь и язва желудка, включенные в анкету обследования СЗН) критичными оказались низкие доходы. Помимо невозможности приобрести эффективные препараты, возможно, люди с низкими доходами также не могут себе позволить специальное питание, являющееся важным компонентом лечения заболевания ЖКТ. Структура питания низкодоходных групп, как правило, характеризуется суженным ассортиментом продуктов, снижением качества потребляемой пищи, недостаточным потреблением мяса, рыбы, потреблением дешевых высококалорийных продуктов [Цыганкова, Барбараш, 2021].

Для людей, страдающих болезнями сердца, значимой взаимосвязи состояния здоровья и доходов не выявлено. Возможно, это связано с разнородностью данной категории: в нее были объединены четыре вида заболеваний, упомянутых в анкете опросника: инфаркт, ишемическая болезнь сердца, нарушение сердечного ритма и сердечная недостаточность. Наши результаты в части рассмотрения взаимосвязи состояния здоровья людей с отдельными видами хронических заболеваний и доходов являются скорее иллюстративными и задают направление дальнейших исследований. Для получения более детальных оценок необходимо провести специализированное обследование.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа взаимосвязи самооценки здоровья и доходов при наличии отдельных хронических заболеваний (модель 3), коэффициенты

Фактор Заболевание	Низкие доходы (базовая категория средние доходы)	Высокие доходы (базовая категория средние доходы)	Есть хроническое заболевание	Есть хроническое заболевание × низкие доходы	Есть хроническое заболевание × высокие доходы	Справочно: доля респондентов с данным заболеванием, %
Гипертония	-4,755*** [0,354]	2,806*** [0,199]	-7,127*** [0,249]	0,224 [0,402]	0,741** [0,286]	31,6
Болезни сердца	-4,603*** [0,310]	3,009*** [0,178]	-8,025*** [0,288]	0,459 [0,351]	0,197 [0,336]	18,1
Болезни ЖКТ	-4,729*** [0,320]	3,159*** [0,177]	-4,393*** [0,326]	-0,630* [0,357]	0,242 [0,336]	12,6

Примечание. ***, **, * — значимость на 1, 5 и 10% уровне соответственно. В скобках указаны стандартные ошибки
Источник: расчеты авторов на данных СЗН Росстата, 2021 г.

Устойчивость полученных результатов протестирована с использованием альтернативного показателя доходов, который был построен на основе информации о доле расходов домохозяйства на еду. Уровень доходов определялся как высокий, если на еду тратится около трети дохода и менее, как средний — если на еду уходит порядка половины дохода, и как низкий — если на еду уходит более 2/3 дохода домохозяйства. Результаты анализа взаимосвязи здоровья и доходов, полученные с использованием этого показателя, в целом подтверждают результаты анализа, полученные с использованием самооценки доходов по шкале достаточности².

Важным ограничением нашего исследования является потенциальное наличие эндогенности взаимосвязи здоровья и доходов. Не только доходы влияют на здоровье, возможен и обратный эффект, не столь малый, чтобы им можно было пренебречь [Deaton, 2002]. Например, плохое здоровье может препятствовать получению хорошего образования, отрицательно сказываться на трудоспособности работника и производительности труда, снижая заработную плату. Однако в дан-

² Подробные результаты анализа взаимосвязи здоровья и доходов с использованием альтернативного показателя доходов могут быть высланы по запросу.

ной работе нас в большей степени интересует наличие взаимосвязи здоровья и доходов, а не направление эффекта. Выявление неблагополучия в здоровье в низкодоходных группах может дать важную информацию для формирования эффективной политики в области общественного здоровья.

Заключение

Целью данной работы было изучение взаимосвязи доходов и здоровья населения России на национальном уровне. Наличие заметной корреляции между различными показателями материального благосостояния и здоровья давно замечено экспертами в России и за рубежом и получило название доходного градиента в здоровье.

В нашей статье мы актуализируем и расширяем результаты исследований, выполненных ранее для России, используя новый источник информации. Данные Выборочного наблюдения состояния здоровья населения (СЗН) предоставляют уникальную возможность проведения эмпирического анализа доходного градиента в здоровье. В частности, по сравнению с РМЭЗ НИУ ВШЭ обследование СЗН имеет большую выборку, что позволяет провести анализ не только для всего населения в целом, но и для узких возрастных групп. В качестве индикатора здоровья в работе используется 100-балльная самооценка здоровья, а в качестве индикатора доходов — субъективная оценка материального положения по шкале, описывающей имеющиеся потребительские возможности домохозяйства.

Эконометрический анализ подтвердил гипотезу о наличии статистически значимой взаимосвязи здоровья и доходов в России. При прочих равных, то есть с учетом пола, возраста, семейного положения, уровня образования и места проживания, высокий уровень доходов соответствует более высокой самооценке здоровья. Обратное также верно: представители низкодоходных групп оценивают свое здоровье значительно хуже. В целом наше исследование подтверждает результаты, полученные ранее для России на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ [Тапилина, 2004; Lokshin, Ravallion, 2008; Кислицына, 2015; Канева, 2016; Пол, Валтонен, Ковтун, 2019; Канева, Байдин, 2019]. Аналогичные выводы были получены и для других стран [Alvarez-Galvez et al., 2013; OECD, 2021].

Согласно результатам нашего исследования, доходный градиент в здоровье отмечается для всех без исключения возрастных групп. Однако взаимосвязь здоровья и доходов имеет возрастные особенности. Корреляция здоровья с низкими доходами появляется уже в молодых возрастах, тогда как связь здоровья и высоких доходов становится особенно заметна позже, после 40 лет. С возрастом связь состояния здоровья и доходов усиливается, достигая максимума в возрастной группе 55—64 года. В более старших возрастах взаимосвязь здоровья и низких доходов стабилизируется, а корреляция здоровья с высокими доходами даже ослабевает. В научной литературе этот эффект объясняется влиянием разнонаправленных тенденций — возрастного снижения различий в здоровье (гипотеза сглаживания с возрастом) и их возможного роста (гипотеза накопленного преимущества) [Merton, 1968; Lowry, Xie, 2009]. Можно предположить, что в России дополнительными факторами стабилизации связи доходов и здоровья в старших возрастах выступают снижение доходного неравенства, обусловленное особенно-

стями пенсионного обеспечения, и специализированные меры социальной поддержки граждан старшего поколения и инвалидов.

Важным фокусом работы является изучение механизмов взаимосвязи здоровья и доходов. Результаты анализа подтверждают наличие двух каналов взаимосвязи. Во-первых, уровень хронической заболеваемости скоррелирован с уровнем доходов — при прочих равных вероятность наличия хронических заболеваний значимо ниже для высокодоходных групп населения. Во-вторых, высокие доходы позволяют людям лучше справляться с последствиями хронических заболеваний — при наличии хронического заболевания здоровье представителей более высокодоходных групп оказалось значимо лучше. Низкие доходы, наоборот, связаны с увеличением риска хронической заболеваемости и с ухудшением состояния здоровья хронических больных.

Характер взаимосвязи самочувствия и доходов хронических больных зависит от типа заболевания. Мы проанализировали доходный градиент в здоровье людей, страдающих наиболее распространенными хроническими заболеваниями. Высокие доходы улучшают самооценку здоровья больных гипертонией. Это, на наш взгляд, может объясняться тем, что обеспеченные люди могут позволить себе более эффективные современные лекарственные средства. Для заболеваний желудочно-кишечного тракта критичны низкие доходы, которые, наряду с прочим, не позволяют обеспечить больного специальным питанием.

Полученные в работе выводы дают информацию для формирования эффективной социальной политики. Уязвимость в здоровье низкодоходных групп населения — тревожный фактор, способствующий созданию ловушек бедности и ловушек плохого здоровья, то есть передаче низкого уровня благополучия от поколения к поколению: помимо материальных ресурсов, для повышения уровня жизни людям не хватает здоровья, а низкий уровень обеспеченности и плохое здоровье родителей, в свою очередь, негативно отражаются на здоровье и уровне жизни их детей. Включение людей с низким уровнем доходов в фокус социальной политики в области сохранения и укрепления здоровья является необходимой мерой для улучшения здоровья и снижения рисков неблагополучия населения. Особое внимание следует уделить профилактике заболеваемости и расширению доступа хронических больных из низкодоходных групп к качественным медицинским услугам и лекарственным средствам. Для достижения наибольшей эффективности выбор мер поддержки должен осуществляться с учетом типа заболевания.

Список литературы (References)

- Градосельская Г. В. Субъективные и объективные оценки благосостояния // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 86—98. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/804> (дата обращения: 18.04.2023).
- Gradoselskaya G. V. (2003) Subjective and Objective Assessments of Well-Being. *Sociological Journal*. No. 3. P. 86—98. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/article/view/804> (accessed: 18.04.2023). (In Russ.)

Канева М. А., Байдин В. М. Неравенство в доходе и самооценка здоровья в России // ЭКО. 2019. № 12. С. 105—123. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-12-105-123>.

Kaneva M. A., Baidin V. B. (2019) Income Inequality and Self-Assessed Health in Russia. *ECO*. No. 12. P. 105—123. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-12-105-123>. (In Russ.)

Канева М. А. Социально-экономические, поведенческие и психологические детерминанты самооценки здоровья россиян // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 6. № 339. С. 158—171.

Kaneva M. A. (2016) Socio-Economic, Behavioral and Psychological Determinants of the Russian Population's Self-Reported Health Assessment. *National Interests: Priorities and Security*. Vol. 6. No. 339. P. 158—171. (In Russ.)

Кислицына О. А. Влияние социально-экономических факторов на состояние здоровья: роль абсолютных или относительных лишений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 289—302. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3331> (дата обращения: 18.04.2023).

Kislitsyna O. A. (2015) The Influence of Socio-Economic Factors on Health: The Role of Absolute or Relative Deprivation. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 289—302. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3331/2899> (accessed: 18.04.2023). (In Russ.)

Пол П., Валтонен Х., Ковтун Н. В. Социально-экономическое неравенство населения в области здоровья в постсоветской России // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 1. С. 61—78. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00005>.

Paul P., Valtonen H., Kovtun N. (2019) Socioeconomic Inequalities in Health in the Post-Soviet Russia. *Population*. Vol. 22. No. 1. P. 61—78. <https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00005>. (In Russ.)

Малышева М. М., Русанова Н. Е., Варызгина А. А. Здоровье населения и определяющие его факторы // Народонаселение. 2016. Т. 72. № 2. С. 121—131.

Malysheva M. M., Rusanova N. E., Varyzgina A. A. (2016) Population Health and Its Determinants. *Population*. Vol. 72. No. 2. P. 121—131. (In Russ.)

Римашевская Н. М., Будилова Е. В., Мигранова Л. А., Терехин А. Т. Влияние различных факторов на здоровье населения // Народонаселение. 2008. № 1. С. 10—13.

Rimashevskaya N. M., Budilova E. V., Migranov L. A., Trekhin A. T. (2008) Impact of Various Factors on Population Health. *Population*. No.1. P. 10—13. (In Russ.)

Русинова Н. Л., Панова Л. В., Сафронов В. В. Факторы дифференциации здоровья в Санкт-Петербурге: социальный капитал и экономические неравенства // Петербургская социология сегодня. 2009. № 1. С. 172—223. URL: <https://petersociology.ru/ru/node/185> (дата обращения: 03.05.2023).

Rusinova N. L., Panova L. V., Safronov V. V. (2009) Factors of Health Differentiation in St. Petersburg: Social Capital and Economic Inequalities. *St. Petersburg Sociology Today*. No. 1. P. 172—223. URL: <https://petersociology.ru/ru/node/185> (accessed: 03.05.2023). (In Russ.)

Шабунова А. А. Здоровье населения в России: состояние и динамика. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010.

Shabunova A. A. (2010) Health of the Population in Russia: State and Dynamics. Volgda: ISEDT RAS. (In Russ.)

Тапилина В. С. Социально-экономический статус и здоровье населения // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 126—137. URL: [https://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-03/017.TAPILINA\[1\].pdf](https://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-03/017.TAPILINA[1].pdf) (дата обращения: 04.05.2023).

Tapilina V. S. (2004) Socio-Economic Status and Health. *Sociological Studies*. No. 3. P. 126—137. URL: [https://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-03/017.TAPILINA\[1\].pdf](https://www.isras.ru/files/File/Socis/2004-03/017.TAPILINA[1].pdf) (accessed: 04.05.2023). (In Russ.)

Цыганкова Д. П., Барбараш О. Л. Социально-экономические детерминанты пищевого поведения // Российский кардиологический журнал. 2021. Т. 26. № 5. С. 163—169. <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2021-4403>.

Tsygankova D. P., Barbarash O. L. (2021) Socioeconomic Determinants of Eating Behavior. *Russian Journal of Cardiology*. Vol. 26. No. 5. P. 163—169. (In Russ.) <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2021-4403>.

Acheson D. (1998) Independent Inquiry into Inequalities in Health Report. London: The Stationery Office.

Alvarez-Galvez J., Rodero-Cosano M. L., Motrico E., Salinas-Perez J. A., Garcia-Alonso C., Salvador-Carulla L. (2013) The Impact of Socio-Economic Status on Self-Rated Health: Study of 29 Countries Using European Social Surveys (2002—2008). *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 10. No. 3. P. 747—761. <https://doi.org/10.3390/ijerph10030747>.

Baeten S., Van Ourti T., Van Doorslaer E. (2013) The Socioeconomic Health Gradient Across the Life Cycle: What Role for Selective Mortality and Institutionalization? *Social Science & Medicine*. Vol. 97. P. 66—74. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2013.08.019>.

Benzeval M., Green M. J., Leyland A. H. (2011) Do Social Inequalities in Health Widen or Converge with Age? Longitudinal Evidence from Three Cohorts in the West of Scotland. *BMC Public Health*. Vol. 11. No. 1. P. 1—11. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-11-947>.

Carver T., Grimes A. (2019) Income or Consumption: Which Better Predicts Subjective Well-Being? *Review of Income and Wealth*. Vol. 65. P. 256—280. <https://doi.org/10.1111/roiw.12414>.

Cheng Y. H., Chi I., Boey K. W., Ko L. S. F., Chou K. L. (2002) Self-Rated Economic Condition and the Health of Elderly Persons in Hong Kong. *Social Science & Medicine*. Vol. 55. No. 8. P. 1415—1424. [https://doi.org/10.1016/S0277-9536\(01\)00271-4](https://doi.org/10.1016/S0277-9536(01)00271-4).

Choi H., Steptoe A., Heisler M., Clarke P., Schoeni R. F., Jivraj S., Langa K. M. (2020) Comparison of Health Outcomes among High- and Low-Income Adults Aged 55 to 64 Years in the US vs England. *JAMA Internal Medicine*. Vol. 180. No. 9. P. 1185—1193. <https://doi.org/10.1001/jamainternmed.2020.2802>.

- Cialani C., Mortazavi R. (2020) The Effect of Objective Income and Perceived Economic Resources on Self-Rated Health. *International Journal for Equity in Health*. Vol. 19. No. 196. P. 1—12 <https://doi.org/10.1186/s12939-020-01304-2>.
- Davillas A., Jones A. M., Benzeval M. (2019) The Income-Health Gradient: Evidence from Self-Reported Health and Biomarkers in Understanding Society. In: Tsionas M. (ed.) *Panel Data Econometrics: Empirical Applications*. San Diego, CA: Academic Press. P. 709—741.
- Deaton A., Paxson C. H. (1998) Aging and Inequality in Income and Health. *The American Economic Review*. Vol. 88. No. 2. P. 248—253. <https://www.jstor.org/stable/116928>.
- Deaton A. (2002) Policy Implications of the Gradient of Health and Wealth. *Health Affairs*. Vol. 21. No. 2. P. 13—30. <https://doi.org/10.1377/hlthaff.21.2.13>.
- Elo I. T. (2009) Social Class Differentials in Health and Mortality: Patterns and Explanations in Comparative Perspective. *Annual Review of Sociology*. Vol. 35. P. 553—572. URL: <http://www.jstor.org/stable/27800091> (accessed: 18.04.2023).
- Grossman M. (1972) On the Concept of Health Capital and the Demand for Health. *Journal of Political Economy*. Vol. 80. No. 2. P. 223—255.
- Grossman M. (2000) The Human Capital Model. In: Culyer A. J., Newhouse J. P. (eds.) *Handbook of Health Economics*. North Holland: Elsevier. P. 347—408.
- Habibov N., Auchynnikava A., Luo R. (2019) Poverty Does Make Us Sick. *Annals of Global Health*. Vol. 85. No. 1. Art. 33. <https://doi.org/10.5334/aogh.2357>.
- Huang R., Grol-Prokopczyk H. (2022) Health and Health Behaviors in China: Anomalies in the SES-Health Gradient? *SSM-Population Health*. Vol. 17. Art. 101069. <https://doi.org/10.1016/j.ssmph.2022.101069>.
- Idler E., Benyamini Y. (1997) Self-Rated Health and Mortality: A Review of Twenty-Seven Community Studies. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 38. No. 1. P. 21—37. <https://doi.org/10.2307/2955359>.
- Jivraj S. (2020) Are Self-Reported Health Inequalities Widening by Income? An Analysis of British Pseudo Birth Cohorts Born, 1920—1970. *Journal of Epidemiologic Community Health*. Vol. 74. No. 3. P. 255—259. <https://doi.org/10.1136/jech-2019-213186>.
- Perlman F., Bobak M. (2008) Determinants of Self-Rated Health and Mortality in Russia — Are They the Same? *International Journal for Equity in Health*. Vol. 7. P. 19. <https://doi.org/10.1186/1475-9276-7-19>.
- Lokshin M., Ravallion M. (2008) Testing for an Economic Gradient in Health Status Using Subjective Data. *Health Economics*. Vol. 17. P. 1237—1259. <https://doi.org/10.1002/hec.1318>.
- Lowry D., Xie Y. (2009) Socioeconomic Status and Health Differentials in China: Convergence or Divergence at Older Ages? Population Studies Center Research Report 09—690. Ann Arbor, MI: University of Michigan.

Merton R. K. (1968) The Matthew Effect in Science: The Reward and Communication Systems of Science Are Considered. *Science*. Vol. 159. Art. 3810. P. 56—63.

OECD (2021) Health at a Glance 2021: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/ae3016b9-en>.

Öncel B. D. (2018) Socio-Economic Status Gradient in Health: Micro Evidence from Turkey. *Bulletin of Economic Theory and Analysis*. Vol. 3. No. 1. P. 53—77. <https://doi.org/10.25229/beta.397967>.

SDH (Commission on Social Determinants of Health) (2008) Closing the Gap in a Generation: Health Equity Through Action on the Social Determinants of Health. Final Report of the Commission on Social Determinants of Health. Geneva: World Health Organization.

Semyonov M., Lewin-Epstein N., Maskileyson D. (2013). Where Wealth Matters More for Health: The Wealth–Health Gradient in 16 Countries. *Social Science & Medicine*. Vol. 81. P. 10—17. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2013.01.010>.

Tan J., Kraus M., Carpenter N., Adler N. (2020) The Association Between Objective and Subjective Socioeconomic Standing and Subjective Well-Being: A Meta-Analysis. *Psychological Bulletin*. Vol. 146. No. 11. P. 970—1020. <https://doi.org/10.1037/bul0000258>.

Townsend P., Whitehead M., Davidson N. (1992) Inequalities in Health: The Black Report and the Health Divide. London: Penguin Books.

The SDGS in Action. What are the Sustainable Development Goals? (2023) United Nations Development Programme. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals#good-health> (accessed: 18.04.2023).

World Development Report 2006: Equity and Development (2006) Washington, DC. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5988> (accessed: 25.11.2022).

World Health Organization (2008) Closing the Gap in a Generation: Health Equity Through Action on the Social Determinants of Health. Geneva: WHO Press.

Wu S., Wang R., Zhao Y., Ma X., Wu M., Yan X., He J. (2013) The Relationship Between Self-Rated Health and Objective Health Status: A Population-Based Study. *BMC Public Health*. Vol. 13. No. 1. P. 320. <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-320>.

Приложение

Таблица П1. **Распределение респондентов по основным социально-демографическим группам, 2021 г.**

Группа	Доля в выборке, %
<i>Пол</i>	
Женщина	58,1
<i>Возраст</i>	
15—24 года	8,8
25—34 года	14,4
35—44 года	17,8
45—54 года	15,9
55—64 года	18,6
65+ лет	24,4
<i>Образование</i>	
Общее среднее и ниже	24,7
Среднее профессиональное	42,4
Высшее профессиональное	32,9
<i>Место проживания</i>	
Сельская местность	30,9

Таблица П2. **Средняя самооценка здоровья респондентов (шкала 0—100), по возрастным группам, 2021 г.**

Возраст	Мужчины	Женщины	Все респонденты
15—24 года	92,7	91,6	92,1
25—34 года	89,2	87,2	88,1
35—44 года	85,4	83,5	84,3
45—54 года	79,9	77,7	78,7
55—64 года	73	71	71,8
65+ лет	63,3	60,7	61,6
Все респонденты	79,2	75	76,8

Таблица П3. Доля респондентов с хроническими заболеваниями, %, половозрастные группы, 2021 г.

Возраст	Мужчины	Женщины	Все респонденты
15—24 года	10,6	12,9	11,8
25—34 года	18,9	27,5	23,6
35—44 года	32,3	45,8	39,6
45—54 года	53,7	68,2	61,8
55—64 года	73,4	85,7	80,7
65+ лет	87,6	95	92,5
Все респонденты	49,9	65,5	58,9

Таблица П4. Распределение респондентов по доходным группам в зависимости от пола и возраста, 2021 г.

Возраст	Уровень доходов		
	Низкий	Средний	Высокий
<i>Пол</i>			
Мужчины	8,7	32,6	58,7
Женщины	11,5	36,9	51,6
<i>Возраст</i>			
15—24 года	7	35	58
25—34 года	5,2	30,8	64
35—44 года	6,5	32,3	61,3
45—54 года	7,9	33,2	58,9
55—64 года	11,7	36,1	52,1
65+ лет	17,7	40,3	42

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2371](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2371)

О. В. Синявская, В. А. Козлов, Т. Б. Гудкова

ФИНАНСОВЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ В СЕМЬЯХ ПОЖИЛЫХ РЕСПОНДЕНТОВ В РОССИИ И ЭСТОНИИ: ЕСТЬ ЛИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ?

Правильная ссылка на статью:

Синявская О. В., Козлов В. А., Гудкова Т. Б. Финансовые и инструментальные трансферты в семьях пожилых респондентов в России и Эстонии: есть ли этнокультурные различия? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 186—211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2371>.

For citation:

Sinyavskaya O. V., Kozlov V. A., Gudkova T. B. (2023) Financial and Instrumental Transfers in the Families of Elderly Respondents in Russia and Estonia: Are There Any Ethnocultural Differences? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 186–211. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2371>. (In Russ.)

Получено: 10.01.2023. Принято к публикации: 16.03.2023.

ФИНАНСОВЫЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ В СЕМЬЯХ ПОЖИЛЫХ РЕСПОНДЕНТОВ В РОССИИ И ЭСТОНИИ: ЕСТЬ ЛИ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ?

FINANCIAL AND INSTRUMENTAL TRANSFERS IN THE FAMILIES OF ELDERLY RESPONDENTS IN RUSSIA AND ESTONIA: ARE THERE ANY ETHNOCULTURAL DIFFERENCES?

СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, зав. Центром комплексных исследований Института социальной, зам. директора Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

*Oxana V. SINYAVSKAYA*¹ — *Cand. Sci. (Econ.)*, Director of the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Deputy Director at the Institute for Social Policy
E-MAIL: osinyavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6044-0732>

КОЗЛОВ Владимир Александрович — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт изучения Восточной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница, Регенсбург, Германия
E-MAIL: kozlov@ios-regensburg.de
<https://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

*Vladimir A. KOZLOV*² — *Cand. Sci. (Econ.)*, Research Associate
E-MAIL: kozlov@ios-regensburg.de
<https://orcid.org/0000-0003-1788-1484>

ГУДКОВА Татьяна Борисовна — младший научный сотрудник Центра комплексных исследований социальной политики Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tbgudkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2298-1490>

*Tatiana B. GUDKOVA*¹ — *Junior Research Fellow at the Centre for Comprehensive Social Policy Studies, Institute for Social Policy*
E-MAIL: tbgudkova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2298-1490>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Leibniz Institute for East and Southeast European Studies, Regensburg, Germany

Аннотация. В рамках исследования рассматривается обмен как финансовыми (денежные средства или их близкие эквиваленты), так и инструментальными (помощь в уходе или по хозяйству) трансфертами пожилых респондентов с другими членами расширенной семьи, проживающими или не проживающими с ними, а также

Abstract. This paper analyzes the factors of exchanges of both financial (money in-cash or close equivalents) and instrumental transfers between the elderly respondents and other members of their extended families living together with elderly respondents or separately, as well as the determinants of the elderly respondents' care for their grandchildren.

особенности ухода пожилых респондентов за внуками.

Авторы опираются на базу данных международного исследования SHARE, проведенного в России в 2021 г. и регулярно проводимого в Эстонии (анализируется волна 2015 г.), и с использованием бинарной логистической регрессии анализируют факторы получения и передачи трансфертов респондентами 50 лет и старше.

Отталкиваясь от ранее проведенных в других странах исследований и учитывая ограничения данных, авторы работы предполагали увидеть этнические различия в обменах финансовыми ресурсами в большей степени, чем инструментальной поддержкой; в получении денежных трансфертов — больше, чем в их передаче. Результаты проведенного исследования отчасти подтвердили сформулированные в статье гипотезы, выявив слабое и неустойчивое влияние этнической принадлежности на включенность людей старшего возраста в межсемейные обмены. Только при контроле прочих факторов (включая образование и особенно доход), принадлежность к этнической группе, отличной от доминирующей в стране, повышает вероятность участия в обмене (как передаче, так и получении) финансовыми трансфертами, но, за редким исключением, не оказывает значимого влияния на вероятность участия в обмене инструментальными трансфертами и совсем не дифференцирует уход за внуками.

Ключевые слова: финансовые трансферты, инструментальные трансферты, этнокультурные различия, пожилые, выборочные обследования населения

The study bases on the data of the international SHARE study carried out in Russia in 2021 and regularly conducted in Estonia (the 2015 wave is used for this research). It uses binary logistic regression to analyze determinants of participation of respondents aged 50 years old and older in financial and instrumental transfers.

Building on previous studies and given data limitations, the authors of this paper expected to see significant ethnic differences in exchanges of financial resources rather than in instrumental transfers; in receiving financial resources — more than in sending them. The results of the study partially confirmed the hypotheses, revealing a weak and unstable influence of ethnicity on the involvement of older people in extended family exchanges. Only when other differences are adjusted (including education and particularly income), ethnicity other than the largest ethnic group in the country increases the chances of participating in the exchange (both sending and receiving) of financial transfers but has a weaker effect on the chances of participating in the exchange of instrumental transfers. The study shows no significant effect of ethnicity on taking care of grandchildren.

Keywords: financial transfers, instrumental transfers, ethno-cultural differences, elderly, population surveys

Благодарность. Исследование выполнено под эгидой программы «ERA.Net RUS plus» (грант RUS_ST2019-423—LifeTraR), О. Синявская и Т. Гудкова благодарят за финансовую поддержку научный проект РФФИ № 20-511-76006.

Acknowledgments. The study was performed under the “ERA.Net RUS plus” program (RUS_ST2019-423—LifeTraR). O. Sinyavskaya and T. Gudkova acknowledge RFBR, project number 20-511-76006 for the funding.

Введение

Статья посвящена функциональной межпоколенной солидарности в семьях пожилых людей в России и в Эстонии. В фокусе нашего внимания находятся вопросы оценки включенности пожилых (50 лет и старше) людей в обмен как финансовыми (денежные средства или их близкие эквиваленты), так и инструментальными (помощь в уходе или по хозяйству) трансфертами с другими членами семьи, проживающими вместе с ними или отдельно.

Исследования частных трансфертов, происходящих между членами расширенной семьи (внутри или между домохозяйствами), — в основном в свете оценки их влияния на благосостояние домохозяйств и важности данного канала перераспределения денежных средств между поколениями по сравнению с общественными трансфертами и институционально оказанными услугами, — активно развиваются с 1980-х годов [Cox, Raines, 1985; Lampman, Smeeding, 1983] в рамках различных дисциплин — экономики, социологии, демографии. Важную роль в развитии методологии и стандартизации методов исследований сыграл проект «National transfer accounts», хотя и до его официального начала делались попытки оценить и сравнить внутри- и межсемейные финансовые и натуральные обмены [Kotlikoff, 1988; Kotlikoff, Summers, 1981; Arrondel, Masson, 2001; 2006]. В отличие от западных стран, на постсоветском пространстве работ на эту тему намного меньше. В России оценки межсемейного обмена в системе поддержки благосостояния пожилых проводились в исследованиях, базировавшихся на базе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ¹ [Миронова, 2014; Прокофьева, Миронова, 2015] и РидМиж² [Гладникова, 2007].

Стоит отметить, что до недавнего времени исследования трансфертов оставляли в стороне вопрос об их этнокультурной обусловленности: в США эмпирические исследования расовых и этнических различий в межпоколенных обменах дают противоречивые результаты [Berry, 2006; Lee, Aytac, 1998; McKernan et al., 2014; Wong, Kitayama, Soldo, 1999], в Европе, как отмечают Альбертини с соавторами, все еще существует дефицит исследований, сопоставляющих модели межпоколенной поддержки среди иммигрантов и коренного населения и учитывающих возможные различия в культурно обусловленных представлениях о социальной солидарности поколений и/или в наборах возможностей и ограничений мигрантов и местного населения [Albertini, Mantovani, Gasperoni, 2019]. И единицы [Kiilo, Kasearu, Kutsar, 2016; Vogel, Sommer, 2013] количественных исследова-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ. См.: <https://www.hse.ru/rims>.

² Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе — российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер». См.: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=84&en=0>.

ний по постсоветскому пространству, сравнивающих межпоколенные отношения различных этнических групп или мигрантов с местным населением.

Именно поэтому наша работа, с одной стороны, направлена на верификацию результатов предыдущих исследований о важности межсемейного обмена для пожилых респондентов (которые выступают как получателями, так и донорами трансфертов), а с другой — носит во многом разведывательный в вопросах этнокультурных различий характер. Для сравнения были выбраны две страны с общим историческим прошлым, но различными траекториями развития в течение последних 30 лет — Россия и Эстония. Выбор был обусловлен, с одной стороны, достаточно большим представительством русскоязычного населения в Эстонии, а с другой — более индивидуалистической, протестантской культурой эстонского населения. Ключевой вопрос исследования: в какой степени этническая принадлежность объясняет различия в участии пожилого населения в межпоколенных обменах (или обменах в рамках расширенной семьи)?

Представленные в статье оценки получены на основе данных международного исследования SHARE³, проведенного в России в 2021 г.⁴ и в Эстонии в 2015 г. Выбор волны в Эстонии был обусловлен стремлением обеспечить максимальную сопоставимость в вопросах о трансфертах.

Опишем структуру статьи. В следующем разделе представлен обзор исследований, изучающих проблематику межпоколенных трансфертов в семьях различных этнических групп населения, на основе которого формулируются ключевые гипотезы исследования. Далее описываются данные и методология нашего исследования. Затем — рассматриваются полученные результаты. Завершает статью обсуждение результатов, ограничений исследования и возможных направлений дальнейшей работы.

Обзор предыдущих исследований

Межпоколенные обмены, особенно между пожилыми родителями и их взрослыми детьми, происходящие как в форме передачи финансовых ресурсов или активов, так и в виде предоставления времени (услуг), активно изучаются экономистами, социологами, демографами и социальными геронтологами на протяжении практически полувека. При этом они лучше эмпирически исследованы, чем теоретически фундированы. В экономике частные трансферты чаще всего изучаются в рамках теоретических концепций новой домашней (семейной) экономики (new home/family economics), основы которой были заложены Г. Беккером [Becker, 1974; Pollak, 2003]. В социологии долгие годы доминировала концепция солидарности, разрабатываемая В. Бенгтсоном с коллегами [Bengtson, Roberts, 1991; Silverstein, Bengtson, 1997] и опирающаяся на концепцию механической солидарности Э. Дюркгейма и социально-психологические теории обмена Дж. Хомманса и Дж. Дюда [Bengtson, Roberts, 1991; Hammarström, 2005]. Ее дополнение концепциями конфликтов [Giarrusso et al., 2005] и амбивалентности [Bengtson et al., 2002; Lüscher, Pillemer, 1998], как и попытки рассмотреть

³ Survey on Health, Ageing and Retirement in Europe. См.: <https://share-eric.eu>.

⁴ В России оно носит название «Национальное исследование старшего поколения», далее в тексте — НИСП или российский SHARE. См.: <http://sophist.hse.ru/db/survey02.shtml>.

концепцию на основе альтернативных теоретических оснований [Hammarström, 2005], в большей степени затрагивает вопросы эмоциональной близости и разделяемых семейных ценностей, нежели обмена ресурсами.

Многочисленные исследования говорят о том, что частные межпоколенные обмены ресурсами являются преимущественно нисходящими, то есть направленными от старшего поколения к младшим. Ситуации, в которых старшее поколение получает от младших больше, чем передает, часто связаны с неблагоприятным статусом пожилого человека — его низкой социальной позицией, бедностью или плохим состоянием здоровья [Gierveld, Dykstra, Schenk, 2012; Litwin, 2004].

Экономисты объясняют такое направление трансфертов с помощью теоретической концепции альтруизма, согласно которой полезность родителей включает в себя полезность детей и, соответственно, рост благополучия детей при прочих равных увеличивает благополучие родителей [Becker, 1974]. Социологи ставят во главу угла центральность роли родительства в жизни человека, влияющую на его субъективное благополучие [Gierveld, Dykstra, Schenk, 2012], а также объясняют преимущественно нисходящий вектор трансфертов близкими к экономическому альтруизму концепциями любви и эмоциональной близости либо влиянием нормативных представлений об обязательствах между поколениями [ibid.; Isengard, König, Szydlik, 2018].

Альтернативные объяснения в экономике представлены моделями обмена [Kohli, Kunemund, 2003] или страхования, согласно которым помощь от пожилых взрослым детям передается в обмен на ожидания ответной поддержки — возможно, отложенной во времени, когда она потребуется родителям [Гладникова, 2009], в социологии аналогом этого выступает концепция взаимности, или реципрокности [Isengard, König, Szydlik, 2018], которая в российском дискурсе, в интерпретации С. Барсуковой и Е. Гладниковой, имеет несколько иной смысл: под ней понимаются нерыночные обмены между домохозяйствами с целью совместного выживания [Гладникова, 2009].

Эмпирические экономические исследования относительно чаще подтверждают модель альтруизма в межпоколенных обменах [там же; McKernan et al., 2014; Wolff, Spilerman, Attias-Donfut, 2007]. Тем не менее в исследовании К. Аттас-Донфут и ее соавторов [Attias-Donfut, Ogg, Wolff, 2005], проведенном на данных SHARE 2004 г. по десяти европейским странам, показано, что денежные трансферты в основном поступают от старшего к младшему поколению, в то время как инструментальные трансферты направлены как старшему, так и младшему поколениям, что может косвенно подтверждать не только модель альтруизма, но и модель обмена. Отметим, что для проверки мотивов участия в межпоколенных обменах важно знать ситуацию у обеих сторон обмена — донора и реципиента, а также располагать информацией об установках участников трансфертов в отношении межпоколенных обязательств. Поскольку ни та, ни другая информация в нашем исследовании недоступна, вопрос объяснения мотивов участия людей старшего возраста в межпоколенных трансфертах останется за рамками работы.

Понимание того, что социальные нормы в отношении межпоколенной солидарности и обязательств разных поколений друг перед другом могут быть этнически и культурно обусловленными, около 20—25 лет назад привело к появлению ис-

следовательского интереса к различиям фактических обменов между поколениями у представителей разных этнических групп. Больше число исследований этнических и культурных различий в межпоколенной солидарности и трансфертах выполнено на американских данных и фокусируется на отличиях в интенсивности и объемах финансовых и инструментальных трансфертов между белыми американцами, латиноамериканцами и афроамериканцами [Berry, 2006; Lee, Aytac, 1998; McKernan et al., 2014; Wong, Kitayama, Soldo, 1999]. При этом невозможно сделать однозначный вывод о важности собственно культурных различий при контроле на социально-экономические характеристики: некоторые исследования говорят, что расовые/этнические отличия (в основе которых, по-видимому, разные представления о межпоколенной солидарности) объясняют значительную часть наблюдаемых различий в межпоколенных трансфертах [Lee, Aytac, 1998; McKernan et al., 2014]. Другие приходят к выводу, что большая часть наблюдаемых различий объясняется структурным неравенством в образовании, материально-имущественном положении, здоровье и структуре семей [Berry, 2006].

Европейские и израильские исследования этнокультурных различий в межпоколенных отношениях тесно связаны с проблематикой международной миграции. На израильских данных показано, что этнически обусловленные культурные нормы в отношении межпоколенной солидарности могут влиять на интенсивность и направление межпоколенных трансфертов постоянных мигрантов даже при контроле на состояние здоровья, материально-имущественную обеспеченность и социально-демографические характеристики пожилого человека [Litwin, 2004]. Результаты европейских исследований межсемейных трансфертов у транснациональных мигрантов в сравнении с местным населением противоречивы и не позволяют в чистом виде выделить роль этнокультурных различий без учета других сопутствующих миграции факторов (например, расстояние между членами расширенной семьи, возможность мобильности, продолжительность проживания в принимающей стране и др.) [Ваукара-Krumme, Fokkema, 2019; Karpinska, Dykstra, 2019]. Кроме того, мигранты в западных странах из стран Азии, Африки или Ближнего Востока часто имеют большую культурную дистанцию с местным населением и географически сильнее разделены, чем мигранты или представители этнических меньшинств на постсоветском пространстве. Например, исследование межпоколенных финансовых трансфертов в семьях этнических немцев и мигрантов из СССР в Германии выявило, что значимое влияние оказывает проживание пожилых родителей за границей, тогда как мигранты, чьи родители живут в Германии, независимо от расстояния между ними внутри страны, демонстрируют те же паттерны трансфертов, что и местное население [Vogel, Sommer, 2013]. В то же время в эстонском исследовании Т. Киило с соавторами [Kiillo, Kasearu, Kutsar, 2016] показано, что главным фактором, влияющим на межпоколенную солидарность как в семьях мигрантов, так и среди местного населения в Эстонии, является географическая близость: например, удаленность свыше 100 км от пожилых родителей у мигрантов первого поколения приводит к ослаблению солидарности. Таким образом, скорее всего, этнические различия в функциональной межпоколенной солидарности на постсоветском пространстве выражены слабее и во многом определяются степенью географической разделенности (прожива-

ние в разных странах может приводить к ослаблению связей или изменению направления трансфертов), а также, в случае транснациональных мигрантов, различиями в уровнях социальной поддержки старшего поколения между странами. Отметим, что в случае с Эстонией, как и с другими странами Балтии, мигрантами могут являться быть пожилые респонденты, в то время как их дети и внуки с большой вероятностью родились уже не в России. Преобладающая часть мигрантов советского периода приехали в Эстонию из России; однако даже в этом случае многие могли приехать в страну детьми и социализироваться на ее территории, что затрудняет разделение миграционных и этнических эффектов.

Важно и то, что в России отличные от русских этнические группы формируют или представители национальных республик, или (реже) других этнических меньшинств, или выходцы из стран ближнего зарубежья (с общим постсоветским прошлым), которые зачастую являются носителями заметно более традиционных ценностей семейной солидарности; русские в Эстонии — по сравнению с эстонцами — также носители менее индивидуалистических и более традиционно ориентированных ценностей [Фабрикант, Магун, 2018], однако различия, скорее всего, слабее. При этом несмотря на то, что взаимоотношения внутри расширенных семей внутренних и транснациональных мигрантов становятся предметом миграционных исследований (см., например, [Галиндабаева, 2015; Пешкова, 2016]), работы, посвященные сравнительному изучению межпоколенных отношений в разных этнических группах в России, отсутствуют. Вместе с тем сравнительные исследования других аспектов социально-демографического поведения на примере исламского населения России и постсоветского пространства выявили некоторые различия в рождаемости и порядке рождений у мигрантов из сельской местности в города Дагестана в зависимости от национальности [Kazenin, Kozlov 2021], а также различия в рождаемости и предпочтении пола будущего ребенка среди населения Кыргызстана, говорящего на кыргызском и узбекском языках [Kazenin 2021].

Поскольку в данной работе мы анализируем трансферты, идущие от и к пожилым людям, но не располагаем информацией ни об их миграционном статусе, ни об их географической разделенности с детьми или другими участниками частных межсемейных трансфертов, проведенный обзор исследований позволяет сформулировать следующие гипотезы: **(H1)** этническая принадлежность будет оказывать слабое, но значимое влияние на вероятность получения трансфертов старшим поколением. При этом представители отличных от главной этнических групп будут чаще получать денежные трансферты **(H1.1)**, тогда как эффект этнической принадлежности на получение инструментальных трансфертов заранее неизвестен, поскольку мы не располагаем информацией о месте проживания их детей **(H1.2)**. **(H2)** Этническая принадлежность будет оказывать значимое влияние на вероятность передачи трансфертов старшим поколением. Поэтому можно предположить, что **(H2.1)** эффект принадлежности к неосновной этнической группе на передачу финансовых трансфертов будет значимо положительным и более выраженным в России, чем в Эстонии; тогда как **(H2.2)** эффект на передачу инструментальных трансфертов может быть выражен в обеих странах слабее (по сравнению с финансовыми), поскольку в моделях не учитывается географическая близость.

Особое место в межпоколенных взаимоотношениях, по сравнению с финансовыми трансфертами и помощью по хозяйству, занимают отношения старшего поколения с внуками. Это проявление межпоколенной солидарности мало изучено теоретически [Aldous, 1995], особенно в рамках социологических концепций, но активно исследуется эмпирически. Уход за внуками характеризуется значительным гендерным перекосом в пользу бабушек [Attias-Donfut, Wolff, 2000; Pronzato, 2017]. Включенность в уход за внуками снижается с возрастом бабушек и дедушек [Guzman, 2004; Pronzato, 2017] и в случае наличия у них проблем со здоровьем [Fuller-Thomson, Minkler, 2001; Stelle et al., 2010; Pronzato, 2017]. По сравнению с незанятыми работающие бабушки и дедушки в целом чаще включены в уход за внуками [Attias-Donfut, Wolff 2000], но реже — в регулярный интенсивный уход, требующий больших затрат времени [Künemund, 2008; Pronzato, 2017]. Европейские страны заметно различаются по регулярности и интенсивности ухода за внуками [Geurts et al., 2015; Hagestad, 2006; Hank, Buber, 2009; Keck, Saraceno, 2008; Pronzato, 2017]. Ряд европейских исследований прародительства отмечает существование социокультурных паттернов в распространенности и интенсивности ухода за внуками [Jappens, Van Bavel, 2012; Becker, Steinbach, 2012; Glaser et al., 2013; Shwalb, Hossain, 2017; Timonen, 2018]; американские данные свидетельствуют о расовых различиях [Aldous, 1995]. Этнокультурные различия в семейных и межпоколенных ценностях могут влиять на более активное использование помощи прародителей в уходе за внуками даже в странах с относительно неплохой доступностью формальных услуг по уходу за детьми [Biegel, Wood, Neels, 2021]. Отдельные исследования в России выделяют феномен расширенного материнства, при котором в уход за детьми включены наряду с матерью (или вместе с ней) не только бабушки, но также и другие родственницы матери, характерный, например, для бурятов [Галиндабаева, 2015].

Таким образом, предполагая, что отличные от основной этнические группы в обеих странах являются носителями более традиционных ценностей, гипотезу **(H3)** можно сформулировать следующим образом: *при контроле структурных характеристик влияние этнической принадлежности пожилого человека, отличной от основной этнической группы, на включенность в уход за внуками, скорее всего, слабо положительно*. Невозможность контролировать близость проживания будет ослаблять силу этой связи.

Доходы играют важную роль в передаче как минимум финансовых трансфертов. В соответствии с экономической моделью альтруизма (Г. Беккер), родители будут увеличивать трансферты детям по мере роста собственного благосостояния [Becker, 1974]. Сделать однозначные предположения относительно характера взаимосвязи доходов и образования с участием в инструментальных трансфертах в рамках экономической теории невозможно. Более общее структурное объяснение, применяемое в социологических работах, состоит в том, что более высокие уровни образования и доходов формируют условия для поддержания семейной солидарности [Schans, Komter, 2010].

Систематический обзор эмпирических исследований межпоколенных трансфертов [Wong et al., 2020] показал, что пожилые люди с более высокими доходами реже получают трансферты (особенно финансовые) от детей, но чаще пере-

дают их. Более высокий уровень образования старшего и младшего поколений в целом способствует более тесной семейной солидарности, хотя результаты влияния уровня образования пожилого населения на получение инструментальных и финансовых трансфертов противоречивы. Наличие работы у пожилого человека увеличивает вероятность его финансовой помощи детям, а ее отсутствие — получение от детей. Плохое состояние здоровья увеличивает вероятность получения помощи от детей и уменьшает вероятность оказания помощи детям. Исследование по европейским странам, выполненное на данных SHARE, в целом показывает схожие результаты: более высокий уровень образования и доходов старшего поколения способствует их более активной помощи детям и внукам в форме финансовых трансфертов, инструментальных трансфертов и ухода за внуками, а низкие образование и доход увеличивают вероятность получения помощи от детей (по крайней мере, инструментальной) [Albertini, 2016]. Однако исследование, выполненное в Нидерландах, значимой положительной связи между социоэкономическими ресурсами и семейной солидарностью не выявило, что авторы работы связывают с развитым социальным государством в этой стране [Schans, Komter, 2010]. С точки зрения предмета данной статьи интерес представляют результаты американских исследований, согласно которым контроль на социоэкономические характеристики, включая образование и доход, может менять наблюдаемые в отсутствие такого контроля этнические и расовые паттерны межпоколенных обменов [Wong, Caroferro, Soldo, 1999] или ослаблять их, не приводя к исчезновению значимости этнокультурных различий [McKernan et al., 2014]. Тем не менее важно понимать, что в США афроамериканцы и латиноамериканцы относятся к расово-этническим группам с меньшими социоэкономическими ресурсами, чем белые американцы, тогда как сделать однозначный вывод о большей депривированности неосновных этнических групп в Эстонии или России нельзя. Это позволяет предположить, что **(H4)** включение переменных доходов и образования старшего поколения в модели может изменить этнические различия в получении и передаче трансфертов.

Данные и методология исследования

В представляемом исследовании были использованы данные первой российской и шестой европейской волн Европейского исследования здоровья, старения и траекторий жизни на пенсии (SHARE) — обследования, позволяющего проводить сравнительные обследования по проблемам лиц старшего возраста и оценивать разрыв в качестве жизни пожилого населения России и стран Европы. В России обследование проводилось осенью 2021 г., а в рамках упомянутой волны в Европе полевой этап закончился к ноябрю 2015 г. Несмотря на то что во время пандемии COVID-19 во многих европейских странах проводилась уже восьмая волна, наш выбор пал на более раннюю волну из-за наличия там более широкого круга вопросов по денежным трансфертам в семьях пожилых, которые, например, в случае с Эстонией не были так явно представлены в седьмой волне, а с восьмой волной SHARE в настоящий момент есть проблемы из-за ее незавершенности.

Поскольку исследование носит разведывательный характер и использует пространственные данные одной волны, в нем применялись методы описательной

статистики и логистический регрессионный анализ. В качестве бинарных зависимых переменных выступал факт передачи или получения (в этом случае переменная принимала значение «1») финансовых трансфертов, инструментальных трансфертов, а также оказание помощи в уходе за внуками. Зависимые переменные в обеих странах операционализировались на основе следующих вопросов:

1. Финансовые трансферты между членами семьи (как живущими отдельно, так и проживающими в одном и том же домохозяйстве): «За последние 12 месяцев Вы [или] Ваш партнер/ша оказывали финансовую помощь или дарили подарки на сумму от ... и выше членам семьи, живущим с Вами, или отдельно проживающим родственникам, друзьям, знакомым?» (ответ «да» учитывался как показатель переданных трансфертов), «За последние 12 месяцев, не считая совместных расходов на жилье и питание, Вы [или] Ваш (партнер) получали денежные или материальные подарки или поддержку на сумму от ... и выше от членов семьи, живущих с Вами, или отдельно проживающих родственников, друзей, знакомых?» (ответ «да» учитывался как показатель полученных трансфертов, принимал значение «1»).

2. Инструментальные трансферты с людьми, не живущими в домохозяйстве респондента: «За последние 12 месяцев оказывали ли Вы сами помощь в работе по дому, ведении хозяйства, по уходу за собой или в работе с документами людям, которые не живут с Вами, — друзьям, соседям, родственникам?» («да» — показатель переданных трансфертов) и «В течение последних 12 месяцев кто-нибудь еще из родственников, не живущих вместе с Вами, друзей или соседей оказывали какую-нибудь помощь из указанных на карточке — по уходу за собой, помощь по хозяйству, помощь с документами?» («да» — показатель полученных трансфертов).

3. Помощь в уходе за внуками: «В течение последних 12 месяцев приходилось ли Вам регулярно или время от времени присматривать за Вашими внуками в отсутствие их родителей?» («да» — показатель ухода⁵). В этой формулировке внуки также могут проживать как внутри, так и за пределами домохозяйства пожилого респондента. В анализе участвовали только респонденты, у которых были свои внуки или внуки партнера.

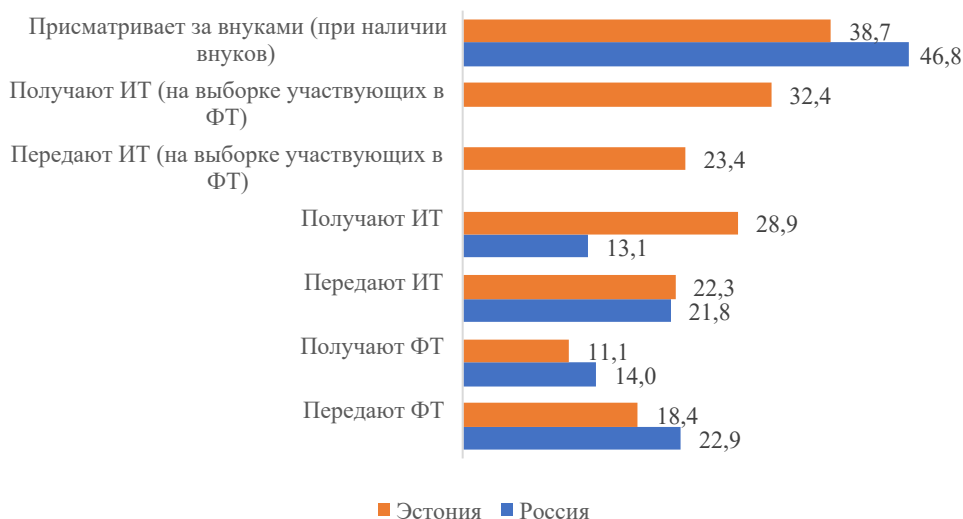
Важно заметить, что в Эстонии количество респондентов, которые ответили на вопрос о финансовых трансфертах, составляет примерно 70 % от численности респондентов, ответивших на вопрос об инструментальных трансфертах. Поэтому для дополнительной проверки на устойчивость результатов была рассмотрена — только для этой страны — подвыборка респондентов, ответивших на вопросы и о финансовых, и об инструментальных трансфертах.

Чтобы избежать возможного смещения результатов за счет пропущенных значений, все спецификации регрессионных моделей для отдельной зависимой переменной содержат одинаковое число респондентов. Этот подход сокращает число наблюдений, но оно не является критическим. В результате рабочая выборка исследования для финансовых трансфертов составила 2701 респондента 50 лет и старше в России и 3440 респондентов этого же возраста в Эстонии, для инструментальных трансфертов соответственно — 2714 и 5040, а для ухода за внуками — 1285 и 2631.

⁵ В российском обследовании НИСП есть также уточняющий вопрос о частоте выполнения обязанностей по уходу за внуками, однако в целях обеспечения максимальной сопоставимости сравнительного анализа было принято решение использовать бинарную переменную.

Анализ масштабов включенности в каждый из трех видов обменов (см. рис. 1) показывает, что в России пожилые люди чаще передают или получают финансовые трансферты, чем их сверстники в Эстонии. Кроме того, для обеих стран величина переданных финансовых трансфертов превышает величину финансовых трансфертов, полученных в рамках своего домохозяйства или при обмене с другими домохозяйствами. В то же время в Эстонии люди старшего возраста чаще получают инструментальные трансферты от лиц, живущих отдельно, чем передают их, а в России наоборот. В целом в Эстонии население в большей степени вовлечено в оборот инструментальных трансфертов, и масштабы этой включенности возрастают при ограничении выборки теми, кто ответил на вопросы о финансовых трансфертах. Напротив, присмотр за внуками среди респондентов, у которых они есть, в России распространен в большей степени.

Рис. 1. Доля респондентов 50 лет и старше, вовлеченных в различные виды трансфертов, %

Примечание: ФТ — финансовые трансферты, ИТ — инструментальные трансферты.

Ключевая для данного исследования объясняющая переменная — этническая принадлежность (национальность). В эстонском файле она определяется на основании языка заполнения анкеты — эстонского (1) или русского (0). На русском языке анкеты заполняли 22,05% опрошенных респондентов 50 лет и старше (см. Приложение 1⁶). Русскоязычные практически не проживают на селе, имеют значительно больше представителей со средним уровнем образования и более высокий субъективный доход (различия по этим переменным в группах с разными языками анкеты статистически значимы при проверке на хи-квадрат).

В России весь опрос проводился на русском языке, но анкета содержит вопросы о национальности и стране рождения. К русским в российском файле отнесены те, кто назвал свою национальность русской (1). Все прочие ситуации (в ряде

⁶ Приложения к статье см.: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=12528&hash=34d22e5c0c9c470001619b2a0f0a37fc>.

случаев указаны несколько национальностей и хотя бы одна из них не относится к русской) объединены в одну категорию «нерусские» (0). Стоит отметить, что число родившихся за пределами России в российском опроснике очень мало (менее 5 %, см. Приложение 1), а доля людей, указавших национальность, отличную от русской (или хотя бы вторую национальность как нерусскую) (около 14 %), меньше, чем по Всероссийским переписям населения (ВПН) 2002, 2010 и 2021 гг. (19 % из указавших свою национальность при неуклонном снижении числа указавших). Это можно объяснить тем, что опрос не проводился в основных национальных республиках.

Для выявления значимости этнокультурных различий в трансфертах сравниваются факторы участия в межпоколенных обменах по странам, в которых этническая принадлежность выступает одной из независимых переменных. В итоге уравнения для проверки гипотез о влиянии этнической принадлежности на передачу трансфертов и уход за внуками выглядят следующим образом:

$$y_i = \beta_1 * Ethnicity_1 (1) —$$

в виде простой парной регрессии,

$$y_i = \beta_1 * Ethnicity_1 + \beta_{2-m} * Control\ variables_{2-m} (2) —$$

с включением блока контрольных переменных.

Для проверки гипотезы **H4** используются уравнения, в которые включены этническая принадлежность, доход или образование, а также из всех контрольных переменных остается только возраст:

$$y_i = \beta_1 * Ethnicity_1 + \beta_2 * Education_2(or)Income_2 + \beta_3 * Age\ group_3$$

Образование и доход рассматриваются в отдельных уравнениях, поскольку из литературы известно, что они зачастую сильно коррелируют друг с другом. Вместе с тем в нашем исследовании как по России, так и по Эстонии коэффициент корреляции Спирмана (далее ρ) доходов и образования составил 0,18 ($p < 0,001$), что довольно низко.

Отчасти это может быть связано с тем, что в качестве переменной дохода в этом исследовании используется субъективная оценка его достаточности (категориальная переменная). Сравнение выборочных распределений показывает, что в Эстонии субъективные оценки достаточности дохода выше, чем в России (см. Приложение 1).

Градации уровней образования не в полной мере сопоставимы в двух странах, несмотря на лежащий в основе вопросов об образовании международный классификатор ISCED и общее советское образование у многих пожилых респондентов. Для преодоления этих различий исходные образовательные категории были агрегированы в три уровня: низкий (начальное профессиональное и ниже), средний (среднее профессиональное) и высокий (высшее профессиональное и выше). Сравнение выборочных распределений показало, что в России лица 50 лет и старше намного чаще имеют средний и чаще — высокий уровни образования (см. Приложение 1).

Помимо образования и дохода контрольные переменные включают, во-первых, блок из еще двух структурных характеристик, регулирующих структуру возможностей и ограничений: занятость и состояние здоровья (наличие хронических заболеваний).

Категории социального статуса респондента, измеряемого в работе через его положение на рынке труда и в пенсионной системе, в исходном файле несколько отличаются в России (где отдельно выделены работающие пенсионеры) и Эстонии (есть небольшая категория «прочих», куда включены, например, незанятые по болезни). В Эстонии занятых по ответам больше, чем в России, если не учитывать работающих пенсионеров; с учетом последних работающих лиц 50 лет и старше в России оказывается больше. Неработающих пенсионеров в России 54 %, а в Эстонии — 59 %. В регрессионном анализе исходные категории сохранены, но референтная категория (пенсионер, находящийся на пенсии) задана одинаково в обеих странах для простоты сопоставления эффектов.

Состояние здоровья операционализируется через наличие хронических заболеваний (есть/нет). В Эстонии доля людей с хроническими заболеваниями выше, что, вероятно, связано с тем, что респонденты старше, либо они лучше диагностированы.

Во-вторых, эффекты контролируются на блок социально-демографических показателей:

- возраст (перекодирован в категориальную переменную, включающую пятилетние возрастные группы для 50—69 лет, 10-летнюю для 70—79 лет и общую группу лиц 80 лет и старше). Сравнение выборочных распределений показывает, что возраст респондентов в российской выборке обследования ниже, чем в эстонской (как для русскоязычных, так и для эстоноязычных);

- пол (референтная группа — мужской); в Эстонии численность мужчин несколько выше;

- тип поселения (референтная — проживание в сельской местности); в Эстонии доля сельских жителей выше;

- количество внуков у респондентов и возраст старшего из них (в российском файле). В Эстонии в среднем внуков больше, чем в России, независимо от языка анкеты. Кроме того, у эстонцев в Эстонии как среднее число внуков, так и дисперсия показателя выше, что соответствует моделям рождаемости, различным у коренного и русскоговорящего населения [Puur et al., 2017].

Среди контрольных переменных стоит отметить высокую корреляцию возраста и социального статуса респондента: $\rho = 0,69$ ($p < 0,001$) в России и $0,74$ ($p < 0,001$) в Эстонии. Это ожидаемо, но значению данного показателя и его значимости (результаты приведены в Приложениях) не стоит придавать большого значения, а выполнению поставленных в работе задач данный факт не мешает. Отметим, что в каждом уравнении (кроме парной регрессии) мы рассчитываем показатели VIF и CN (conditional number) — число обусловленности. При показателе VIF $< 2,5$ и CN < 15 считаем, что мультиколлинеарность отсутствует.

Результаты оценивания представлены в виде предельных эффектов⁷ (в таблицах в тексте работы) и в виде отношений шансов (в таблицах, вынесенных в Приложение 2—5).

⁷ Рассматриваются как средние предсказанные вероятности.

Результаты анализа

Общая характеристика факторов межсемейных обменов в двух странах

Результаты анализа факторов участия в межсемейных обменах пожилыми людьми в России и Эстонии, представленные в Приложениях 2—5, свидетельствуют о достаточно высокой схожести наблюдаемых паттернов межсемейных обменов. Отметим, что в модели со всеми включенными контрольными переменными значение CN (см. табл. 1—4) для всех трансфертов в Эстонии и для переданных финансовых трансфертов в России дает основание подозревать наличие мультиколлинеарности, следовательно, анализ коэффициентов перед контрольными переменными следует проводить с осторожностью.

В обеих странах чаще передают финансовые трансферты работающие пожилые люди (в России это особенно распространено среди работающих пенсионеров, имеющих два стабильных источника доходов), средне или высоко оценивающие достаточность своих доходов. В Эстонии, в отличие от России, значимым оказывается также эффект образования, что, возможно, отражает лучшую связь между уровнями образования и доходов в этой стране. Аналогичные эффекты наблюдаются для передачи инструментальных трансфертов, но здесь уже эффекты субъективно оцениваемого дохода становятся меньше, хотя и сохраняют значимость, но появляется значимо положительная связь с образованием. Эти результаты в целом подтверждают исследования по другим странам и теоретические предположения о том, что большие социально-экономические ресурсы способствуют укреплению семейной солидарности.

В обеих странах инструментальные трансферты предсказуемо чаще получают люди с ослабленным здоровьем и сельские жители, а также пожилые люди 80 лет и старше; но в России коэффициенты эффектов возраста и хронических заболеваний выше, что, возможно, отражает меньшую доступность услуг постороннего профессионального ухода для людей с дефицитами в самообслуживании. При этом в обеих странах пожилые люди с высоким уровнем образования значимо реже получают инструментальную помощь от других, но в Эстонии им чаще помогают финансово. Мужчины значимо чаще передают и финансовые, и — неожиданно — инструментальные трансферты в России; значимо реже получают финансовую помощь в обеих странах и помощь по хозяйству или в уходе в Эстонии. В России по не вполне понятным причинам наличие хронических заболеваний является значимым фактором участия во всех обменах, включая передачу и финансовых, и инструментальных трансфертов. Кроме того, в России, по сравнению с неработающими пенсионерами, чаще получают финансовую помощь работающие непенсионеры, что, возможно, указывает на низкий уровень оплаты труда попавших в эту категорию респондентов. В обеих странах неожиданно более высокие уровни субъективно оцениваемой достаточности доходов положительно связаны с получением трансфертов, что, конечно, может говорить о большей семейной солидарности в более обеспеченных слоях, но, скорее всего, свидетельствует о том, что получаемая помощь — денежная и услугами — включается в субъективную оценку доходов.

В уходе за внуками в обеих странах мы видим описанные ранее возрастнополовые различия, которые сильнее проявляются в Эстонии, где включенность

в уход значимо сокращается уже с 65 лет, тогда как в России — только с 80 лет. В обеих странах бабушки и дедушки чаще ухаживают за внуками при увеличении числа внуков, сохраняется также однозначно положительная связь с уровнем образования (более устойчивая в Эстонии, чем в России). В Эстонии шансов помогать внукам больше у работающих и выше оценивающих свои доходы пожилых, что согласуется с рассмотренными нами исследованиями, но в России исчезает значимая и легко интерпретируемая связь с социальным статусом и субъективным доходом. При этом из-за включения в модель одновременно переменных образования и дохода получается относительно высокий показатель VIF в России и CN в Эстонии, таким образом для Эстонии интерпретация коэффициентов при контрольных переменных должна проводиться с учетом данного ограничения.

Этнические различия в участии в межсемейных обменах

Анализ как парных (без контроля на другие характеристики), так и множественных (с контролем на различные комбинации характеристик) регрессий по России (см. табл. 1 и 2 и Приложения 2 и 3) показывает, что русские пожилые включены в межсемейные обмены несколько меньше, чем их сверстники других этнических групп, однако во многих спецификациях эти различия статистически незначимы. В финансовых обменах этнические различия выражены чуть сильнее и чаще значимы, чем в инструментальных.

В бинарных моделях обмена финансовыми ресурсами этническая принадлежность значима на уровне 10% для получения финансов старшим поколением, но не значима для их передачи (см. табл. 1). При учете различий в социальном статусе, доходах и образовании респондента этнические различия становятся значимыми на уровне 5—20%, показывая, что русские в меньшей степени включены в финансовые обмены.

Таблица 1. Участие в финансовых трансфертах, Россия (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Переданные трансферты				Полученные трансферты			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Этнический статус: русский (реф. — не русский)	-0,038	-0,042*	-0,051**	-0,038*	-0,035*	-0,043**	-0,043**	-0,040**
	(0,022)	(0,022)	(0,022)	(0,022)	(0,018)	(0,019)	(0,019)	(0,019)
Контрольные переменные	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образование	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образование
VIF		1,29	1	1,01		1,32	1	1,01
CN		17,55	10,31	13,34		10,35	10,33	13,32

Примечание: здесь и далее (в том числе в Приложениях) статистическая значимость отражается: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Этнические различия в обменах инструментальными трансфертами (см. табл. 2 и Приложение 3) выражены слабее, что может быть следствием недоучета в данных расстояния между различными поколениями расширенной семьи. В получении трансфертов значимых различий между этническими группами нет ни в одной спецификации модели, а вот в передаче трансфертов этнически русские респонденты участвуют в меньшей степени. Отметим, что в модели с контрольными переменными значимость теряется, но в случае с включением переменной образования этническая переменная значима на 5-процентном уровне. Этнические различия при включении в модель субъективного дохода сохраняются, но, как и в случае с парной регрессией, значимы только на 10-процентном уровне.

Таблица 2. Участие в инструментальных трансфертах, Россия (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Переданные трансферты				Полученные трансферты			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Этнический статус: русский (реф.— не русский)	-0,042*	-0,029	-0,043*	-0,044**	-0,003	0,011	-0,001	-0,0005
	(0,022)	(0,023)	(0,022)	(0,022)	(0,019)	(0,019)	(0,019)	(0,019)
Контрольные переменные	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образо- вание	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образо- вание
VIF		1,32	1	1,01		1,32	1	1,01
CN		10,35	10,32	13,34		10,35	10,33	13,32

По Эстонии как в парной регрессии, так и при включении в модель контрольных переменных явных этнических различий в обмене финансовыми ресурсами не видно, за исключением меньшей (значимость на 10 % уровне) вовлеченности пожилых эстонцев в их получение (см. табл. 3 и Приложение 4). Однако при одновременном включении в одну из моделей показателя дохода и языка анкеты значимой становится меньшая вероятность финансовых трансфертов, как полученных, так и переданных среди эстоноязычных. При включении переменной образования этнические различия становятся значимыми на 10-процентном уровне для переданных трансфертов.

При оценке детерминант инструментальных трансфертов в Эстонии (см. табл. 4 и Приложение 5) этнические различия проявляются только при включении контрольных переменных для полученных трансфертов, которые в меньшей степени распространены среди эстоноязычного населения. Включение в модель дохода, значимого для участия в обменах, не меняет эффекты этнической принадлежности, которые остаются незначимыми. Напротив, включение в модель образования никак не меняет эффекты этнической принадлежности для полученных инструментальных трансфертов, остающиеся незначимыми, но для переданных трансфертов с 10-процентным уровнем значимости можно говорить о том, что эстоноязычное пожилое население включено в них несколько активнее.

Таблица 3. Участие в финансовых трансфертах, Эстония (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Переданные трансферты				Полученные трансферты			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Этнический статус: эстонский язык (реф.— русский)	-0,010	0,011	-0,054***	-0,013*	-0,020*	-0,010	-0,031**	-0,020
	(0,016)	(0,016)	(0,016)	(0,016)	(0,012)	(0,013)	(0,013)	(0,012)
Контрольные переменные	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образование	Нет	Все	Возраст + доход	Возраст + образование
VIF		1,31	1,03	1,07		1,31	1	1,07
CN		17,09	9,81	12,06		17,09	10,33	12,06

Таблица 4. Участие в инструментальных трансфертах, Эстония (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Переданные трансферты				Полученные трансферты			
	1	2	3	4	1	2	3	4
Этнический статус: эстонский язык (реф.— русский)	-0,002	0,009	-0,008	0,004*	-0,013	-0,036**	-0,005	-0,020
	(0,014)	(0,015)	(0,014)	(0,016)	(0,016)	(0,016)	(0,016)	(0,012)
Контрольные переменные	Нет	Все	Возраст+ Доход	Возраст+ Образование	Нет	Все	Возраст+ Доход	Возраст+ Образование
VIF		1,31	1,03	1,07		1,31	1	1,07
CN		17,09	9,81	12,06		17,09	10,33	12,06

Результаты проведенного моделирования не выявили значимых этнических различий в присмотре за внуками ни в одной спецификации модели ни в России, ни в Эстонии (см. табл. 5).

Таблица 5. Основные детерминанты ухода респондента за внуками в Эстонии и России (предельные эффекты) в зависимости от этнической принадлежности

	Россия			Эстония	
	1	2	3	1	2
Этнический статус: русский (реф.— не русский) или эстонец	-0,030	-0,020	-0,005	-0,008	-0,018
	(0,04)	(0,038)	(0,037)	(0,023)	(0,022)
Контрольные переменные	Нет	Все	Все+ Старший внук старше 16	Нет	Все
VIF		1,32	1,3		1,27
CN		10,34	22,5		25,7

Обсуждение результатов и заключение

Результаты проведенного исследования выявили слабое и неустойчивое влияние этнической принадлежности на включенность людей старшего возраста в межсемейные обмены. За исключением лишь одной спецификации (модель передачи инструментальных трансфертов с включением возраста и образования в Эстонии) везде, как мы и предполагали, представители основной этнической группы (русские в России и эстоноязычные в Эстонии) реже, чем другие этнические группы, передают или получают трансферты, однако не везде различия статистически значимы.

В отношении финансовых трансфертов в Эстонии не наблюдается особенных различий между русскими и эстонцами. Однако, если проконтролировать модель на субъективный доход (выше у эстоноязычных), будет наблюдаться падение вероятности участия эстонцев в полученных и переданных трансфертах (при этом 5-процентный уровень значимости наблюдается только для переданных). Аналогичная ситуация у русских и этнических групп, отличных от русских, в России: при наличии контрольных переменных представители национальных меньшинств демонстрируют большую вероятность участия в получении и передаче финансовых трансфертов, однако различия сильнее, чем в Эстонии, особенно для получаемых ресурсов. Таким образом, наши результаты подтверждают гипотезы **H1.1** и **H2.1**, но не в полной мере, так как выявленные различия достаточно слабые: меньше, чем мы ожидали, исходя из анализа литературы.

Вместе с тем подтверждаются гипотезы **H1.2** и **H2.2** относительно отсутствия значимых различий между представителями различных этнических групп в России и в Эстонии в отношении инструментальных трансфертов. Этнические эффекты для участия в обмене услугами действительно слабее, чем в обмене финансами, что, вполне вероятно, может быть следствием недоучета всей требуемой информации в моделях и особенно — отсутствия контроля на расстояние проживания пожилых родителей от их взрослых детей и внуков. Также подтвердилось наше предположение, что этнические различия в Эстонии будут выражены слабее, чем в России, причем при контроле на уровень образования выясняется, что пожилые эстонцы значимо чаще помогают членам расширенной семьи услугами по хозяйству или уходу.

Не находит своего подтверждения гипотеза **H3** о влиянии этнической принадлежности на вероятность ухода за внуками. Это может быть следствием недоучета расстояния проживания бабушек, дедушек и внуков, но нельзя исключать и то, что проживающие в рассматриваемых странах этнические группы имеют близкие нормы в отношении ухода за внуками.

Что касается гипотезы **H4**, то во многих случаях именно контроль переменных дохода и образования позволял выявить в модели значимые этнические различия. Это отличает полученные нами результаты от аналогичных по США и может свидетельствовать о том, что структурные различия в обеих странах не имеют четко выраженного этнического градиента и скорее смягчают этнические различия в межпоколенных отношениях.

Следует заметить, что в моделях получились интересные эффекты различных социально-демографических характеристик респондента на факты получения и пере-

дачи трансфертов пожилыми людьми, а также их участия в уходе за внуками, коротко описанные нами выше. Отчасти они подтверждают результаты ранее проведенных исследований, но этот аспект межсемейных обменов остается за пределами предмета изучения данной статьи, хотя и требует дальнейшего изучения.

Стоит отметить, что к полученным результатам надо относиться с определенной осторожностью, так как в моделях присутствовали ограничения, часть из которых мы не в состоянии преодолеть. Дизайн вопроса в SHARE не позволяет однозначно разделить трансферты, полученные и переданные внутри домохозяйства и в другие домохозяйства, особенно в части финансовых обменов. Некоторые предположения можно сделать, если провести работу по выделению родства участвующих в обменах людей, информация о которых имеется в анкете, но на этом этапе анализа не была использована. Однако даже в этом случае не всегда удастся четко сказать, проживает ли второй участник обмена вместе или отдельно с пожилым респондентом. Кроме того, дизайн обследования не содержит информации о характеристиках домохозяйств родственников респондентов, с которыми они непосредственно взаимодействуют.

Этническая принадлежность определяется по-разному в двух странах: в Эстонии критерием разделения выступает язык анкеты, тогда как вопроса об этнической группе — нет, а в России — национальность по самоопределению, тогда как язык всего опроса — русский. В России в выборку отличающихся от русских этнических групп были объединены народы, различающиеся нормами в отношении расширенной семьи, межпоколенных и гендерных отношений; недостаточное число наблюдений не позволяет рассматривать их отдельно, притом что часть эффектов при объединении смазывается.

Часть обозначенных ограничений непреодолима, другую можно попробовать компенсировать, глубже изучив степень родства с участниками обменов и, возможно, сузив спектр рассматриваемых межсемейных обменов, хотя это и приведет к сокращению числа наблюдений. В дальнейшем мы планируем также лучше разобраться с вопросами влияния различных структурных характеристик на участие в обменах, применив другие подходы к операционализации доходов и здоровья, а также рассмотреть вопросы не только функциональных, но и эмоциональных трансфертов.

Список литературы (References)

Галиндабаева В. В. Идеология расширенного материнства: забота о детях сельских мигранток в Бурятии // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 1. С. 7—20. <https://jsps.hse.ru/index.php/jsps/article/view/3344> (дата обращения: 28.02.2023).

Galindabaeva V. V. (2015) The Ideology of Extended Motherhood: How Migrant Mothers Care for Their Children in Rural Buryatia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 1. P. 7—20. <https://jsps.hse.ru/article/view/3344> (accessed: 28.02.2023). (In Russ.)

Гладникова Е. В. Межпоколенные трансферты: направление, участники и факторы, их определяющие // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры (SPERO). 2007. № 7.

Gladnilova E. V. (2007) Intergenerational Transfers: Direction, Participants and Their Determinants. *Social Policy: Expertise, Recommendations, Reviews (SPERO)*. No. 7. (In Russ.)

Гладникова Е. В. Обзор подходов к исследованию частных межпоколенных трансфертов // Экономическая Социология. Т. 10. № 5. С. 93—110. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204982/ecsoc_t10_n5.pdf#page=93 (дата обращения: 18.12.2022).

Gladnilova E. V. (2009) A Review of Research Approaches to Private Intergenerational Transfers. *Journal of Economic Sociology*. Vol. 10. No. 5. P. 93—110. https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204982/ecsoc_t10_n5.pdf#page=93 (accessed: 18.12.2022). (In Russ.)

Миронова А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России // Социологические исследования. 2014. Т. 10. С. 136—142. https://www.socis.isras.ru/files/File/2014/2014_10/136-142_Mironova.pdf (дата обращения: 18.12.2022).

Mironova A. A. (2014) Intergenerational Solidarity of Relatives in Russia. *Sociological Studies*. No. 10. P. 136—142. https://www.socis.isras.ru/files/File/2014/2014_10/136-142_Mironova.pdf (accessed: 18.12.2022). (In Russ.)

Пешкова В. М. Транснациональные особенности семейной экономики трудовых мигрантов из Средней Азии в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 240—255. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.10>.

Peshkova V. M. (2016) Transnational Aspects of the Household Economics of Labor Migrants from Central Asia in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 240—255. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.10>. (In Russ.)

Прокофьева Л. М., Миронова А. А. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 3. С. 69—86. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1775>.

Prokofieva L. M., Mironova A. A. (2015) The Role of Interfamily Exchange in the System of Material Support and Care for the Elderly in Modern Russia. *Demographic Review*. Vol. 2. No. 3. P. 69—86. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i3.1775>.

Фабрикант М. С., Магун В. С. Нормативные взгляды на семью и гендер: русскоязычные жители Латвии и Эстонии в сравнительной перспективе (по материалам опросов 2008 года) // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5. № 3. С. 81—102. <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8136>.

Fabrykant M. S., Magun V. S. Normative Attitudes to Family and Gender: Russian-Speakers in Latvia and Estonia in a Comparative Perspective (Based on the 2018 Surveys). *Demographic Review*. Vol. 5. No. 3. P. 81—102. (In Russ.) <https://doi.org/10.17323/demreview.v5i3.8136>.

Albertini M. (2016) Ageing and Family Solidarity in Europe: Patterns and Driving Factors of Intergenerational Support. *World Bank Policy Research Working Paper* (7678). P. 1—42. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/>

[10986/24516/Ageing0and0fam0generational0support.pdf?sequence=1](#) (accessed: 28.12.2022).

Albertini M., Mantovani D., Gasperoni G. (2019) Intergenerational Relations Among Immigrants in Europe: The Role of Ethnic Differences, Migration and Acculturation. *Journal of Ethnic and Migration Studies* Vol. 45. No. 10. P. 1693—1706. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1485202>.

Aldous J. (1995) New Views of Grandparents in Intergenerational Context. *Journal of Family Issues*. Vol. 16. No. 1. P. 104—122. <https://doi.org/10.1177/019251395016001006>.

Arrondel L., Masson A. (2001) Family Transfers Involving Three Generations. *Scandinavian Journal of Economics*. Vol. 103. No. 3. P. 415—443. <https://doi.org/10.1111/1467-9442.00253>.

Arrondel L., Masson A. (2006) Altruism, Exchange or Indirect Reciprocity: What Do the Data on Family Transfers Show? In: Kolm S. C., Ythier J. M. (eds.) *Handbook of the Economics of Giving, Altruism and Reciprocity*. Vol. 2. North-Holland: Elsevier. P. 971—1053. [https://doi.org/10.1016/S1574-0714\(06\)02014-8](https://doi.org/10.1016/S1574-0714(06)02014-8).

Attias-Donfut C., Wolff F. C. (2000) Complementarity Between Private and Public Transfers. In: Arber S., Attias-Donfut C. (eds.) *The Myth of Generational Conflict: The Family and State in Ageing*. London: Routledge. P. 47—68. <https://doi.org/10.4324/9780203020784>.

Attias-Donfut C., Ogg J., Wolff F. C. (2005) European Patterns of Intergenerational Financial and Time Transfers. *European Journal of Ageing*. Vol. 2. No. 3. P. 161—173. <https://doi.org/10.1007/s10433-005-0008-7>.

Baykara-Krumme H., Fokkema T. (2019) The Impact of Migration on Intergenerational Solidarity Types. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45. No. 10. P. 1707—1727. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1485203>.

Becker G. S. (1974) A Theory of Social Interactions. *Journal of Political Economy*. Vol. 82. No. 6. P. 1063—1094. <https://doi.org/10.1086/260265>.

Becker O. A., Steinbach A. (2012) Relations between Grandparents and Grandchildren in the Context of the Family System. *Comparative Population Studies*. Vol. 37. No. 3—4. P. 543—467. <https://doi.org/10.12765/CPoS-2012-06>.

Bengtson V. L., Roberts R. E. (1991) Intergenerational Solidarity in Aging Families: An Example of Formal Theory Construction. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 53. No. 4. P. 856—870. <https://doi.org/10.2307/352993>.

Bengtson V., Giarrusso R., Mabry J. B., Silverstein M. (2002). Solidarity, Conflict, and Ambivalence: Complementary or Competing Perspectives on Intergenerational Relationships? *Journal of Marriage and Family*. Vol. 64. No. 3. P. 568—576. <https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2002.00568.x>

Berry B. (2006) What Accounts for Race and Ethnic Differences in Parental Financial Transfers to Adult Children in the United States? *Journal of Family Issues*. Vol. 27. No. 11. P. 1583—1604. <https://doi.org/10.1177/0192513X06291498>.

Biegel N., Wood J., Neels K. (2021) Migrant-Native Differentials in the Uptake of (In) Formal Childcare in Belgium: The Role of Mothers' Employment Opportunities and Care Availability. *Journal of Family Research*. Vol. 33. No. 2. P. 467—508. <https://doi.org/10.20377/jfr-463>.

Cox D., Raines F. (1985) Interfamily Transfers and Income Redistribution. In: David M., Smeeding T. (eds.) *Horizontal Equity, Uncertainty, and Economic Well-Being*. Chicago, IL: University of Chicago Press. P. 393—426. <https://www.nber.org/system/files/chapters/c6157/c6157.pdf> (accessed: 18.12.2022).

Gierveld J., Dykstra P.A., Schenk N. (2012). Living Arrangements, Intergenerational Support Types and Older Adult Loneliness in Eastern and Western Europe. *Demographic Research*. Vol. 27. P. 167—200. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.27.7>.

Fuller-Thomson E., Minkler M. (2001) American Grandparents Providing Extensive Child Care to Their Grandchildren: Prevalence and Profile. *The Gerontologist*. Vol. 41. No. 2. P. 201—209. <https://doi.org/10.1093/geront/41.2.201>.

Geurts T., Van Tilburg T., Poortman A. R., Dykstra P. A (2015) Child Care by Grandparents: Changes Between 1992 and 2006. *Ageing & Society*. Vol. 35. No. 6. P. 1318—1334. <https://doi.org/10.1017/S0144686X14000270>.

Glaser K., Price D., Di Gessa G., Ribe E., Stuchbury R., Tinker A. (2013) Grandparenting in Europe: Family Policy and Grandparents' Role in Providing Childcare. London: Grandparents plus.

Giarrusso, R., Silverstein M., Gans D., Bengtson Vern L. (2005) Ageing Parents and Adult Children: New Perspectives on Intergenerational Relationships. In: Johnson M. L., Bengtson V. L., Coleman P. G., Kirkwood T. B. L. (eds.) *Cambridge Handbook of Age and Ageing*. London: Cambridge University Press. P. 413—421. <https://doi.org/10.1017/CB09780511610714.043>.

Guzman L. (2004) Grandma and Grandpa Taking Care of the Kids: Patterns of Involvement. Child Trends Research Brief. *Child Trends*. P. 1—8. URL: <https://www.childtrends.org/publications/grandma-and-grandpa-taking-care-of-the-kids-patterns-of-involvement> (accessed: 10.12.2022).

Hagestad G. O. (2006) Transfers Between Grandparents and Grandchildren: The Importance of Taking a Three-Generation Perspective. *ZfF—Zeitschrift für Familienforschung/ Journal of Family Research*. Vol. 18. No. 3. P. 315—332. <https://doi.org/10.20377/jfr-298>.

Hammarström G. (2005) The Construct of Intergenerational Solidarity in a Lineage Perspective: A Discussion on Underlying Theoretical Assumptions. *Journal of Aging Studies*. Vol. 19. No. 1. P. 33—51. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2004.03.009>

Hank K., Buber I. (2009) Grandparents Caring for Their Grandchildren: Findings from the 2004 Survey of Health, Ageing, and Retirement in Europe. *Journal of Family Issues*. Vol. 30. No. 1. P. 53—73. <https://doi.org/10.1177/0192513X08322627>.

Isengard B., König R., Szydlik M. (2018) Money or Space? Intergenerational Transfers in a Comparative Perspective. *Housing Studies*. Vol. 33. No. 2. P. 178—200. <https://doi.org/10.1080/02673037.2017.1365823>.

Jappens M., Van Bavel J. (2012) Regional Family Norms and Childcare by Grandparents in Europe. *Demographic Research*. Vol. 27. No. 4. P. 85—120. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.27.4>.

Karpinska K., Dykstra P.A. (2019) Intergenerational Ties Across Borders: A Typology of the Relationships Between Polish Migrants in the Netherlands and Their Ageing Parents. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 45. No. 10. P. 1728—1745. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2018.1485204>.

Kazenin K. (2021). Son Preference, Gender Asymmetries and Parity Progressions: The Case of Kyrgyzstan. *Asian Population Studies*. Vol. 19. No. 1. P. 5—21. <https://doi.org/10.1080/17441730.2021.1992858>.

Kazenin K., Kozlov V. (2021). Ethnicity and Fertility of Descendants of Rural-To-Urban Migrants: The Case of of Daghestan (North Caucasus). *Journal of International Migration and Integration*. Vol. 24. P. 69—93. <https://doi.org/10.1007/s12134-021-00848-8>.

Keck W., Saraceno C. (2008) Grandchildhood in Germany and Italy: An Exploration. In: Leira A., Saraceno C. (eds.) *Childhood: Changing Contexts (Comparative Social Research)*. Vol. 25. Bingley: Emerald. P. 133—163. [https://doi.org/10.1016/S0195-6310\(07\)00005-1](https://doi.org/10.1016/S0195-6310(07)00005-1).

Kiilo T., Kasearu K., Kutsar D. (2016) Intergenerational Family Solidarity: Study of Older Migrants in Estonia. *GeroPsych: The Journal of Gerontopsychology and Geriatric Psychiatry*. Vol. 29. No. 2. P. 71—80. <https://doi.org/10.1024/1662-9647/a000144>.

Kohli M., Kunemund H. (2003) Intergenerational Transfers in the Family: What Motivates Giving? In: Bengtson V. L., Lowenstein A. (eds.) *Global Aging and Challenges to Families*. New York: Aldine De Gruyter. P. 123—142. URL: <https://www.eui.eu/documents/departmentscentres/sps/profiles/kohli/motivesforgiving.pdf> (accessed: 20.12.2022).

Kotlikoff L. J., Summers, L. H. (1981) The Role of Intergenerational Transfers in Aggregate Capital Accumulation. *Journal of Political Economy*. Vol. 89. No. 4. P. 706—732. <https://doi.org/10.1086/260999>.

Kotlikoff L. J. (1988) Intergenerational Transfers and Savings. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 2. No. 2. P. 41—58. <https://doi.org/10.1257/jep.2.2.41>.

Künemund H. (2008) Intergenerational Relations Within the Family and the State. In: Saraceno C. (ed.) *Families, Ageing and Social Policy*. Cheltenham: Edward Elgar. P. 105—122.

Lampman R. J., Smeeding T. M. (1983) Interfamily Transfers as Alternatives to Government Transfers to Persons. *Review of Income and Wealth*. Vol. 29. No. 1. P. 45—66. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.1983.tb00631.x>.

Lee Y.-J., Aytac I. A. (1998) Intergenerational Financial Support Among Whites, African Americans, and Latinos. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 60. No. 2. P. 426—441. <https://doi.org/10.2307/353859>.

Litwin H. (2004) Intergenerational Exchange Patterns and Their Correlates in an Aging Israeli Cohort. *Research on Aging*. Vol. 26. No. 2. P. 202—223. <https://doi.org/10.1177/01640275032606>.

Lüscher K., Pillemer K. (1998) Intergenerational Ambivalence: A New Approach to the Study of Parent-Child Relations in Later Life. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 60. No. 2. P. 413—425. <https://doi.org/10.2307/353858>.

McKernan S.-M., Ratcliffe C., Simms M., Zhang S. (2014) Do Racial Disparities in Private Transfers Help Explain the Racial Wealth Gap? New Evidence from Longitudinal Data. *Demography*. Vol. 51. No. 3. P. 949—974. <https://doi.org/10.1007/s13524-014-0296-7>.

Pollak R. A. (2003) Gary Becker's Contributions to Family and Household Economics. *Review of Economics of the Household*. Vol. 1. P. 111—141. <https://doi.org/10.1023/A:1021803615737>.

Pronzato C. (2017) Fertility Decisions and Alternative Types of Childcare. *IZA World of Labor*. No. 382. <https://doi.org/10.15185/izawol.382>.

Puur A., Rahnu L., Abuladze L., Sakkeus L., Zakharov S. (2017) Childbearing Among First-and Second-Generation Russians in Estonia Against the Background of the Sending and Host Countries. *Demographic Research*. Vol. 36. P. 1209—1254. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.41>.

Schans D., Komter A. (2010) Ethnic Differences in Intergenerational Solidarity in the Netherlands. *Journal of Aging Studies*. Vol. 24. No. 3. P. 194—203. <https://doi.org/10.1016/j.jaging.2008.10.007>.

Shwalb D. W., Hossain Z. (eds.) (2017) Grandparents in Cultural Context. New York, NY: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315642284>.

Stelle C., Fruhauf C. A., Orel N., Landry-Meyer L (2010) Grandparenting in the 21st Century: Issues of Diversity in Grandparent–Grandchild Relationships. *Journal of Gerontological Social Work*. Vol. 53. No. 8. P. 682—701. <https://doi.org/10.1080/01634372.2010.516804>.

Timonen V. (ed.) (2018) Grandparenting Practices Around the World: Reshaping Family. Bristol University Press, Policy Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv7h0tzm>.

Silverstein M., Bengtson V. L. (1997) Intergenerational Solidarity and the Structure of Adult Child-Parent Relationships in American Families. *American Journal of Sociology*. Vol. 103. No. 2. P. 429—60. <https://doi.org/10.1086/231213>.

Vogel C., Sommer E. (2013) Financial Transfers Between Adult Children and Parents in Migrant Families from the Former Soviet Union. *Journal of Comparative Family Studies*. Vol. 44. No. 6. P. 783—796. <https://doi.org/10.3138/jcfs.44.6.783>.

Wolff F., Spilerman S., Attias-Donfut C. (2007) Transfers from Migrants to Their Children: Evidence That Altruism and Cultural Factors Matter. *Review of Income and Wealth*. Vol. 53. No. 4. P. 619—644. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.2007.00248.x>.

Wong R., Capoferro C., Soldo B. J. (1999) Financial Assistance from Middle-Aged Couples to Parents and Children: Racial-Ethnic Differences. *The Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. Vol. 54. No. 3. P. S145—S153. <https://doi.org/10.1093/geronb/54b.3.s145>.

Wong R., Kitayama K. E., Soldo B. J. (1999) Ethnic Differences in Time Transfers from Adult Children to Elderly Parents: Unobserved Heterogeneity Across Families? *Research on Aging*. Vol. 21. No. 2. P. 144—175. <https://doi.org/10.1177/0164027599212002>.

Wong E. L. Y., Liao J. M., Etherton-Ber C., Baldassar L., Cheung G., Dale C. M., Flo E., Husebø B. S., Lay-Yee R., Millard A., Peri K. A., Thokala P., Wong C. H., Chau P. Y., Chan C. Y., Chung R. Y. Yeoh E. K. (2020) Scoping Review: Intergenerational Resource Transfer and Possible Enabling Factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. No. 21. Art. 7868. <https://doi.org/10.3390/ijerph17217868>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2358](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2358)

А. А. Миронова

РОДСТВЕННЫЙ УХОД: РАБОТАТЬ НЕЛЬЗЯ УХАЖИВАТЬ?

Правильная ссылка на статью:

Миронова А. А. Родственный уход: работать нельзя ухаживать? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 212—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2358>.

For citation:

Mironova A. A. (2023) Family Care: Work Cannot Care? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 212–242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2358>. (In Russ.)

Получено: 25.12.2022. Принято к публикации: 27.03.2023.

РОДСТВЕННЫЙ УХОД: РАБОТАТЬ НЕЛЬЗЯ УХАЖИВАТЬ?

МИРОНОВА Анна Алексеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: nusa13@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>

Аннотация. Основная цель представленного исследования — проанализировать связь между включенностью в родственный уход и занятостью на рынке труда в России. Уделяется внимание анализу масштабов включенности россиян в родственный уход, выявлению социально-демографических характеристик доноров родственного ухода, установлению степени их удовлетворенности различными аспектами своей жизни. Работа основана на данных «Комплексного наблюдения условий жизни населения» (КОУЖ) и количественного выборочного обследования на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан», проведенных в 2020—2021 гг. КОУЖ-2020 охватывает 60 тыс. домохозяйств и репрезентативно для населения России. Выборка исследования демографических процессов в Республике Татарстан включает 4013 респондентов. Проведенный с использованием логистической регрессии и методов дескриптивной статистики анализ показал, что подавляющее большинство доноров родственного ухода заняты на рынке труда, но чем выше интенсивность нагрузки родственным уходом, тем реже доноры участвуют в трудовой деятельности. Практически каждый пятый незанятый донор родственного ухода отмечает, что денег хватает только на еду

FAMILY CARE: WORK CANNOT CARE?

Anna A. MIRONOVA¹ — Cand. Sci. (Soc.), Researcher at the Institute for Social Policy
E-MAIL: nusa13@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7182-4643>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The primary purpose of this study is to analyze the relationship between involvement in family care and employment in the labor market in Russia. In addition, we pay attention to the extent to which Russians are involved in family care, the identification of caregivers' socio-demographic characteristics, and the caregivers' satisfaction with various aspects of their lives. The study is based on data from the Comprehensive Observation of Population Living Conditions of the Population 2020 (KOUZH-2020) and the Study of Demographic Processes in the Republic of Tatarstan, which was conducted in 2020. KOUZH-2020 includes 60,000 households and is representative for the Russian population. The sample of the Study of Demographic Processes in the Republic of Tatarstan includes 4013 respondents. The analysis was carried out using logistic regression and descriptive statistics methods. Our analysis showed that, on the one hand, the vast majority of caregivers are employed in the labor market. At the same time, the higher the intensity of the burden of related care, the less often donors participate in labor activities. Almost every fifth unemployed caregiver notes that his family has enough money only for food and utility bills. At the same time, on average, those who are included in family care receive less income

и оплату ЖКУ. Включенные в родствен- ный уход в среднем получают меньший доход от занятости и менее удовлетво- рены материальным положением своей семьи, своим здоровьем и жизнью в це- лом, по сравнению с теми, кто не ухаживает за родственниками. Доноры ухода заметно чаще заявляют, что их квалифи- кация и профессиональные навыки при- годны для выполнения более сложной работы. Среди незанятых доноров ухода отмечается ярко выраженное смещение в пользу женщин и людей старших возра- стов (55 лет и старше) с относительно бо- лее низким уровнем образования.

Ключевые слова: родственный уход, неформальный уход, занятость, пожи- лые, доноры ухода, долговременный уход

Благодарность. Исследование осуще- ствлено в рамках Программы фунда- ментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарен Синявской Оксане Вячеславовне за рекомендации по усовершенствованию исследования в процессе работы над текстом.

Введение

В условиях старения населения все больше актуализируется вопрос о том, кто и как должен обеспечивать поддержку пожилым людям и людям с ограниченны- ми возможностями. Несмотря на развитие сектора частных и государственных услуг по уходу за пожилыми и инвалидами, родственный уход по-прежнему игра- ет ключевую роль в обеспечении нужд людей с дефицитами в самообслуживании. К государственной поддержке или рыночным услугам по уходу за пожилыми и ин- валидами, как правило, обращаются только в случае, когда родственники не име- ют возможности обеспечить уход [Chiatti et al., 2013].

К донорам родственной помощи традиционно относятся лица, оказывающие ре- гулярную неоплачиваемую помощь в повседневной деятельности, связанной с са- мообслуживанием (Activities of Daily Living, ADL) или в повседневной инструмен- тальной деятельности, связанной с возможностью выполнять повседневные дела (например, совершать покупки, заполнять документы, готовить еду) (Instrumental Activities of Daily Living, IADL) [Katz et al., 1963].

from employment than those who do not care for relatives. Caregivers are less sat- isfied with their family's financial situation, health, and life compared to those who do not provide family care. Caregivers more often report that their qualifications and skills are suitable for more complex work. As for unemployed caregivers, there is a pronounced bias in favor of women and older people with a relatively lower level of education.

Keywords: family care, informal car- egiving, employment, elderly, caregivers, long-term care

Acknowledgments. The study was car- ried out within the Basic Research Pro- gram at HSE University. The author thanks Oksana Sinyavskaya for recom- mendations on improving the present- ed research.

Государственная поддержка доноров родственного ухода зачастую носит символический характер, так как уход за больным или престарелым родственником традиционно воспринимается как долг семьи. Однако эффективная государственная поддержка родственного ухода имеет выгоды не только для самих доноров и реципиентов ухода, но и для государства в целом. Родственный уход способствует значительной экономии государственных расходов на социальные услуги для пожилых людей и инвалидов. Например, по оценкам швейцарских экспертов, экономический вес родственного ухода превышает совокупные государственные расходы на социальные услуги по уходу на дому и в специализированных учреждениях¹ [Kohler, Schreiber, Döhner, 2006]. В условиях отсутствия государственной поддержки родственный уход может быть связан с сокращением предложения на рынке труда, с ростом бедности и ухудшением здоровья населения. Ввиду этого актуализируется необходимость подробного анализа социального положения доноров родственного ухода и их возможностей совмещать родственный уход с трудовой активностью.

В данном исследовании предпринимается попытка проанализировать положение российских доноров родственного ухода в целом и, в частности, связь между родственным уходом и занятостью на рынке труда в России.

Влияние родственного ухода на состояние и занятость доноров ухода

Несмотря на то, что в последнее время в России развивается система государственных и частных услуг по уходу за пожилыми и инвалидами, ключевую роль в уходе за этими людьми по-прежнему играет семья. Это во многом связано с тем, что родственный уход, как правило, воспринимается самими людьми, нуждающимися в уходе, как наиболее желательный и психологически комфортный вариант. Кроме того, с позиции явных издержек родственный уход наиболее доступен для семьи [Миронова, 2021], а россияне зачастую не имеют финансовых возможностей для обращения за услугами по уходу к частным организациям и с недоверием относятся к услугам государственного и частного сектора по уходу за пожилыми и инвалидами [Синявская, Горват, 2021]. В предпочтении родственного ухода немаловажную роль играют и культурные стереотипы, согласно которым уход за престарелыми и больными родственниками естественен, безальтернативен, вписан в биографический сценарий человека [Ткач, 2015; Шестакова, Скворцова, 2020]. В свою очередь, из-за высокой нагрузки на соцработников, жестких временных ограничений в их работе и лимитированности перечня социальных услуг [Богданова, 2019] государственная социальная помощь неспособна полностью удовлетворить потребности нуждающихся в уходе людей.

Отдельные исследователи обращают внимание на позитивные эффекты ухода для здоровья и благополучия доноров ухода [Brown, Brown, 2014] или, по крайней мере, на отсутствие негативных эффектов [Roth, Fredman, Haley, 2015]. Однако чаще всего положение ухаживающего описывается как обременительная роль, связанная с состоянием хронического стресса [Schulz, Sherwood, 2008].

¹ Kohler S., Schreiber D., Döhner H. Services for Supporting Family Carers of Elderly People in Europe: Characteristics, Coverage and Usage. 2006. URL: https://scholar.google.ru/scholar?hi=ru&as_sdt=0%2C5&q=Kohler+S.%2C+Schreiber+D.%2C+D%C3%B6hner+H.+%282006%29+Services+for+Supporting+Family+Carers+of+Elderly+People+in+Europe%3A+Characteristics%2C+Coverage+and+Usage.+&btnG= (дата обращения: 13.03.2023).

Исследования показывают, что в связи с необходимостью ухаживать за родственниками у доноров ухода ухудшается здоровье и появляются психологические проблемы; сокращается свободное время на отдых и заботу о других членах семьи; возникают проблемы, связанные с социальной изоляцией [Thinnes, Padilla, 2011; Boots et al., 2014; Гришина, Цацура, 2020]. Нагрузка, обусловленная реализацией родственного ухода, ведет к эмоциональному выгоранию ухаживающего, его физическому измождению и обострению заболеваний [Ткач, 2015]. В связи с этим у доноров зачастую ухудшается психическое здоровье [Pinquart, Sörensen, 2007] и снижается уровень субъективного благополучия [Verbakel, Metzeltin, Kempen, 2018].

Одна из ключевых проблем доноров родственного ухода связана со сложностью совмещения оказания помощи и оплачиваемой работы. Исследования показывают, что включенность в родственник уход связана со снижением занятости [Heitmueller, 2007; Viitanen, 2010; Latif, 2006; Carr et al., 2018].

Ф. Кармайкл и С. Чарльз [Carmichael, Charles, 2003] отмечают, что, с одной стороны, из-за временных ограничений и дороговизны коммерческих услуг неформальный уход ограничивает возможность доноров участвовать в занятости. С другой стороны, в случае, когда индивид включен в реализацию интенсивного родственного ухода за человеком, сильно зависящим от помощи других людей, оплачиваемая работа может выступать для него способом переключиться хотя бы на несколько часов с ухода на оплачиваемую работу. Кроме этого, зачастую в ситуации ухода возникает необходимость дополнительных расходов (например, на адаптацию жилья, различные приспособления и оборудование), что повышает потребность в дополнительном доходе [Rodrigues et al., 2013].

Отрицательную связь между включенностью в родственник уход и занятостью на рынке труда можно объяснить, с одной стороны, тем, что уход требует много времени, поэтому ухаживающие вынуждены сокращать рабочее время или даже увольняться с работы. С другой стороны, безработные или те, кто работает неполный рабочий день, располагают большим количеством времени, поэтому они чаще становятся опекунами [Michaud, Heitmueller, Nazarov, 2010]. Лица, слабо включенные или не включенные в рынок труда, могут не иметь стимулов к занятости даже при отсутствии необходимости реализовывать родственник уход [Carmichael, Charles, Hulme, 2010; Michaud, Heitmueller, Nazarov, 2010].

В то же время отмечается, что только интенсивный родственник уход (свыше 10 часов в неделю) значимо связан с включенностью в рынок труда. Более выраженная связь между включенностью в родственник уход и занятостью наблюдается среди лиц, проживающих в одном домохозяйстве с человеком, за которым осуществляется уход [Carmichael, Charles, 2003].

В странах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) доноры родственного ухода чаще реализуют более гибкие формы занятости, в частности, трудятся на условиях временного контракта или работают неполный рабочий день [Lilly, Laporte, Coyte, 2007; Colombo et al., 2011].

Ухаживающие чаще имеют более короткую профессиональную карьеру по сравнению с теми, кто не включен в родственник уход [Colombo et al., 2011]. Отмечается, что даже когда необходимость оказывать родственник уход исчезает, доноры

ухода зачастую не возвращаются на рынок труда после опыта длительного ухода в связи с потерей профессиональных навыков [Carmichael et al., 2008].

Ухаживающие имеют более высокие риски бедности по сравнению с теми, кто не включен в реализацию родственного ухода. Это может быть связано как с более низким уровнем занятости, так и с составом домохозяйств лиц, осуществляющих и не осуществляющих уход [Colombo et al., 2011]. Также это может объясняться тем, что доноры, которые совмещают уход с трудовой деятельностью, зачастую имеют более низкую зарплату по сравнению с теми, кто не включен в реализацию родственного ухода [Bittman, Hill, Thomas, 2007; Heitmueller, Inglis, 2007]. Возрастающие риски бедности в связи с реализацией родственного ухода зачастую очень слабо компенсируются государственной поддержкой. Например, в России основной мерой поддержки лиц, занятых родственным уходом, выступает ежемесячная компенсационная выплата в размере 1200 руб. Претендовать на эту выплату могут только граждане в трудоспособном возрасте, отказавшиеся от трудовой деятельности в связи с необходимостью осуществления ухода [Миронова, 2021].

Потенциальные доноры родственного ухода, получающие более высокую заработную плату, сталкиваются с более высокими альтернативными издержками за один час неформального ухода. В таком случае для них будет более предпочтительно нанять человека, который сможет оказывать требуемый уход. С другой стороны, включенность в родственный уход может мешать работе, приводя к снижению производительности, что может негативно отражаться на зарплате лиц, осуществляющих уход [Bauer, Sousa-Poza, 2015].

Основная цель данного исследования состоит в том, чтобы проанализировать связь между включенностью в родственный уход и занятостью на рынке труда в России. Для формирования более полного представления о родственном уходе в России как о социальном явлении мы фокусируемся на анализе масштабов включенности россиян в родственный уход, выявлении социально-демографических характеристик доноров родственного ухода, а также установлении степени их удовлетворенности различными аспектами своей жизни (жизнью, здоровьем и материальным положением).

Данные и методы

Источники данных и их ограничения. На данный момент в России отсутствует единая база данных, позволяющая получить исчерпывающую информацию о родственном уходе. В связи с этим исследование основано на данных двух обследований: «Комплексного наблюдения условий жизни населения — 2020» (КОУЖ-2020) и количественного выборочного обследования на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан». Главное преимущество данных КОУЖ-2020 состоит в том, что они включают большое число респондентов и являются репрезентативными по России. Наряду с этим КОУЖ-2020 содержит данные по основным социально-демографическим характеристикам населения, что позволяет проанализировать доноров ухода в контексте этих характеристик. Одно из ключевых преимуществ данных по Татарстану состоит в том, что они дают возможность отдельно проанализировать родственный уход за совместно проживающими и за раздельно проживающими родственниками. Кроме

этого, данные по Татарстану содержат ряд важных характеристик занятости, удовлетворенности жизнью и работой, которые представляют интерес с точки зрения анализа родственного ухода.

В базе данных КОУЖ-2020 включенность в родственный уход определялась на основе следующего вопроса анкеты: «Входит ли в круг Ваших занятий уход без оплаты за другим лицом (другими лицами), которое нуждается в особой помощи из-за престарелого возраста, болезни или нетрудоспособности?». При этом вопрос касался ухода именно за совместно проживающими родственниками. Интенсивность оказываемого родственного ухода определялась на основании ответов респондентов о том, как часто они реализуют подобный уход: каждый день, несколько раз в неделю, один или два раза в неделю, реже.

К недостаткам данных КОУЖ-2020 можно отнести невозможность анализа родственного ухода за отдельно проживающими родственниками.

Количественное выборочное обследование на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан» было организовано и проведено в два последовательных этапа:

- 1) с июля по сентябрь 2020 г.,
- 2) с декабря 2020 г. по январь 2021 г. включительно.

Всего опрошено 4004 респондента Республики Татарстан в возрасте от 18 до 64 лет включительно.

В рамках обследования по Татарстану вопросы о включенности в родственный уход формулировались следующим образом:

а) уход за совместно проживающими родственниками: «В настоящее время Вы ухаживаете регулярно за кем-либо из членов Вашего домохозяйства, нуждающихся в помощи по причине болезни или инвалидности? Если да, то как часто? (каждый день, несколько раз в неделю, один или два раза в неделю, реже)»

б) уход за отдельно проживающими родственниками: «В последний год Вы ухаживали за кем-либо, проживающим отдельно от Вас и нуждающимся в помощи, например, за родственниками, соседями, друзьями?».

К ограничениям данных по Татарстану с точки зрения возможностей анализа родственного ухода относится следующее:

- Небольшой размер выборки обследования в целом и подвыборки доноров ухода в частности (520 доноров ухода за отдельно проживающими родственниками, и 473 донора ухода за совместно проживающими родственниками). Это ограничивает возможности анализа доноров ухода в контексте более мелких групп.
- Основная часть опрошенных реализует низкоинтенсивный уход, что не позволяет в полной мере оценить влияние включенности в родственный уход на качество жизни доноров ухода.
- Интенсивность ухода фиксируется только в отношении совместно проживающих доноров ухода, в то время как сведения об интенсивности ухода за отдельно проживающими родственниками отсутствуют.
- Данные по Республике Татарстан не репрезентативны для России в целом; оценки, полученные на этих данных, следует интерпретировать как кейс одного из крупных регионов России.

В качестве общего недостатка данных КОУЖ-2020 и данных по Татарстану можно назвать отсутствие более подробной информации об интенсивности ухода, например, о том, сколько часов в день или в неделю донор тратит на родственный уход. В то время как именно интенсивность ухода, измеренная в количестве потраченных часов, является важной аналитической характеристикой в контексте изучения родственного ухода.

Методы. Анализ связи между включенностью в родственный уход и занятостью на рынке труда проводился с использованием логистической регрессии, что позволило выявить значимость и характер данной связи.

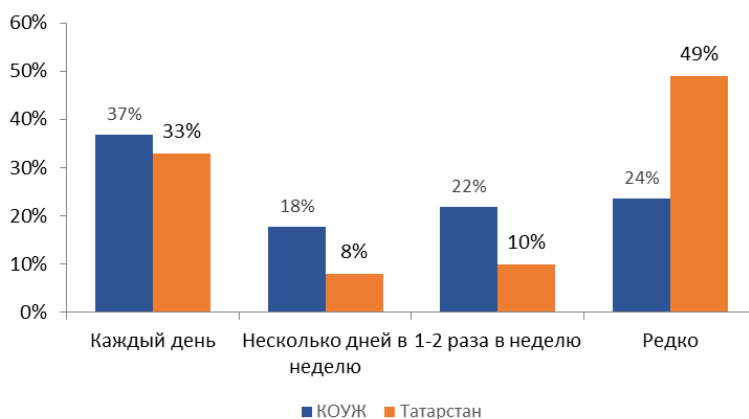
Масштабы включенности в родственный уход и социально-демографические характеристики доноров родственного ухода

По данным Комплексного наблюдения условий жизни населения Росстата за 2020 год (КОУЖ-2020) родственный уход реализуют около 10% респондентов. В обследовании, проведенном в Республике Татарстан в 2020—2021 гг., 12% респондентов сообщили, что реализуют уход за совместно проживающими родственниками. Схожие оценки по включенности россиян в родственный уход были получены и в других исследованиях. Так, согласно оценкам Е. Гришиной и Е. Цацуры [Гришина, Цацура, 2020], сделанным на основе данных КОУЖ-2018, около 6% совершеннолетних россиян занято родственным уходом.

Включенность населения в реализацию родственного ухода сильно варьирует по странам. Например, в Канаде по данным на 2012 г. в реализации родственного ухода было задействовано 28% взрослого населения страны в возрасте от 15 лет и старше [Sinha, 2013]. В США доля лиц в возрасте от 18 до 65 лет, занятых родственным уходом, составила 15% (2004 г.), в Нидерландах — 21% (2008 г.), в то время как в Великобритании, Люксембурге, Словакии (2006 г.) ухаживает за родственниками лишь около 1% населения страны [Colombo et al., 2011]. Отмеченные межстрановые различия в масштабах включенности населения в родственный уход во многом могут быть связаны не только с культурными нормами и доступностью альтернативных поставщиков ухода, но и с разными подходами к определению родственного ухода и различиями в методике оценки данного показателя.

Согласно данным КОУЖ-2020, около 40% доноров ухаживают за родственниками на ежедневной основе, еще 40% доноров реализуют уход один-два или несколько раз в неделю, примерно четверть доноров отметили, что осуществляют уход редко. Данные по Татарстану свидетельствуют о схожих масштабах включенности в ежедневный уход (37%), однако уход с частотой один-два раза в неделю или несколько дней в неделю по данным КОУЖ-2020 реализуется значительно чаще, чем по данным Татарстана. Согласно КОУЖ-2020, лишь 24% доноров ухода указали на то, что редко ухаживают за родственниками, а по данным Татарстана, почти 50% доноров утверждают, что ухаживают за родственниками редко. В то же время полученные результаты свидетельствуют о том, что интенсивный родственный уход, реализуемый на ежедневной основе, не является доминирующей формой ухода. Так, и по данным КОУЖ-2020, и по данным Татарстана получены близкие оценки: примерно 4% от общего числа респондентов включены в ежедневный уход за родственниками (см. рис. 1).

Рис. 1. Частота ухода за совместно проживающими родственниками

Согласно оценкам, полученным на основе данных КОУЖ-2020, доноры ухода чаще представлены женщинами, людьми среднего возраста (30—54 лет), теми, кто проживает в сельской местности, имеет высшее образование. Также среди доноров ухода чаще встречаются малоимущие категории граждан (см. Приложение А, Таблица А.1). Важно отметить, что преобладание среди доноров родственного ухода лиц с высшим образованием может быть обусловлено, скорее, возрастным составом доноров, а не тем, что более образованные люди чаще ухаживают за родственниками.

По данным обследования в Республике Татарстан, среди доноров ухода за совместно проживающими родственниками также выделяются сельчане и люди более старших возрастов — от 30 до 54 лет и от 55 лет и старше. Различия по таким критериям, как пол, уровень образования и субъективная оценка материального положения семьи, по данным Татарстана оказались статистически незначимыми (см. Приложение А, табл. А.2).

Что касается тех, кто ухаживает за отдельно проживающими родственниками, по данным обследования в Республике Татарстан, статистически значимые различия были обнаружены по таким характеристикам как пол и возраст. Среди доноров ухода за отдельно проживающими родственниками чаще представлены женщины, чем мужчины. Основной возрастной контингент доноров ухода составляют люди средних (30—54 лет) и старших (55 и старше) возрастов. Различия по уровню образования, типу населенного пункта и субъективной оценке материального положения семьи не достигли статистической значимости (см. Приложение А, табл. А.3). Данные КОУЖ-2020 не предоставляют возможности оценить доноров ухода за отдельно проживающими родственниками.

Преобладание женщин среднего и старшего возраста среди доноров родственного ухода в России подтверждается данными и других исследований (см., например, [Солодухина, Черных, 2010; Гришина, Цацура, 2020]). В странах ОЭСР также основными донорами неформального родственного ухода являются женщины, преимущественно предпенсионного и раннего пенсионного возраста [Colombo

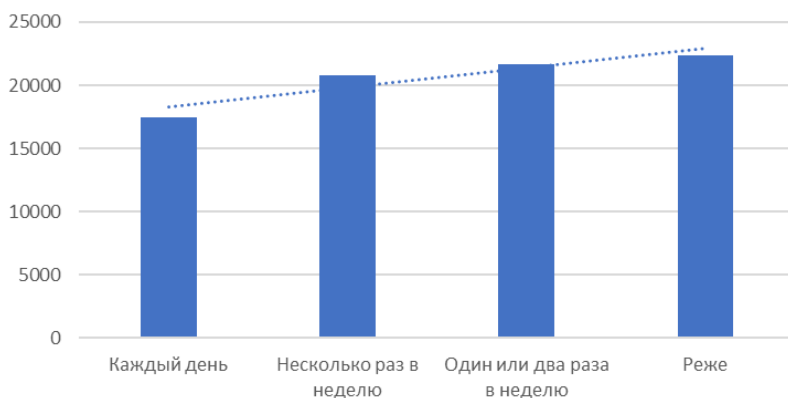
et al., 2011]. Согласно данным по Канаде, чаще всего возраст донора родственного ухода варьирует в диапазоне от 54 до 64 лет [Sinha, 2013].

Анализ данных по Татарстану показал, что существенная доля доноров родственного ухода ухаживают одновременно за совместно и за отдельно проживающими родственниками. Так, 39% из тех, кто реализует уход за совместно проживающими родственниками, также ухаживает и за родственниками, проживающими отдельно. 33% из тех, кто ухаживает за отдельно проживающими родственниками, одновременно заботятся и о родственниках, проживающих с донором ухода в одном домохозяйстве. Таким образом, 21% доноров родственного ухода одновременно заботятся и о совместно проживающем родственнике (родственниках), и об отдельно проживающем родственнике (родственниках).

Среди тех, кто совмещает уход за совместно и за отдельно проживающими родственниками, чаще, чем в среднем по выборке, встречаются женщины, люди старших возрастов (55 лет и старше), сельчане. Заметно чаще среди анализируемой категории доноров встречаются занятые, чем незанятые (см. Приложение А, табл. А.4).

На основе данных КОУЖ-2020 было установлено, что средний доход домохозяйств доноров родственного ухода за совместно проживающими родственниками варьирует в зависимости от интенсивности этого ухода. Отмечается следующая закономерность: чем выше интенсивность родственного ухода, тем ниже средний доход домохозяйства донора, что вполне ожидаемо (см. рис. 2). Е. Гришина и Е. Цацура приходят к аналогичному выводу, отмечая, что интенсивный родственственный уход отрицательно сказывается на материальном положении доноров ухода в России, повышая риски их бедности [Гришина, Цацура, 2020]. Зарубежные исследования также фиксируют наличие материальных трудностей у тех, кто реализует родственственный уход. Согласно данным по США, около 40% доноров родственного ухода имеют финансовые проблемы из-за необходимости осуществлять родственственный уход [Prudencio, Young, 2020].

Рис. 2. Средний денежный доход домохозяйства донора в зависимости от интенсивности родственного ухода (в расчете на члена домохозяйства в месяц), руб.

Источник: КОУЖ-2020.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в роли ухаживающих чаще всего выступают женщины средних и старших возрастов, что подтверждается данными и других исследований. Традиционно именно женщины являются основными донорами неоплачиваемого труда в мире, что обуславливает их повышенные по сравнению с мужчинами риски бедности и социальной уязвимости [Baxter, Tai, 2016]. Интенсивно ухаживают за родственниками на ежедневной основе лишь около трети от всех доноров. Примерно пятая часть доноров ухода испытывает двойную нагрузку и ухаживают одновременно за совместно и отдельно проживающими родственниками.

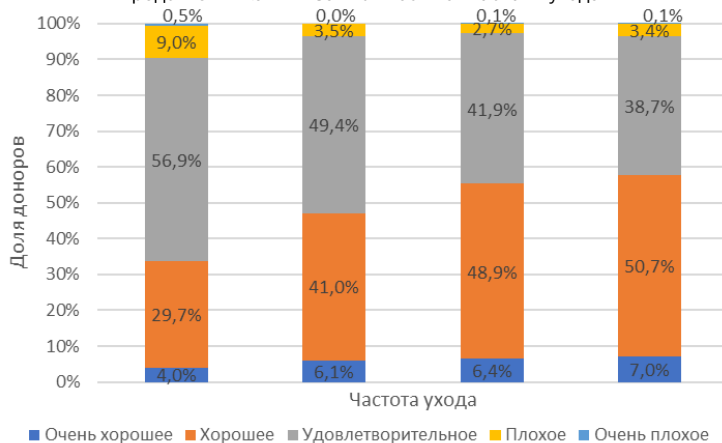
Удовлетворенность доноров родственного ухода различными аспектами своей жизни

Как показал наш анализ, доноры родственного ухода активно совмещают обязанности по уходу за родственниками с трудовой деятельностью. Это может отражаться на качестве их жизни и на том, насколько они удовлетворены различными ее аспектами. Проанализируем степень удовлетворенности различными аспектами жизни человека в зависимости от его включенности в родственничный уход.

Согласно данным по Татарстану, доноры родственного ухода имеют более низкий уровень удовлетворенности такими сферами своей жизни, как материальное положение семьи, здоровье и жизнь в целом в сравнении с теми, кто не ухаживает за родственниками. В наибольшей степени это относится к тем, кто ухаживает за совместно проживающими родственниками: при совместном проживании доноры ухода имеют меньше возможностей для трудовой деятельности, отдыха и отвлечения от обязанностей по уходу.

Состояние здоровья доноров также варьирует в зависимости от интенсивности оказываемого ухода. Чем выше интенсивность ухода за родственниками, тем хуже донор ухода оценивает состояние своего здоровья (см. рис. 3).

Рис. 3. Самооценка здоровья доноров ухода за совместно проживающими родственниками в зависимости от частоты ухода

Источник: КОУЖ-2020.

Ухудшение состояния здоровья донора ухода в связи с необходимостью заботиться о больном или престарелом родственнике фиксируется и в других исследованиях. Например, Е. Гришина и Е. Цацура отмечают, что россияне, осуществляющие уход, чаще сообщают о наличии хронических заболеваний и хуже оценивают свое здоровье [Гришина, Цацура, 2020]. Согласно данным по другим странам (например, по США), почти четверть доноров родственного ухода сообщает об ухудшении своего здоровья из-за включенности в родственный уход [Prudencio, Young, 2020]. Ухудшение состояния здоровья доноров ухода может быть связано с нехваткой времени для того, чтобы заниматься своим здоровьем, а также с высокой, в том числе физической, нагрузкой, связанной с уходом.

Также доноры родственного ухода, помогающие совместно проживающим родственникам, имеют несколько более пессимистические представления о том, как изменится материальное положение их семьи в ближайшие три года, по сравнению с теми, кто не включен в подобный уход. Различия оценок того, как изменится материальное положение семьи в ближайшие три года, среди занятых и незанятых доноров ухода оказались статистически незначимыми.

Как видно по рисунку 4, доноры родственного ухода также несколько отличаются по степени удовлетворенности отдельными аспектами трудовой деятельности (зарплата, надежность работы, выполняемые обязанности) от тех, кто не включен в родственный уход. Можно отметить, что доноры родственного ухода несколько меньше удовлетворены размером своей заработной платы, надежностью работы и выполняемыми обязанностями. По степени удовлетворенности такими аспектами как режим работы, условия труда, расстояние до работы, профессиональное и моральное удовлетворение от работы доноры родственного ухода не имеют статистически значимых различий с теми, кто не включен в родственный уход.

В исследованиях по другим странам (в частности, по Канаде) было показано, что ухаживающие зачастую отказывались от продвижения по службе или искали менее перспективную работу в связи с необходимостью совмещать работу с родственным уходом [Sinha, 2013].

Таким образом, наш анализ показал, что доноры родственного ухода меньше удовлетворены своей жизнью и ее различными аспектами (в том числе своим здоровьем и материальным положением), а также своей трудовой деятельностью (зарплатой, надежностью работы и выполняемыми обязанностями). При этом высокая интенсивность родственного ухода и совместное проживание с реципиентом ухода усиливает неудовлетворенность доноров. Полученные результаты являются ожидаемыми и согласуются с результатами имеющихся исследований (см., например, [Lee, Bierman, Penning, 2020; Stanley, Balakrishnan, 2023]).

Все это свидетельствует о том, что ухаживающие (особенно в случае совместного проживания с реципиентом ухода) являются уязвимой группой, испытывающей потребности не только в материальной поддержке, но и в свободном времени, которое может быть потрачено на отдых или заботу о собственном здоровье. Неудовлетворенность ухаживающих, занятых на рынке труда, надежностью своей работы и выполняемыми обязанностями может говорить о том, что их трудовой потенциал реализуется не полностью. В этой связи особую важность приобретает государственная поддержка трудовой деятельности ухаживающих, которая бы облегчила трудности по совмещению родственного ухода и трудовой активности.

Рис. 4. Удовлетворенность отдельными аспектами трудовой деятельности в зависимости от включенности в родственный уход

Примечание. Различия значимы на уровне $p < 0,01$.

Источник: КОУЖ-2020.

Включенность доноров родственного ухода в рынок труда

На первый взгляд данные КОУЖ-2020 свидетельствуют о высокой включенности доноров родственного ухода в трудовую деятельность. Так, на наличие на прошлой неделе оплачиваемой работы или доходного занятия указал 61 % доноров родственного ухода. Однако при контроле интенсивности родственного ухода прослеживается отрицательная связь между частотой оказания ухода и включенностью в трудовую деятельность. Другими словами, чем выше интенсивность нагрузки родственным уходом, тем реже доноры участвуют в трудовой деятельности (см. рис. 5). Снижение трудовой активности в связи с необходимостью оказывать родственникам уход подтверждается и другими исследованиями [Viitanen, 2010; Colombo et al., 2011; Latif, 2006]. При этом подчеркивается, что отрицательная связь между занятостью и включенностью в родственный уход является значимой в основном при условии совместного проживания и высокой интенсивности ухода (более 20 часов в неделю) [Colombo et al., 2011].

Рис. 5. Доля занятых доноров в зависимости от частоты оказания родственного ухода

Источник: КОУЖ-2020.

Данные по Татарстану свидетельствуют о том, что среди ухаживающих за совместно проживающими родственниками заметно больше работающих пенсионеров по сравнению с теми, кто не реализует подобный уход. Среди тех, кто не занят родственным уходом, чаще встречаются незанятые, которые не ищут работу, а также неработающие женщины с маленькими детьми (см. табл. 1).

Занятые и незанятые доноры родственного ухода значительно различаются по субъективной оценке своего материального положения. Как и ожидалось, по сравнению с занятыми донорами родственного ухода (ухаживающими как за совместно, так и за отдельно проживающими родственниками) незанятые доноры находятся в значительно более трудном материальном положении. Практически каждый пятый незанятый донор родственного ухода отмечает, что денег в его семье хватает только на еду и оплату ЖКУ. Еще примерно 60 % доноров денег хватает на еду, оплату ЖКУ и одежду, а покупка недорогой мебели и бытовых приборов является проблемой. В то время как более 40 % семей занятых доноров родственного

ухода могут себе позволить не только покупку еды, одежды и оплату ЖКУ, но и без труда приобретать недорогую мебель и бытовые приборы (см. табл. 2).

Таблица 1. Статус занятости респондентов в зависимости от включенности в родственный уход, %

Статус занятости	Ухаживает за совместно проживающими родственниками*	Не ухаживает за совместно проживающими родственниками*	Ухаживает за отдельно проживающими родственниками***	Не ухаживает за отдельно проживающими родственниками***
Занят и не на пенсии	70,8	72,0	71,1	72,2
Не занят и не ищет работу ¹⁾	4,8	5,9	2,0	6,5
Не работает, но ищет работу	1,1	1,8	1,2	1,8
Неработающий пенсионер	10,7	9,7	11,1	9,3
Работающий пенсионер	11,0	7,2	12,7	6,7
Нетрудоспособен, в отпуске по беременности и родам (уходу за ребенком)	1,6	3,4	1,9	3,5

¹⁾ Данная категория включает тех, кто не работает и учится в школе, колледже, техникуме, вузе или на очных профессиональных курсах, а также тех, кто занимается домом, семьей, личным подсобным хозяйством. * — межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,05$; *** — межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$.

Источник: Выборочное обследование на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан».

Таблица 2. Субъективная оценка материального положения доноров родственного ухода в зависимости от статуса занятости

Субъективная оценка материального положения домохозяйства	Ухаживает за отдельно проживающими родственниками		Ухаживает за совместно проживающими родственниками	
	Занят	Не занят	Занят	Не занят
Денег не хватает даже на еду	1,2	1,2	0,5	0,0
Денег хватает на еду и оплату ЖКУ	8,7	19,5	10,7	22,0
Денег хватает на еду, оплату ЖКУ и одежду	40,5	58,5	42,3	56,1
Семья может без труда покупать недорогую мебель и быт. приборы	43,7	17,1	40,9	20,7
Семья может при необходимости приобрести автомобиль	4,4	3,7	4,1	1,2
Семья может ни в чем себе не отказывать	1,5	0,0	1,4	0,0
	100	100	100	100

Примечание. Все межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$.

Источник: Выборочное обследование на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан».

Важно подчеркнуть, что результаты обследования в Республике Татарстан свидетельствуют о существовании различий по уровню дохода от занятости в зависимости от включенности в родственный уход. По сравнению с теми, кто не ухаживает за родственниками, включенные в родственный уход в среднем получают меньший доход. Наибольшие различия в уровне оплаты труда наблюдаются между теми, кто совместно проживает с родственниками. Осуществляющие подобный уход за совместно проживающими родственниками получают за свою работу в среднем на 16% меньше тех, кто не ухаживает. Ухаживающие за отдельно проживающими родственниками имеют доход от трудовой деятельности в среднем на 13% меньше, чем те, кто не включен в подобный уход (см. рис. 6). Скорее всего, это может свидетельствовать о том, что лица, включенные в родственный уход, сокращают часы работы или же переходят на работу меньшей интенсивности или с более гибким графиком, позволяющим им осуществлять уход.

Рис. 6. Средний доход от занятости в зависимости от включенности в родственный уход, руб.

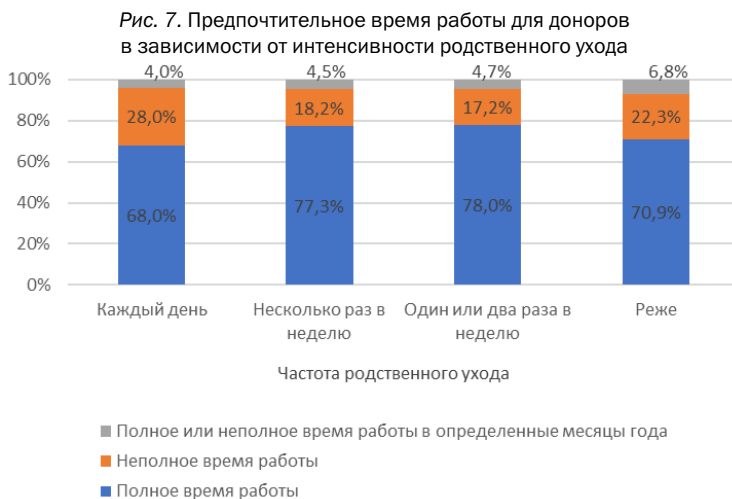

Источник: Выборочное обследование на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан».

Доноры родственного ухода имеют потребность в более гибких условиях труда за счет сокращения рабочего времени. В целом можно сказать, что чем интенсивнее родственный уход, тем выше запрос донора на неполное время работы. Исключение составляет группа доноров, которые редко ухаживают за родственниками: среди них запрос на гибкие условия труда находится примерно на том же уровне, как среди доноров, реализующих уход на ежедневной основе (см. рис. 7).

Для дальнейшего анализа связи между занятостью, доходом и включенностью в родственного ухода был проведен регрессионный анализ. С учетом контроля таких переменных, как пол, возраст, тип населенного пункта, уровень образования и денежного дохода, наличие занятости значимо отрицательно связано с вероятностью включенности в родственного ухода за совместно проживающими родственниками (см. табл. 3). В свою очередь, ухаживание за совместно проживающими родственниками — значимый фактор, снижающий вероятность наличия занятости (см. табл. 4). Регрессионный анализ показал, что включенность в родствен-

ный уход отрицательно связана с величиной среднего месячного дохода домохозяйства (см. табл. 3, табл. 5), то есть оказание родственного ухода отрицательно сказывается на финансовом положении домохозяйства донора ухода.

Источник: КОУЖ-2020.

Контрольные переменные также имеют значимые связи с вероятностью оказания ухода совместно проживающим родственникам. Связь возраста с включенностью в родственник уход имеет квадратичный характер: до определенного момента вероятность включенности в родственник уход с возрастом увеличивается, после — начинает снижаться. Принадлежность к мужскому полу и проживание в городе сокращает вероятность ухода за родственниками. Образование, напротив, оказалось положительно связано с вероятностью участия в родственном уходе (см. табл. 3).

Таблица 3. Результаты логистического регрессионного анализа факторов, влияющих на вероятность оказания ухода совместно проживающим родственникам

Факторы	Exp (B)
Возраст	1,11***
Возраст ²	0,99***
Пол	0,70***
Проживание в городе	0,87***
Уровень образования	1,16***
Средний денежный доход домохозяйства в месяц	0,99**
Наличие занятости	0,92***
Константа	0,018***
R ²	0,04
N	103051

*** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,001$; ** — статистическая значимость на уровне $p \leq 0,01$. Модель значима на уровне $p < 0,001$.

Источник: данные КОУЖ-2020.

Таблица 4. Результаты логистического регрессионного анализа факторов занятости

Факторы	Exp (B)
Возраст	1,67***
Возраст ²	0,99***
Пол	2,53***
Проживание в городе	1,50***
Уровень образования	1,91***
Оказание ухода совместно проживающим родственникам	0,86***
Константа	0,00003***
R ²	0,59
N	103284

*** — статистическая значимость коэффициентов на уровне $p \leq 0,001$.

Модель значима на уровне $p < 0,001$.

Источник: данные КОУЖ-2020.

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа факторов денежного дохода (среднего денежного дохода домохозяйства в месяц)

Факторы	Станд. Коэффициент β	t
Возраст	-0,39***	-22,22
Возраст ²	0,50***	27,94
Пол	0,11***	3,75
Проживание в городе	0,20***	66,4
Уровень образования	0,18***	58,60
Наличие занятости	0,25***	68,65
Оказание ухода совместно проживающим родственникам	-0,009***	-3,21
R ²	0,15	

*** — статистическая значимость коэффициентов на уровне $p < 0,001$. Модель значима на уровне $p < 0,001$.

Источник: данные КОУЖ-2020.

Данные КОУЖ-2020 позволяют оценить отдельные характеристики трудовой деятельности доноров родственного ухода по сравнению с теми, кто не ухаживает за родственниками. Согласно полученным оценкам, ухаживающие за родственниками чаще отмечают, что их работа связана с нервным напряжением, утверждают, что их основная работа соответствует полученной специальности, но и указывают на наличие навыков или квалификации для выполнения более сложной работы. В целом характер работы доноров ухода чаще предполагает использование компьютерной техники и позволяет выполнять ее дистанционно. Наряду с этим ухаживающие за родственниками заметно чаще заявляют о потребности в получении знаний в области информационных технологий. Различия между донорами ухода и теми, кто не включен в родственный уход, оказались статистически незначимыми по таким характеристикам, как режим работы, степень удовлетворенности режимом работы, моральное удовлетворение от работы, профессиональная удовлетворенность от работы (см. Приложение В, табл. В.1). Несмотря на то, что, как

уже отмечалось ранее, более 80% доноров родственного ухода заняты на рынке труда, все же заметная часть доноров не работает. Сравним основные социально-демографические характеристики незанятых доноров родственного ухода с характеристиками занятых доноров ухода.

Если речь идет о занятых донорах ухода, то включенность мужчин и женщин в родственный уход сильно не различается: доля мужчин и женщин среди занятых доноров ухода близка к доле мужчин и женщин в среднем по выборке. Это особенно отчетливо прослеживается в случае родственного ухода за совместно проживающими родственниками. В то же время, если рассматривать тех доноров, которые не включены в трудовые отношения, то здесь ярко выражено смещение в пользу женщин: они составляют подавляющее большинство среди незанятых доноров родственного ухода, особенно в случае ухода за отдельно проживающими родственниками (см. Приложение А, табл. А.5).

Также между занятыми и незанятыми донорами ухода прослеживаются значительные различия по возрасту. Так, основная часть занятых доноров ухода представлена людьми средних возрастов (30—54 года), в то время как наибольшая доля незанятых доноров — люди старших возрастов (55 лет и старше). При этом среди доноров ухода за отдельно проживающими родственниками наблюдается больше людей старшего возраста по сравнению с теми, кто ухаживает за совместно проживающими родственниками.

Что касается образовательного профиля, то среди занятых доноров ухода значительно чаще встречаются более образованные люди. Так, примерно половина занятых доноров ухода (48% среди ухаживающих за совместно проживающими родственниками и 52% среди ухаживающих за отдельно проживающими родственниками) имеют высшее образование, в то время как среди незанятых доноров высшее образование получили менее трети.

Не наблюдается значимых различий по типу населенного пункта между занятыми и незанятыми донорами родственного ухода.

Что касается материального положения, то, как уже отмечалось ранее, занятые доноры ухода находятся в более комфортном материальном положении, чем те доноры, кто не включен в рынок труда (см. Приложение А, табл. А.5).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование показало, что включенность в родственный уход отрицательно связана с занятостью на рынке труда, что согласуется с результатами имеющихся исследований [Heitmueller, 2007; Viitanen, 2010; Latif, 2006; Carr et al., 2018]. Прослеживается отрицательная связь между частотой оказания ухода и включенностью в трудовую деятельность: чем выше интенсивность нагрузки родственным уходом, тем реже доноры участвуют в трудовой деятельности.

Несмотря на то что проведенное исследование подтверждает наличие отрицательной связи между занятостью и включенностью в родственный уход, нельзя однозначно оценить направление этой связи. С одной стороны, наиболее очевидной и понятной причиной снижения трудовой активности донора ухода является высокая нагрузка в связи с реализацией ухода, которая ограничивает временные и человеческие ресурсы донора для участия в трудовой деятельности, о чем говорит-

ся в существующих исследованиях [Carmichael, Charles, 2003]. С другой стороны, низкий уровень занятости и слабая доходная обеспеченность доноров ухода может быть связана с тем, что именно люди, имеющие более низкий уровень образования и менее успешные на рынке труда, чаще становятся донорами родственного ухода [Carmichael, Charles, Hulme, 2010; Michaud, Heitmueller, Nazarov, 2010].

Наше исследование подтверждает, что среди незанятых доноров родственного ухода преобладают люди старших возрастов (55 лет и старше) с относительно более низким уровнем образования. В то время как основная часть занятых доноров ухода представлена более образованными людьми средних возрастов (30—54 года). Таким образом, можно предположить, что образованные и изначально активные на рынке труда люди имеют более высокие потенциальные издержки ухода с рынка труда и либо реже становятся донорами родственного ухода, либо стараются совмещать трудовую деятельность с родственным уходом. Кроме этого, люди с высоким уровнем оплаты труда могут себе позволить обратиться к коммерческим услугам по уходу за больными и престарелыми родственниками, в то время как для низкодоходной группы граждан эти услуги могут быть финансово недоступными, что влияет на их выбор в пользу родственного ухода [Bauer, Sousa-Poza, 2015].

В целом доноры родственного ухода довольно активно включены в рынок труда (более 60% доноров имеют работу), что согласуется с имеющимися оценками (см., например, [Гришина, Цацура, 2020]). Это может говорить о том, что даже в ситуации необходимости ухаживать за больным или престарелым родственником люди не могут себе позволить уйти с рынка труда ввиду отсутствия достаточной денежной поддержки со стороны государства. Наше исследование показало, что чаще всего решение о прекращении трудовой деятельности принимается донором в случае необходимости оказания высокоинтенсивного ухода, при этом практически каждый пятый незанятый донор родственного ухода отмечает, что денег в его семье хватает только на еду и оплату ЖКУ.

С другой стороны, высокая занятость доноров ухода может свидетельствовать о том, что даже будучи включенным в рынок труда, человек не имеет возможности обратиться к другим поставщикам услуг по уходу за престарелыми и больными (коммерческим услугам, государственным социальным услугам, услугам некоммерческих организаций) из-за их недоступности. В связи с этим работающие люди вынуждены совмещать трудовую деятельность и родственный уход, испытывая двойную нагрузку.

Включенные в родственный уход в среднем получают меньший доход от занятости по сравнению с теми, кто не ухаживает за родственниками, что согласуется с данными существующих исследований [Bittman, Hill, Thomas, 2007; Heitmueller, Inglis, 2007]. Это может быть связано со стремлением доноров ухода к более гибким условиям труда, иногда за счет сокращения в зарплате [Lilly, Laporte, Coyte, 2007; Colombo et al., 2011]. Как показало наше исследование, доноры ухода чаще заняты работой, которую можно выполнять дистанционно, и которая связана с использованием компьютерной техники. Они чаще испытывают потребность в получении знаний в области информационных технологий и отмечают, что уровень их профессиональной подготовки достаточен, чтобы выполнять более сложную

работу. Таким образом, можно предположить, что включенность в родственный уход не позволяет донорам в полной мере реализовывать их трудовой потенциал.

Помимо трудности совмещения трудовой деятельности и родственного ухода доноры сталкиваются со снижением удовлетворенности своей жизнью. Наше исследование показало, что доноры родственного ухода меньше удовлетворены материальным положением своей семьи, своим здоровьем и жизнью в целом, чем те, кто не реализует родственный уход. Наименьшую удовлетворенность в отмеченных сферах жизни имеют доноры, которые ухаживают за совместно проживающими родственниками. Чем выше интенсивность ухода за родственниками, тем хуже донор ухода оценивает состояние своего здоровья. Об этом же говорят и данные других исследований [Lee, Bierman, Penning, 2020].

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что доноры родственного ухода в России находятся в уязвимом положении. Как отмечают исследователи, государственная поддержка родственного ухода в России развита слабо, а сам родственный уход зачастую воспринимается как занятие, не требующее вмешательства государства [Миронова, 2021; Синявская, Горват, 2021], в то время как в международной практике существует опыт реализации мер, направленных на поддержку доноров родственного ухода и расширение их возможностей совмещать родственный уход с трудовой деятельностью. В частности, предоставление донору родственного ухода возможности продолжать трудовую деятельность на гибких условиях признается большинством стран ОЭСР в качестве одного из важнейших направлений государственной поддержки родственного ухода [Colombo et al., 2011].

Глобальные демографические тренды, в том числе старение населения и рост доли пожилых родственников в структуре семейной группы, являются предпосылкой к повышению важности родственного ухода и увеличению нагрузки на членов семьи, предоставляющих родственный уход. Все это обостряет актуальность усовершенствования мер государственной поддержки родственного ухода.

Проведенное исследование вносит свой вклад в дискуссию об издержках родственного ухода для доноров ухода в целом и о трудностях совмещения трудовой активности и родственного ухода в частности. Полученные результаты могут иметь практическое значение при разработке государственной политики по поддержке родственного ухода.

Ограничения представленного исследования обусловлены особенностями используемых статистических данных, недостатки которых подробно обсуждаются в разделе статьи, посвященном данным и методам.

В качестве возможной перспективы для будущих исследований выступает анализ международного опыта по поддержке доноров родственного ухода в области сохранения у доноров занятости на рынке труда.

Список литературы (References)

Богданова Е. Режим заботы о пожилых маломобильных людях в периферийных поселениях: успехи и неудачи в преодолении социального исключения // Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства / под ред. Бороз-

диной Е., Здравомысловой Е., Темкиной А. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2019. С. 277—310. URL: http://cisr.pro/files/Bogdanova_kriticheskaja_zabota-1.pdf (дата обращения: 14.04.2023).

Bogdanova E. (2019) The Care Regime for Elderly People With Limited Mobility in Peripheral Settlements: Successes and Failures in Overcoming Social Exclusion. In: Borozdina E., Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Critical Sociology of Care: Intersections of Social Inequality*. St. Petersburg: EUSP Publishing House. P. 277—310. URL: http://cisr.pro/files/Bogdanova_kriticheskaja_zabota-1.pdf (accessed: 14.04.2023). (In Russ.)

Гришина Е. Е., Цацура Е. А. Влияние родственного ухода на занятость, здоровье и материальное положение ухаживающих // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 152—171. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11142>.

Grishina E., Tsatsura E. (2020) The Effect of Caring for Older and Disabled Relatives on the Employment, Health and Economic Status of Caregivers. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 2. P. 152—171. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11142>. (In Russ.)

Миронова А. А. Международный опыт организации родственного ухода за пожилыми людьми // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 3. С. 465—480. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-465-480>.

Mironova A. A. (2021) International Experience in the Organization of Informal Care for the Elderly. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 3. P. 465—480. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-3-465-480>. (In Russ.)

Синявская О. В., Горват Е. С. Организация постороннего ухода за пожилыми и инвалидами: мотивация обращения к различным поставщикам // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 4. С. 60—80.

Sinyavskaya O., Gorvat E. (2021) Long-Term Care for the Elderly and Disabled People: Motivations for Turning to Various Care Providers. *Demographic Review*. Vol. 8. No. 4. P. 60—80. <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i4.13876>. (In Russ.)

Солодухина Д. П., Черных Л. Л. Роль родственников в уходе за хроническими больными // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 83—87. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-7/Soloduhina.pdf> (дата обращения: 14.04.2023).

Solodukhina D., Chernykh L. L. (2010) Relatives' Role Caring for Chronic Patients. *Sociological Studies*. No. 7. P. 83—87. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-7/Soloduhina.pdf> (accessed: 14.04.2023). (In Russ.)

Ткач О. А. «Заботливый дом»: уход за пожилыми родственниками и проблемы совместного проживания // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 94—102. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=5792 (дата обращения: 14.04.2023).

Tkach O. A. (2015) “Caring Home”: Kin-Related Elderly Care and Issues of Cohabitation. *Sociological Studies*. No. 10. P. 94—102. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=2624&jn=socis&jn=socis&jid=5792 (accessed: 14.04.2023). (In Russ.)

Шестакова Н. Н., Скворцова М. Б. Потребность в долговременном родственном (семейном) уходе за пожилыми в Санкт-Петербурге: экспертная оценка // Социальная работа: теория, методы, практика. Вып. 2: Реализация комплексной си-

стемы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста в учреждениях социального обслуживания населения Санкт-Петербурга. СПб: Городской информационно-методический центр «Семья», 2020. С. 34—53. URL: http://homekid.ru/content/docs/izdaniya/soc_rabota_serealnui_sbornik/vse_vipyski/v2/0000.%20%D0%92%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%20_20.10.2020.pdf (дата обращения: 14.04.2023).

Shestakova N., Skvortsova M. (2020) Need for Long-Term Relative (Family) Care for the Elderly in Saint Petersburg: Expert Assessment. In: *Social Work: Theory, Methods, Practice. Vol. 2: Implementation of a Comprehensive System of Long-Term Care for Elderly Citizens in Social Service Institutions of St. Petersburg*. Saint Petersburg: City Information and Methodological Center “Family”. P. 34—53. URL: http://homekid.ru/content/docs/izdaniya/soc_rabota_serealnui_sbornik/vse_vipyski/v2/0000.%20%D0%92%D1%8B%D0%BF%D1%83%D1%81%D0%BA%20_20.10.2020.pdf (accessed: 14.04.2023). (In Russ.)

Bauer J. M., Sousa-Poza A. (2015) Impacts of Informal Caregiving on Caregiver Employment, Health, and Family. *Journal of Population Ageing*. No. 8. P. 113—145. <https://doi.org/10.1007/s12062-015-9116-0>.

Baxter J., Tai T. (2016) Inequalities in Unpaid Work: A Cross-National Comparison. In: Connerley M. L., Wu J. (eds.) *Handbook on Well-Being of Working Women*. Dordrecht: Springer. P. 653—671. https://doi.org/10.1007/978-94-017-9897-6_36.

Bittman M., Hill T., Thomas C. (2007) The Impact of Caring on Informal Carers' Employment, Income and Earnings: A Longitudinal Approach. *Australian Journal of Social Issues*. Vol. 42. No. 2. P. 255—272. <https://doi.org/10.1002/j.1839-4655.2007.tb00053.x>.

Boots L. M.M., de Vugt M. E., Van Knippenberg R. J.M., Kempen G. I.J.M., Verhey F. R.J. (2014) A Systematic Review of Internet-Based Supportive Interventions for Caregivers of Patients with Dementia. *International Journal of Geriatric Psychiatry*. Vol. 29. No. 4. P. 331—344. <https://doi.org/10.1002/gps.4016>.

Brown M. R., Brown L. S. (2014) Informal Caregiving: A Reappraisal of Effects on Carers. *Social Issues and Policy Review*. Vol. 8. No. 1. P. 74—102. <https://doi.org/10.1111/sjpr.12002>.

Carmichael F., Charles S. (2003) The Opportunity Costs of Informal Care: Does Gender Matter? *Journal of Health Economics*. Vol. 22. No. 5. P. 781—803. [https://doi.org/10.1016/S0167-6296\(03\)00044-4](https://doi.org/10.1016/S0167-6296(03)00044-4).

Carmichael F., Hulme C., Sheppard S., Connell G. (2008). Work — Life Imbalance: Informal Care and Paid Employment in the UK. *Feminist Economics*. Vol. 14. No. 2. P. 3—35. <https://doi.org/10.1080/13545700701881005>.

Carmichael F., Charles S., Hulme, C. (2010) Who Will Care? Employment Participation and Willingness to Supply Informal Care. *Journal of Health Economics*. Vol. 29. No. 1. P. 182—190. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2009.11.003>.

Carr E., Murray E. T., Zaninotto P., Cadar D., Head J., Stansfeld S., Stafford M. (2018) The Association Between Informal Caregiving and Exit from Employment Among Older Workers: Prospective Findings From the UK Household Longitudinal Study. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 73. No. 7. P. 1253—1262. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbw156>.

Chiatti C., Melchiorre M. G., Di Rosa M., Principi A., Santini S., Döhner H., Lamura G. (2013) Family Networks and Supports in Older Age. In: Phellas C. (ed.) *Aging in European Societies*. Boston, MA: Springer: P. 133—150. https://doi.org/10.1007/978-1-4419-8345-9_9.

Colombo F., Francesca C., Ana L. N., Jérôme M., Frits T. (2011) *Help Wanted? Providing and Paying for Long-Term Care*. Paris: OECD Publishing.

Heitmueller A. (2007) The Chicken or the Egg? Endogeneity in Labour Market Participation of Informal Carers in England. *Journal of Health Economics*. Vol. 26. No. 3. P. 536—559. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2006.10.005>.

Heitmueller A., Inglis K. (2007) The Earnings of Informal Care: Wage Differentials and Opportunity Costs. *Journal of Health Economics*. Vol. 26. No. 4. P. 821—841. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2006.12.009>.

Katz S., Ford A. B., Moskowitz R. W., Jackson B. A., Jaffe M. W. (1963) Studies of Illness in the Studies of Illness in the Aged: The Index of ADL: A Standardized Measure of Biological and Psychosocial Function. *Jama*. Vol. 185. No. 12. P. 914—919. <https://doi.org/10.1001/jama.1963.03060120024016>.

Latif E. (2006) Labour Supply Effects of Informal Caregiving in Canada. *Canadian Public Policy*. Vol. 32. No. 4. P. 413—429. <https://doi.org/10.3138/Q533-8847-3785-1360>.

Lee Y., Bierman A., Penning M. (2020) Psychological Well-Being Among Informal Caregivers in the Canadian Longitudinal Study on Aging: Why the Location of Care Matters. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 75. No. 10. P. 2207—2218. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa159>.

Lilly M., Laporte A., Coyte P.C. (2007) Labor Market Work and Home Care's Unpaid Caregivers: A Systematic Review of Labor Force Participation Rates, Predictors of Labor Market Withdrawal, and Hours of Work. *Milbank Quarterly*. Vol. 95. No. 4. P. 641—690. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0009.2007.00504.x>.

Michaud P.C., Heitmueller A., Nazarov Z. (2010) A Dynamic Analysis of Informal Care and Employment in England. *Labour Economics*. Vol. 17. No. 3. P. 455—465. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2010.01.001>.

Pinquart M., Sörensen S. (2007) Correlates of Physical Health of Informal Caregivers: A Meta-Analysis. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 62. No. 2. P. 126—137. <https://doi.org/10.1093/geronb/62.2.P126>

Prudencio G., Young H. (2020) Caregiving in the US 2020: What Does the Latest Edition of This Survey Tell Us About Their Contributions and Needs? *Innovation in Aging*. Vol. 4. No.1. P. 681—681. <https://doi.org/10.1093/geroni/igaa057.2371>.

Rodrigues R., Schulmann K., Schmidt A., Kalavrezou N., Matsaganis M. (2013) The Indirect Costs of Long-Term Care. Employment, Social Affairs & Inclusion. Research Note. European Centre. URL: <https://www.euro.centre.org/publications/detail/415> (accessed: 14.04.2023).

Roth D. L., Fredman L., Haley W. E. (2015) Informal Caregiving and Its Impact on Health: A Reappraisal from Population-Based Studies. *The Gerontologist*. Vol. 55. No. 2. P. 309—319. <https://doi.org/10.1093/geront/gnu177>.

Schulz R., Sherwood P. (2008) Physical and Mental Health Effects of Family Caregiving. *American Journal of Nursing*. Vol. 108. No. 9. P. 23—27. <https://doi.org/10.1097/01.NAJ.0000336406.45248.4c>.

Sinha M. (2013) Portrait of caregivers, 2012. Spotlight on Canadians — results from the General Social Survey. No. 1. URL: <https://publications.gc.ca/site/eng/9.577804/publication.html> (accessed: 14.04.2023).

Stanley S., Balakrishnan S. (2023) Family Caregiving in Schizophrenia: Do Stress, Social Support and Resilience Influence Life Satisfaction? -A Quantitative Study from India. *Social Work in Mental Health*. Vol. 21. No. 1. P. 67—85. <https://doi.org/10.1080/15332985.2022.2070051>.

Thinnes A., Padilla R. (2011) Effect of Educational and Supportive Strategies on the Ability of Caregivers of People with Dementia to Maintain Participation in that Role. *American Journal of Occupational Therapy*. Vol. 65. No. 5. P. 541—549. <https://doi.org/10.5014/ajot.2011.002634>.

Verbakel E., Metzeltin S. F., Kempen G. I. J. M. (2018) Caregiving to Older Adults: Determinants of Informal Caregivers' Subjective Well-Being and Formal and Informal Support as Alleviating Conditions. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 73. No. 6. P. 1099—1111. <https://doi.org/10.1093/geronb/gbw047>.

Viitanen T. K. (2010) Informal Eldercare Across Europe: Estimates from the European Community Household Panel. *Economic Analysis & Policy*. Vol. 40. No. 2. [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(10\)50023-7](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(10)50023-7).

Приложение А

Таблица А.1. **Социально-демографические характеристики доноров родственного ухода, % от соответствующей группы опрошенных**

Характеристики доноров ухода	<u>Ухаживает за совместно проживающими родственниками</u>	<u>Не ухаживает за совместно проживающими родственниками</u>
Пол		
муж	35,0	43,0
жен	65,0	57,0
Итого	100,0	100,0
Возраст		
до 30 лет	11,6	14,9
30—54	56,5	42,3
55 лет и старше	31,9	42,8
Итого	100,0	100,0
Образование		
общее	20,8	27,6
начальное и среднее специальное	44,8	44,8
высшее	34,4	27,6
Итого	100,0	100,0
Тип населенного пункта		
город	66,8	68,7
село	33,2	31,3
Итого	100,0	100,0
По критерию малоимущности		
малоимущие	19,9	18,6
не малоимущие	80,1	81,4
Итого	100,0	100,0

Примечание. Все межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$.
Источник: данные КОУЖ-2020.

Таблица А.2. Социально-демографические характеристики доноров родственного ухода за совместно проживающими родственниками по сравнению с теми, кто такой уход не оказывает, % от соответствующей группы опрошенных

Характеристики доноров ухода	Ухаживает за совместно проживающими родственниками	Не ухаживает за совместно проживающими родственниками
Пол		
муж	40,8	44,9
жен	59,2	55,1
Итого	100,0	100,0
Возраст		
до 30 лет	14,8***	22,7***
30—54	61,2***	56,8***
55 лет и старше	24,0***	20,5***
Итого	100,0	100,0
Образование		
общее	13,3	12,3
начальное и среднее специальное	41,8	40,5
высшее	44,9	47,2
Итого	100,0	100,0
Тип населенного пункта		
город	66,2***	76,4***
село	33,8***	23,6***
Итого	100,0	100,0
Субъективная оценка материального положения семьи		
денег не хватает даже на еду	0,4	0,7
денег хватает на еду и оплату ЖКУ	12,5	9,1
денег хватает на еду, оплату ЖКУ и одежду	44,5	43,8
семья может без труда покупать недорогую мебель и быт. приборы	37,6	41,3
семья может при необходимости приобрести автомобиль	3,7	4,1
семья может ни в чем себе не отказывать	1,3	1,0
Итого	100,0	100,0

*** — межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$.

Источник: Выборочное обследование на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан».

Таблица А.3. Социально-демографические характеристики доноров родственного ухода за отдельно проживающими родственниками по сравнению с теми, кто такой уход не оказывает, % от соответствующей группы опрошенных

Характеристики доноров ухода	Ухаживает за отдельно проживающими родственниками	Не ухаживает за отдельно проживающими родственниками
Пол		
муж	34,0***	46,0***
жен	66,0***	54,0***
Итого	100,0	100,0
Возраст		
до 30 лет	11,2***	23,5***
30—54	61,5***	57,0***
55 лет и старше	27,3***	19,5***
Итого	100,0	100,0
Образование		
общее	10,1	12,5
начальное и среднее специальное	42,6	40,8
высшее	47,3	46,7
Итого	100,0	100,0
Тип населенного пункта		
город	76,3	75,2
село	23,7	24,8
Итого	100,0	100,0
Субъективная оценка материального положения семьи		
денег не хватает даже на еду	1,2	0,6
денег хватает на еду и оплату ЖКУ	10,4	9,0
денег хватает на еду, оплату ЖКУ и одежду	43,4	44,3
семья может без труда покупать недорогую мебель и быт. приборы	39,3	41,2
семья может при необходимости приобрести автомобиль	4,3	3,9
семья может ни в чем себе не отказывать	1,4	1,0
Итого	100,0	100,0

*** — межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$.

Источник: Выборочное обследование на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан».

Таблица А.4. Социально-демографический портрет доноров родственного ухода, совмещающих уход за совместно и за отдельно проживающими родственниками

Характеристики доноров ухода	Доноры родственного ухода	В среднем по выборке
Пол		
муж	32,9***	44,5***
жен	67,1***	55,5***
Итого	100	100
Возраст		
до 30 лет	10***	21,7***
30—54	62,9***	57,4***
55 лет и старше	27,1***	20,9***
Итого	100	100
Образование		
общее	10,2	12,4
начальное и среднее специальное	42,8	40,7
высшее	47,0	46,9
Итого	100	100
Тип населенного пункта		
город	68,8***	75,2***
село	31,2***	24,8***
Итого	100	100
Статус занятости		
занят	85,0***	79,4***
не занят	15,0***	20,6***
Итого	100	100
Субъективная оценка материального положения семьи		
денег не хватает даже на еду	0,6	0,6
денег хватает на еду и оплату ЖКУ	12,7	9,5
денег хватает на еду, оплату ЖКУ и одежду	39,2	43,9
семья может без труда покупать недорогую мебель и быт. приборы	42,8	40,9
семья может при необходимости приобрести автомобиль	3,6	4,0
семья может ни в чем себе не отказывать	1,1	1,1
Итого	100	100

*** — межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$.

Источник: Выборочное обследование на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан».

Таблица А.5. **Социально-демографический портрет доноров родственного ухода, не занятых на рынке труда**

Характеристики доноров ухода	Ухаживает за отдельно проживающими родственниками		Ухаживает за совместно проживающими родственниками	
	Не занят	Занят	Не занят	Занят
Пол				
муж	13,4***	38,5***	21,7***	45,6***
жен	86,6***	61,5***	78,3***	54,4***
Итого	100	100	100	100
Возраст				
до 30 лет	11,0***	11,6***	14,5***	15,3***
30—54	24,4***	68,1***	31,3***	66,9***
55 лет и старше	64,6***	20,3***	54,2***	17,8***
Итого	100	100	100	100
Образование				
общее	18,5***	8,8***	27,2***	10,6***
начальное и среднее специальное	55,6***	39,5***	43,2***	41,0***
высшее	25,9***	51,7***	29,6***	48,4***
Итого	100	100	100	100
Тип населенного пункта				
город	74,4	78,3	71,1	66,5
село	25,6	21,7	28,9	33,5
Итого	100	100	100	100
Субъективная оценка материального положения семьи				
денег не хватает даже на еду	1,2***	1,2***	0***	0,5***
денег хватает на еду и оплату ЖКУ	19,5***	8,7***	22,0***	10,7***
денег хватает на еду, оплату ЖКУ и одежду	58,5***	40,5***	56,1***	42,3***
семья может без труда покупать недорогую мебель и быт. приборы	17,1***	43,7***	20,7***	40,9***
семья может при необходимости приобрести автомобиль	3,7***	4,4***	1,2***	4,1***
семья может ни в чем себе не отказывать	0***	1,5***	0***	1,5***
Итого	100	100	100	100

*** — межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$.

Источник: Выборочное обследование на тему «Репродуктивное и самосохранительное поведение населения Республики Татарстан».

Приложение В

Таблица В.1. Характеристики трудовой деятельности доноров родственного ухода по сравнению с теми, кто не ухаживает за родственниками, %

	Ухаживает за родственниками	Не ухаживает за родственниками
Соответствие основной работы полученной специальности		
да	61,2	56,1
нет	38,8	43,9
Итого	100,0	100,0
Наличие навыков или квалификации для выполнения более сложной работы		
да	54,6	51,9
нет	45,4	48,1
Итого	100,0	100,0
Использование компьютерной техники на основной работе хотя бы один раз в неделю		
да	60,0	51,9
нет	40,0	48,1
Итого	100,0	100,0
Потребность в получении знаний в области информационных технологий		
да	40,7	33,6
нет	59,3	66,4
Итого	100,0	100,0
Позволяет ли характер работы выполнять ее дистанционно, через интернет		
да, полностью позволяет	20,7	20,1
да, позволяет, но не полностью	30,8	28,5
нет, не позволяет	48,5	51,4
Итого	100,0	100,0
Возможность работать дистанционно, через интернет		
да	45,4	42,6
нет	54,6	57,4
Итого	100,0	100,0
Работа связана с нервным напряжением		
да, все время	21,8	18,8
да, иногда	53,0	51,7
нет	25,2	29,5
Итого	100,0	100,0

Примечание. Все межгрупповые различия статистически значимы на уровне $p < 0,001$.

Источник: данные КОУЖ-2020.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): март — апрель 2023 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 243—257.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): March — April 2023. (2023) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 243–257.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: МАРТ — АПРЕЛЬ 2023

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ-Спутник». Метод опроса — телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1600 респондентов в возрасте от 18 лет. Выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ. Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

ПОЛИТИКА

КРЫМ: 9 ЛЕТ ДОМА	244
РОССИЯ И КИТАЙ: МОНИТОРИНГ	246
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС РОССИИ: В БОРЬБЕ ЗА СУВЕРЕНИТЕТ	248

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ОТКУДА ИСХОДИТ УГРОЗА МИРУ?.....	250
НЕЙРОСЕТИ И ЧЕЛОВЕК: НАЧАЛО ПУТИ	252
РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ: МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД.....	253

ОБРАЗ ЖИЗНИ

СТАРЕНИЕ: ПРИНЯТЬ ИЛИ БОРЬТЬСЯ?	255
ПРАВОСЛАВНАЯ ПАСХА — 2023.....	257

ПОЛИТИКА

КРЫМ: 9 ЛЕТ ДОМА	244
РОССИЯ И КИТАЙ: МОНИТОРИНГ	246
ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС РОССИИ: В БОРЬБЕ ЗА СУВЕРЕНИТЕТ	248

КРЫМ: 9 ЛЕТ ДОМА¹*14 марта 2023 г.*

В правильности решения о принятии полуострова в состав России уверено абсолютное большинство опрошенных — 86 %, из них 67 % убеждены в этом в полной мере («безусловно правильно»), что на 10 п. п. выше, чем двумя годами ранее (в 2021 г. — 57 %). Главный аргумент в этой группе: Крым — исконно русская земля (53 %). Отношение респондентов к вхождению Крыма в состав России преимущественно положительное (85 %), с полной уверенностью об этом заявили более половины опрошенных — 63 % (+17 п. п. к данным 2021 г.). Об отрицательном отношении высказались только 9 % (в 2021 г. — 13 %). Спустя девять лет 71 % граждан видят для России больше пользы, чем вреда, от присоединения Крыма, на протяжении всего периода замеров эта доля находилась в диапазоне от 60 % до 78 %. Каждый седьмой видит больше вреда — 15 %, столько же затруднились с ответом (14 %). Положительные последствия для России от присоединения Крыма смогли назвать 62 % россиян. Главными из них в представлениях наших сограждан является появление нового туристического направления (24 %) и безопасность военно-морской базы (18 %). Реже называли такие последствия, как возвращение земель, восстановление целостности России (9 %), расширение территории страны (7 %) и возвращение русскоязычного населения на Родину (7 %). Негативные последствия для России назвали 44 %. В числе самых частых ответов — конфликт с Украиной, спецоперация (15 %), введение санкций (13 %), обострение внешнеполитической ситуации (11 %) и большие затраты на восстановление региона (7 %).

Крым стал развиваться более успешно, когда стал частью Российской Федерации, — полагают 76 % россиян. Проекты по развитию полуострова, реализованные за последние пять лет, вспомнили более половины опрошенных (59 %). Наиболее узнаваемый среди них — строительство Крымского моста (46 %). Три четверти россиян также считают, что после воссоединения Крыма с Россией изменилась жизнь местных жителей (77 %): 64 % из этой группы отмечают преимущественно положительные изменения («больше к лучшему»), 30 % — и хорошие, и плохие перемены в жизни крымчан.

¹ Опрос проведен по заказу Экспертного института социальных исследований (ЭИСИ).

Рис. 1. Как Вы считаете, Россия правильно поступила, приняв Крым в состав Российской Федерации, или нет? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

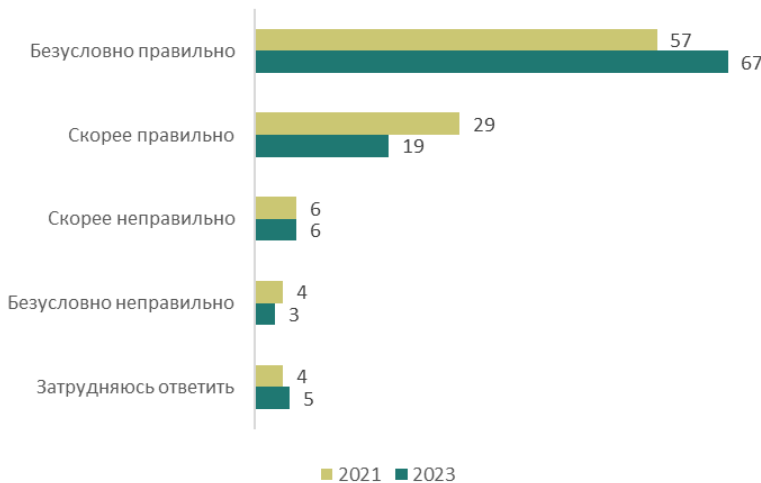
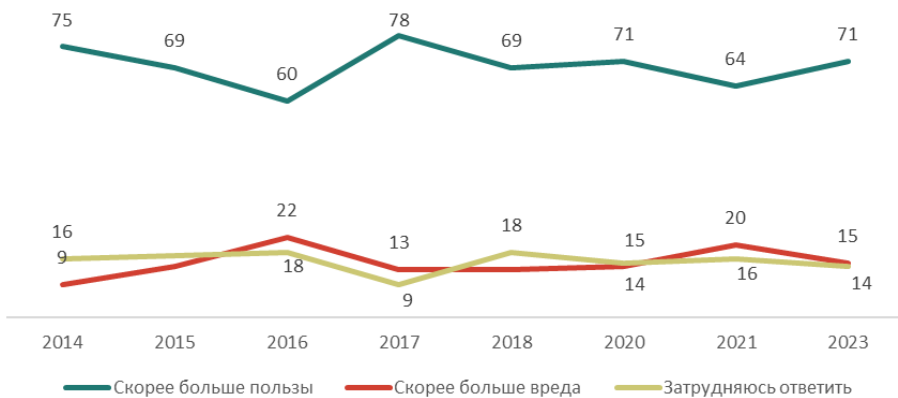

Рис. 2. Как Вы считаете, вхождение Крыма в состав Российской Федерации принесло России больше пользы или больше вреда? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

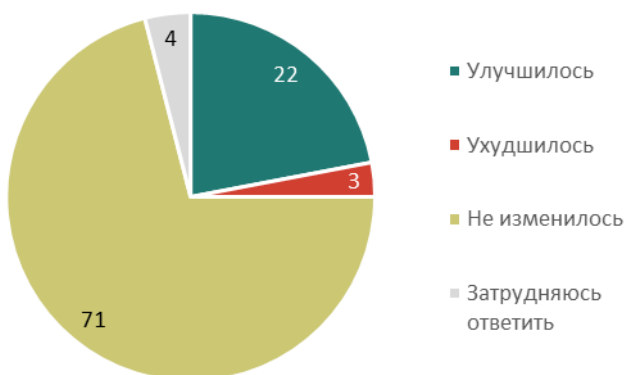

РОССИЯ И КИТАЙ: МОНИТОРИНГ

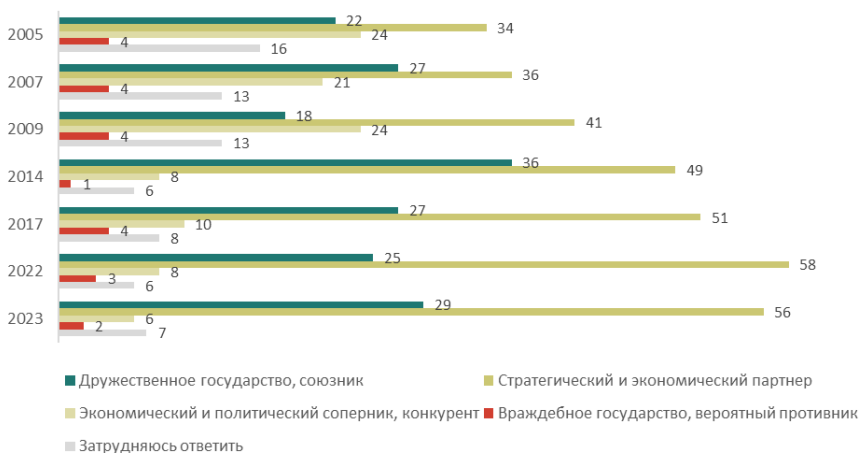
19 марта 2023 г.

Сближение с одной из ведущих мировых держав и сопровождающая его информационная повестка отражаются на общественном мнении. На сегодняшний день в ответах россиян о Китае преобладает позитив, а в ассоциативном ряде доминирует тема российско-китайских отношений. Самые частые ассоциации с Китаем: дружественная России страна (32%), наш партнер и союзник (21%), тогда как в 2007 и 2009 гг. россияне в первую очередь вспоминали китайские товары, ширпотреб и рынки (27% и 25% соответственно). Вторым по популярности ответом в те годы была сложившаяся демографическая ситуация в стране — «много народу» / «большая численность населения» (в 2007 г. — 18%, в 2009 г. — 17% vs. 5% в 2023 г.). В настоящее время у 11% россиян образ Китая связан с одной из крупнейших торговых площадок в мире — «Алиэкспресс» — и дешевыми товарами, 9% вспоминают его внутреннюю политику, порядок в стране. Среди других ответов — лидерство на международной арене (8%), экономическая и технологическая мощь Китая («высокие технологии» — 8%, «мировой лидер» — 8%, «быстро развивающаяся страна» — 7%, «промышленный центр» — 6%). Встречаются и негативные коннотации, однако в общем пуле ответов их доля невелика («нужно быть с ними аккуратнее», «делают в выгоду себе» — 9%, «захватывают наши земли на Дальнем Востоке» — 3%, «Китай хочет пользоваться нашими ресурсами» — 2%). Изменение личного отношения к Китаю за последний год отметил каждый четвертый россиянин (25%), в том числе 22% — в лучшую сторону, и только 3% — в худшую. Не изменилось за этот период восприятие соседнего государства у 71%.

Рис. 3. Как изменилось Ваше отношение к Китаю за последний год?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

**Рис. 4. Как Вам кажется, кем сегодня является для России Китай?
(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)**

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС РОССИИ: В БОРЬБЕ ЗА СУВЕРЕНИТЕТ

1 апреля 2023 г.

Говоря о внешней политике России, большинство наших сограждан отметили, что Россия сегодня отстаивает свои национальные интересы вне зависимости от того, нравится или не нравится это правительствам других стран (59 %). Этот вариант преобладает во всех социально-демографических группах. За 15 лет он стал звучать чаще в 1,8 раза (2008 г. — 33 %), что свидетельствует об укреплении в общественном мнении образа России как самостоятельного государства. На это указывает и тот факт, что сегодня наши соотечественники гораздо реже говорят о том, что Россия пытается отстаивать свои национальные интересы, но это не всегда получается (28 %), в 2008 г. так думала почти половина граждан страны (46 %). За этот период произошли значимые изменения в восприятии обществом роли России в мировой иерархии: на смену доминировавшей 15 лет назад идее о неуверенной внешней политике пришел образ сильного, независимого государства, способного отстаивать свои национальные интересы. Только 5 % сегодня считают, что Россия идет на поводу у правительств других стран.

Две трети россиян считают, что России следует вести независимую внешнюю политику, но не стремиться диктовать свои условия другим странам (67 %), в 2008 г. показатель был ниже на 13 п. п. (54 %). В старшей возрастной группе эту точку зрения разделяют 76 %. Позицию гегемонии России поддерживают 18 % наших сограждан (–6 п. п. к 2008 г.): по их мнению, России следует вести себя как великой державе и диктовать свою волю другим странам. Вариант «внешняя политика России может быть и несамостоятельной, если это не противоречит интересам ее граждан», выбирают 7 % опрошенных, в два раза чаще его отмечают молодые россияне 18—34 лет и активные потребители интернета (по 14 %). Только 2 % полагают, что внешняя политика России должна быть подчинена общемировым интересам, даже если затрагиваются национальные интересы. В целом за 15 лет россиянам стала ближе идея внешней политики, основанной на принципах взаимоважания, а не доминирования по отношению к другим странам.

Рис. 5. Как бы Вы охарактеризовали внешнюю политику, которую проводит сегодня Россия? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

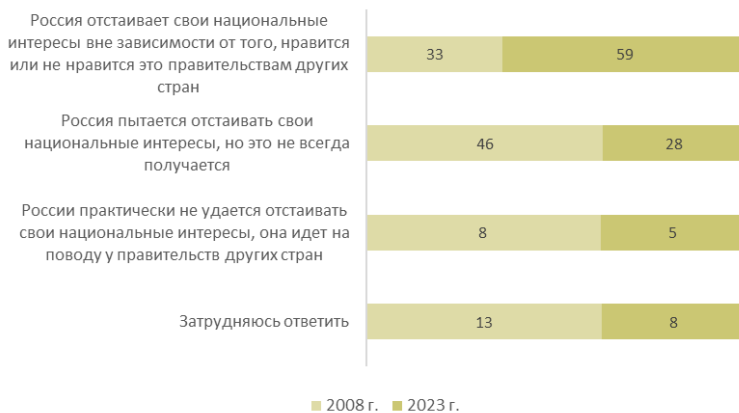

Рис. 6. Как Вы считаете, что бы Россия выиграла, если бы отказалась от самостоятельной внешней политики, действовала бы в русле, проложенном США и другими странами Запада? (открытый вопрос, до 3-х ответов, % от всех опрошенных, представлены варианты, набравшие более 2 %)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ОТКУДА ИСХОДИТ УГРОЗА МИРУ?	250
НЕЙРОСЕТИ И ЧЕЛОВЕК: НАЧАЛО ПУТИ	252
РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ: МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД	253

ОТКУДА ИСХОДИТ УГРОЗА МИРУ?²

17 марта 2023 г.

Из конкретных угроз планете на первое место россияне поставили загрязнение атмосферы, почвы и мирового океана (56 %). Второе место отводится вырубке лесов (47 %), замыкает тройку вариант «войны между народами и странами» (41 %). В топ-5 угроз вошли также образование отходов (33 %) и глобальные эпидемии новых и старых болезней (18 %). По-видимому, события последних лет, в частности пандемия коронавируса, оказали влияние на представления общества о глобальных вызовах и рисках. Активно обсуждаемые темы изменения климата и истощения ресурсов звучат в 16 % и 12 % случаев соответственно. Подавляющее большинство респондентов убеждены, что деятельность человека влияет на планету (96 %), при этом называют такое влияние значительным восемь из десяти (84 %). Обратной позиции придерживаются только 2 % наших соотечественников.

Рис. 1. Как Вы считаете, что из перечисленного в большей степени сегодня представляет угрозу нашей планете? (закрытый вопрос, до 3-х ответов, % от всех опрошенных)

² Опрос приурочен к Дню защиты Земли.

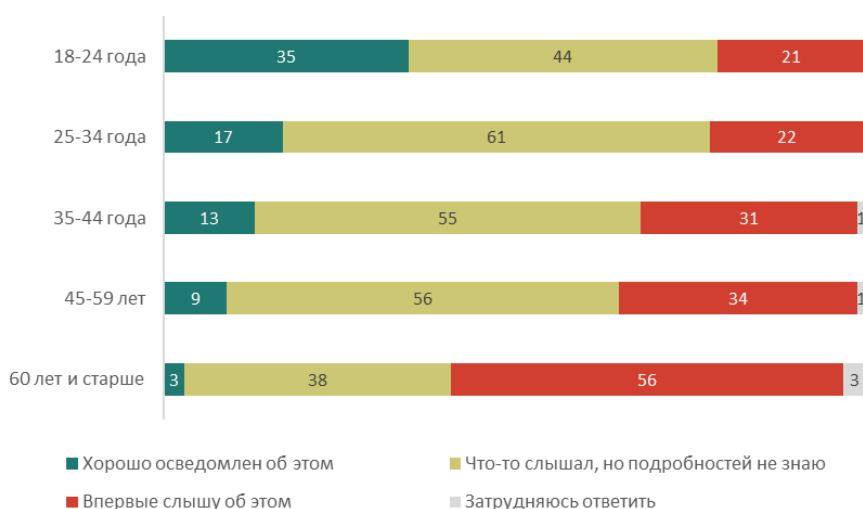
Говоря о том, что могут сделать обычные люди для защиты окружающей среды и сохранения планеты, россияне прежде всего назвали решение «мусорной» проблемы: 43% отметили необходимость убирать за собой, не бросать мусор, еще 24% предложили вариант «раздельный сбор и переработка отходов». О важности бережного отношения к природе заявили 14%; сохранить «зеленые легкие» планеты, беречь леса, не вырубать их предложили еще 9%. По 8% россиян видят возможность помочь планете в использовании экологичной упаковки, отказе от пластика и озеленении, высадке зеленых насаждений. О необходимости модернизации производств с целью снижения вредных выбросов и отходов говорят 7% респондентов, 6% сделали акцент на рациональном, осознанном потреблении. Из полученных результатов следует важный вывод: граждане готовы брать ответственность за охрану окружающей среды на себя, а не перекладывать ее на государство или бизнес.

НЕЙРОСЕТИ И ЧЕЛОВЕК: НАЧАЛО ПУТИ

2 апреля 2023 г.

В общей сложности о нейросетях сегодня знают 63% россиян, но 51% только что-то слышали о них, а хорошо разбираются в нейросетях, по собственным оценкам, 12% наших сограждан. Впервые услышали о нейросетях в ходе опроса 37%. Исследование показало, что в обществе преобладает нейтрально-положительное отношение к технологиям нейросетей: 40% относятся к ним нейтрально, 35% — положительно. Каждый пятый россиянин воспринимает подобные технологии отрицательно (20%). В большей степени отношение к нейросетям обусловлено тем, насколько хорошо опрошенные разбираются в этой теме. Вероятность того, что в ближайшие 50 лет такие технологии, как нейросети, могут выйти из-под контроля человека и произойдет так называемое восстание машин, оценивается россиянами скорее невысоко: 59% не верят, что подобное случится; каждый третий — верит (30%). Встречались лично с результатами работы нейросетей 28% россиян. Чаще всего россиянам попадались в интернете изображения или фотографии, созданные нейросетями, — 19%, на втором месте — сгенерированные тексты (5%), 4% встречали примеры использования нейросетей для написания учебных работ, по 2% назвали голосовых помощников, образы городов, поисковые программы, чат-боты, видеоролики и возможность создать с помощью нейросети фейки. Несмотря на многообещающие возможности нейросетей, 69% наших сограждан не верят, что подобные технологии способны взять на себя творческую работу и заменить, например, художников, журналистов, сценаристов. Обратную точку зрения разделяют 19%, однако среди тех, кто хорошо разбирается в этом вопросе, показатель достигает 37% (vs. 10% среди ничего не знающих о нейросетях).

Рис. 2. Скажите, пожалуйста, Вы знаете, что-то слышали или слышите сейчас впервые о нейронных сетях? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ: МУЖСКОЙ И ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД³

3—6 марта 2023 г.

В ходе опроса российским мужчинам было предложено поделиться своим пониманием мужского здоровья, женщинам — женского. Основной показатель мужского здоровья в представлениях опрошенных — отсутствие «мужских» заболеваний (импотенции, простатита и пр.). Респонденты оценили соответствие этого критерия их собственному пониманию мужского здоровья в среднем на 8,43 балла из возможных 10. По аналогии с мужским взглядом женское здоровье ассоциируется у россиянок с отсутствием «женских» заболеваний (молочницы, миомы и пр.) (8,64 балла). Второй показатель по числу набранных баллов — репродуктивное здоровье. Для мужчин — возможность зачатия ребенка (8,03 балла), для женщин — зачатие, вынашивание и рождение ребенка (8,54 балла). Реже с мужским и женским здоровьем ассоциируют возможность испытывать влечение и получать удовольствие от секса (для мужчин — 7,72 балла, для женщин — 7,47), а также физическое и психическое здоровье в целом (для мужчин — 7,39 балла, для женщин — 7,72). Несмотря на незначительные различия в восприятии здоровья, мужское чаще женского сводится к сексуальному здоровью. Физическая молодость и красота, судя по ответам, является наименее удачным определением мужского и женского здоровья (для мужчин — 6,28 балла, для женщин — 6,96). Меньше всего обе целевые группы заботит репродуктивное здоровье (в группе женщин — 6,84 балла, в группе мужчин — 6,42). Сравнительно низкая заинтересованность российских женщин в заботе о репродуктивном здоровье может быть обусловлена отсутствием у них каких-либо патологий. Более половины опрошенных женщин ответили, что не имеют ограничений, препятствующих естественной беременности (58 %).

Общая информированность о вспомогательных репродуктивных технологиях (далее — ВРТ) в обеих целевых аудиториях близка к абсолютной. Об искусственном оплодотворении (ЭКО и др.) в той или иной степени знают 98 % женщин и 97 % мужчин, о суррогатном материнстве — 97 % и 93 % соответственно, о замораживании яйцеклеток, сперматозоидов и/или эмбрионов — 94 % и 90 % соответственно. При этом в обеих гендерных группах преобладает фоновая информированность: среди женщин ее уровень колеблется в пределах от 68 % до 76 %, среди мужчин составляет 71 %–72 %. Мужчины и женщины с одинаковой готовностью допускают использование какой-либо ВРТ для зачатия и рождения своего ребенка. Если бы возникла такая потребность, к современным медицинским услугам прибегли бы 73 % мужчин и 71 % женщин. Не допускают использование ВРТ 17 % и 20 % соответственно. Неготовность воспользоваться вспомогательными репродуктивными технологиями мужчины и женщины объясняют по-разному. Мужчины аргументируют свою точку зрения в первую очередь нежеланием иметь детей (17 % в группе не допускающих ВРТ), противоестественностью подобного рода услуг (16 %) и религиозными ограничениями («религия не позволяет» — 11 %). В числе главных «женских» аргументов — наличие детей (13 % в группе не допускающих ВРТ), высокая стоимость подобных услуг (12 %), возможность взять ребенка из детского дома

³ Совместно с фармацевтической компанией «Гедеон Рихтер».

(11%), страх последствий (10%) и неизбежность событий в жизни («если беременности не случилось, значит, так и должно быть» — 10%). Что касается личного вклада в решение проблемы бесплодия, то его готов внести каждый второй опрошенный мужчина: 53% допускают возможность стать донором спермы, обратном заявил каждый третий (36%).

Рис. 3. **Знаете ли Вы о следующих вспомогательных репродуктивных технологиях? (Женщины)**

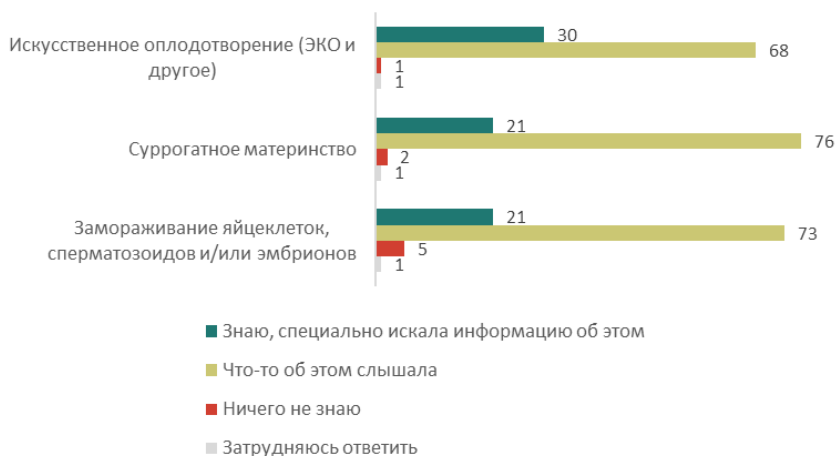

Рис. 4. **Знаете ли Вы о следующих вспомогательных репродуктивных технологиях? (Мужчины)**

ОБРАЗ ЖИЗНИ

СТАРЕНИЕ: ПРИНЯТЬ ИЛИ БОРОТЬСЯ?.....255

ПРАВОСЛАВНАЯ ПАСХА — 2023..... 257

СТАРЕНИЕ: ПРИНЯТЬ ИЛИ БОРОТЬСЯ?

12 февраля 2023 г.

Исследование показало, что россияне делятся на две практически равные группы по своему отношению к старению: 46 % считают, что с возрастными изменениями не надо бороться, так как это естественный процесс; 43 % убеждены, что необходимо прилагать усилия и бороться с возрастом, причем делать это нужно и мужчинам, и женщинам. Только 5 % отметили, что бороться с возрастом нужно преимущественно женщинам. Каждый второй россиянин предпринимает какие-либо меры для продления молодости и замедления возрастных изменений — 48 %, почти столько же ничего не делают для этого — 51 %. В числе тех, кто борется со старением, выше процент женщин (54 % vs. 40 % среди мужчин), граждан 45—59 лет (51 %) и тех, кто старше 60 лет (49 %). На стремление сохранить молодость влияют также уровень образования и медиапотребления: в аудитории с высшим образованием показатель достигает 59 %, а среди активных потребителей интернета — 51 % vs. 36 % в группе активных телезрителей. Среди россиян, которые ничего не делают для борьбы с возрастными изменениями, преобладают мужчины (58 % vs. 45 % среди женщин), россияне 18—24 лет (56 %), граждане со средним образованием (67 %), жители села (63 %) и активные телезрители (62 %).

Рис. 1. Одни люди стремятся замедлить возрастные изменения и продлить молодость, другие считают, что все должно идти своим чередом и старение — это естественно.

Как Вы считаете, с возрастными изменениями нужно бороться или нет?

И, если да, то мужчинам и женщинам в равной степени или одним больше, чем другим? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

Для сохранения молодости и борьбы с возрастными изменениями россияне прибегают к помощи спорта (56% в группе предпринимающих меры для борьбы со старением), правильного питания (29%) и уходовых процедур (27%). Здоровый образ жизни и закаливание называют 13%, по 11% указали на активный образ жизни, посещение врачей и прием БАДов и витаминов. Каждый десятый в этой группе в качестве борьбы за молодость назвал отказ от вредных привычек и прогулки на свежем воздухе (10%). То есть в большей степени сохранение молодости для россиян — это не косметика и крема, а активность и здоровье.

Рис. 2. Если говорить о Вас лично, то Вы предпринимаете или нет что-либо для продления молодости и замедления возрастных изменений? (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных)

ПРАВОСЛАВНАЯ ПАСХА — 2023

9 апреля 2023 г.

Пасха — широко отмечаемый в России христианский праздник, имеющий многовековые традиции. Для наших соотечественников Пасха входит в тройку наиболее важных праздников (29%), уступая только Новому году (58%) и Дню Победы (65%). За весь период наблюдений с 2006 г. показатель важности Пасхи для россиян оставался на примерно равном уровне, около 30%. Снижение до 25% пришлось на пандемийный 2021 г., когда массовые мероприятия, в том числе празднование Пасхи, были ограничены, но уже в прошлом году показатель вновь достиг 31%. Пасха играет большую роль в жизни православных россиян (37%), представители иных конфессий причисляют этот праздник к числу важных в два раза реже (17%), а еще реже — неверующие (3%). Празднование Пасхи остается для россиян культурно-исторической традицией предков (29%) и семейной традицией (24%). Православные россияне также относятся к Пасхе больше как к традиции — культурно-исторической (32%) и семейной (28%), священным обрядом называют ее 12%. Популярность праздника в современном российском обществе можно назвать высокой: планируют отмечать Пасху в этом году 83% россиян, за время наблюдений показатель оставался в диапазоне 84%—88%. Исключение составил 2021 г., когда действовали ковидные ограничения (64%). Среди православных россиян показатель достигает максимума — 94%, среди представителей других конфессий присоединиться к празднествам планируют 58%, среди неверующих примет участие в праздновании каждый второй (48%). В этом году каждый второй россиянин планирует приготовить к празднику куличи, яйца или пасху (54%), освящать их в церкви собираются 19%. Более трети отправятся в гости или будут принимать гостей у себя (38%), еще 17% в этот день хотят посетить кладбища, в меньшей степени оказались распространены практики дарения подарков (8%). Важной частью празднования Пасхи является торжественная храмовая служба, о намерении посетить всенощную заявили 6% россиян, среди православных россиян — 9%.

Рис. 3. Будете ли Вы праздновать Пасху? Если да, то как Вы собираетесь ее отмечать? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2357](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357)

Е. С. Вакуленко

ЭФФЕКТЫ ПЕРИОДА, ВОЗРАСТА И КОГОРТЫ В ДИНАМИКЕ РОЖДАЕМОСТИ РОССИЯН 1990—2021 гг.

Правильная ссылка на статью:

Вакуленко Е. С. Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990-2021 гг. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 258—281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357>.

For citation:

Vakulenko E. S. (2023) Effects of Period, Age and Cohort in the Dynamics of the Birth Rate in Russia in 1990-2021. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 258–281. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2357>. (In Russ.)

Получено: 25.12.2022. Принято к публикации: 17.02.2023.

ЭФФЕКТЫ ПЕРИОДА, ВОЗРАСТА И КОГОРТЫ В ДИНАМИКЕ РОЖДАЕМОСТИ РОССИЯН 1990-2021 ГГ.

ВАКУЛЕНКО Елена Сергеевна — доктор экономических наук, доцент, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: evakulenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6457-3196>

EFFECTS OF PERIOD, AGE AND COHORT IN THE DYNAMICS OF THE BIRTH RATE IN RUSSIA IN 1990-2021

Elena S. VAKULENKO¹ — Dr. of Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor
E-MAIL: evakulenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6457-3196>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В работе оценивается влияние эффектов возраста, периода и когорты на динамику рождаемости в России. Используются APC (age-period-cohort) модели на основе годовых макроданных о числе рожденных детей с привязкой к возрасту матери в 1990—2021 гг. Применяется ряд методов для решения проблемы идентификации обозначенных эффектов. Наиболее адекватные результаты получены с помощью подходов Intrinsic Estimator (IE) и прокси-переменных.

Abstract. This study estimates the influence of the age, period, and cohort effects on the dynamics of fertility in Russia. The study implements APC (age-period-cohort) models using annual macrodata on the number of children born by mothers of different age in 1990–2021. The author tests several methods to deal with the problem of identification in the APC models. The most adequate results are obtained using the Intrinsic Estimator (IE) and proxy variables approaches.

Результаты исследования показали, что возрастной эффект имеет обратную U-форму, где пик приходится на 21—24-летних матерей. Для анализа эффектов периода наиболее подходящей прокси-переменной, характеризующей экономическую флуктуацию в рассматриваемый период, оказалась цена на нефть. Корреляция между полученными оценками периода и суммарным коэффициентом рождаемости составила 0,66, что говорит о значимой связи рождаемости с происходящими каждый год событиями при контроле на эффекты возраста и когорты. При этом наиболее выраженная роль периода наблюдается в те годы, когда она усиливается когортным влиянием, как это произошло после ввода

The findings show that age has an inverse U-shape effect which reaches its maximum by 21-24 years. Oil price is the most adequate proxy variable to reflect economic fluctuations and reveal period effects in observed fertility. The correlation between the obtained estimates of the period effects and the total fertility rate is 0.66, which indicates a significant relationship between fertility and events occurring every year when controlling for the effects of age and cohort. At the same time, the greatest contribution of period effects is observed in those years when they are amplified by cohort ones, for example, after the introduction of the federal maternity capital program in 2007. However, despite the positive period effects, since 2014 the data shows a decline in the birth rate in Rus-

федеральной программы материнского капитала в 2007 г. Тем не менее, несмотря на положительное влияние периода, с 2014 г. мы наблюдаем снижение рождаемости в России, которое в большей степени объясняется когортными и возрастными эффектами.

Ключевые слова: APC модели, рождаемость, Россия, возраст деторождений, когорты

Благодарность. Автор благодарит коллегив исследовательской рабочей группы по экономико-математическому моделированию экономических процессов на факультете экономических наук НИУ ВШЭ за ценные комментарии и замечания и лично Е. С. Митрофанову за обсуждения результатов на начальной стадии исследования.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00952 «Исследование динамики рождаемости в России: эконометрический подход» <https://rscf.ru/project/22-28-00952/>.

Введение

С 1990 г. динамика количества рожденных детей в России была разнонаправленной: периоды спадов в 1990-е годы сменялись периодами роста в начале 2000-х и снова падением после 2015 г. Причин такой ситуации множество, но при объяснении флуктуаций показателей рождаемости одним из важнейших факторов является возраст матери на момент рождения ребенка. Он влияет на репродуктивные, физические и физиологические условия, так же как период и когорта, связанные с социально-экономическими условиями, историческими событиями. Цель данного исследования — разделение влияния на динамику рождаемости трех эффектов — возраста, периода и когорты — с помощью моделей APC (age-period-cohort). *Эффектом возраста* называют сдвиги календарей деторождений (например, откладывание рождений всех порядков, происходящее вследствие второго демографического перехода [Van de Kaa, 1987; Lesthaeghe, 1991]). *Эффект когорты* учитывает социальные и институциональные характеристики, присутствующие матерям, рожденным в одно и то же время, а также изменение репродуктив-

sia, which is largely due to cohort and age effects.

Keywords: APC models, fertility, Russia, age of childbearing, cohorts

Acknowledgments. The author thanks colleagues of the research working group on economic and mathematical modeling of economic processes at the Faculty of Economic Sciences, HSE University for valuable comments and remarks, and personally E. S. Mitrofanova for discussing the results at the initial stage of the study.

The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 22-28-00952 “Study of the dynamics of fertility in Russia: an econometric approach”, <https://rscf.ru/project/22-28-00952/>.

ных установок поколений, выросших после распада СССР. *Эффект периода* — это макроэффекты, которые влияют на всех рожениц в конкретном году, например, экономические кризисы, пандемия, государственные программы поддержки материнства. Данный подход широко известен в демографии, социологии и смежных науках и зарекомендовал себя как один из наиболее надежных методов для разложения процессов на отдельные компоненты. Тем не менее при реализации этого подхода исследователи встречаются с большим количеством методологических трудностей. В частности, разработка инструментальных решений проблемы идентификации эффектов возраста, периода и когорты, предлагающих их четкое разделение без перекрестного влияния друг на друга, обсуждается с 1970-х годов, но пока не найдено однозначного убедительного решения [Fosse, Winship, 2019].

Основная сложность, возникающая на пути к поставленной цели, заключается в том, что все три эффекта воздействуют на каждого человека одновременно и очень трудно разделить их влияние так, чтобы в объясняющих факторах не было эффектов других компонент. В данной работе мы стремимся ответить на следующие вопросы:

1) каковы эффекты возраста, периода и когорты в наблюдаемой динамике рождаемости в России?

2) связаны ли эффекты периода с экономическими кризисами и с введением государственной программы материнского капитала в 2007 году?

3) каким когортам свойственна более высокая рождаемость?

4) на какой возраст женщин приходится пик возрастных эффектов?

Мы используем годовые макроданные о деторождениях по возрастам женщин за 1990—2021 гг. Для решения проблемы идентификации в APC моделях пришлось применить несколько методов: метод введения ограничений на параметры в явном виде (*explicit constraints*); подход, основанный на методе главных компонент (*intrinsic estimator*)¹; и метод прокси-переменных (*proxy variables*). Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. Если первые два подхода не говорят о причинно-следственных связях и механически разделяют изучаемые эффекты в APC моделях, то последний, наоборот, показывает механизмы, которые приводят к тем или иным последствиям. Однако последний подход чувствителен к выбору прокси-переменных.

Результаты работы показали, что наибольшей объясняющей силой обладают модели, в которых возраст, период и когорта включаются одновременно, а не по отдельности. Мы оценили вклад каждого из эффектов в динамику рождаемости за последние 30 лет и выявили, что когортный эффект оказывал максимальное влияние, когда усиливался периодным, например, такая картина наблюдалась в первые годы после введения программы материнского капитала в 2007 г. Одновременно отрицательные эффекты когорты и периода и резкое снижение рождаемости зафиксированы в 1990-е годы, в периоды высокой экономической нестабильности. Влияние тенденций второго демографического перехода,

¹ В русскоязычной литературе не найдено переводов двух подходов: *explicit constraints* и *intrinsic estimator*. Авторы прибегают к англоязычным терминам, далее по тексту будут использоваться именно они. Для ввода в оборот этих терминов в русскоязычную литературу предлагаем *explicit constraints* перевести как подход явных ограничений, а *intrinsic estimator* — подход внутренних оценок.

в частности изменение возраста матерей и календаря рождений, ярче всего отразилось на рождаемости после 2010 г., когда в репродуктивный возраст стали входить малочисленные когорты, рожденные в 1990-е, имеющие меньшее количество братьев и сестер и новые репродуктивные установки.

Новизна данной работы состоит в применении различных подходов к оценке моделей APC, в том числе тех, которые позволяют решить проблему причинно-следственных связей (методы прокси-переменных). Вклад работы в существующую литературу состоит в предложенных прокси-переменных, которые позволяют разделить эффекты возраста, периода и когорты в наблюдаемой динамике рождаемости. Таким образом, представленная работа позволила не только выявить механизмы изменения рождаемости в России, но и расширила дискуссию о моделях APC.

Статья имеет следующую структуру: после обзора литературы, где обсуждаются эффекты возраста, периода и когорты и их оценки для разных стран, следует раздел с описанием исследуемых данных, обсуждаются возможные причины наблюдаемой динамики показателей рождаемости. Затем идет раздел методологии с описанием моделей APC и подходов к решению проблемы идентификации, которые применялись в данной работе. Далее представлен анализ полученных результатов, где в отдельном разделе обсуждаются моменты, связанные с подбором прокси-переменной для одного из походов. Завершают статью выводы и обсуждение ограничений исследования, которые стоит принимать во внимание при интерпретации результатов, и описание дальнейших шагов в работе по этой теме.

Обзор литературы

Практически во всех развитых странах с 1950-х годов наблюдается снижение рождаемости [Reher, 2011; Резер, 2015]². В качестве причин такой динамики называются:

1) экономические кризисы [Adler, 1997; Kharkova, Andreev, 2000; Kohler, Kohler, 2002; Kohlmann, Zuev, 2001];

2) долговременные изменения, происходящие под действием второго демографического перехода [Conrad, Lechner, Werner, 1996; Frejka, Zakharov, 2013; Zakharov, Ivanova, 1996], когда женщины отдают предпочтение достижению карьерных целей и успешности на рынке труда за счет переноса рождения ребенка на все более поздний срок, тем самым общее количество детей также может снижаться из-за существующих физиологических дедлайнов;

3) иные факторы, связанные с социальной и демографической политикой, региональными и культурными особенностями [Frejka, 2008].

Связь рождаемости с экономическими кризисами неоднозначная. В работах Г. Беккера теоретически обосновывается, что дети имеют стоимость, которая варьируется и имеет различную объективную и субъективную ценность для родителей в зависимости от экономических условий [Becker, 1960]. В литературе выделяются несколько направлений связи:

² Коэффициент суммарной рождаемости, 1950—2019 в странах мира // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/world_tfr.php (дата обращения: 27.01.2023).

— Прямая, или проциклическая, связь [Galbraith, Thomas, 1941; Lee, 1990; Masunovich, 1996; Silver, 1965; Sobotka, Skirbekk, Philipov, 2011] предполагает, что в периоды кризисов рождаемость снижается вследствие роста неопределенности, негативных ожиданий относительно будущих доходов, растущих расходов на содержание детей.

— Обратная, или ациклическая связь [Butz, Ward, 1979], наоборот, предполагает рост рождаемости в периоды кризисов, так как в это время растет безработица, снижается заработная плата и, как результат, снижается альтернативная стоимость детей [Becker, 1960].

В работе [Wrong, 1958] делается вывод, что направление связи между кризисами и показателями рождаемости определяется стадией развития общества. В бедных странах, как правило, наблюдается ациклическая связь.

Одной из задач инструментальных методов, в частности моделей APC, как раз и является декомпозиция наблюдаемой динамики рождаемости на эффекты возраста, периода и когорты, то есть выявление причин такой динамики. Рассмотрим некоторые примеры применения данного подхода в литературе. Как уже говорилось ранее, основная сложность при оценивании APC моделей — проблема идентификации. Будем обращать особое внимание на то, как ее решают авторы работ. Подробнее сами методы рассмотрим в разделе методологии.

В работе [Кве, 2012] применяются APC модели для анализа рождаемости в Южной Корее. В результате автор приходит к выводу, что падение рождаемости связано с эффектом периода, а не когорты. Для решения проблемы идентификации в этой статье применялись методы введения ограничений на параметры в явном виде (explicit constraints) и подход, основанный на методе главных компонент (intrinsic estimator), которые будут описаны ниже. Подход intrinsic estimator для APC моделей также применялся для анализа рождаемости в Китае [Lan, Kuang, 2021]. Найдена обратная U-форма (парабола ветвями вниз) для возрастного эффекта с пиком для 20—24 и 25—29 лет, а также U-зависимость для эффекта периода. Когортный эффект имел обратную U-форму, а затем V-форму для более старших рассматриваемых когорт. Авторы отмечают, что отрицательный эффект периода, связанный с демографической политикой ограничения рождаемости, внес свой вклад в наблюдаемое снижение рождаемости в Китае. Также авторы показывают усиление эффекта периода в результате смягчений ограничительной политики.

Сравнение роли возраста, периода и когорты в США и Японии проводилось в работе [Fukuda, 2008] на основе байесовских когортных моделей. В обеих странах наибольшее влияние оказывает эффект возраста, который также имеет обратную U-форму. В Японии, несмотря на растущий с 1990 г. эффект периода, связанный с экономическим ростом, наблюдается нисходящий тренд рождаемости.

Когортные эффекты поколений послевоенного бэби-бума в США изучались в работах [Easterlin, 1961, 1978], где делается вывод, что малочисленные когорты имеют конкурентное преимущество на рынке труда и это облегчает им возможности для самореализации по сравнению с другими поколениями. В результате эти поколения демонстрируют лучшие показатели брачности и рождаемости. При этом в рассматриваемый период очень сложно отделить влияние когортного эффекта от экономического роста, то есть эффекта периода.

К. Заман и соавторы исследовали страны с низкой фертильностью. Они изучили изменения в трендах рождаемости первых, вторых, третьих и более высоких порядков детей в 32 странах (Европе, Северной Америке, Австралии, Восточной Азии и др.) и пришли к выводу о значимых различиях между странами, когортами женщин и порядками рожденных детей [Zaman et al., 2018].

APC модели для анализа фактической рождаемости и желаемого количества детей на Тайване оценивались в статье [Tzeng et al., 2019], в которой применялся *median polish analysis*³. Однако авторы отмечают, что при таком подходе он определяется как мультипликативное взаимодействие между возрастом и периодом, а это не позволяет их отделить.

В работе [Frantsuz, Ponarin, 2020] изучается влияние социополитической нестабильности на рождаемость для советской и постсоветской России. Авторы утверждают, что более высокие коэффициенты рождаемости могут отражать усилия людей по уменьшению неопределенности в периоды более высокой нестабильности. Полученные оценки APC моделей на данных 1959—1998 гг. подтверждают это предположение. Однако в этой работе для решения проблемы идентификации авторы применили один из самых дискутируемых подходов (*explicit constraints*), введя ограничения на равенство коэффициентов для когорт и части периодов. В статье не производилась перепараметризация параметров⁴, что делает их оценки зависимыми от выбора базовой группы. Гипотезы о связи между периодами неопределенности и эффектами периода в динамике рождаемости проверялись на основании сравнения коэффициентов без применения статистических критериев.

Практически во всех приведенных работах авторы отмечают ограничения применяемых ими методов, которые не позволяют в полной мере решить поставленные задачи по идентификации APC эффектов. Обобщая все сказанное, в основном для возраста наблюдается обратная U-связь, а динамика отдельных эффектов может не совпадать с трендами рождаемости. В частности, демографическая политика и благоприятная экономическая обстановка (эффекты периода) не решают проблему снижающихся трендов рождаемости в большинстве развитых стран. Нам не удалось найти работ по оценке APC моделей на современных данных для России. Постараемся восполнить этот пробел, применив различные инструментальные решения.

Данные

Чтобы проанализировать динамику рождаемости в России и выделить три интересующих нас эффекта, мы используем годовые данные за 1990—2021 гг. о количестве рожденных детей по возрасту матери, которые будут корректироваться на число женщин соответствующего возраста. Это так называемый *возрастной коэффициент рождаемости*. Источником этих данных служат *Human Fertility Database*⁵ и Росстат⁶.

³ В русскоязычной литературе не найдено перевода.

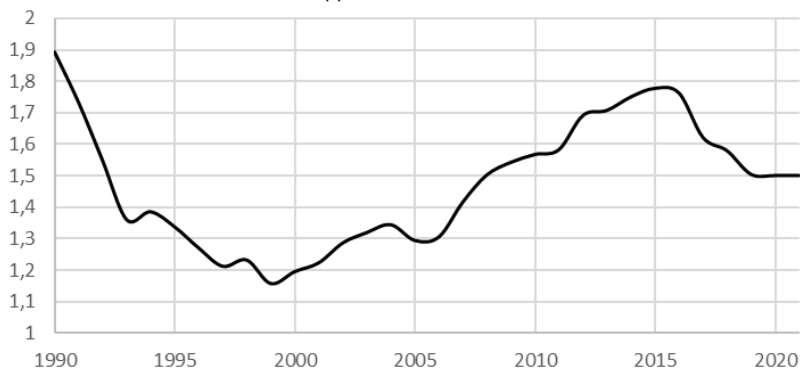
⁴ Подробнее об этом сказано в разделе методологии, уравнение (3).

⁵ Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/country.php?country=RUS&tab=si> (дата обращения: 26.10.2022)

⁶ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 26.10.2022)

На рисунке 1 представлена динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР)⁷, который показывает, что начиная с момента распада СССР рождаемость в России снижалась вплоть до начала 2000-х годов (с 1,892 до 1,157). Это падение в литературе [Kharkova, Andreev, 2000; Захаров, Фрейка, 2014; Петрякова, 2016] связывают с периодом экономической нестабильности и неопределенности, а также приходом к репродуктивным возрастам малочисленного поколения 1970-х годов (дети «детей войны»). Рост рождаемости с 2000 по 2007 г. объясняется ростом цен на нефть, увеличением ВВП, снижением безработицы. Кроме того, к этому времени к репродуктивным возрастам подошла многочисленная когорта 1980-х годов (дети «детей эби-бума»). Восходящий тренд сохранялся с 2008 по 2014 г. В 2007 г. в России стартовала федеральная программа материнского капитала на второго ребенка и одновременно с этим в 2008—2009 гг. произошел экономический кризис, хотя экономика после него довольно быстро восстановилась. В 2011 г. в ряде регионов стартовали региональные программы материнского капитала, которые в основном были ориентированы на третьих детей. Эти программы также имели положительный эффект в регионах России [Вакуленко, Ивашина, Свистильник, 2023]. В 2015 г. СКР вырос до 1,777, но после этого сократился до 1,5 в 2021 г. Виной тому кризис 2014 г., падение цен на нефть, санкции в отношении России, пандемия COVID-19, а также приход малочисленной когорты 1990-х годов к репродуктивным возрастам. Мы видим, что негативная динамика продолжается даже несмотря на введение значимой индексации федерального материнского капитала в 2020 г., а также введение материнского капитала на первого ребенка в 2021 г.

Рис. 1. Динамика СКР в России

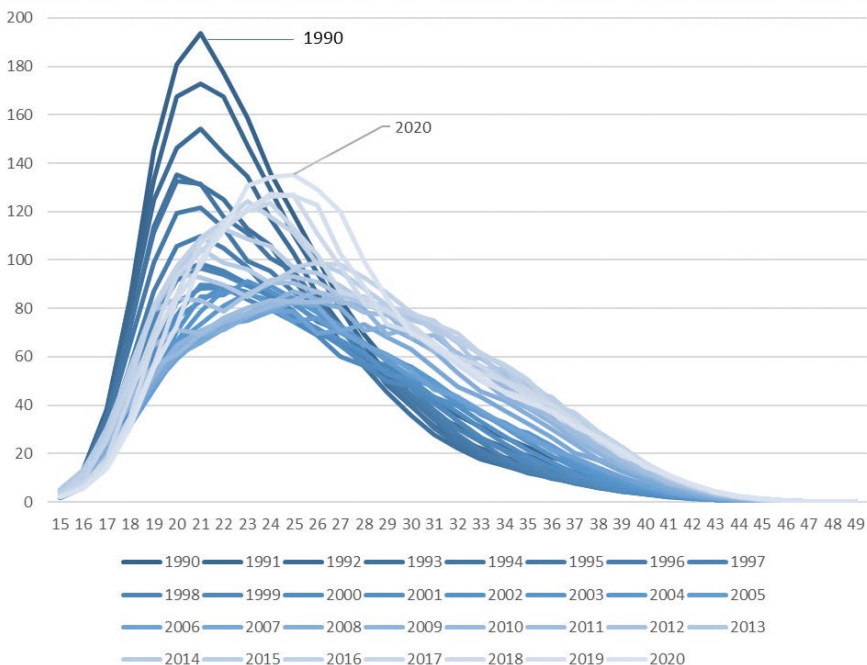
Источник: Росстат.

На рисунке 2 показаны возрастные коэффициенты рождаемости (среднее число деторождений за год на 1000 женщин данного возраста). Градации цвета (от бо-

⁷ Суммарный коэффициент рождаемости — это коэффициент, который показывает, сколько в среднем родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода (от 15 до 50 лет) при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычисляется показатель независимо от смертности и от изменений возрастного состава.

лее темного к более светлому) показывают переход от 1990 к 2020 г. Пик возрастных коэффициентов смещается вправо к старшим возрастам, и кривые становятся более пологими, что говорит о распределении деторождений в течение более широкого интервала, а не о концентрации вокруг молодых возрастов, как это было в начале 1990-х годов. Данная динамика демонстрирует наличие изменений в возрастной модели рождаемости и предполагает наличие возрастных и когортных эффектов.

Рис. 2. Возрастные коэффициенты рождаемости (плодовитости) по годам

Примечание: среднее число деторождений за год на 1000 женщин данного возраста.

Источник данных: The Human Fertility Database. Расчеты автора.

Методология

Базовая age-period-cohort (APC) модель, разделяющая эффекты возраста, периода и когорты, выглядит следующим образом [Yang, Land, 2013]:

$$Y_{it}/P_{it} = \mu + \alpha_i + \pi_k + \gamma_t + \epsilon_{it}, \quad (1)$$

где Y_{it} — суммарное количество рожденных детей у матерей возраста i , в период времени t , P_{it} — численность женщин возраста i в период t , μ — константа модели, α_i — эффект возраста, π_k — эффекта когорты, γ_t — эффект периода, а ϵ_{it} — случайная ошибка регрессии. По предположению: $E(\epsilon_{it}) = 0$, $\text{Var}(\epsilon_{it}) = \sigma^2$. APC модель оценивают либо с помощью метода наименьших квадратов, либо с помощью ме-

тогда максимального правдоподобия, если предполагается, что количество рожденных детей подчиняется пуассоновскому процессу. Эффекты возраста, периода и когорты обычно включаются в модель как набор дамми переменных для трех категорий: возраст матерей, год их рождения (когорты) и год рождения детей (период). Здесь возникает ключевая проблема при оценивании данной модели, которая заключается в линейной связи между включенными переменными, а именно: возраст = период – когорта. Данная проблема идентификации обсуждается в литературе с 1970-х годов, но однозначное решение не предложено и по сей день. В статье [Fosse, Winship, 2019] приведен критический обзор методов, предлагающих решение проблемы идентификации в APC моделях.

Как правило, в работах рассматривают логлинейную форму (2) и перепараметризацию с ограничением на коэффициенты (3):

$$\ln(E_{it}) = \ln(P_{it}) + \mu + \alpha_i + \pi_k + \gamma_t, \quad (2)$$

$$\sum_i \alpha_i = \sum_k \pi_k = \sum_t \gamma_t = 0, \quad (3)$$

где E_{it} — это ожидаемое количество рожденных детей для пуассоновского процесса. Нормировка (3) дает возможность интерпретировать коэффициенты модели (2) как отклонения от среднего значения. Например, коэффициент при дамми переменной на определенный период показывает, насколько среднее значение зависимой переменной для данного периода отличается от среднего значения по всем периодам при прочих равных условиях, которые определяются контрольными переменными в модели (2).

В представляемом исследовании на данных о рождении детей по возрасту матери в России с 1990 по 2021 г. мы оцениваем APC модели с применением различных методов решения проблемы идентификации, сравниваем результаты и проводим их критическое обсуждение. В частности, в данной работе применялись:

1) *Метод введения ограничений на параметры в явном виде (explicit constraints)* [Mason et al., 1973]: удаление одного из эффектов (группы дамми переменных) из моделей, ограничения в виде равенства коэффициентов для ближайших групп дамми переменных. Данный метод имеет ряд недостатков, в частности связанных с выбором ограничений на параметры и чувствительностью результатов к ним. Неверно выбранные ограничения приводят к существенным смещениям оценок коэффициентов [Yang, Land, 2013].

2) *Механическое введение ограничений на параметры модели (intrinsic Estimator (IE))* [Yang et al., 2004]: этот подход основан на методе главных компонент. Составляется матрица дамми переменных на эффекты X и находятся ненулевые собственные числа и собственные вектора матрицы $X'X$. Далее оценивается модель (2) с главными компонентами (вместо дамми переменных на эффекты) и пересчитываются полученные оценки коэффициентов в оценки коэффициентов для параметров α_i , π_k , γ_t . Преимущество подхода заключается в том, что разделение эффектов происходит механически, без субъективного вмешательства исследователя. Однако такое разделение трудно назвать казуальным.

3) *Метод прокси-переменных (proxy variables)*: замена эффектов одной и/или нескольких компонент на схожую по смыслу переменную. В частности, в нашем

случае для оценки эффекта периода мы применяли переменные, которые наилучшим образом показывают экономическую конъюнктуру в России (подробнее об этом в следующем разделе). Для эффекта когорты в качестве прокси-переменной рассматривалась численность когорты, то есть численность женщин, родившихся в определенный год.

4) *Подход, основанный на механизмах взаимодействия между переменными (mechanism-based approaches)* [Pearl, 2000; Winship, Harding, 2008]: в отличие от предыдущего случая здесь предполагается, что может быть не один механизм появления отделяемого эффекта, а целая схема связей, которая может быть более сложной, в том числе многоступенчатой. На данный момент мы только сделали первые шаги в этом направлении. В текущей работе они не рассматриваются.

Каждый из перечисленных методов имеет свои преимущества и недостатки. Если первые два подхода не говорят о причинно-следственных связях и механически разделяют эффекты в APC моделях, то последние два, наоборот, показывают механизмы, которые приводят к тем или иным эффектам. Однако данные подходы чувствительны к выбору механизмов или прокси-переменных, а также предлагаемой схеме взаимодействий. Кроме того, метод прокси-переменных предполагает, что мы учитываем только один из возможных эффектов, например, если включаем только экономические переменные в эффект периода, но при этом там могут быть и иные причины. Поэтому в данной работе было принято решение применить различные подходы для решения проблемы идентификации.

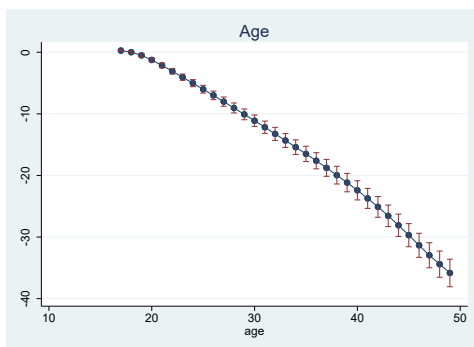
Стоит отметить, что есть и другие методы, позволяющие идентифицировать эффекты, например, иерархические процедуры APC (HAPC) [Yang, Land, 2008], design-based подход, основанный на методе «разность разностей» [Dinas, Stoker, 2014].

Анализ результатов

Ниже будут представлены результаты применения трех методов решения проблемы идентификации в моделях APC. Начнем рассмотрение с подхода *explicit constraints*. Сравнение моделей на основании информационных критериев Акаике и Шварца показало, что исключение одного из эффектов (как решение проблемы идентификации) качественно ухудшает модель. Поэтому далее были предприняты попытки решить эту проблему с помощью ограничений на равенство для коэффициентов крайних групп (ближайших дамми переменных). На рисунках 3а—3с представлены эффекты возраста, периода и когорты соответственно в логарифмической шкале. Изображен случай, когда задавалось ограничение на равенство эффектов для возраста 16 и 17 лет. Аналогичные конфигурации графиков наблюдались в ограничениях на крайние старшие возраста, а также при подобных ограничениях для дамми переменных на когорты и период.

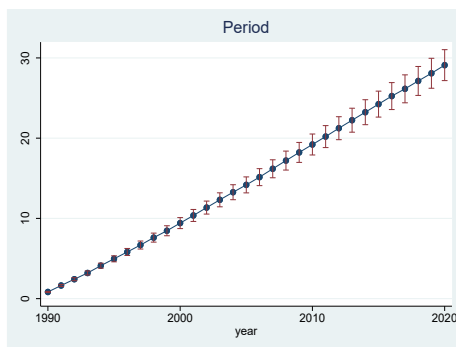
Рисунки 3а—3с демонстрируют неадекватность подхода *explicit constraints* для исследуемой задачи, поскольку полученные эффекты возраста, периода и когорты имеют линейно-связанные тренды, у которых нет ничего общего с наблюдаемой динамикой показателей рождаемости. Здесь можно пробовать перебирать другие ограничения, но, как уже говорилось выше, слабость этого подхода как раз и заключается в чувствительности к выбору ограничений на параметры моделей.

Рис. 3а. Эффект возраста в модели APC
в подходе explicit constraints

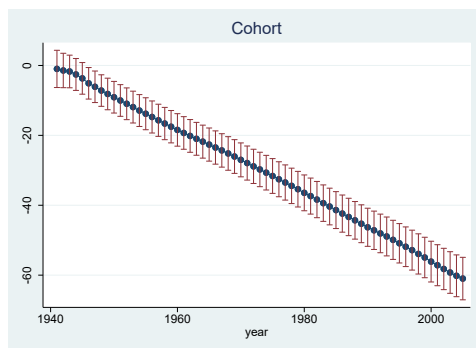
Примечание: по горизонтали указан возраст матери при рождении ребенка. Вертикальные линии на графике показывают 95-процентный доверительный интервал.

Рис. 3б. Эффект периода в модели APC
в подходе explicit constraints

Примечание: по горизонтали указан год рождения ребенка. Вертикальные линии на графике показывают 95-процентный доверительный интервал.

Рис. 3с. Эффект когорты в модели APC
в подходе explicit constraints

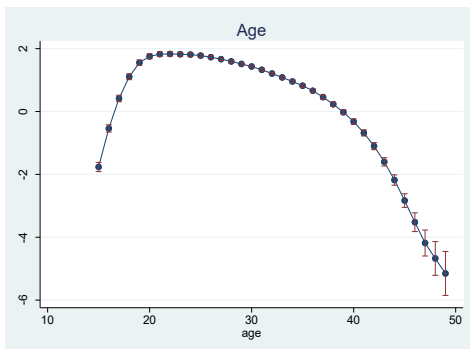

Примечание: по горизонтали указан год рождения матери. Вертикальные линии на графике показывают 95-процентный доверительный интервал.

Источник: расчеты автора.

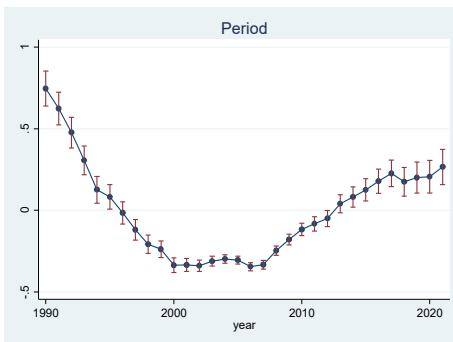
На рисунках 4а—4с представлены результаты оценки эффектов возраста, периода и когорты (в логарифмической шкале) для модели APC (2), полученные с помощью подхода *Intrinsic Estimator*. Эффекты возраста (см. рис. 4а) имеют обратную U-форму (парабола ветвями вниз) от возраста матери при рождении ребенка. Пик возрастного эффекта приходится на 21—24 года. Это означает, что именно в этом возрасте вклад в наблюдаемую рождаемость наибольший, но уменьшается с каждым годом. Причем скорость уменьшения вклада возрастает после 32 лет. Положительный эффект возраста характерен для 17—38 лет. Заметим, что включение количественной переменной возраста матери и возраста в квадрате для моделирования нелинейной связи с количеством рожденных детей будет менее подходящей аппроксимацией, так как динамика изменений эффекта до пика и после значительно различаются.

Рис. 4а. Эффект возраста в модели APC в подходе intrinsic estimator

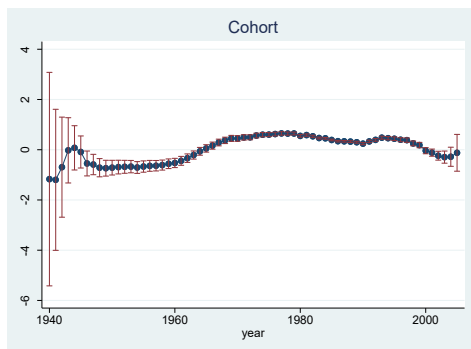
Примечание: по горизонтали указан возраст матери при рождении ребенка. Вертикальные линии на графике показывают 95-процентный доверительный интервал.

Рис. 4б. Эффект периода в модели APC в подходе intrinsic estimator

Примечание: по горизонтали указан год рождения ребенка. Вертикальные линии на графике показывают 95-процентный доверительный интервал.

Рис. 4с. Эффект когорты в модели APC в подходе intrinsic estimator

Примечание: по горизонтали указан год рождения матери. Вертикальные линии на графике показывают 95-процентный доверительный интервал.

Источник: расчеты автора.

Эффекты периода (см. рис. 4б) имеют схожую динамику с показателем СКР, корреляция между ними составляет 0,66. Это говорит о том, что в наблюдаемой динамике рождаемости значимая доля приходится на происходящие каждый год события при контроле на эффекты возраста и когорты. До 2000 г. эффект периода резко снижался вплоть до отрицательных значений. С начала 2000-х годов до 2007 г. эффект периода был практически постоянным, а затем начал расти до 2017 г., после чего произошло снижение и эффект периода практически не менялся. В 2017 г. эффект периода составил 0,22, то есть на $(\exp^{0,22} - 1) \times 100\% \approx 25,5\%$ женщины родили больше детей, чем в среднем за рассматриваемый период при прочих равных. Рост после 2007 г. может быть объяснен вводом федеральной программы материнского капитала на второго ребенка, которая, несмотря на экономический кризис 2008—2009 гг., имела положительный эффект на рождаемость.

По оценкам Дж. Голдстоуна и соавторов, «СКР по вторым и последующим рождениям в 2012 г. был приблизительно на 44 % больше, чем если бы мер государственной помощи семьям с детьми не было» [Голдстоун и др., 2015: 40]. По мнению авторов, этот рост может быть также объяснен отказом от абортс среди беременных вторыми детьми. Мы не видим резкого снижения в следующий кризис — 2014 г., можно считать его отложенными последствиями, вызвавшим дальнейшее снижение эффектов периода⁸. Несмотря на положительный эффект периода в последние годы, мы наблюдаем негативную динамику рождаемости, и это объясняется в том числе приходом к репродуктивным возрастам малочисленных когорт.

Эффекты когорты (см. рис. 4с) демонстрируют высокий вклад в динамику показателей рождаемости когорт 1940-х, 1970-х, 1990-х годов рождения, что совпадает с численностью данных когорт. В эти периоды наблюдался спад рождаемости, то есть малочисленные когорты вносят наиболее значимые эффекты в наблюдаемую динамику СКР. Ранее подобное отмечалось для малочисленных когорт в США [Easterlin, 1961, 1978].

Подбор прокси-переменной: связь рождаемости с экономическими циклами

Так как для идентификации эффектов в АРС моделях недостаточно использовать механические способы решения проблемы, необходимо прибегать к другим методам, в частности подходу прокси-переменной. Чтобы отделить эффект когорты, чаще всего берут численность женщин по репродуктивным возрастам в каждый рассматриваемый период времени, то есть размеры когорт. В нашей модели (2) это учтено с помощью переменной $\ln P$. Для учета экономических флуктуаций в модели, как правило, используют показатели: ВВП [Sobotka, Skirbekk, Philipov, 2011; Kohler, Kohler, 2002; Buckles, Hungerman, Lugauer, 2021 и др.]; уровень безработицы и занятость [Macunovich, 1996; Örsal, Goldstein, 2010; Pampel, 2010; Engelhardt, Kögel, Prskawetz, 2004 и др.]; площадь жилья на душу населения [Бобков, 2011]. Например, в работе [Buckles, Hungerman, Lugauer, 2021], была получена обратная связь по Гренджеру от количества зачатий к темпам роста ВВП в США. Количество зачатий оказалось опережающей переменной по отношению к ВВП.

В данной работе в качестве переменных, характеризующих экономические циклы, мы рассматривали показатели рынка труда (уровень безработицы и реальную заработную плату), а также совокупный показатель общего экономического благосостояния — индекс физических объемов ВВП. Однако для стран с высокой долей доходов в ВВП от экспорта нефти и газа характерна высокая зависимость экономики страны от цен на энергоносители. Поэтому было принято решение рассмотреть цены на нефть марки Brent (в долларах за баррель) как прокси для экономических кризисов.

На рисунках 5—7 представлена взаимосвязь между динамикой СКР и некоторыми из перечисленных выше показателей. На первый взгляд можно заметить отрицательную корреляцию между СКР и уровнем безработицы (см. рис. 5), положительную корреляцию между темпами роста СКР и темпами роста ВВП (с годовым лагом), а также с темпом роста цен на нефть (с лагом в два года)⁹.

⁸ Далее будет показано, что рождаемость реагирует на экономические кризисы с лагом.

⁹ Для демонстрации связи темпов роста СКР с темпами роста экономических показателей взяты лаги экономических показателей, для которых корреляция с СКР оказалась наибольшей.

Рис. 5. Динамика СКР и уровня безработицы по методологии МОТ (%) в России

Рис. 6. Динамика темпов роста СКР и темпов роста ВВП (с годовым лагом) в России

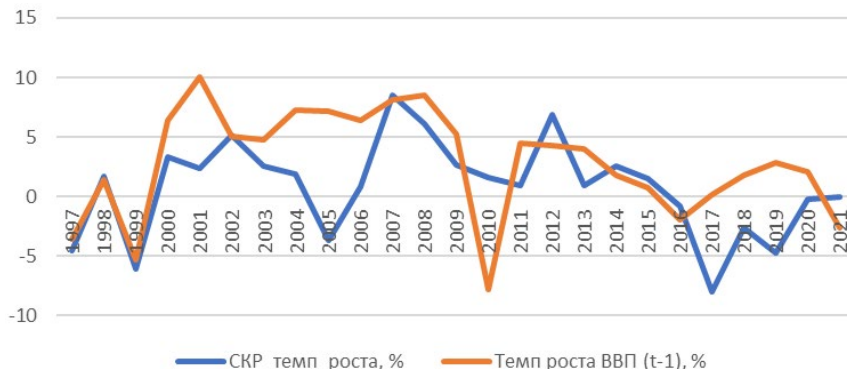

Рис. 7. Динамика темпов роста СКР и темпов роста цен на нефть в долларах за баррель (с двухгодичным лагом) в России

Рассмотрим модель регрессии для взаимосвязи между темпами прироста СКР и темпами прироста отдельно каждого из экономических факторов, рассмотренных выше, на годовых данных:

$$\text{grogd}_t = \alpha + \sum_{j=1}^m \beta_j \text{g}X_{t-j} + \varepsilon_t, \quad (4)$$

где grogd — это темп прироста СКР в год t ; $\text{g}X$ — темп прироста экономических факторов (уровень безработицы, цены на нефть, реальные заработные платы, индекс физических объемов ВВП), которые включаются в модель по отдельности. Модель (4) представляет собой аналог модели Оукена [Окин, 1962] для связи между изменениями уровня безработицы и темпами экономического роста. Экономические показатели включаются в модель с лагом от 1 до m , поскольку от момента принятия решения о рождении ребенка до его рождения в среднем проходит 1 год. На основании информационных критериев Акаике и Шварца максимальное рассматриваемое нами запаздывание равно четырем годовым лагам. В таблице 1 представлены результаты оценивания модели (4) для попарных взаимосвязей между рождаемостью и экономическими показателями. В представленных моделях не обнаружена автокорреляция вплоть до четвертого порядка и условная гетероскедастичность. Наибольшее значение скорректированного R^2 — для модели с ценой на нефть в качестве объясняющей переменной. Это означает, что корреляция темпов прироста рождаемости с темпами прироста цен на нефть наибольшая среди рассматриваемых экономических факторов. Причем значимыми оказались второй, третий и четвертый временные лаги, то есть текущие темпы роста рождаемости значимо коррелируют с изменениями темпов прироста цен на нефть, происходившими вплоть до четырех лет назад. Таким образом, в качестве прокси-переменной для эффектов периода, связанных с экономическими флуктуациями, в дальнейшем будем использовать цены на нефть.

Таблица 1. Результаты оценивания модели (4) для различных экономических показателей

	(1)	(2)	(3)	(4)
Лаги	Уровень безработицы	Цена на нефть	Реальная заработная плата	Индекс физобъемов ВВП
$t-1$	-0,068 (0,063)	0,034 (0,021)	0,058 (0,084)	0,293 (0,217)
$t-2$	-0,140** (0,066)	0,089*** (0,021)	0,150* (0,075)	0,235 (0,203)
$t-3$	0,031 (0,066)	0,038* (0,022)	-0,078 (0,076)	0,050 (0,203)
$t-4$	-0,012 (0,060)	0,088*** (0,021)	0,108 (0,070)	0,140 (0,184)
Константа	0,004 (0,008)	-0,015** (0,006)	-0,003 (0,009)	-0,013 (0,014)

	(1)	(2)	(3)	(4)
Лаги	Уровень безработицы	Цена на нефть	Реальная заработная плата	Индекс физобъемов ВВП
Число наблюдений ¹⁰	26	26	24	21
R2	0,288	0,662	0,301	0,262
R2 – adj	0,153	0,597	0,154	0,0771
AIC	–91,40	–110,8	–84,90	–74,20
BIC	–85,10	–104,5	–79	–69
Breush — Godfrey	0,421	0,567	0,785	0,672
DW	1,396	2,235	1,283	1,401
ARCH	0,980	0,744	0,484	0,197

Примечание: в столбцах 1—4 представлены результаты парных взаимосвязей между темпами прироста СКР и темпами прироста экономических показателей (4), указанных в названии столбца. По строкам представлены временные лаги соответствующих экономических показателей. В скобках обозначены стандартные ошибки коэффициентов. Значимость коэффициентов: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. Breush — Godfrey — это p-value для статистики Бройша — Годфри на автокорреляцию вплоть до четвертого порядка соответственно. DW — статистика Дарбина — Уотсона. AIC и BIC — значение информационных критериев Акаике и Шварца. ARCH — p-value для статистики теста на условную гетероскедастичность.

Тесты причинности по Гренджеру показывают, что цены на нефть являются причиной показателей рождаемости. В краткосрочном периоде рождаемость с лагом 1—2 года реагирует на изменение экономических показателей, это проциклическая переменная (с реальной зарплатой и физическими объемами ВВП — лаг 1 год, с уровнем безработицы до 2 лет (см. табл. 1 Приложения, где представлены лучшие для каждого экономического фактора модели по набору лагов согласно информационным критериям)).

На рисунках 8a и 8b представлены эффекты возраста и когорты (в логарифмической шкале) в модели (2), где в качестве эффекта периода взята прокси-переменная «цена на нефть». Напомним, что данный подход позволяет идентифицировать эффекты — в отличие от механических процедур, рассмотренных выше. Однако заметим, что полученные эффекты возраста и когорты близки к результатам подхода *intrinsic estimator*. Основной отличительной чертой для *intrinsic estimator* оказались более широкие доверительные интервалы на границах когортных групп.

Как и для IE подхода, эффекты возраста имеют обратную U-форму от возраста матери при рождении ребенка, а пик возрастного эффекта приходится на 21—24 года. Скорость уменьшения вклада возрастает после 35 лет. Положительный эффект возраста наблюдается до 42 лет. Как и ранее, малочисленные когорты 1940-х, 1970-х и 1990-х годов рождения демонстрируют высокий вклад в динамику показателей рождаемости. В конце рассматриваемого нами периода к репродуктивным возрастам приходит малочисленная когорта 1990-х и начала 2000-х годов, которые имеют меньше братьев и сестер и, как резуль-

¹⁰ Число наблюдений для моделей с реальной заработной платой и индексами физических объемов меньше, так как данные были доступны за меньший период времени: для реальной заработной платы с 1993 года, а для индексов физического объема с 1996.

тат, новые репродуктивные установки. В этот период негативный эффект когорты более значим, чем положительный эффект периода; он и растущий средний возраст матерей и отложенных деторождений приводят к снижению общего числа рожденных детей.

На разных этапах рассматриваемого периода доминировали разные факторы, и наибольший рост рождений мы наблюдали в те периоды, когда когортные эффекты усиливались периодными, как это произошло в период ввода программ материнского капитала, когда пришла к рождением многочисленная когорта 1980-х годов.

Рис. 8а. Эффект возраста в модели APC в подходе proxy variables

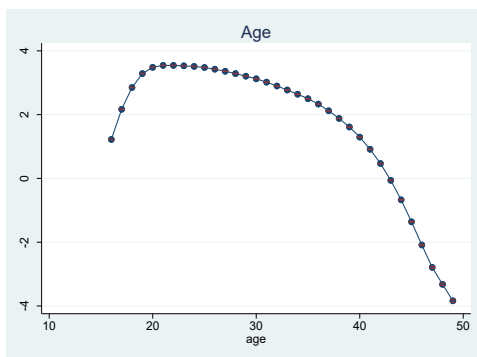
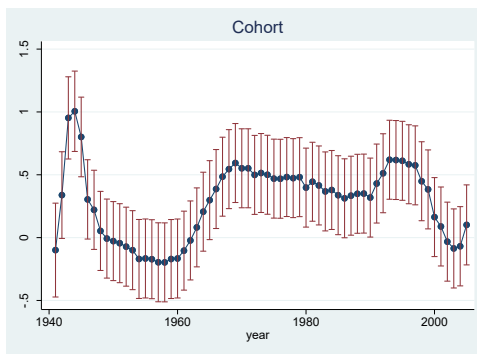

Рис. 8с. Эффект когорты в модели APC в подходе proxy variables

Примечание: по горизонтали указан возраст матери при рождении ребенка. Вертикальные линии на графике показывают 95-процентный доверительный интервал.

Примечание: по горизонтали указан год рождения матери. Вертикальные линии на графике показывают 95-процентный доверительный интервал.

Заключение

В проведенном исследовании предприняты первые попытки по разложению наблюдаемой динамики числа рожденных детей 1990—2021 гг. на эффекты возраста, периода и когорты. За рассматриваемый период динамика показателя сменялась периодами роста и падения, менялась возрастная модель рождаемости в России, к репродуктивным возрастам приходили различные по численности когорты, наблюдались экономические кризисы и активная демографическая политика по стимулированию рождаемости. Это дает возможность увидеть вариацию по всем исследуемым нами эффектам и точнее их идентифицировать. Применено три способа для решения проблемы идентификации эффектов: explicit constraints, intrinsic estimator и метод прокси-переменной. На данном этапе пока не удалось построить работающую схему механизмов для подхода mechanism-based approaches. Текущие результаты заключаются в следующем:

— Оценивание моделей APC с ограничениями на коэффициенты (explicit constraints) дает неадекватные результаты, которые не позволяют объяснить динамику рождаемости, поскольку демонстрируют лишь линейные растущие или снижающиеся тренды, в то время как динамика эффектов на самом деле намного более сложная и не однозначная. Модели, в которые включены только один или два из трех эффектов, имеют меньшую объясняющую силу и смещенные оценки

эффектов, поскольку оставшиеся переменные частично включают в себя эффекты исключаемой из модели переменной.

— Декомпозиция эффектов в методах *intrinsic estimator* (IE) и с разделением причинно-следственных связей с помощью прокси-переменной оказалась схожей. Этот результат показывает, что в случае отсутствия подходящей прокси-переменной можно обращаться к механическому способу разделения эффектов, который дает приемлемые результаты.

— Эффект возраста имеет обратную U-форму. В рассматриваемом периоде 1990—2021 гг. наибольший эффект возраста на показатели рождаемости приходится на 21—24 года.

— В эффекте периода наблюдается снижение до 2007 г., рост с 2007 по 2017 г., затем снова спад. Этот эффект может быть объяснен вводом федеральной программы материнского капитала в 2007 г., региональными программами материнского капитала (в ряде регионов с 2011 г.) и иными государственными мерами поддержки материнства, которые не только стимулировали материально, но и формировали позитивный образ родительства в обществе, а также отложенным эффектом кризиса 2014 г. Таким образом, на тренды рождаемости влияют как экономические шоки, причем с лагом 1—2 года, так и демографическая политика государства. Нам еще предстоит отдельно изучить, какие рычаги оказывают большее влияние и может ли демографическая политика сглаживать экономические и иные внешние шоки для поддержания стабильной рождаемости.

— Эффект когорты повторяет возрастную пирамиду женщин. В годы малочисленных когорт эффект когорты на рождаемость значительнее. Это говорит о том, что малая численность женщин репродуктивного возраста сильнее сказывается на динамике рождаемости, нежели приход к рождением многочисленной когорты. Подобный эффект обсуждается в работе [Easterlin, 1961].

Для более детального изучения поставленной задачи в дальнейшем требуется разрабатывать схемы механизмов воздействия (не только основанные на подходе прокси-переменных), которые позволят детально изучить источники наблюдаемой динамики рождаемости. Также целесообразно связать количественные оценки эффектов с событиями в стране и мире. На следующих этапах стоит задаться вопросом оценки совместных (попарных) эффектов возраста, периода и когорты, поскольку, например, эффект возраста может по-разному проявляться для женщин разных поколений (в данном исследовании мы получаем средний эффект для поколений, попавший в наше поле зрения). Также возможно, что эффекты периода (программы материнского капитала, пандемия, экономические шоки) могут иметь различные эффекты для разных поколений. Стоит отметить, что в данном исследовании мы работаем с макроданными для страны в целом, однако следует рассмотреть изучаемые вопросы и на микроданных, например РМЭЗ НИУ ВШЭ¹¹, применив иерархические подходы для моделей возраста, периода и когорты (НАРС). В дальнейшем также планируется произвести декомпозицию объясненной дисперсии в модели (2) с помощью разложения ее по вектору Шепли [Bovi, 2021]. Это позволит определить вклад каждого из изучаемых эффектов.

¹¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rims/> (дата обращения: 26.10.2022).

Список литературы (References)

- Бобков В. Н. Влияние экономической активности и уровня жизни населения на рождаемость в современной России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2011. № 8. С. 3—16.
- Bobkov V. N. (2011) Influence of Economic Activity and the Standard of Living of the Population on the Birth Rate in Modern Russia. *Level of Life of the Population of the Regions of Russia*. No. 8. P. 3—16. (In Russ.)
- Вакуленко Е. С., Ивашина Н. В., Свистильник Я. О. Исследование влияния программ регионального материнского капитала на рождаемость в регионах России // *Экономика региона*. 2023. (В печати.)
- Vakulenko E. S., Ivashina N. V., Svistilnik Y. O. (2023) Studing the Impact of the Regional Maternity Capital Programs on the Fertility in the Regions of Russia. *Economy of Region*. (In Press.) (In Russ.)
- Голдстоун Дж., Шульгин С. Г., Коротаев А. В., Архангельский В. Н., Зинькина Ю. В., Новиков К. Е., Пустовалов Д. Н. Политическая демография России. Политика и государственное управление. М.: РАНХиГС, 2015. URL: <https://www.readcube.com/articles/10.2139%2Fssrn.2624549> (дата обращения: 20.04.2023).
- Goldstone J., Shulgin S. G., Korotaev A. V., Arkhangelskiy V. N., Zinkina Yu. V., Novikov K. E., Pustovalov D. N. (2015) Political Demography of Russia. Politics and State Government. Moscow: RANEPА. URL: <https://www.readcube.com/articles/10.2139%2Fssrn.2624549> (accessed: 20.04.2023). (In Russ.)
- Захаров С. В., Фрейка Т. Эволюция рождаемости в России за полвека: оптика условных и реальных поколений // *Демографическое обозрение*. 2014. Т. 1. № 1. С. 106—143. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i1.1828>.
- Zakharov S. V., Freika T. (2014) Evolution of the Birth Rate in Russia over Half a Century: Optics of Conditional and Real Generations. *Demographic Review*. Vol. 1. No. 1. P. 106—143. (In Russ.)
- Петрякова О. Л. Основные тенденции динамики доходов семей в период экономического кризиса // *Статистика и Экономика*. 2016. № 5. С. 36—41. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2016-5-36-41>.
- Petryakova O. L. (2016) The Main Trends of Dynamics of Incomes of Russians in Times of Economic Crisis. *Statistics and Economics*. Vol. 13. No. 5. P. 36—41. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2016-5-36-41>. (In Russ.)
- Резр Д. Экономические и социальные последствия демографического перехода (перевод с английского) // *Демографическое обозрение*. 2015. Т. 1. № 4. С. 41—67. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1802>.
- Reher D. Economic and Social Implications of the Demographic Transition (translation from English). *Demographic Review*. Vol. 1. No. 4. P. 41—67. <https://doi.org/10.17323/demreview.v1i4.1802>.
- Adler M. A. (1997) Social Change and Declines in Marriage and Fertility in Eastern Germany. *Journal of Marriage and the Family*. Vol. 59. No. 1. P. 37—49. <https://doi.org/10.2307/353660>.

- Becker G. S. (1960) An Economic Analysis of Fertility. In: *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. New York, NY: Columbia University Press. P. 209—240.
- Bovi M. (2021) The Shapley Value of Age-period-cohort Effects. *Journal of Applied Economics*. Vol. 24. No. 1. P. 297—317. <https://doi.org/10.1080/15140326.2021.1932177>.
- Buckles K., Hungerman D., Lugauer S. (2021) Is Fertility a Leading Economic Indicator? *The Economic Journal*. Vol. 131. No. 634. P. 541—565. <https://doi.org/10.1093/ej/ueaa068>.
- Butz W. P., Ward M. P. (1979) Will US Fertility Remain Low? A New Economic Interpretation. *Population and Development Review*. Vol. 5. No. 4. P. 663—688. <https://doi.org/10.2307/1971976>.
- Conrad C., Lechner M., Werner W. (1996) East German Fertility After Unification: Crisis or Adaptation? *Population and Development Review*. Vol. 22. No. 2. P. 331—358. <https://doi.org/10.2307/2137438>
- Dinas E., Stoker L. (2014) Age-Period-Cohort analysis: A design-based approach. *Electoral Studies*. Vol. 33. P. 28—40. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2013.06.006>.
- Easterlin R. A. (1961) The American Baby Boom in Historical Perspective. *American Economic Review*. Vol. 51. No. 5. P. 869—911. <https://www.jstor.org/stable/1813841>.
- Easterlin R. A. (1978) What Will 1984 Be Like? Socioeconomic Implications of Recent Twists in Age Structure. *Demography*. Vol. 15. No. 4. P. 397—421. <https://doi.org/10.2307/2061197>.
- Engelhardt H., Kögel T., Prskawetz A. (2004) Fertility and Women's Employment Reconsidered: A Macro-Level Time-Series Analysis for Developed Countries, 1960—2000. *Population Studies*. Vol. 58. No. 1. P. 109—120. <https://doi.org/10.1080/0032472032000167715>.
- Fosse E., Winship C. (2019) Analyzing Age-Period-Cohort Data: A Review and Critique. *Annual Review of Sociology*. Vol. 45. No. 1. P. 467—492. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-073018-022616>.
- Frantsuz Y., Ponarin E. (2020) The Impact of Societal Instability on Demographic Behavior (The Case of Soviet and Post-Soviet Russia). *Population Research and Policy Review*. Vol. 39. P. 1087—1117. <https://doi.org/10.1007/s11113-020-09595-7>.
- Frejka T. (2008) Overview Chapter 5: Determinants of Family Formation and Childbearing During the Societal Transition in Central and Eastern Europe. *Demographic Research*. Vol. 19. P. 139—170.
- Frejka T., Zakharov S. (2013) The Apparent Failure of Russia's Pronatalist Family Policies. *Population and Development Review*. Vol. 39. No. 4. P. 635—647. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00631.x>.
- Fukuda K. (2008) Age-Period-Cohort Decomposition of U.S. and Japanese Birth Rates. *Population Research and Policy Review*. Vol. 27. P. 385—402. <https://doi.org/10.1007/s11113-008-9074-9>.

Galbraith V. L., Thomas D. S. (1941) Birth Rates and the Interwar Business Cycles. *Journal of the American Statistical Association*. Vol. 36. No. 216. P. 465—476.

Kharkova T. L., Andreev E. M. (2000) Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus. *European Journal of Population / Revue européenne de Démographie*. Vol. 16. No. 3. P. 211—233. <https://doi.org/10.1023/A:1026539832229>.

Kohler H.-P., Kohler I. (2002) Fertility Decline in Russia in the Early and Mid 1990s: The Role of Economic Uncertainty and Labour Market Crises. *European Journal of Population / Revue européenne de Démographie*. Vol. 18. No. 3. P. 233—262. <https://doi.org/10.1023/A:1019701812709>.

Kohlmann A., Zuev S. M. (2001) Patterns of Childbearing in Russia 1994—1998. *Max Planck Institute for Demographic Research*. Rostock. Germany. No. WP-2001—018.

Kye B. (2012) Cohort Effects or Period Effects? Fertility Decline in South Korea in the Twentieth Century. *Population Research and Policy Review*. Vol. 31. P. 387—415. <https://doi.org/10.1007/s11113-012-9232-y>.

Lan M., Kuang Y. (2021) Evolutionary Trends in Fertility Among Chinese Women, 1990—2015. *Reproductive Health*. Vol. 18. P. 64. <https://doi.org/10.1186/s12978-021-01120-z>.

Lee R. (1990) The Demographic Response to Economic Crisis in Historical and Contemporary Populations. *Population bulletin of the United Nations*. Vol. 29. P. 1—15.

Lesthaeghe R. (1991) The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. In: *Interuniversity Programme in Demography*. Oxford. Clarendon Press. P. 1—62.

Macunovich D. J. (1996) Relative Income and Price of Time: Exploring Their Effects on US Fertility and Female Labor Force Participation. *Population and Development Review*. Vol. 22. P. 223—257. <https://doi.org/10.2307/2808013>.

Mason K. O., Mason W. M., Winsborough H. H., Poole W. K. (1972) Some Methodological Issues in Cohort Analysis of Archival Data. *American Sociological Review*. Vol. 38. No. 2. P. 242—258. <https://doi.org/10.2307/2094398>.

Örsal D., Goldstein J. (2010) The Increasing Importance of Economic Conditions on Fertility. Rostock. Max Planck Institute for Demographic Research. No. WP-2010-014.

Okun A. M. (1962) Potential GNP: Its measurement and significance. In: *Proceedings of the Business and Economic Statistics Section of the American Statistical Association*. Reprinted in Cowles Foundation, Yale University.

Pampel F. C., Peters H. E. (1995) The Easterlin Effect. *Annual Review of Sociology*. Vol. 21. No. 1. P. 163—194.

Pearl J. (2000) *Causality: Models, Reasoning, and Inference*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Reher D. S. (2011). Economic and Social Implications of the Demographic Transition. In: Lee R. D., Reher D. S. (eds.) *Demographic Transition and Its Consequences. A supplement to Vol. 37 (2011) of Population and Development Review*. P. 11—33. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00376.x>
- Silver M. (1965) Births, Marriages, and Business Cycles in the United States. *Journal of Political Economy*. Vol. 73. No. 3. P. 237—255.
- Sobotka T., Skirbekk V., Philipov D. (2011) Economic Recession and Fertility in the Developed World. *Population and Development Review*. Vol. 37. No. 2. P. 267—306. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2011.00411.x>.
- Tzeng I-S., Chen K.-H., Lee Y. L., Yang W.-S. (2019) Trends and Age-Period-Cohort Effects of Fertility Rate: Analysis of 26224 Married Women in Taiwan. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 16. No. 24. P. 4952. <https://doi.org/10.3390/ijerph16244952>.
- Van de Kaa D. J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. Vol. 42. No. 1. P. 1—59.
- Winship C., Harding D. (2008) A Mechanism-Based Approach to the Identification of Age Period Cohort Models. *Sociological Methods and Research*. Vol. 36. No. 3. P. 362—401. <https://doi.org/10.1177/0049124107310635>.
- Wrong D. H. (1958) Trends in Class Fertility in Western Nations. *Canadian Journal of Economics and Political Science*. Vol. 24. No. 2. P. 216—229. <https://doi.org/10.2307/138769>.
- Yang Y., Fu W. J., Land K. C. (2004) A Methodological Comparison of Age-Period-Cohort Models: The Intrinsic Estimator and Conventional Generalized Linear Models. *Sociological Methodology*. Vol. 34. No. 1. P. 75—110. <https://doi.org/10.1111/j.0081-1750.2004.00148.x>.
- Yang Y., Land K. C. (2008) Age–Period–Cohort Analysis of Repeated Cross-Section Surveys: Fixed or Random Effects? *Sociological Methods & Research*. Vol. 36. No. 3. P. 297—326. <https://doi.org/10.1177/0049124106292360>.
- Yang Y., Land K. C. (2013) *Age-Period-Cohort Analysis: New Models, Methods, and Empirical Applications*. New York, NY: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.1201/b13902>.
- Zakharov S. V., Ivanova E. I. (1996) Fertility Decline and Recent Changes in Russia: On the Threshold of the Second Demographic Transition. In: DaVanzo J. (ed.) *Russia's Demographic "Crisis"*. Santa Monica, CA: RAND. P. 36—82.
- Zaman K., Beaujon E., Brzozowska Z., Sobotka T. (2018) Cohort Fertility Decline in Low Fertility Countries: Decomposition Using Parity Progression Ratios. *Demographic Research*. Vol. 38. No. 25. P. 651—690.

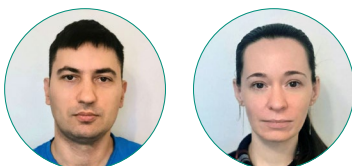
Приложение

Таблица 1. Результаты оценивания модели (4) для различных экономических показателей. Выбор спецификаций с оптимальным набором лагов

	(1)	(2)	(3)	(4)
Лаги	Уровень безработицы	Цена на нефть	Реальная заработная плата	Индекс физобъемов ВВП
$t-1$	-0,086 (0,064)	0,034 (0,021)	0,149** (0,062)	0,475*** (0,168)
$t-2$	-0,136** (0,062)	0,089*** (0,021)		
$t-3$		0,038* (0,022)		
$t-4$		0,088*** (0,021)		
Константа	0,004 (0,008)	-0,015** (0,006)	-0,001 (0,008)	-0,007 (0,009)
Число наблюдений	28	26	27	24
R2	0,317	0,662	0,186	0,267
R2 – adj	0,263	0,597	0,154	0,234
AIC	-98	-110,8	-98,60	-89,80
BIC	-94	-104,5	-96	-87,40
Breush — Godfrey	0,533	0,534	0,649	0,444
DW	1,617	2,235	1,821	1,670
ARCH	0,852	0,744	0,156	0,0670

Примечание: в столбцах 1—4 представлены результаты парных взаимосвязей между темпами прироста СКР и темпами прироста экономических показателей (4), указанных в названии столбца. По строкам представлены временные лаги соответствующих экономических показателей. В скобках представлены стандартные ошибки коэффициентов. Значимость коэффициентов: *** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$. Breush — Godfrey — это p-value для статистики Бройша — Годфри на автокорреляцию вплоть до 1-го порядка, соответственно. DW — это статистика Дарбина — Уотсона. AIC и BIC — это значение информационных критериев Акаике и Шварца. ARCH — это p-value для статистики теста на условную гетероскедастичность.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2368](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2368)

В. В. Юмагузин, М. В. Винник

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СТАТИСТИКИ СМЕРТНОСТИ ПО ПРИЧИНАМ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Правильная ссылка на статью:

Юмагузин В. В., Винник М. В. Оценка качества статистики смертности по причинам в регионах России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 282—303. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2368>.

For citation:

Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. (2023) Assessing the Quality of the Cause-Specific Mortality Statistics in Russian Regions. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 282–303. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2368>. (In Russ.)

Получено: 05.01.2023. Принято к публикации: 12.03.2023.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СТАТИСТИКИ СМЕРТНОСТИ ПО ПРИЧИНАМ В РЕГИОНАХ РОССИИ

ЮМАГУЗИН Валерий Валерьевич — кандидат социологических наук, научный сотрудник Научно-учебной лаборатории социально-демографической политики Института демографии им. А. Г. Вишневского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vyumaguzin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4460-010X>

ВИННИК Мария Викторовна — научный сотрудник Научно-учебной лаборатории социально-демографической политики Института демографии им. А. Г. Вишневского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: mvinnik@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5647-5211>

Аннотация. Цель работы — оценить качество статистики смертности в российских регионах за последнее десятилетие. Высокий уровень смертности от неуточненных причин в значительной степени искажает общую структуру смертности. Поэтому анализ качества учета причин смерти является неотъемлемой частью демографического анализа смертности по причинам.

С опорой на Российскую базу данных по рождаемости и смертности авторы статьи рассчитывают доли стандартизованных коэффициентов смертности от различных неуточненных причин в структуре общего уровня смертности и строят индекс качества статистики смертности как среднее геометрическое из индексов качества статисти-

ASSESSING THE QUALITY OF THE CAUSE-SPECIFIC MORTALITY STATISTICS IN RUSSIAN REGIONS

Valeriy V. YUMAGUZIN¹ — Cand. Sci. (Soc.), Researcher at the Scientific and Educational Laboratory of Socio-Demographic Policy at Vishnevsky Institute of Demography
E-MAIL: vyumaguzin@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4460-010X>

Maria V. VINNIK¹ — Researcher at the Scientific and Educational Laboratory of Socio-Demographic Policy at Vishnevsky Institute of Demography
E-MAIL: mvinnik@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5647-5211>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The high mortality rate from unspecified causes significantly distorts the overall mortality structure. Therefore, the analysis of the quality of accounting for causes of death is an integral part of the demographic analysis of mortality by causes. The aim of the work is to assess the quality of mortality statistics in Russian regions.

The authors of the paper calculate the share of standardized mortality rates from various unspecified causes of death in the structure of the overall mortality rate according to Russian Fertility and Mortality Database. Based on this, the authors build the quality index of mortality statistics as a geometric mean from the quality index of mortality statistics from external causes, the quality index of

ки смертности от внешних причин, болезни системы кровообращения и остальных причин.

В России наблюдается значительная региональная дифференциация в практике кодирования причин смерти, в том числе от неуточненных причин. Изменчивость индексов качества статистики свидетельствует о том, что структура смертности в российских регионах не устоялась и отражает региональные представления о допустимости манипулирования статистикой в целях снижения уровня смертности от алкогольных отравлений, убийств, самоубийств, сердечно-сосудистых болезней и др. В 2019—2021 гг. наименьший уровень качества статистики смертности по причинам отмечался в Сахалинской области из-за высокого вклада неуточненных внешних причин. Низкие показатели также в большинстве других регионов Дальнего Востока, Западной Сибири, Юга России и северокавказских республиках. Наилучшее качество статистики наблюдается в Пензенской области, а также в регионах Северо-Запада, Урала и Южной Сибири.

Предложенные индексы качества статистики смертности позволят более точно оценивать региональную динамику смертности и могут служить одним из аргументов в ее интерпретации. Для получения надежной, достоверной и сопоставимой статистики необходимо повышать качество всего процесса ее формирования: от диагностики причин смерти, кодирования и обработки до публикации.

Ключевые слова: качество статистики смертности, кодирование смертей, демографическая статистика, убийства,

mortality statistics from diseases of the circulatory system, and the quality index of mortality statistics from other causes.

In Russia, there is a significant regional differentiation in the practice of coding causes of death, including those from unspecified causes. The variability of statistics quality indices points out that the structure of mortality in Russian regions has not settled down. It reflects regional ideas about the acceptable level of manipulation in statistics aimed at reducing the mortality rate from alcohol poisoning, homicides, self-harm, cardiovascular diseases, etc. In 2019—2021, the Sakhalin oblast had the lowest level of mortality statistics quality due to the high contribution of unspecified external causes. The indicators were also low in most other regions of the Far East, Western Siberia, Southern Russia, and the North Caucasian republics. The best quality of statistics was observed in the Penza region and in the regions of the North-West, the Urals, and Southern Siberia.

The proposed indices of the quality of mortality statistics lead to more objective assessment of the regional dynamics of mortality and can serve as one of the arguments in its interpretation. To obtain reliable and comparable statistics, it is necessary to improve the quality of the entire process of its formation, from the diagnosis of causes of death, coding, and processing to publication.

Keywords: quality of mortality statistics, coding of deaths, demographic statistics, homicides, self-harm, injuries of

самоубийства, повреждения с неопределенными намерениями, смертность от болезней системы кровообращения, старость, неуточненные причины смерти, мусорные причины смерти

undetermined intent, mortality from diseases of the circulatory system, senility, unspecified causes of death, garbage causes of death

Благодарность. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. This study is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Введение

Достоверная и полная статистика смертности является основой для взвешенной демографической политики в области здоровья и смертности населения. Вместе с тем в последние десятилетия в России наблюдается деградация качества статистики по причинам смертности: так, в статистике насильственной смертности блок «Повреждения с неопределенными намерениями» (ПНН) по числу умерших и уровню смертности превышает аналогичные показатели для убийств и самоубийств вместе взятых. Между тем, по мнению исследователей, именно эти социально значимые причины вместе с алкогольными и наркотическими отравлениями с высокой степенью вероятности попадают в вышеназванный блок [Иванова и др., 2013; Andreev et al., 2015; Семенова и др., 2017], смертность от которого в 2015 г. была выше, чем в европейских странах в 8—9 раз, и составила 11 и 47 чел. на 100 тыс. женщин и мужчин соответственно [Юмагузин, Винник, 2019b]. Более того, занижение уровня смертности от отдельных видов внешних причин и всего класса в целом происходит за счет отнесения смертей к классу «Симптомы, признаки и отклонения от нормы, выявленные при клинических и лабораторных исследованиях, не классифицированные в других рубриках» (далее «Симптомы и признаки») — для этого используются коды R 96—R 99 Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем 10-го пересмотра (МКБ-10), или код 244 «Смерть по неустановленным причинам» Краткой номенклатуры причин смертей, согласно которой публикуется статистика смертности в России. В 2021 г. от указанной причины погибло свыше 41,7 тыс. чел., почти столько же — 45,6 тыс. чел. — от ПНН, то есть суммарно 87,3 тыс. чел. В то же время от убийств и самоубийств погибло в четыре раза меньше — почти 21,5 тыс. чел. В класс «Симптомы и признаки» попадают также смерти от болезней системы кровообращения (БСК), для этого в основном используется код R 54 (242) «Старость» [Данилова, 2015]. В 2021 г. от этой причины умерло 90 тыс. чел., что составляет почти десятую часть умерших от БСК.

Наряду с известными причинами смерти, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) отдельно выделяет группу с неуточненными причинами смерти (ill-defined causes; в русском переводе также «неточно обозначенные причины», «смерти по неустановленным причинам», «некорректные коды», причем список

кодов может различаться). Неуточненные коды причин смерти включают в себя следующие коды МКБ-10: R00—R94, R96—R99, Y10—Y34, Y87.2, C76, C80, C97, I47.2, I49.0, I46, I50, I51.4, I51.5, I51.6, I51.9, I70.9¹. В рамках исследования «Глобальное время болезней» (GBD) список этих кодов значительно расширен [Naghavi et al., 2010; Johnson et al., 2021], а сами они называются «мусорными» («garbage codes»). Неуточненные причины смерти искажают представление об истинной структуре смертности по причинам и затрудняют принятие обоснованных управленческих решений в области развития здравоохранения. Как отмечает ВОЗ, «если доля зарегистрированных смертей слишком мала или качество информации о причине смерти слишком низкое, данные регистрации смерти не могут использоваться для надежного мониторинга смертности по причинам»². Значительная региональная дифференциация этого показателя требует более детального изучения [Юмагузин, Винник, 2019a]. Так, И. Данилова и соавторы выявили межрегиональные различия в практиках кодирования «мусорных» и других причин смерти [Danilova et al., 2016]. О. Антонова пишет, что «региональное распределение смертности от повреждений с неопределенными намерениями по причинам, обусловившей его уровень, не зависит от объективных экономических, географических, демографических факторов и носит случайный характер» [Антонова, 2007: 21]. На проблемы со статистикой сердечно-сосудистой смертности указывают «значительные региональные различия СКС от отдельных кардиальных причин и групп причин, а также их вклад в структуру смертности» [Драпкина и др., 2021: 163].

Региональные исследования смертности от алкогольных и наркотических отравлений, убийств, самоубийств, болезней системы кровообращения часто ограничиваются официальными данными [Бойцов, Самородская, 2014; Максимов, Табакаев, Артамонова, 2017], поэтому неудивительно, что в список благополучных регионов с низкими уровнями насильственной смертности, например самоубийств, попадают Сахалинская и Астраханская области, а также республики Северного Кавказа [Войцех, 2008; Гречухин, 2017; Дорошенко, Санаева, 2021; Веприкова, Кисленок, 2021], одновременно имеющие проблемы качества учета смертности [Юмагузин, Винник, 2019b]. Наоборот, регионы с низкими уровнями неуточненных внешних причин, такие как Республика Бурятия и Курганская область, оказываются в хвосте рейтинга. Дальнейшие попытки построить на этих недостоверных региональных данных регрессионные модели приводят С. Дорошенко и О. Санаеву к парадоксальным выводам о том, что в России, в отличие от развитых стран, наблюдается не прямая, а обратная корреляция между объемом долговой нагрузки физических лиц и числом самоубийств [Дорошенко, Санаева, 2021: 98]. В. Войцех также вынужден констатировать, что «ни один из показателей (удельный вес трудоспособного населения, процент безработных, доля сельского населения, уровень смертности от отравления алкоголем, валово-

¹ WHO III-Defined Causes in Cause-of-Death Registration (%). 2022. URL: [https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/iii-defined-causes-in-cause-of-death-registration-\(-\)](https://www.who.int/data/gho/data/indicators/indicator-details/GHO/iii-defined-causes-in-cause-of-death-registration-(-)) (дата обращения: 07.04.2023).

² Мировая статистика здравоохранения, 2017 г.: мониторинг показателей здоровья в отношении Целей устойчивого развития. ВОЗ. 2018. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/279717?locale-attribute=ru&show=full> (дата обращения: 07.04.2023).

вой региональный продукт на душу населения) в отдельности не отражает уровня самоубийств во всех регионах» [Войцех, 2008: 88]. Таким образом, анализ качества учета причин смерти является неотъемлемой частью демографического анализа смертности по причинам [Phillips et al., 2014]. Без оглядки на уровень смертности от неуточненных причин невозможно оценивать влияние социально-экономических факторов на уровень смертности, судить об успешности того или иного региона в борьбе с конкретными болезнями и причинами смерти, а также проводить сравнительные исследования.

В ряде работ [Mahapatra et al., 2007; Phillips et al., 2014] обозначено несколько базовых критериев оценки качества статистики смертности по причинам, среди которых точность, значимость, сопоставимость, оперативность и доступность. В частности, точность может быть определена через такие показатели, как полнота данных, доля неизвестных и неуточненных причин, доля невозможных диагнозов применительно к полу и возрасту (когда женские болезни встречаются у мужчин или самоубийства — у младенцев и др.).

Для оценки качества статистики смертности ВОЗ использует такой показатель, как «полезность использования»³. Он рассчитывается как произведение доли полноты учета случаев смерти (%) на долю зарегистрированных смертей, которые определены по значимым причинам смерти:

$$\text{Полезность использования (\%)} = \\ = \text{Полнота (\%)} \times (1 - \text{Смерти, зарегистрированные по некорректным кодам (\%)}) \quad (1)$$

Полнота регистрации смертей по причинам на рубеже 2010-х годов составляла 4,2% в Китае, 8% в Индии, 51% в Саудовской Аравии, 76% в Армении и 100% в России и в странах Западной Европы⁴ — территориальные различия внутри стран возможны и требуют дальнейшего изучения.

Доля неизвестных, неуточненных и «мусорных» кодов от общего числа смертей, то есть второй множитель формулы (1), используется в оценке наиболее часто [Васин, 2015; Phillips et al., 2014]. В классификации неуточненных причин Всемирной организации здравоохранения этот показатель составляет 2—3% в Монголии, Литве и Сингапуре, 5% в Австралии, Чили и Великобритании, а в России, Испании, Эстонии, Италии и Казахстане — около 7—9%⁵. Несколько выше эти доли в Германии (11%), Южной Корее (13%) и Бельгии (15%). Очень высокие показатели в Египте, Польше и Таиланде, где на долю неуточненных причин приходится треть всех смертей. Для устранения влияния возрастной структуры более корректно использовать долю стандартизованного коэффициента смертности от неуточненных причин в структуре общей смертности, иначе, например, доля смертей от «Старости» будет выше в регионах со старым населением.

³ Мировая статистика здравоохранения, 2017 г.: мониторинг показателей здоровья в отношении Целей устойчивого развития. ВОЗ. 2018. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/279717?locale-attribute=ru&show=full> (дата обращения: 07.04.2023).

⁴ Global Health Observatory Data Repository. Death Registration Coverage. Data by Country. URL: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.HS10v> (дата обращения: 15.01.2022).

⁵ Там же.

В зависимости от периода предоставления данных в ВОЗ (установлен порог в пять лет, начиная с 2008 г.), показателя полезности данных, использования полного или сокращенного списка причин смерти, качество данных о регистрации смерти классифицируется по шкале: высокое, среднее, низкое и очень низкое. В России эксперты ВОЗ оценивают качество статистики как среднее из-за предоставления данных согласно Краткой номенклатуре МКБ-10 и не рассчитывают показатель полезности данных. Однако все данные для расчета имеются: $100 \times (100\% - 8\%) = 92\%$. Для сравнения: в Польше в отдельные годы он был равен 68—72%, в Южной Корее — 76—85%, в Бельгии — 81—85%, в Армении — 81—95%. Качество данных во всех указанных странах, кроме Польши, считается высоким, несмотря на высокую долю неуточненных причин, поскольку показатель полезности данных выше 80%, данные предоставляются в ВОЗ регулярно и по полному списку кодов МКБ-10⁶:

Разнонаправленная динамика коэффициентов смертности, в том числе стандартизованных, от неуточненных и отдельных конкретных причин, также позволяет косвенно подтвердить манипуляцию данными и усомниться в качестве статистики [Милле и др., 1996]. Так, после стремительного роста с начала 1990-х годов стандартизованный коэффициент смертности (СКС) от ПНН остается на высоком уровне, одновременно с этим СКС от самоубийств и убийств быстро снижаются, что свидетельствует о недооценке насильственной смертности [Васин, 2015; Юмагузин, Винник, 2019а]. Ряд исследователей используют также отношение смертей от ПНН и других неуточненных и неизвестных причин к числу самоубийств или убийств, чтобы оценить достоверность насильственной смертности [Rockett, Kapusta, Bhandari, 2011; Васин, 2015].

Квалифицированная проверка заполнения медицинских свидетельств о смерти позволяет скорректировать указанные диагнозы и сравнить полученные оценки с официальными данными. Ввиду трудоемкости процедуры она часто проводится для выборочной совокупности или определенной территории [Shkolnikov et al., 2002; Rampatige et al., 2013; Вайсман, 2013]⁷. Применяются также различные показатели вариации, в том числе отклонение стандартизованного коэффициента смертности от отдельных причин от среднего уровня смертности [Danilova et al., 2016]. Наконец, важным критерием является сопоставимость временных рядов, которая нарушается при изменении кодов причин смерти (дроблении некогда единой причины на несколько отдельных или перевод причин из одних рубрик и классов причин смерти в другие), что сопровождается изменением практик кодирования, особенно в период очередного пересмотра МКБ⁸ [Милле и др., 1996; Danilova et al., 2016].

Цели исследования

В настоящей работе мы ставим целью оценить качество статистики смертности в регионах России с помощью предложенного индекса.

⁶ Мировая статистика здравоохранения, 2017 г.: мониторинг показателей здоровья в отношении Целей устойчивого развития. ВОЗ. 2018. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/279717?locale-attribute=ru&show=full> (дата обращения: 15.12.2022); WHO Methods and Data Sources for Country-Level Causes of Death 2000—2019. WHO, 2020.

⁷ См. также Grippo F., Grande E., Simeoni S. Pennazza S., Cinque S., Bracci T., Frova L. (2015) Reliability of Causes-Of-Death Statistics: The Italian Experience From the ICD-10 Training Course. In: *Rivista di Statistica Ufficiale*. Rome: Italian National Institute of Statistics. Vol. 17. No. 3. P. 103—119. URL: <https://www.istat.it/it/files/2016/06/Reliability-of-causes-of-death-statistics.pdf> (дата обращения: 05.04.2023).

⁸ Ожидается, что переход к новой МКБ-11 в России завершится к 2025 г.

Данные

Для расчета доли неуточненных причин смерти и конструирования индекса качества статистики смертности использовались официальные данные Росстата, опубликованные в РосБРИС⁹, за 2011—2021 гг. Выбор начального года обусловлен тем, что с 2011 г. действует новый перечень Краткой номенклатуры МКБ-10. Включены коды, которые содержат в своем названии «неуточненные», «неточно обозначенные», «неопределенные» и «неизвестные» (далее «неуточненные») в девяти основных классах Краткой номенклатуры МКБ-10: «Некоторые инфекционные и паразитарные болезни»: 8; «Новообразования»: 62, 65, 66, 74, 79, 86, 87; «Психические расстройства и расстройства поведения»: 99; «Болезни системы кровообращения»: 126, 131, 136, 138, 139, 140, 144, 148, 155; «Болезни органов дыхания»: 162, 164, «Болезни органов пищеварения»: 175; «Болезни мочеполовой системы»: 200; «Симптомы и признаки»: 242, 244, 245; «Внешние причины заболеваемости и смертности»: 263, 266, 268, 271, 276, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 303, 305¹⁰. В анализе участвуют 83 субъекта РФ в границах до 2014 г. Анализ проводился в MS Excel и R.

Методы

В работе мы сфокусировались на втором множителе формулы «полезности использования данных» (1), несколько видоизменив его, и построили отдельно индекс качества статистики смертности от внешних причин (2), индекс качества статистики смертности от БСК (3), индекс качества статистики смертности от остальных причин (4) и в качестве среднего геометрического трех индексов (по аналогии с расчетом индекса человеческого развития) создали агрегированный индекс качества статистики смертности по причинам (5). В расчете используются стандартизованные коэффициенты смертности (СКС) (по старому европейскому стандарту населения) от основных классов и отдельных групп причин:

$$\text{ИКССВП} = 1 - \frac{\text{СКС ПНН ВП} + \text{СКС ДН ВП} + \text{СКС НП СП}}{\text{СКС ВП} + \text{СКС СП}}, \quad (2)$$

где ИКССВП — индекс качества статистики смертности от внешних причин,

СКС ПНН — СКС от ПНН класса «Внешние причины заболеваемости и смертности»,

СКС ДН ВП — СКС от других неуточненных причин (кроме ПНН) класса «Внешние причины заболеваемости и смертности»,

СКС НП СП — СКС от неуточненных причин (кроме «Старости») класса «Симптомы и признаки»,

СКС ВП — СКС от класса «Внешние причины заболеваемости и смертности»,

СКС СП — СКС от класса «Симптомы и признаки».

⁹ Российская база данных по рождаемости и смертности (РосБРИС). Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). База данных доступна по адресу: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data (дата обращения: 09.04.2023).

¹⁰ Соответствие кодов названиям причин и кодам МКБ-10 см. в приложении 4 на сайте РосБРИС: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data_description (дата обращения: 09.04.2023).

$$\text{ИКССБСК} = 1 - \frac{\text{СКС НП БСК} + \text{СКС СТ СП}}{\text{СКС БСК} + \text{СКС СП}}, \quad (3)$$

где ИКССБСК — индекс качества статистики смертности от БСК,
СКС НП БСК — СКС от неуточненных причин класса «БСК»,
СКС СТ СП — СКС от старости класса «Симптомы и признаки»,
СКС БСК — СКС от класса «БСК»,
СКС СП — СКС от класса «Симптомы и признаки».

$$\text{ИКССОПС} = 1 - \frac{\text{СКС НП ИПБ} + \text{СКС НП НО} + \text{СКС НП ПРРП} + \text{СКС НП БОД} + \text{СКС НП БОП} + \text{СКС НП БМС}}{\text{СКС ИПБ} + \text{СКС НО} + \text{СКС ПРРП} + \text{СКС БОД} + \text{СКС БОП} + \text{СКС БМС}}, \quad (4)$$

где ИКССОПС — индекс качества статистики смертности от остальных причин,
СКС НП ИПБ — СКС от неуточненных причин класса «Некоторые инфекционные и паразитарные болезни»,
СКС НП НО — СКС от неуточненных причин класса «Новообразования»,
СКС НП ПРРП — СКС от неуточненных причин класса «Психические расстройства и расстройства поведения»,
СКС НП БОД — СКС от неуточненных причин класса «Болезни органов дыхания»,
СКС НП БОП — СКС от неуточненных причин класса «Болезни органов пищеварения»,
СКС НП БМС — СКС от неуточненных причин класса «Болезни мочеполовой системы»,
СКС ИПБ — СКС от класса «Некоторые инфекционные и паразитарные болезни»,
СКС НО — СКС от класса «Новообразования»,
СКС ПРРП — СКС от класса «Психические расстройства и расстройства поведения»,
СКС БОД — СКС от класса «Болезни органов дыхания»,
СКС БОП — СКС от класса «Болезни органов пищеварения»,
СКС БМС — СКС от класса «Болезни мочеполовой системы».

$$\text{ИКССП} = \sqrt[3]{\text{ИКССВП} \times \text{ИКССБСК} \times \text{ИКССОПС}}, \quad (5)$$

где ИКССП — индекс качества статистики смертности по причинам.

В целях устранения колебаний значений полученного индекса качества статистики смертности и его компонентов в сравнительном региональном анализе используются усредненные значения за последние три года (2019—2021 гг.), а при рассмотрении отдельных регионов — все имеющиеся данные. Все индексы могут быть проранжированы от 0 до 1, где с ростом показателя увеличивается качество статистики учета. Преимущество предложенных индексов в простоте их понимания и интерпретации, возможности воспроизвести расчеты и доступности данных.

Результаты

Значения индекса качества статистики смертности и его компонентов по всем регионам приведены в среднем за 2019—2021 г. для мужчин на рисунке 1, для женщин — на рисунке 2.

Рис. 1. Индексы качества статистики смертности по причинам в России, мужчины, среднее за 2019—2021 г.¹¹

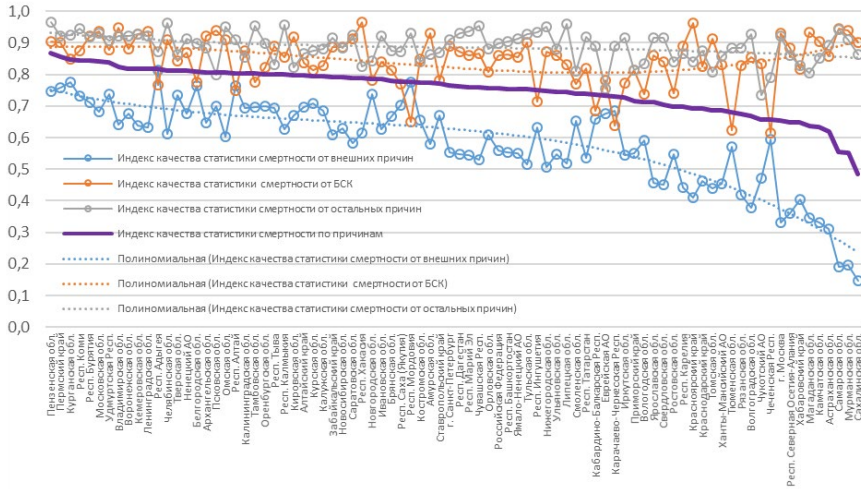
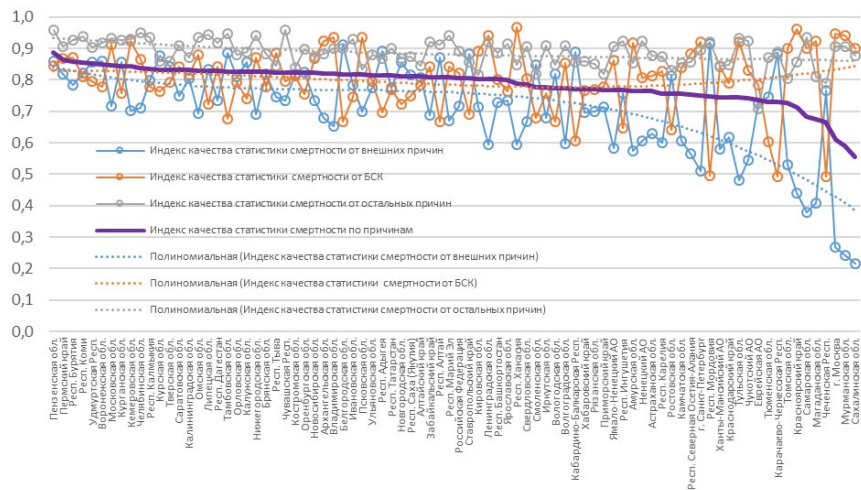

Рис. 2. Индексы качества статистики смертности по причинам в России, женщины, среднее за 2019—2021 г.¹²

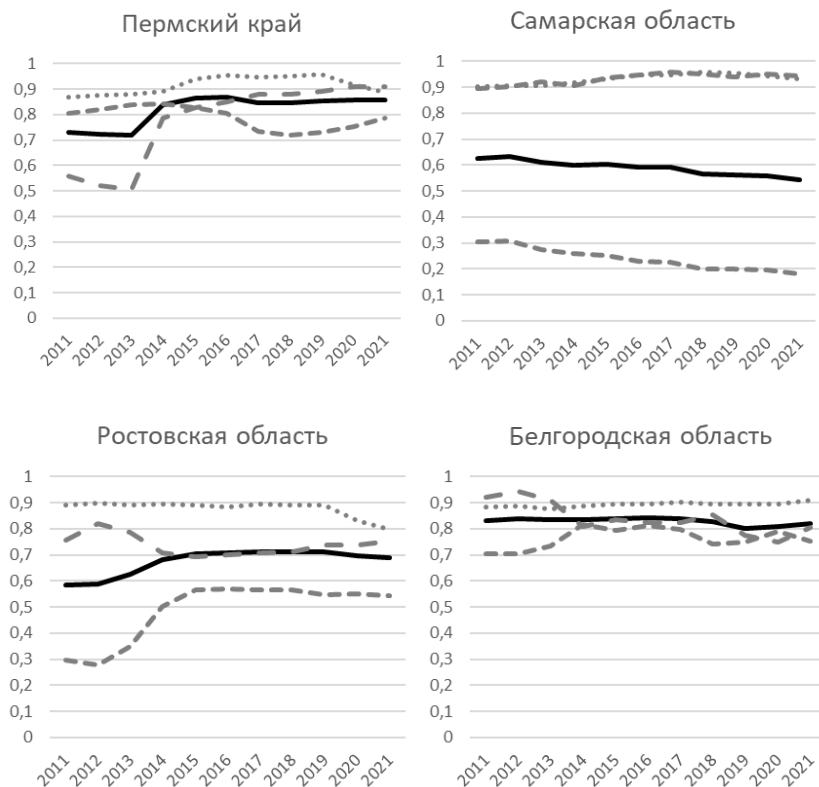
¹¹ Дополнительная визуализация доступна по ссылке: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=12680&hash=22e8126dc6b9828bf696f0ea1f2300a0>.

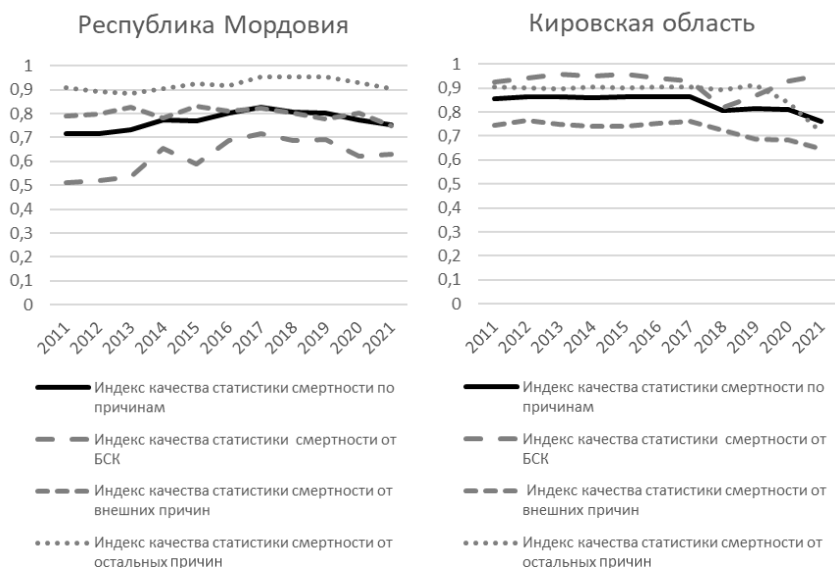
¹² Дополнительная визуализация доступна по ссылке: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/publicFile/submissionFileId?fileId=12681&hash=90bd97bcdcf21e4c3dc79df82f75a5ac>.

Согласно сводному индексу, наилучшее положение у мужчин преимущественно в регионах староосвоенного Северо-Запада, Урала и Южной Сибири. В тройку лидеров вошли Пензенская область (0,87), Пермский край (0,86) и Курганская область (0,85). У женщин в рейтинге наиболее достоверной статистики смертности вслед за Пензенской областью (0,89) и Пермским краем (0,86) тройку замыкает Республика Бурятия (0,86). Наименьшие значения индекса качества статистики смертности наблюдаются в Сахалинской (0,48 и 0,55 у мужчин и женщин соответственно), Мурманской (0,55 и 0,59), Самарской (0,55 и 0,68) и Астраханской областях (0,62 и 0,77), у женщин невысокие показатели также имеют Москва (0,61), Чечня и Магаданская область (оба 0,67). В целом почти все регионы Дальнего Востока (за исключением республик Бурятия и Якутия), Западной Сибири и Юга России, северокавказские республики имеют низкие индексы качества статистики смертности от внешних причин и, как следствие, низкие итоговые индексы. Среднероссийский индекс качества статистики смертности за последние три года у мужчин равен 0,76, у женщин — 0,81.

Индекс качества статистики смертности и компоненты этого индекса для некоторых регионов приведены на рисунке 3.

Рис. 3. Индекс качества статистики смертности и компоненты этого индекса для некоторых регионов, мужчины, 2011—2021 гг.

Обсуждение

Предложенный индекс качества статистики смертности, рассчитанный как среднее геометрическое трех компонентов: индекса качества статистики смертности от внешних причин, индекса качества статистики смертности от БСК и индекса качества статистики смертности от остальных причин, — «штрафует» за избыточную вариабельность данных — при перемножении малые значения сильно занижают итоговое произведение. Именно поэтому итоговый индекс будет сильнее коррелировать с тем компонентом, который будет отклоняться больше. В нашем случае анализ всего массива данных¹³ показал сильную корреляцию (0,81) между индексом качества статистики смертности от внешних причин и итоговым индексом. Это означает, что регионам для высокого рейтинга требуются высокие значения всех компонентов. Также выявлена сильная корреляция (–0,89) между долей неуточненных причин и индексом качества статистики смертности от БСК. Последнее связано с тем, что в структуре всех неуточненных причин половина приходится на неуточненные причины класса БСК.

Обращает на себя внимание средняя отрицательная корреляция (–0,44) между индексами качества статистики смертности от внешних причин и смертности от БСК. Так, даже по усредненным за 2019—2021 гг. на рисунках 1 и 2 видна зеркальность двух индексов. В Южных, Кавказских и некоторых других регионах оба индекса практически пересекаются. Их схождение и пересечение могут быть связаны с особенностями кодирования, когда почти весь класс «Симптомы и признаки» занимает код «Старость» (соответственно, почти не используются неуточненные причины этого класса для кодирования внешних причин — пример Белгородской области и Республики Мордовия (см. рис. 3.)), либо в классе БСК используются

¹³ 1826 значений по каждому показателю: 83 региона × 11 лет × 2 пола

такие неуточненные коды, которые скрывают в себе смерти от внешних причин (например, код «Кардиомиопатия неуточненная» вместо случайного отравления алкоголем). Все это ставит под сомнение одновременное ухудшение качества статистики смертности от внешних причин и улучшение качества статистики смертности от БСК и других причин в регионах, расположенных в конце рейтинга сводного индекса. Возможные причины расхождения ИКССБСК и ИКССВП могут быть связаны с адресными указаниями Минздрава о недопустимости злоупотребления кодом «Старость», при этом ситуация с ПНН или другими кодами класса «Симптомы и признаки» остается вне поля зрения властей. Либо вместо «Старости» для кодирования смертей от БСК регионы начинают использовать другие коды класса «Симптомы и признаки», в которые ранее преимущественно попадали неестественные смерти.

ИКССВП оказывается по своим значениям меньше, чем ИКССБСК и ИКССОПС также из-за более высокой доли неуточненных причин в структуре класса внешних причин и латентных внешних причин в классе «Симптомы и признаки». К слову, в установлении обстоятельств внешних причин смерти помимо Минздрава принимает участие также МВД, и в целом круг заинтересованных лиц в манипуляции этими данными возрастает [Васин, 2015; Юмагузин, Винник, 2017b]. В дальнейшем вопрос соотношения смертности от БСК и внешних причин требует дополнительных исследований на уровне детальной классификации причин смерти и привлечения анализа медицинских свидетельств о смерти.

Средняя отрицательная корреляция ($-0,45$) между долей неуточненных причин и итоговым индексом не позволяет говорить, что показатели полностью взаимозаменяемы — в зависимости от целей исследователя могут быть использованы оба. Так, относительно благополучное положение Москвы по первому показателю (25 и 10 места из 83 у мужчин и женщин соответственно) сменяется неблагоприятным по второму показателю (75 и 81 места у мужчин и женщин соответственно). Итоговый индекс оказывается низким из-за крайне низкого значения индекса качества статистики смертности от внешних причин, несмотря на то что уровень смертности от внешних причин занимает небольшую долю в общей смертности. Показателен также пример Сахалинской и Самарской областей (см. рис. 3), когда низкое значение индекса качества статистики смертности от внешних причин сильно обесценивает итоговый индекс.

Самарская область относится к регионам, в которых наблюдается крайне высокий уровень смертности от ПНН и других неуточненных внешних причин, причем качество статистики смертности от внешних причин в регионе продолжает ухудшаться. Официальные уровни убийств и самоубийств, наоборот, одни из самых низких в России, что вызывает обоснованные сомнения. Аналогичная ситуация в кавказских республиках, где помимо вероятного недоучета смертности от внешних причин играет роль завышение численности населения, из-за чего коэффициенты смертности оказываются ниже ожидаемых. Ситуация в Сахалинской [Семенова и др., 2017] и Астраханской областях [Юмагузин, Винник, 2019а; Джуваляков и др., 2022], где уровни смертности от самоубийств у женщин в ряде лет настолько незначимы, что в базе данных по смертности их просто нет, уже находила отражение в ряде отечественных работ по смертности.

В Пермском крае в 2014 г. значительно улучшился ИКССБСК, что позитивно повлияло на сводный ИКССП (см. рис. 3). Вместе с тем в 2016—2021 гг. ухудшился ИКССВП, из-за чего динамика ИКССП в этот период стагнировала. На динамику показателей могло повлиять принятие в 2013 г. региональной программы «Качественное здравоохранение»¹⁴, которая, в свою очередь, была разработана в соответствии с майскими указами президента 2012 г. СКС от неуточненных причин в классе БСК с 2014 г. действительно начал резко снижаться, уже в первый год он сократился на треть: с 4382 до 1371 на 1 млн человек. Возможно, неуточненные сердечно-сосудистые причины стали кодировать кодами других классов: косвенно на это указывает рост смертности от болезней эндокринной системы, психических расстройств, болезней нервной системы — в принципе это не запрещено и даже наоборот, ряд работ свидетельствует о том, что в России наблюдается недооценка указанных причин и гипердиагностика кодами БСК [Сабгайда и др., 2014]. Если переброска кодов была в причины смерти, которые имеют точные диагнозы (не относящиеся к неуточненным), то ИКССОПС не будет ухудшать свои позиции — действительно, все это время он рос, снижение началось только в 2020 г. Кроме того, возможно, сама диагностика причин смерти внутри класса БСК стала проводиться более тщательно и, соответственно, увеличилось кодирование точными диагнозами.

Интересно, что 2012—2013 гг. оказались переломными и для некоторых других регионов: в Республике Калмыкия, как и в Пермском крае, ИКССБСК улучшился, тогда как в Ростовской и Белгородской областях он начал снижаться. С. Вангородская связывает резкий рост смертности от «старости» в Белгородской области с 2014 г. с заседанием регионального правительства 17 ноября 2014 г., когда губернатор высказал недовольство ростом смертности от инфарктов и инсультов и потребовал разобраться в причинах и исправить ситуацию [Вангородская, 2016: 97]. Очередное ухудшение статистики в области произошло в 2018 г., когда президент принял вторые майские указы. На динамику ИКССБСК в начале 2010-х годов могло также повлиять внедрение нового перечня кодов Краткой номенклатуры МКБ-10, адаптация к которому по аналогии со сменой МКБ-9 на МКБ-10 могла занять несколько лет.

Кировская область достаточно долго имела ровные и высокие показатели всех индексов, пертурбация начинается с 2018 г.: ИКССБСК сначала снижается на 0,10, затем восстанавливает свои позиции. ИКССВП в 2021 г. по сравнению с 2017 г. потерял 11%. С 2020 г. также снижается ИКССОПС, что, вероятно, связано с переводом смертей от COVID-19 в неуточненные причины болезней органов дыхания. Глубинные причины таких изменений требуют изучения, однако известно, что в 2016 г. в Кировской области вступили в должность новый губернатор и министр здравоохранения, и оба проработали до 2022 г.

Проведенный анализ показал значительную дифференциацию российских регионов в практике кодирования причин смерти. Изменчивость индексов качества статистики свидетельствует также о том, что структура смертности в российских

¹⁴ Постановление Правительства Пермского края от 03.10.2013 № 1319-п (ред. от 30.06.2021) «Об утверждении государственной программы Пермского края „Качественное здравоохранение“». URL: <https://minzdrav.permkrai.ru/dokumenty/110153/> (дата обращения: 7.04.2023).

регионах не устоялась и отражает представления региональных властей о допустимости манипулирования статистикой ради достижения целевых показателей. В отличие от статистики убийств, самоубийств, случайных отравлений алкоголем и наркотиками такие неуточненные причины, как «Мгновенная смерть», «Смерть без свидетелей», «Другие неточно обозначенные и неуточненные причины смерти» класса «Симптомы и признаки» не вызывают особого интереса ни у властей, ни у общественности [Юмагузин, Винник, 2019b].

С. Бойцов и И. Самородская отмечают необходимость выявления причин разнонаправленных тенденций общей смертности и смертности от БСК в целом ряде регионов, в том числе в Ростовской, Тюменской, Астраханской, Ульяновской и Иркутской областях [Бойцов, Самородская, 2014]. Наш анализ показал, что в этих регионах происходит частичная переброска причин БСК в код «Старость» класса «Симптомы и признаки», а значит, снижение смертности от БСК или не происходит, или идет медленнее, чем свидетельствуют официальные данные.

Помимо Сахалинской области, к аутсайдерам по качеству статистики смертности в целом и смертности от внешних причин в частности у обоих полов в последние годы относятся Самарская, Мурманская, Астраханская и Магаданская области, Хабаровский край, Северная Осетия — Алания, у мужчин также Чечня, Ингушетия, у женщин — Краснодарский край, Еврейская автономная область и Москва. Высокий уровень смертности от неуточненных причин характеризует экономическое неравенство, низкое социально-экономическое положение индивида и зачастую самого региона. Основные факторы — низкая доступность квалифицированной медицинской помощи, низкий уровень образования и самосохранительного поведения [Андреев, 2016; Franca et al., 2020], бедность и дезадаптированность населения; фактически исследователи говорят о маргинализации российской смертности, когда неуточненные и малоцивилизованные причины смерти рассматриваются как «болезнь бедных» [Семенова и др., 2009; Семенова и др., 2017].

Наилучшее качество статистики в рамках изученных классов в последние годы наблюдается в Пензенской области. Неслучайно при реконструкции смертности от внешних причин в Республике Башкортостан мы использовали структуру смертности этой области в качестве модельного региона [Юмагузин, Винник, 2017а]. Высокое качество статистики смертности в Бурятии, Коми, Удмуртии, Пермском крае, Курганской и Московской областях, у женщин также в Воронежской и Кемеровской областях, у мужчин — во Владимирской и Ленинградской областях.

В дальнейшем изучение возрастного профиля предложенного индекса позволит выявить конкретные возрастные группы с крайне деформированной структурой смертности по причинам с целью кардинального улучшения системы мониторинга смертности по причинам [Johnson et al., 2021]. Важной представляется поправка индекса на полноту сведений об умерших — неизвестные возраст, образование, семейное положение, род деятельности и др. могут в значительной мере исказить наше представление об общей картине смертности [Phillips et al., 2014]. Наконец, требуются выборочные обследования и организация экспедиций в регионы России (в частности, в республики Северного Кавказа, Южной и Восточной Сибири (Алтай, Тыва, Саха), Башкортостан) — особенно в сельские районы — для выявления полноты учета случаев смертей и возможного влияния на нее

различных культурных (таких как представления о социально значимых и табуированных причинах смерти, отношение к младенческой и материнской смертности) и экономических (организация похорон) факторов.

Ограничения

Мы опираемся на Краткую номенклатуру МКБ-10, согласно которой публикуются данные в RoСБРИС, поэтому в ряде случаев неуточненные причины могут находиться в одном коде с другими (более мелкими) причинами, при этом не обязательно эти другие причины являются неуточненными. К примеру, код 276 Краткой номенклатуры МКБ-10 «Другие случайные утопления (уточненные и неуточненные)» включает код W73 (полной МКБ-10) «Другие уточненные случаи утопления и погружения в воду» и код W74 «Случаи утопления и погружения в воду неуточненные». Для более точного отбора неуточненных причин необходимо использовать деперсонифицированную базу данных о смертности российского населения и включить неуточненные причины из оставшихся классов причин смерти.

Учитывая опыт российских исследований [Данилова, 2015; Иванова и др., 2013; Семенова и др., 2017; Юмагузин, Винник, 2017b], код «Старость» (R54) был полностью отнесен к классу БСК, другие коды класса «Симптомы и признаки» (R00—R53, R55—R94, R96—R99) — к классу «Внешние причины заболеваемости и смертности», однако в действительности первый код может также скрывать под собой смерти от других, преимущественно эндогенных причин (например, новообразования, борьба с которыми ведется в рамках национального проекта «Здравоохранение» и федерального проекта «Борьба с онкологическими заболеваниями»), а вторые — смерти от любых причин. Точные пропорции требуют дальнейшего изучения; получив их, мы сможем более детально оценить качество смертности по причинам.

Заключение

Как и показатель полезности статистики смертности, используемый в ВОЗ, предложенный нами индекс качества статистики смертности по причинам является агрегированным, понятным и воспроизводимым показателем, что облегчает его применение, в том числе на муниципальном уровне при доступности статистики. Вместе с тем, в отличие от ВОЗ, наш индекс использует более широкий список кодов причин, в названии которых встречаются слова «неуточненные», «неопределенные», «неточно обозначенные», «неизвестные». Кроме того, в состав индекса входят три составных индекса, каждый из которых в отдельности несет в себе практическую значимость. Индекс качества статистики смертности от внешних причин отражает объективность в кодировании социально значимых внешних причин смерти: алкогольных и наркотических отравлений, убийств и самоубийств; индекс качества статистики смертности от БСК также является важным, поскольку большинство смертей по-прежнему приходится на этот класс, а установление национальных целей по снижению уровня смертности от БСК служит мотивом манипулирования статистикой. Наконец, индекс качества статистики смертности от остальных причин позволяет выявить перекосы в кодировании в остальных классах. Индексы качества статистики смертности позволяют более

объективно оценивать региональную динамику смертности и могут служить одним из аргументов в ее интерпретации.

В 2019—2021 гг. Сахалинская область характеризуется наименьшим уровнем качества статистики по причинам. Низкие показатели также в большинстве других регионов Дальнего Востока, Западной Сибири, Юга России и северокавказских республиках. Наилучшее качество статистики в рамках девяти основных классов наблюдается в Пензенской области, а также в регионах Северо-Запада, Урала и Южной Сибири.

В заключение заметим, что для получения надежной, достоверной и сопоставимой статистики необходимо повышать качество всего процесса ее формирования: от диагностики причин смерти, кодирования и обработки до публикации.

Список литературы (References)

Андреев Е. М. Плохо определенные и точно не установленные причины смерти в России // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 2. С. 103—142. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1755>.

Andreev E. M. (2016) Ill-Defined and Unspecified Causes of Death in Russia. *Demographic Review*. 2016. Vol. 3. No. 2. P. 103—142. <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i2.1755>.

Антонова О. И. Региональные особенности смертности населения России от внешних причин: автореф. дис. ... канд. эконом. н. М.: Институт социально-политический исследований РАН, 2007.

Antonova O. I. (2007) Regional Features of Mortality of the Population of Russia from External Causes. Abstract of the PhD Dissertation in Sociology. Moscow: Institute of Socio-Political Research RAS. (In Russ.)

Бойцов С. А., Самородская И. В. Динамика показателей и группировка субъектов Российской Федерации в зависимости от общей и сердечно-сосудистой смертности за период 2000—2011 гг. // Профилактическая медицина. 2014. Т. 17. № 2. С. 3—11. URL: <https://www.mediasphera.ru/issues/profilakticheskaya-medit-sina/2014/2/031726-6130201421> (дата обращения: 07.04.2023).

Boytsov S. A., Samorodskaja I. V. (2014) Rate Trends and Grouping of the Subjects of the Russian Federation in Relation to All-Cause and Cardiovascular Mortality in the Period 2000—2011. *The Russian Journal of Preventive Medicine*. Vol. 17. No. 2. P. 3—11. URL: <https://www.mediasphera.ru/issues/profilakticheskaya-medit-sina/2014/2/031726-6130201421> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Вайсман Д. Ш. Система анализа статистики смертности по данным «Медицинских свидетельств о смерти» и достоверность регистрации причин смерти // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 2. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/465/30/> (дата обращения: 07.04.2023).

Vaissman D. Sh. (2013) Analysis System of Mortality Statistics Based on Medical Death Certificates and Reliability of Registration of Causes of Death. *Social Aspects of Population Health*. No. 2. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/465/30/>. (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Вангородская С. А. Смерть от старости: результат демографической политики или инструмент имитационной деятельности органов власти? // *Власть*. 2016. Т. 24. № 5. С. 94—102. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/4235> (дата обращения: 07.04.2023).

Vangorodskaya S. A. (2016) Death from Old Age: A Result of the Demographic Policy or a Tool of Imitational Performance of Authorities? *The Authority*. Vol. 24. No. 5. P. 94—102. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/4235> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Васин С. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями в России и в других странах // *Демографическое обозрение*. 2015. Т. 2. № 1. С. 89—124. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1790>.

Vasin S. (2015) Mortality from Undetermined Causes of Death in Russia and in a Selected Set of Countries. *Demographic Review*. Vol. 2. No. 1. P. 89—124. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1790>. (In Russ.)

Веприкова Е. Б., Кисленок А. А. Оценка территориальной депрессивности в управлении региональным развитием (на примере регионов Дальнего Востока России) // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. Т. 94. № 1. С. 33—44. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2021-94-1-33-44>.

Veprikova E. B., Kisenok A. A. (2021) Estimation of Territorial Backwardness in the Regional Development Policy-Making (On the Example of the Far-Eastern Regions). *Power and Administration in the East of Russia*. Vol. 94. No. 1. P. 33—44. <https://doi.org/10.22394/18184049-2021-94-1-33-44>. (In Russ.)

Войцех В. Ф. Динамика суицидов в регионах России // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2008. Т. 18. № 1. С. 81—88. URL: <https://psychiatr.ru/magazine/scp/49/794> (дата обращения: 07.04.2023).

Voitsekh V. F. (2008) Dynamics of Suicides in Russian Regions. *Social and Clinical Psychiatry*. Vol. 18. No. 1. P. 81—88. URL: <https://psychiatr.ru/magazine/scp/49/794> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Гречухин И. В. Состояние проблемы травматизма по данным официальной статистики и научное обоснование совершенствования его учета // *Менеджер здравоохранения*. 2017. № 7. С. 41—49. URL: <https://www.idmz.ru/jurnali/menedger-zdravoohraneniya/2017/7> (дата обращения: 07.04.2023).

Grechuhin I. V. (2017) The Condition of Traumatism Problem According to Data of Official Statistics and Scientific Foundation for Its Control. *Manager of Health Care*. No. 7. P. 41—49. URL: <https://www.idmz.ru/jurnali/menedger-zdravoohraneniya/2017/7> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Данилова И. А. Проблемы качества российской статистики причин смерти в старческом возрасте // *Успехи геронтологии*. 2015. Т. 28. № 3. С. 409—414. URL: http://www.gersociety.ru/netcat_files/userfiles/10/AG_2015-28-03.pdf (дата обращения: 07.04.2023).

Danilova I. A. (2015) The Issue of Quality of Russian Cause-Specific Mortality Statistics at Old Ages. *Advances in Gerontology*. 2015. Vol. 28. No. 3. P. 409—414. URL:

http://www.gersociety.ru/netcat_files/userfiles/10/AG_2015-28-03.pdf (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Джуваляков П. Г., Андреев М. К., Збруева Ю. В., Гречухин И. В., Джуваляков С. Л. Оценка смертности от внешних причин по данным официальной статистики и региональной персонализированной информационной системы // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2. Ч. 2. С. 101—105. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.116.2.051>.

Dzhuvalyakov P. G., Andreev M. K., Zbrueva Yu. V., Grechukhin I. V., Dzhuvalyakov S. L. (2022). An Assessment of Mortality from External Causes According to Official Statistics and Regional Personalized Information System. *International Research Journal*. No. 2. Part 2. P. 101—105. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.116.2.051>. (In Russ.)

Дорошенко С. В., Санаева О. В. Оценка влияния долговой нагрузки на число самоубийств в регионах России // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 4. С. 97—117. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021.4.097-117>.

Doroshenko S. V., Sanaeva O. V. (2021) The Impact of Debt Burden on the Number of Suicides in the Russian Regions. *Spatial Economics*. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 97—117. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2021A097-n7>. (In Russ.)

Драпкина О. М., Самородская И. В., Явелов И. С., Кашталап В. В., Барбараш О. Л. Региональные различия показателей смертности от кардиологических причин в России: роль особенностей статистического учета // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2021. Т. 20. № 7. С. 163—171. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2021-2928>.

Drapkina O. M., Samorodskaya I. V., Yavelov I. S., Kashtalap V. V., Barbarash O. L. (2021) Regional Differences in Cardiac Mortality Rates in Russia: The Role of Statistical Features. *Cardiovascular Therapy and Prevention*. Vol. 20. No. 7. P. 163—171. <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2021-2928>. (In Russ.)

Иванова А. Е., Сабгайда Т. П., Семенова В. Г., Запорожченко В. Г., Землянова Е. В., Никитина С. Ю. Факторы искажения структуры причин смерти трудоспособного населения России // Социальные аспекты здоровья населения. 2013. № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30> (дата обращения: 07.04.2023).

Ivanova A. E., Sabgayda T. P., Semenova V. G., Zaporozhchenko V. G., Zemlyanova E. V., Nikitina S. Yu. (2013) Factors Distorting Structure of Death Causes in Working Population in Russia. *Social Aspects of Population Health*. No. 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/491/30> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Максимов С. А., Табакаев М. В., Артамонова Г. В. Группировка регионов Российской Федерации по соотношению фактической и смоделированной (по социально-экономическим показателям) сердечно-сосудистой смертности // Социальные аспекты здоровья населения. 2017. № 2. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2017-54-2-2>.

Maksimov S. A., Tabakaev M. V., Artamonova G. V. (2017) Grouping Russian Regions Based on Actual Versus Simulated Rates of Cardiovascular Mortality (Using Socio-Economic Indicators). *Social Aspects of Population Health*. No. 2. <https://doi.org/10.21045/2071-5021-2017-54-2-2>. (In Russ.)

Милле Ф., Школьников В. М., Эртриш В., Валлен Ж. Современные тенденции смертности по причинам смерти в России 1965—1994. Paris: INED, 1996.

Meslé F., Shkolnikov V., Hertrich V., Vallin J. (1996). Current trends in mortality by causes of death in Russia 1965—1994. Paris: INED. (In Russ. and French)

Сабгайда Т. П., Семенова В. Г., Евдокушкина Г. Н., Секриеру Е. М., Никитина С. Ю. Модификация причины смерти при статистическом учете смертности // Социальные аспекты здоровья населения. 2014. № 3. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/564/30/lang_ru/ (дата обращения: 07.04.2023).

Sabgaida T. P., Semenova V. G., Evdokushkina G. N., Sekrieru E. M., Nikitina S. Yu. (2014) Modification of Death Causes in Mortality Statistics. *Social Aspects of Population Health*. No. 3. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/564/30/lang_ru (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Семенова В. Г., Евдокушкина, Г. Н., Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С., Михайлов А. Ю. Социально-демографические потери, обусловленные смертностью населения России в период реформ (1989—2007 гг.) // Социальные аспекты здоровья населения. 2009. № 1. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/103/27/> (дата обращения: 07.04.2023).

Semenova V. G., Evdokushkina G. N., Gavrilov L. A., Gavrilova N. S., Mikhailov A. Yu. (2009). Social and Demographic Losses Caused by Death Rate of the Population of Russia During Reforms (1989—2007). *Social Aspects of Population Health*. No. 1. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/103/27/> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Семенова В. Г., Никитина С. Ю., Гаврилова Н. С., Запорожченко В. Г. Проблемы учета смертности от внешних причин // Здравоохранение Российской Федерации. 2017. Т. 61. № 4. С. 202—212. <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-4-202-212>

Semenova V. G., Nikitina S. Yu., Gavrilova N. S., Zaporozhchenko V. G. (2017) The Problems of Registration of Death Because of External Causes. *Health Care of the Russian Federation*. Vol. 61. No. 4. P. 202—212. <https://doi.org/10.18821/0044-197X-2017-61-4-202-212>. (In Russ.)

Юмагузин В. В., Винник М. В. Оценка уровня смертности от внешних причин в Республике Башкортостан в 2011—2012 гг. // Проблемы прогнозирования. 2017а. № 1. С. 125—138. URL: <https://ecfor.ru/publication/14-otsenka-uroven-smertnosti-vneshnie-prichiny/> (дата обращения: 07.04.2023).

Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. (2017a) Assessing Data on Mortality from External Causes: Case Study of the Republic of Bashkortostan. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 28. No. 1. P. 97—109. URL: <https://ecfor.ru/publication/14-otsenka-uroven-smertnosti-vneshnie-prichiny/> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Юмагузин В. В., Винник М. В. Проблемы статистического учета смертности от внешних причин в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017b. Т. 25. № 5. С. 265—268. URL: <http://www.medlit.ru/journalsview/socialhygiene/view/journal/2017/issue-5/583-problemy-statisticheskogo-ucheta-smertnosti-ot-vneshnih-prichin-v-rossii/> (дата обращения: 07.04.2023).

Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. (2017b) The Problems of Statistical Registration of Mortality Because of External Causes in Russia. *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. Vol. 25. No. 5. P. 265—268. URL: <http://www.medlit.ru/journalsview/socialhygiene/view/journal/2017/issue-5/583-problemy-statisticheskogo-ucheta-smertnosti-ot-vneshnih-prichin-v-rossii/> (accessed: 07.04.2023). (In Russ.)

Юмагузин В. В., Винник М. В. Оценка реального уровня убийств и самоубийств в регионах России // Социологические исследования. 2019а. № 1. С. 116—126. <https://doi.org/10.31857/S013216250003753-1>.

Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. (2019a) Assessment of the Real Rates of Homicides and Suicides in the Regions of Russia. *Sociological Studies*. No. 1. P. 116—126. <https://doi.org/10.31857/S013216250003753-1>. (In Russ.)

Юмагузин В. В., Винник М. В. Проблемы качества статистики смертности в России // ЭКО. 2019b. № 10. С. 54—77. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-10-54-77>.

Yumaguzin V. V., Vinnik M. V. (2019b). Quality Problems of Mortality Statistics in Russia. *ECO*. No. 10. P. 54—77. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-10-54-77>. (In Russ.)

Andreev E., Shkolnikov V., Pridemore W., Nikitina S. (2015) A Method for Reclassifying Cause of Death in Cases Categorized as “Event of Undetermined Intent”. *Population Health Metrics*. Vol. 13. Art. 23. <https://doi.org/10.1186/s12963-015-0048-y>.

Danilova I., Shkolnikov V., Jdanov D., Meslé F., Vallin J. (2016) Identifying Potential Differences in Cause-Of-Death Coding Practices across Russian Regions. *Population Health Metrics*. Vol. 14. Art. 8. <https://doi.org/10.1186/s12963-016-0078-0>.

Franca E., Ishitani L. H., Teixeira R., Duncan B. B., Marinho F., Naghavi M. (2020) Changes in the Quality of Cause-Of-Death Statistics in Brazil: Garbage Codes Among Registered Deaths in 1996—2016. *Population Health Metrics*. Vol. 18. Suppl. 1. Art. 20. <https://doi.org/10.1186/s12963-020-00221-4>.

Johnson S. C., Cunningham M., Dippenaar I. N., Sharara F., Wool E. E., Agesa K. M., Han C., Miller-Petrie M. K., Wilson S., Fuller J. E., Balassyano S., Bertolacci G. J., Davis Weaver N.; GBD Cause of Death Collaborators; Lopez A. D., Murray C. J. L., Naghavi M. (2021) Public Health Utility of Cause of Death Data: Applying Empirical Algorithms to Improve Data Quality. *BMC Medical Informatics and Decision Making*. Vol. 21. No. 1. Art. 75. <https://doi.org/10.1186/s12911-021-01501-1>.

Mahapatra P., Shibuya K., Lopez A., Coullare F., Notzon F., Rao C., Szreter S. (2007) Civil Registration Systems and Vital Statistics: Successes and Missed Opportunities. *Lancet*. Vol. 370. No. 9599. P. 1653—1663. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(07\)61308-7](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(07)61308-7).

Naghavi M., Makela S., Foreman K., O'Brien J., Pourmalek F., Lozano R. (2010) Algorithms for Enhancing Public Health Utility of National Causes-Of-Death Data. *Population Health Metrics*. Vol. 8. Art. 9. <https://doi.org/10.1186/1478-7954-8-9>.

Phillips D. E., Lozano R., Naghavi M., Atkinson C., Gonzalez-Medina D., Mikkelsen L., Murray C. J., Lopez A. D. (2014) A Composite Metric for Assessing Data on Mortality

and Causes of Death: The Vital Statistics Performance Index. *Population Health Metrics*. Vol. 12. Art. 14. <https://doi.org/10.1186/1478-7954-12-14>.

Rampatige R., Gamage S., Peirkis S., Lopez A. D. (2013) Assessing the Reliability of Causes of Death Reported by the Vital Registration System in Sri Lanka: Medical Records Review in Colombo. *Health Information Management Journal*. Vol. 42. No. 3. P. 20—28. <https://doi.org/10.1177/183335831304200302>.

Rockett I. R. H., Kapusta N. D., Bhandari R. (2011) Suicide Misclassification in an International Context: Revisitation and Update. *Suicidology Online*. No. 2. P. 48—61. URL: <http://www.suicidology-online.com/pdf/SOL-2011-2-48-61.pdf> (accessed: 6.04.2023)

Shkolnikov V. M., McKee M., Chervyakov V. V., Kiryanov N. A. (2002) Is the Link Between Alcohol and Cardiovascular Death Among Young Russian Men Attributable to Misclassification of Acute Alcohol Intoxication? Evidence From the City of Izhevsk. *Journal of Epidemiology and Community Health*. Vol. 56. No. 3. P. 171—175. <https://doi.org/10.1136/jech.56.3.171>.

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2263](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2263)

М. А. Мальцев

ОПЫТ АВТОРСТВА В СОЦИОЛОГИИ: БАЛАНС МЕЖДУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ КАНОНАМИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ СТИЛЕМ

Правильная ссылка на статью:

Мальцев М. А. Опыт авторства в социологии: баланс между институциональными канонами и индивидуальным стилем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 304—326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2263>.

For citation:

Maltsev M. A. (2023) The Authorship Experience in Sociology: The Balance Between Institutional Canons and Individual Style. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 304–326. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2263>. (In Russ.)

Получено: 28.06.2022. Принято к публикации: 21.02.2023.

ОПЫТ АВТОРСТВА В СОЦИОЛОГИИ: БАЛАНС МЕЖДУ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМИ КАНОНАМИ И ИНДИВИДУАЛЬНЫМ СТИЛЕМ

МАЛЬЦЕВ Михаил Алексеевич — аспирант кафедры анализа социальных институтов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: mamaltsev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7650-0293>

THE AUTHORSHIP EXPERIENCE IN SOCIOLOGY: THE BALANCE BETWEEN INSTITUTIONAL CANONS AND INDIVIDUAL STYLE

Mikhail A. MALTSEV¹ — PhD Candidate, Department for Social Institutions Analysis

E-MAIL: mamaltsev@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7650-0293>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье описывается логика, по которой авторы-социологи выстраивают баланс между индивидуальным стилем и институциональными правилами, распространяющимися на процесс написания текстов. Предпринимается попытка продемонстрировать особенности функционирования институционального контекста и способов, с помощью которых социологи адаптируются под существующие «правила игры». Показано, что практики написания текстов, во-первых, чувствительны к жанру (статья, рецензия, книга и т. д.), в зависимости от которого авторская свобода реализуется в большей или меньшей степени. Работа над научными статьями — институционально доминирующим жанром — может сопровождаться не только изменением позиции внутреннего критика, связанной с необходимыми компромиссами при взаимодействии с публикационными площадками и рецензентами, но и с формированием оптимальных публикационных стратегий, при которых предпочтение отдается журналам, лояльным к авторскому видению. Во-вторых, опыт авторства в социологии привязан к контексту, выходящему за пределы непосредственного написания текста, — вознаграждению

Abstract. The article describes the logic according to which sociological authors maintain the balance between individual style and institutional rules concerning text writing. Exploring the academic world of Russian sociology, I attempt to uncover the features of institutional context and how sociologists adapt to the existing “rules of the game”. It is shown that the practice of writing texts is sensitive to the genre. Essentially, the author’s balance between his or her style and institutional canons will change, increasing or reducing the degree of freedom depending on the genre. Writing a research article can be accompanied by a change in the position of the internal critic due to the need to compromise when interacting with publishing platforms and reviewers. Besides, it involves forming optimal publishing strategies, in which preference is given to journals that are tolerant of the author’s vision. I have concluded that the authorship experience in sociology is tied to the context beyond the text’s direct writing — remuneration for meeting publication standards, institutional pressure, and other factors.

за выполнение публикационных нормативов, институциональному прессингу и т.д. Рассматриваются альтернативные формы авторского высказывания (устные выступления, публикации в социальных сетях), которые меньше подвержены конвенционализации. В финале статьи предложены способы формулировки авторских идентичностей в терминах «признание/профессия», «Я/мы», «за-/внутритекстовое присутствие».

Ключевые слова: социология академической жизни, академическая коммуникация, авторство в социологии, публикационные стратегии, письмо в социологии, институциональные каноны письма

Благодарность. Статья основана на материалах магистерской диссертации, защищенной в НИУ ВШЭ в 2020 г. Этот текст — равно как и все исследование — не состоялся бы без людей, согласившихся на интервью и любезно доверивших свои истории. Автор также выражает благодарность Елене Юрьевне Рождественской, Алексею Рыжкову, Сергею Старцеву и Тимофею Алексееву за ценные критические замечания.

Keywords: sociology of academic life, academic communication, authorship in sociology, publication strategies, writing in sociology, institutional canons of writing

Acknowledgments. The article is based on the materials of the master's thesis defended at the HSE in 2020. This text — as well as the entire study — would not have taken place without people who agreed to an interview and kindly entrusted their stories. The author also thanks Elena Rozhdestvenskaya, Alexey Ryzhkov, Sergey Startsev, and Timofey Alekseev for valuable critical comments.

Введение

В повседневном языке термин «автор» используется довольно часто. Имя, помещенное над заголовком, обычно воспринимается как имя создателя текста. Люди пишут тексты и, закрепляя их за собой, претендуют на то, чтобы называться авторами. Но так ли все просто? Используя понятие авторства непроблематично, мы не думаем о противоречиях, которые его неизбежно сопровождают. Кого считать автором и какие правила распространяются на него? Череда подобных вопросов заслуживает внимательного рассмотрения — не в категориях обобщенного авторства, а применительно к его функциональности в конкретной области. В настоящей статье этой областью стала социология.

Бразильский антрополог Эдуарду Вивейруш де Кастру остроумно и точно описал один из главных трендов своей дисциплины: «Дезэкзотизация туземца, который теперь не так уж далек, имеет в качестве побочного эффекта значитель-

ную и относительно недавнюю экзотизацию антрополога» [Де Кастру, 2017: 10]. Социолог — фигура настолько же экзотичная, а его миссия не всегда прозрачна для внешних (и только ли для внешних?) аудиторий. Он сочетает несколько амплуа, трудно отделимых друг от друга. С одной стороны, есть процесс исследования и сопутствующие ему процедуры: постановка проблемы, выбор методологии, полевая работа и систематизация полученных данных, а также все то, что читатель мог неоднократно встречать в отечественной и зарубежной литературе, посвященной организации и проведению социологического исследования. С другой стороны, социолог — не только исследователь, но и человек, создающий тексты в соответствии с исторически и институционально закрепленной традицией письма, начинающейся с плавающих канонов жанра («как писать») и заканчивающейся оформлением списка литературы в том или ином научном журнале.

Разговор о текстах, которые пишут и публикуют социологи, — это разговор (а) о возможности вступать в академическую коммуникацию, где при определенных обстоятельствах можно быть услышанным и реализоваться в профессии; (б) о жизненных шансах, ведь подготовка статьи или отчета по гранту влияет на то, насколько благополучную жизнь будут вести их авторы. И, наконец, (в) создание текста представляет собой пространство борьбы, в которой авторский голос вступает в конфронтацию с конвенциями, распространяющимися на письмо. В каком институциональном контексте протекает работа над текстами и на что ориентируются авторы? Есть ли в современной социологической литературе место для индивидуального стиля? Как пишущий социолог находит себя в конвенциях и какие задействует стратегии? Как внутренний критик интериоризирует внешние — порой конфликтующие — правила? Цель настоящей статьи — описать логику, по которой выстраивается баланс между институциональными канонами (правилами написания текстов) и индивидуальным стилем (собственными запросами автора).

Переход к дальнейшему повествованию невозможен без одного замечания. Оно относится к определению канона. Это слово имеет более-менее четкие смысловые границы и традиционно описывает непреложные правила, которые регулируют различные сферы деятельности человека, однако найти содержательный смысл канона по отношению к письму в социологии крайне трудно. Нет возможности построить понятие, которое одновременно обладало бы внятными, легко операционализируемыми критериями и в то же время ложилось бы на представления людей, вовлеченных в написание текстов. Подобная дилемма затрагивается Говардом Беккером, правда, в контексте понятия «профессия», где обнаруживается конфликт между его исследовательскими и обывательскими формулировками [Becker, 1970]. Иными словами, канон для социологического текста, если следовать логике Беккера, — это не свод объективных правил, а образ действий, которым руководствуются агенты, существующие в этом поле отношений. Согласно этой точке зрения, напряжение между индивидуальным стилем и институциональными правилами связано с существованием различных интерпретаций самого канона, их наложением друг на друга. Таким образом, поиск баланса со стороны автора — это соотнесение собственных представлений и представлений контрагентов, задействованных в публикационном цикле (редакторов, рецензентов и т. д.).

Проблематизация статуса автора и его множественность

История авторства в гуманитарных науках — это в известной мере история декомпозиции понятия, возникшая в пику конвенциональной литературной критике, где логика интерпретации произведения зиждется на создавшем его человеке. Такой подход находит своих оппонентов в (пост-)структуралистском лагере и подвергается радикальной критике.

«Присвоить тексту Автора — это значит как бы застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо», — пишет Ролан Барт в эссе «Смерть автора», впервые опубликованном в 1967 г. [Барт, 1994: 389]. По его мнению, не автор использует язык, а скорее наоборот, язык использует автора, чтобы материализоваться в тексте. Письмо самодостаточно и не нуждается в навязчивом присутствии своего создателя. Среди участников «крестового похода» против автора можно обнаружить и Мишеля Фуко. Название лекции «Что такое автор?» уже само по себе скрывает основное напряжение — оно указывает на теоретическую и техническую конфликтность в отношениях между автором и произведением. Как имя автора функционирует в произведении и насколько легитимно его сведение к именуемому индивиду? Фукианский автор — это прежде всего функция. Его задача — собрать тексты и присвоить им ярлык в виде имени собственного. Это сделает возможными группировку и классификацию текстов, а также проведение границы между дискурсивными единствами, для которых имя конкретного автора выступает в роли критерия систематизации и противопоставления [Фуко, 1996: 21].

При этом наиболее интригующая сторона проблемы академического авторства заключена в его субъективном, феноменальном измерении при учете институциональных границ. Пусть пафос радикальных афоризмов и структуралистские претензии, например констатация смерти автора или же его сведение к простой функции, кажутся риторически эффектными, они оставляют за бортом авторскую идентичность, культурные хитросплетения, в которых она оказывается заключена.

Продуктивная попытка уловить многозначность природы авторства принадлежит Розалинд Иванич. В книге «Письмо и идентичность» она пишет, что позиция создателя текста — это средоточие множества идентичностей, способов позиционирования себя в письме [Ivanič, 1998]. Книга вдохновлена многолетним опытом работы Иванич с людьми, планировавшими вернуться в лоно образовательных организаций после длительного перерыва и столкнувшимися с трудностями в артикуляции собственного авторского «Я» при написании текстов. Причина тому — наличие различных бэкграундов и ролей, опытов, полученных вне образовательных универсумов и субъектных позиций внутри них. Интегрировать идентичности в новый контекст и приобрести новые — большой вызов и предмет исследовательских поисков. Описывая способы «позиционирования» автора, Иванич перечисляет четыре аспекта писательской идентичности: автобиографическая самость (self), дискурсивная самость, авторская самость и возможности для самости (possibilities for self-hood) [ibid.]. Автобиографическая самость — это идентичность, привносимая в письмо предшествующей жизненной историей (корнями, чувством принадлежности к какой-либо социальной группе и т. д.) и побуждающая людей писать так, как они это делают. Дискурсивная самость представляет собой впечатление,

которое стремится создать о себе автор сознательно или бессознательно. Авторская самость¹ — способ установить в тексте присутствие человека, оно конструирует его авторитет: в одном случае автор текста может ретушировать свой голос, уступая иным фигурам (например, классикам дисциплин), в другом — занимать сильную позицию. Наконец, возможности для самости — прототипические способы утверждения себя как автора в условиях того или иного институционального контекста, конфигурация возможностей, где реализуется авторский голос [ibid.].

Академические реалии, в которых существует социолог, — это пространство множественного авторства. В нем сложившиеся (и перманентно складывающиеся) идентичности подлежат проверке на прочность различными экзистенциальными логиками, жанровыми правилами и моделями письма. Настройки идентичности в зависимости от этого будут принимать своеобразные формы и влиять на то, как человек вписывает индивидуальные решения в систему существующих рамок и возможностей. Следующая часть обзора литературы посвящена институциональным условиям производства социологических текстов.

Письмо как форма организационной культуры

Что представляет собой авторская практика в поле социологического знания? В каких отношениях находятся автор и академическое сообщество, когда идет разговор о письме? Как «работают» научные тексты? Отвечая на эти вопросы, ряд исследователей указывают, что дисциплинарные корни изначально ставят социологию в неудобное положение и создают смысловое напряжение внутри ее границ. С одной стороны, развитие социологии характеризуется постоянными притязаниями на получение статуса науки (science), а с другой — она сильно инспирирована литературой [Lepenies, 1988]. «Два лица» социологии, как называет их Алан Вольф [Wolfe, 1990], воплощаются в разных интеллектуальных ориентациях, «научной» и «литературной», и публикационных стратегиях, выражающихся в противостоянии форматов книги и журнальной статьи. «Научная» ориентация предполагает вовлеченность в процесс непрерывного обновления знаний и требует от исследователей чаще и быстрее инициировать диалог с сообществом ученых, осуществляемый в форме публикации статей в научных журналах. В отличие от «научной», «литературная» ориентация имеет дело с долгоиграющими сюжетами и разнообразными стилями письма, рассчитывает на более высокую продолжительность жизни идей, а ее адепты отдают предпочтение формату книги [ibid.]. Так, подача журнальных статей отличается «короткой конструкцией предложений, эллиптическими выражениями, большей плотностью жаргонных и научных сокращений, множеством авторов, таблиц, стилистическим единообразием и более активным употреблением пассивного залога», в то время как книжный язык ассоциируется с «неторопливым развитием идей, меньшим вниманием к экономии изложения, отдельными авторами, уникальными стилями, использованием единственного числа первого лица, опорой на метафору и более сложными риторическими стратегиями» [ibid.: 479]. По мнению Вольфа, опирающегося на эмпирические данные о структуре американских факультетов социологии, выбор интеллектуального

¹ Родство слов «author» и «authority» (авторитет) здесь особенно значимо.

предприятия и диктуемой им публикационной политики не является свободным и ангажируется традицией того или иного департамента, в котором авторы занимают позицию [ibid.: 480—487].

Исследовательская драматургия, основанная на противопоставлении статьи и книги, не ограничивается стилистическими конвенциями и выбором дизайна исследования. Публикации — это организационный инструмент, с помощью которого извлекаются разные институциональные прибыли, по-своему влияющие на академическую карьеру и репутацию исследователя. Как показывают Элизабет Клеменс и соавторы, отсутствие единых стандартов оценивания книг и статей усложняет отношения между публикацией и профессиональным весом исследователя. Жанр, которому отдают предпочтение авторы, структурирует научные поля и формирует принципы восприятия текстов. Статьи — внутридисциплинарная валюта, утверждающая авторитет исследователя в узком профессиональном кругу и лучше ложающаяся на унифицированные критерии оценивания (например, двойное рецензирование), в то время как книга рассчитана на более широкую дискуссию, которая выходит за дисциплинарные рамки и локальный институциональный контекст [Clemens et al., 1995: 482].

Давид Понтий проводит сравнительное исследование публикационных паттернов в двух ведущих американских («American Sociological Review» и «American Journal of Sociology») и французских журналах («Cahiers Internationaux de Sociologie» и «Revue Française de Sociologie») в период с 1960 по 1995 г. Он отмечает тенденцию к росту публикаций, в которых задействованы количественные методы (в американской социологии их доминирование более отчетливо), и увеличение как числа работ, написанных в соавторстве, так и среднего количества авторов на одну статью [Pontille, 2003: 217—225]. После анализа публикационных трендов Понтий показывает, как происходило становление национальных социологических контекстов, обращая за теоретической опорой к дихотомии «научной» и «литературной» моделей Вольфа. По мнению Понтия, авторские практики в послевоенный этап развития социологии в США формировались под влиянием точных наук и сопровождалась институционализацией экспериментальных и количественных методов, попавших в американскую социологию транзитом через психологию (вспомним, например, Пола Лазарсфельда), а их активная поддержка привела к утверждению публикационной структуры IMRAD (Introduction — Method — Results — and — Discussion), которая наилучшим образом соответствовала внутренней логике исследований с использованием подобных методов. Кроме того, активное сотрудничество с коммерческим сектором практически закрепило за социологией в США статус полноценной профессии [ibid.: 225—231]. Во Франции же социология развивалась под крылом истории и этнографии, что во многом определяло ее публичный образ в терминах призвания (в этом различии улавливается аллюзия на название известной лекции Макса Вебера) и легитимировало «литературную» модель письма [ibid.: 231—237].

Авторство в академическом мире строится на мозаике авторств других людей. «Сама форма научной статьи в том виде, в каком она сформировалась за последние три столетия, требует, чтобы авторы указывали, на чьих плечах они стоят — гигантов ли, или, как это чаще всего бывает, на плечах мужчин и женщин среднего

для вида *scientificus* роста», — писал Роберт Мертон [Мертон, 1993: 272]. Цитирование — это еще один элемент академического текста, с помощью которого автор артикулирует свою мысль. Апелляция к существующим работам не только позволяет закрепить высказывание за тем или иным именем и признать заслуги человека, когда-то вовлеченного в дискуссию, но и служит средством приобщения к интеллектуальной традиции, которой маркирует себя автор. Ученые как члены профессионального сообщества активно участвуют в производстве знаний, а значит, их дискурсивные решения находятся под влиянием запросов, исходящих из их собственных дисциплин [Hyland, 1999: 363].

Тем не менее современное цитирование — это область, где ведется ожесточенная гонка за внимание, а упоминание автора в других работах (чем выше индекс Хирша, тем лучше) считается доступным показателем академического престижа. При этом состоявшиеся авторы имеют преимущества и потому продолжают аккумулировать институциональный капитал, приумножая свой авторитет [Klamer, Dalen, 2002; Korom, 2019]. Как пишет Стив Фуллер, распределение публикационного внимания в подобном ключе оборачивается негативными последствиями для исследователей, не снискавших популярности среди коллег. Он утверждает, что введение «программы оценки качества исследовательской работы в учебных заведениях» (Research Assessment Exercise, RAE) погружает академических сотрудников (академиков, как он их называет, противопоставляя интеллектуалам — людям, не ангажированным институциональной структурой типа университета) в парадигму «производства знания», характеризующегося чрезмерным цитированием и, как следствие, отчуждением идеи от мыслителя: «Это возвращает культуру зависимости, которая вознаграждает академиков за подвиги чревоущательства, то есть речь посредством чужого авторитета. Результатом становится институционализованный трюсость» [Фуллер, 2018: 189].

Высказывания Фуллера довольно радикальны. Конечно, избыточное цитирование в научных публикациях, названное «подвигами чревоущательства», может стать объектом ожесточенной критики, однако цитаты выполняют важную социализирующую функцию, помогая автору, особенно начинающему, выстраивать свою аргументацию и приобретать собственный голос. Кроме того, «речь посредством чужого авторитета» кажется совершенно нормальным явлением, поскольку именно так работают правила игры, канон — как дискурсивный, так и институциональный. Уважение к канону и правилам игры помогает структурировать авторские практики, сделать их считываемыми для академического сообщества. Позиция Фуллера же выступает в роли примера, скорее утверждающего статус-кво, нежели его низвергающего. Проблематизация иерархий возможна, но только в том случае, если исходит от человека, встроенного в систему академической коммуникации и обладающего достаточным авторитетом для ее критики.

Политика авторства в академическом мире неизбежно ориентируется на рецензирование. Через эту инстанцию должен пройти любой академический текст, претендующий на присутствие в уважаемых журналах, редакция которых принимает решение о размещении работ на основе peer review. Рецензирование призвано утвердить статус публикации, подвергнуть авторские притязания критической оценке, а также улучшить качество материала. Влияние peer review вы-

ходит за пределы пространства текста, ведь процесс рецензирования важен как для банка научного знания, увеличивающего свои резервы за счет вклада ученых, так и для их карьер, выстраивание которых мотивируется куда более практически соображениями о финансовом вознаграждении и признании заслуг [Pfeffer, 1993]. В таких условиях вердикт рецензента может иметь решающее значение для профессиональной судьбы автора, а вопросы справедливости оценивания приобретают особую актуальность. Харриет Цукерман и Роберт Мертон отмечают, что рецензенты не снабжены однозначно заданными критериями оценивания (обоснование оценки чаще всего возникает постфактум), которые позволили бы подвести весь процесс оценивания под общий знаменатель [Zuckerman, Merton, 1971]. Помимо этого, в гуманитарных журналах существует вероятность совершения ошибки второго рода: редакторы предпочитают отвергнуть достойную рукопись, нежели принять ничего не стоящую (worthless) [Bakanic, McPhail, Simon, 1987]. Рецензирование — очевидно, что в нем замешан человеческий фактор, — потенциальный источник предвзятости. Одна из ее составляющих находится в сфере социального капитала и академического авторитета: работам именитых авторов, даже при анонимизации процедуры, чаще дают зеленый свет, рукописи же молодых исследователей подвергаются дисциплинирующему воздействию [ibid.]. Другая составляющая связана с парадигмальностью исследовательского мышления. Автор, рецензент и (иногда) редактор как участники академического диалога, особенно если он протекает между представителями разных областей знания, интерпретируют свое взаимодействие с разных позиций, обусловленных влиянием интериоризированной парадигмы. Например, «консервативные» журналы редко принимают «прогрессивные» статьи, отдавая предпочтение работам, соответствующим их когнитивным и стилистическим требованиям [Travis, Collins, 1991]. Рецензирование книг, уже не анонимное, и отбор редколлегией издательства рукописей для дальнейшей публикации также создают внутреннюю напряженность экспертизы. Как редакторы решают, какой текст им следует выбрать? Опираясь на опыт работы в двух коммерческих издательствах научной литературы, Уолтер Пауэлл описывает различные способы влияния внутренней политики и внешних сетей на решения о публикации материала. Он утверждает, что грамматика взаимодействия агентов в издательском поле носит кулуарный характер и образуется с помощью сетей неформальных отношений («Этот редактор, мой хороший друг, приезжает в гости. Не хотите ли присоединиться к обеду и рассказать ему о книге, над которой вы работаете?»), заполняющих пробелы в формальной структуре и позволяющих редакторам выполнять свою профессиональную миссию [Powell, 1985: XXI].

Представленный обзор литературы призван показать, что публикация текста имеет множество культурных и институциональных измерений: сложившиеся национальные школы, доминирующие научные парадигмы и жанрово-стилистические маркеры, инстанции цитирования и рецензирования. Автор социологического текста — это неизменно фигура, испытывающая влияние различных социальных сил. Тем не менее вопрос написания текста должен быть адресован тому, кто занимается этим профессионально, проблематизирует отношения между индивидуальным стилем и жанровыми конвенциями на собственном

опыте, формулирует различные идентичности на этой основе и способен давать рефлексивные оценки.

Сбор данных, эмпирическая база и метод анализа

Как авторы-социологи выстраивают баланс между своими собственными предпочтениями и требованиями институциональных канонов? Используемое в биографических исследованиях, нарративное интервью было выбрано в качестве ключевого метода сбора первичных данных. Предварительно заданные сюжетные линии служили точкой опоры для исследователя, позволяя сопоставить несколько рассказов и сделать значимые обобщения по интересующим его темам.

Статья, предложенная вниманию читателя, имеет дело с двумя тематическими блоками, включенными в разработанный гайд интервью. Один из них охватывает профессионализацию письма и институциональный контекст, где информанты с экспертной позиции оценивают процесс написания научных текстов. Другой сконцентрирован на авторской рефлексии: информант анализирует собственный статус в динамике и выделяет отличительные особенности, составляющие его авторский почерк².

Логика отбора подчинялась двум принципам. Во-первых, степень, звание и должность человека в научном мире утверждают его профессиональное положение. Чем они выше, тем, вероятнее всего, больше работ (в количественном отношении) опубликовал автор. Институциональный статус может свидетельствовать о многолетнем опыте публикаций, поэтому в рамках настоящего исследования степень кандидата наук была обязательным критерием отбора, статус доцента или старшего/ведущего научного сотрудника — предпочтительным, но не обязательным³. Во-вторых, профессиональные интересы и исследовательская методология также оказывают влияние на специфику авторского высказывания. Учитывая, что исследования могут классифицироваться по множеству параметров, выборка включала в себя социологов, которые либо работают в разных традициях (качественной/количественной, теоретической/эмпирической), либо их совмещают. Подобранный критерий и упомянутые принципы различения не кажутся безупречными и делают процедуру отбора чувствительной к индивидуальному вкусу. Но все же они необходимы для того, чтобы увеличить представленность авторских типажей и сделать итоговую интерпретацию как можно более многогранной. Кроме того, приветствовался опыт публичных выступлений по областям, в которых специализируются информанты. По исследовательской задумке, публичные выступления отражают коммуникативные навыки собеседников, в частности навыки сторителлинга, и служат свидетельством их желания делиться профессиональными историями, что в конечном счете способствует успешному проведению интер-

² В гайд также вошли следующие подкатегории: опыт письма, предшествующий попаданию информанта в поле академического знания; приобщение к культуре написания академических текстов; соавторство как модус письменного высказывания. Поскольку фокусировка статьи и требования по объему ограничивают выбор сюжетов, эти подкатегории остались за рамками повествования.

³ К сожалению, обратная сторона такого подхода — догматичность, привязывающая статус автора к его/ее институциональным заслугам и оборачивающаяся для исследователя риском упустить из виду тех людей, которые по каким-либо причинам не стали обладателями кандидатской степени, но снискали репутацию оригинальных и/или продуктивных авторов.

вью. Выбор институций, с которыми аффилирован автор, не мог быть подчинен жесткой логике, но исходил из некоторых положений. Первое из них — репутационное: выбранные школы формируют имидж российской социологии в публичном пространстве, например, их представители выступают на различных научно-популярных мероприятиях и порталах, публикуются в англоязычных журналах и включены в пространство международных академических коммуникаций.

Второе положение связано со значительным присутствием социологов, занимающих позиции в Высшей школе экономики (НИУ ВШЭ). Информация на персональных страницах сайта НИУ ВШЭ свидетельствует о том, что для большинства работающих в ней социологов она не является альма-матер, а значит, их профессиональное и интеллектуальное формирование происходило в других академических контекстах. Попав в Высшую школу экономики, они уже могли быть состоявшимися исследователями. Кроме того, в НИУ ВШЭ сосуществует множество кафедр, научно-исследовательских центров и лабораторий, которые исповедуют разные теоретические и методологические традиции. Этим объясняется преобладание исследователей из НИУ ВШЭ в списке информантов.

В результате отбора было проведено 11 интервью. Близкие по смыслу нарративы, которые обыгрывались информантами, были сгруппированы в кросс-сюжеты — более крупные тематические множества, объединяющие опыт информантов. Кросс-сюжеты составлялись на основе тех транскриптов, в которых рассказы информантов вступали в отношения согласия или перекликались друг с другом. Обнаружение параллелей между несколькими кейсами подразумевало приближение к достоверности и уплотнение качества итоговой интерпретации. Список информантов представлен в таблице 1.

Таблица 1. Список информантов (в порядке проведения интервью)

Автор	Пол	Аффилиация
Информант № 1	Мужской	Европейский университет в Санкт-Петербурге
Информант № 2	Мужской	Европейский университет в Санкт-Петербурге
Информант № 3	Мужской	Российская академия народного хозяйства и государственной службы
Информант № 4	Мужской	Центр независимых социологических исследований
Информант № 5	Женский	Высшая школа экономики
Информант № 6	Мужской	Московская высшая школа социальных и экономических наук
Информант № 7	Женский	Высшая школа экономики
Информант № 8	Женский	Высшая школа экономики
Информант № 9	Женский	Высшая школа экономики
Информант № 10	Мужской	Высшая школа экономики
Информант № 11	Женский	Европейский университет в Санкт-Петербурге

Беглый просмотр таблицы наводит на мысль о «столичности» сконструированной выборки. С одной стороны, это ограничивает исследование. Разумеется, социология в России не сводится к московским и петербургским исследователям. Известно множество региональных школ, в которых проект российской социологии получил свое оригинальное и органичное развитие⁴. Изучение их представлений об авторских практиках могло бы стать логичным продолжением настоящего исследования. С другой стороны, исследование носило разведывательный характер, так что исходная выборка может быть масштабирована в будущем.

Результаты исследования представлены в четырех разделах. В первом описывается контекст, в котором происходит публикация статей. Статья — доминирующий жанр в системе академической коммуникации, а регулярные публикации в научной периодике — вопрос не только реализации писательской идентичности, но и соответствия различным КРП, к которым привязаны бонусы и поощрения (не в последнюю очередь финансовые). Здесь конструирование баланса между индивидуальным стилем и институциональными канонами имеет множество нюансов и заслуживает отдельного рассмотрения. Во втором разделе разбираются особенности авторского бытования в других жанрах. В третьем разделе предложены альтернативные формы авторского высказывания, которые испытывают на себе эффект конвенционализации в меньшей степени. В финальном разделе авторские идентичности обобщаются в виде оппозиций («признание/профессия», «я/мы» и «за-/внутритекстовое присутствие»). То, как человек видит свое место в системе социологических текстов и как выстраивает баланс между индивидуальным стилем и институциональным канонами, — это в том числе вопрос идентичности, которую он для себя формулирует.

Анализ кросс-сюжетов: публикация статей и институциональный контекст

Оканчивая обучение в аспирантуре и/или приобретая аффилиацию (это может произойти и на более ранних стадиях) и продолжая академическую карьеру, начинающий автор обнаруживает себя профессиональным исследователем, которому нужно публиковаться на постоянной основе⁵. Когда сертифицированные исследователи выходят в свободное интеллектуальное плавание и освобождаются от регуляций, которые прежде определяли их публикационную стратегию, они должны выстраивать свой план работы самостоятельно. С одной стороны, это становится источником внутреннего дискомфорта, а с другой, существенно увеличивает возможности выбора:

⁴ Например, можно упомянуть новосибирскую экономико-социологическую школу, а также важные точки социологического притяжения в Екатеринбурге, Самаре, Ульяновске, Иркутске [см. Соколов, 2009].

⁵ Выбор этапа, привязанного к завершению аспирантуры (получению степени) как стартовой точки анализа, продиктован тем, что тексты, которые пишутся до этого момента, носят квалификационный характер (например, в бакалавриате и магистратуре это явно отражено в названии финальной работы — «Выпускная квалификационная работа»). Иными словами, они призваны проверить, соответствует ли человек критериям и компетенциям, заложенным в образовательную программу. Обучение в аспирантуре сопровождается написанием статей, но привязано к процедуре защиты диссертации и регламентируется особыми правилами. Получение степени представляет собой «обряд перехода» в статус полноправного члена академического/профессионального сообщества. Исследовательская биография далеко не всегда последовательно проходит через все институциональные этапы (специалитет — аспирантура, бакалавриат — магистратура — аспирантура и т. д.). Тем не менее подобный трек может рассматриваться в качестве конвенционального и институционально поощряемого (например, в вопросах выдачи грантов, включения в преподавательский состав образовательных организаций и т. д.).

...В моей работе три главы, введение и заключение, объект, предмет. Понятно, что все это не любили — и правильно делали, но когда вырывались из этой клетки, то не очень понимали вообще, как писать, зачем, для чего. (Информант № 6, муж., МВШСЭН)

После аспирантуры, когда отпадают ваковские нюансы, человек начинает дышать свободнее. (Информант № 7, жен., НИУ ВШЭ)

В этот период авторской биографии начинается активный диалог с публикационными площадками, в частности с научными журналами, а индивидуальный стиль либо соотносится с внешними силами, либо вступает с ними в конфронтацию. Проблема заключается в том, что взаимодействие между авторами, рецензентами и научными журналами не протекает по универсальному протоколу, оно зависит от институционального контекста и каждый раз пересматривается вместе с его сменами.

Нельзя сказать, что в России нет форматов производства академических текстов. Проблема другая — форматов больше, чем один. И они толкают в разные стороны. (Информант № 6, муж., МВШСЭН)

Текст, который готовится к публикации, проходит через руки институциональных агентов. Общение автора и научного редактора может быть несбалансированным. Последний оказывает влияние на фактуру работы и даже может отключить автора от согласования ее финальной версии. Разворачивающиеся на фоне отсутствия диалога, подобные интервенции бьют по авторскому восприятию собственного текста и ставят вопрос о степени участия автора в высказывании:

И вот это та причина, по которой я с трудом перечитываю свои собственные тексты, потому что у меня ощущение, что, несмотря на то что во всех этих текстах я являюсь единственным автором, у меня ощущение, что этот текст со мной писал кто-то еще, потому что там такое огромное количество правок литературных, которые, с моей точки зрения, не являются необходимыми. (Информант № 10, муж., НИУ ВШЭ)

Болезненное переживание неудачного опыта публикаций и чувствительные компромиссы в процессе длительных практик письма вынуждают авторов подходить к своей публикационной стратегии как можно более тщательно. Публикация — это своеобразный формат игры, в которой автор либо организует и модифицирует свою дискурсивную политику вокруг требований журнала, схватывая конкретный формат, либо же ориентируется на предыдущий опыт и выбирает площадки, соответствующие его/ее ожиданиям и разделяющие авторское видение. Кроме того, степени свободы высказывания могут вырабатываться в рамках диалога между участниками, если не считать ситуации, когда консенсус становится невозможным.

Там [в формате статьи] очень четкие, понятные языковые требования, структурные требования, требования по ссылкам, по тематике, по всему прочему. Если ты улав-

ливаешь вот эти вот флюиды из воздуха, как он устроен, то очень можно быстро научиться писать абсолютно любой текст в формате академической статьи российской. (Информант № 4, муж., ЦНСИ)

Здесь в качестве степеней свободы такими крайними случаями можно считать то, когда от вас требуют сделать то, чего вы не хотите, или наоборот <...> вам запрещают напечатать то, что вы хотите сказать по этому поводу. Я считаю, что это вот два исключительных случая, которые можно считать ограничителями моей творческой свободы. Все остальное — это вопрос договоренности в той или иной мере. (Информант № 7, жен., НИУ ВШЭ)

Не всякое взаимодействие с рецензентом имеет негативные коннотации. Наоборот, оно может восприниматься авторами как способ улучшения качества текста. Дополнительное прочтение и конструктивная критика, не нарушающая концептуальное единство статьи, позволяют автору поставить свое имя на более проработанном материале.

...Я уже давно публикуюсь, где хорошие редакторы: они тебя раздражают, бесят, нервнируют, а потом ты немножко приходишь в себя и понимаешь, что, после того как ты прореагировал на эти комментарии и замечания, статья стала гораздо лучше. И любое переписывание статьи делает ее более качественной. (Информант № 11, жен., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Социальные капиталы, накопленные в течение профессиональной карьеры, защищают авторское высказывание. Имея представление о занимаемом положении и общем объеме собственной репутации, автор может не только чувствовать себя увереннее в письме, но и отстаивать свою позицию в случае, если она не была принята. Разумеется, даже в таких условиях авторам приходится идти на компромиссы, однако институциональный вес дает возможность не считаться с исходящими извне требованиями или считаться с ними частично и не думать о соблюдении баланса между закрепленным каноном письма, материализуемым в комментариях рецензентов, и индивидуальными предпочтениями:

Это пока мне сходит с рук. То есть пока я чувствую, что могу проигнорировать в журнале [название журнала], я даже могу зачитать вам эти рецензии. Пока я верю, что я могу это игнорировать, это сойдет мне с рук. (Информант № 2, муж., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Публикацию научных статей обслуживает и экономическая логика. Материальное положение автора и возможность заниматься научно-исследовательской деятельностью требуют привлечения финансовых ресурсов (грантовой поддержки или поощрений со стороны организации, с которой аффилирован автор) и изменятся в зависимости от выполнения/невыполнения публикационных нормативов. Это выливается в институциональный прессинг, а автор, будучи привязанным к дедлайнам, вынужден вытеснять вопросы стиля и индивидуального почерка в письме на второй план:

А час у нас пошел в этом смысле текстовый капитализм, и <...> это очень сильно заставляя тебя, ну, производить эти, ну, такие конвейерные индустриальные пирожки статейные, потому что это валюта. (Информант № 3, муж., РАНХиГС)

Как говорил один персонаж кинематографический, «товарищи, деньги пока никто еще не отменял». Поэтому, ну, что делать? Это по-прежнему такой вот стимул, поэтому вынь и положи определенное количество баллов, которые начисляют за публикации. (Информант № 7, жен., НИУ ВШЭ)

Подобное положение дел приводит к метаморфозам фигуры внутреннего критика. Автор, оказавшийся в ситуации жесткого публикационного контроля и испытывающий постоянную нехватку времени, должен пересмотреть свой подход к организации текста, смягчив персональные требования, или же диверсифицировать публикационную стратегию, в рамках которой работа над одними публикациями считается приоритетной и сопровождается значительной когнитивной нагрузкой, в то время как другие тексты упрощаются, а их написание мотивируется прагматическими соображениями.

Но определенная потеря качества происходит, потому что я перехожу к каким-то более простым, более очевидным выводам, на проверку которых не требуется время. К сожалению, да. (Информант № 5, жен., НИУ ВШЭ)

Есть тексты, с разными целями написанные немножечко. Вот отчитаться [статьей] по гранту — ты понимаешь, что-то более простое, что-то более легкое, что-то менее трудозатратное. (Информант № 10, муж., НИУ ВШЭ)

Вопрос соотношения индивидуального стиля и институциональных канонов не ограничивается научной статьей, хотя этот формат доминирует в академическом мире. Подготовка, написание и публикация зиждется на ряде институциональных предписаний, регламентирующих количество работ и их тайминг (установленные дедлайны для ряда позиций в университетах и других научных организациях), а также требующих регулярного подтверждения аффилиации. Это лишний раз обостряет проблему индивидуального стиля и провоцирует пересмотр позиции внутреннего критика, приоритизацию цели в зависимости от того, что требуется в первую очередь — пройти через регуляторные мероприятия или реализовать свой авторский голос. Тем не менее авторы-социологи работают и в других жанрах, каждый из которых по-своему влияет на то, как мысль будет представлена в тексте. Их специфику рассмотрим ниже.

Жанры и степени свободы авторского высказывания

Несмотря на то что конвенциональным мериллом исследовательской продуктивности является научная статья⁶, социологи создают тексты и в других жанрах. Первое, на что должен ориентироваться автор, — это аудитория, к которой он об-

⁶ С точки зрения предложенной темы структурные требования к авторам при написании англоязычной и русскоязычной статьи различаются незначительно, разве что уровнем когнитивной нагрузки.

ращается. Примечательно, что в разговоре об авторстве информанты акцентируют внимание на значимости того, для кого они пишут. Читатель представляет собой важную часть при позиционировании авторского «Я», манифестации индивидуальных запросов в тексте. Таким образом, содержание сообщения привязано к аудитории и обуславливает выбор того или иного жанра.

У текста, который вы пишете, тоже очень предельно конкретный и ограниченный круг адресатов. Лучше их представлять с точностью до человека, еще лучше — с точностью до лица этого человека, с точностью до выражения лица, с которым он этот текст будет читать. (Информант № 6, муж., МВШСЭН)

Как показал обзор литературы, первичная классификация жанров в социологии отражается в противостоянии двух форматов высказывания — научной статьи и книги. Если вопрос связи авторского голоса и канонов проявляется в статье наиболее отчетливо, то книга имеет свои отличительные особенности. Она повышает степень повествовательной свободы и увеличивает присутствие автора, но создает для него дополнительные трудности. В научной статье индивидуальный стиль проходит проверку конвенциями, в то время как книжный формат подвергает испытанию авторский голос, оценивает его вариативность. Безусловно, автор книги должен подчиняться тому или иному набору конвенций (например, правильно оформлять ссылки), однако куда более серьезный вызов связан со сторителлингом — умением оригинально разворачивать мысль в условиях большого объема текста:

А книжка — это, конечно, красивый сюжет, красивое умение держать читателя. <...> Потому что книжка — это неконвенциональная структура как раз. В книжке очень важно понимать за счет чего ты будешь, структурно, держать читателя. (Информант № 4, муж., ЦНСИ)

Жанр рецензии по-своему организует взаимодействие между выражением авторской позиции и правилами ее оформления. В этом случае индивидуальный авторский почерк ограничивается текстом, относительно которого выражается мнение. Учитывая, что автор рецензии прикован к источнику, степень свободы высказывания зависит от аналитической рамки, задаваемой исходным текстом, а также от его тематического репертуара. Пусть последний критерий и является универсальным для всех социологических жанров, рецензия требует от автора максимально подробного погружения в библиографический контекст, который примыкает к ее тематическому полю.

Это такое [разговор о рецензии], да, более, может быть, формальное, более аналитическое письмо, которое требует от тебя большого знакомства с полем и не сильно поддерживается — ничем, кроме [как] необходимостью этого для академического сообщества. В русскоязычных журналах это [рецензия] ни фига не легче, это требует огромной работы. В принципе да, рецензия чуть более формальна, чуть менее личностна. (Информант № 5, жен., НИУ ВШЭ)

Авторы-социологи участвуют и в создании учебно-методической литературы, рассчитанной на свой круг адресатов. Учебно-методическая литература чувствительна к аналитическому языку, который далеко не всегда поддается переводу в новый регистр. Это оказывается ключевым фактором, препятствующим полноценному переносу авторской мысли.

С одной темой, допустим, у меня получается опуститься, приземлить с помощью каких-то иллюстраций, цитат, необязательно цитат из книг научных. А другие темы для меня не поддаются такому приземлению. <...> Вот эта вот, да, пропасть, наверное, и есть отсутствие вот этих вот творческих возможностей. (Информант № 7, жен., НИУ ВШЭ)

Еще один формат письма — реферат. Он подразумевает максимально достоверное изложение первоисточника. Очевидно, что подобная жанровая специфика накладывает отпечаток на индивидуальный стиль и сужает пространство для авторского высказывания. Как показывают интервью, если профессиональная социализация автора была связана с написанием рефератов, то его взгляд на «правильные» представления о научном стиле может быть конвенционализирован.

И там тоже не было публикаций вот в полном смысле слова. Там были рефераты. Это просто такой специфический жанр, но это тоже мне помогло, потому что, когда ты пишешь реферат по статье, ну, вот тот правильный научный реферат, ты очень глубоко в эту статью проникаешь. Материал может быть тебе даже не близок, но ты как бы учишься. (Информант № 8, жен., НИУ ВШЭ)

Следующий тип жанра — заявка на предоставление гранта / отчет по гранту — может и не восприниматься как пространство, в котором понятие авторства является легитимным, однако этот сюжет неоднократно упоминался во время интервью, где рассматривался в качестве неотъемлемой части повседневности социолога. Заявка/отчет по гранту — это функциональный документ, в котором важность индивидуальной позиции, актуализируемой в письме, не необходима или вовсе неуместна (что интересно, даже при описании такого формата письма используется лексика, снимающая претензии на субъектность). Подобный жанр выполняет конкретные задачи и требует воспроизведения конвенциональной структуры, а его содержание должно быть доступным для адресата.

...Это трехсотстраничный отчет по госзаданию, который является заполнением страниц, для того чтобы поменять эти страницы на несколько миллионов рублей, которые позволяют тебе и твоей научной группе существовать. (Информант № 3, муж., РАНХиГС)

Бытование в поле социологического знания требует от человека совмещать сразу несколько повествовательных режимов и владеть разными форматами письма. Степени авторской свободы чувствительны к жанру, в котором производится высказывание. В одном случае это вопрос функциональной необходимости, следования предельно формализованным процедурам (как в случае с отчетом или заявкой по гранту), поэтому вопрос степеней авторской свободы вовсе

не стоит на повестке. В других случаях манифестация авторского «Я» и выработка отличительного почерка необходима, поскольку без этого невозможно построить эффектный сторителлинг и завоевать читательское внимание. Более того, баланс между индивидуальным стилем и институциональными канонами — это не только вопрос выбора жанра и формирования публикационной стратегии, но и весьма важная часть идентичности социолога, выраженная в самоописаниях и нарративах, имеющих отношение к профессии.

Альтернативные формы авторского высказывания

Авторство в социологии материализуется в других дискурсивных формах, не ограничивающихся письмом и его конвенциональными жанрами. Жизнь социолога связана и с устными высказываниями, которые часто выступают в роли альтернативы высказываниям письменным. Устные выступления не подвержены дисциплинирующему воздействию в той мере, в какой это происходит с текстами, и, будучи не настолько обременительными, создают для автора риторический комфорт и дополнительные степени свободы. Кроме того, если речь заходит о научно-популярном выступлении, то это увеличивает размер потенциальной аудитории авторского высказывания и позволяет апробировать материал, еще не превратившийся в полноценную публикацию.

Мне нравится выступать с докладами отчасти потому, что это способ проиграть вот такие разные композиции возможной статьи, дешевый, не занимающий так много времени. (Информант № 2, муж., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Аналогичные функции в жизни авторов выполняет Facebook*⁷, прочно утвердившийся в качестве части российского интеллектуального климата. Facebook* предоставляет трибуну для высказывания и помогает автору как увеличить свой авторитет среди коллег и привлечь внимание институциональных агентов, разделяющих с ним профессиональное пространство, так и выйти на новый уровень публичности и накопить дополнительный социальный, медийный и прочий капитал.

Да неееет. Все же научные тексты пишут. Ну, в смысле, она [наука] там чуть-чуть менее ответственная, наверное. Она проще, но я думаю, что там просто и происходит наука, в Facebook. А не в журнальных статьях. Ну да, это такой забавный факт. (Информант № 3, муж., РАНХиГС)*

Я просто пишу, ну, я знаю, как писать. Если я хочу написать что-нибудь залихватское, например, но я, кстати, не очень хочу, но если захочу написать что-нибудь залихватское, то я опубликую это на Facebook, и тут же прибежит три журналиста с просьбой опубликовать это где-нибудь [название ресурса], поэтому у меня даже проблемы такой нет. (Информант № 11, жен., Европейский университет в Санкт-Петербурге)*

Интеллектуальная жизнь протекает и за пределами академического мира, а присутствие на альтернативных площадках позволяет автору извлечь допол-

⁷ Здесь и далее знак * означает — деятельность социальной сети, запрещенной на территории РФ.

нительную институциональную прибыль, свести эффекты конвенционализации к минимуму, миновать регуляторные инстанции, инициировать участие в диалоге, где информация циркулирует намного быстрее, и обрести собственный голос, если такая потребность возникает.

Статус автора: «Я» vs «Мы», «призвание» vs «профессия», «внутри» vs «за пределами текста»

Структурные различия, вынесенные в название параграфа, — это скорее идеально-типические конструкции, которые основаны на самоописаниях, нежели эмпирические образцы, полноценно представленные в той или иной биографии. Авторы могут совмещать характеристики или пересматривать свою идентичность в зависимости от биографической ситуации. Тем не менее выделение контрастных типажей позволяет акцентировать внимание на максимумах, которые авторы-социологи находят важными. От чьего лица говорит автор? Этот вопрос не сводится к одной лишь репрезентации в тексте, а свидетельствует о тех значениях, которые человек приписывает всей профессиональной биографии. Для кого-то статус автора подразумевает, что жизненный стиль и персональный почерк отражаются в письме, а значит, читатель должен понимать, кто стоит за той или иной мыслью. Отсюда подчеркнутая субъектность:

И поэтому мне кажется, что вот, ну, это достаточно долгий дебат, который сейчас продолжается в социологии, но уже меньше, — «Я» или «Мы» — ну для меня достаточно ясно было, понятно, что это «Я». Это «Я». (Информант № 5, жен., НИУ ВШЭ)

Другая позиция состоит в том, что автор в социологии не может преодолеть свой интеллектуальный путь в одиночку. Авторское «Я» — это продукт коллективного творчества, поэтому исследовательская идентичность, направляемая подобным тезисом, превращает автора в «одного из», ведь за его/ее фигурой скрывается целое исследовательское сообщество, в котором он/она авторизованы. Индивидуальный автор несет ответственность перед автором коллективным:

Тоже из убеждений, к которым я пришел, которые теперь меня формируют и определяют, — это представление, соответственно, о мыслительном коллективе, о том, что, собственно, в научном порождении текстов в большей степени, чем в порождении текстов песенных, стихотворных и так далее, — это, соответственно, коллективная работа, а не индивидуальные творения. <...> Единица высказывания — это не произведение, единица высказывания — реплика в каком-то уже существующем разговоре. (Информант № 6, муж., МВШСЭН)

Авторы могут по-разному интерпретировать и собственное участие в научной жизни. Очевидно, что в предложенном ниже различии они могут принимать как первую, так и вторую позиции, название которых было заимствовано у Макса Вебера. В одном случае роль автора описывается в терминах призвания, в другом же — в терминах профессии. Первые не ангажированы большими институциональными структурами и обладают относительной свободой при выборе ав-

торской стратегии, в то время как карьера вторых мотивируется экономическими логиками, а такой типаж авторов привязан к вполне конкретному перечню жанров (как правило, это научные статьи и заявки/отчеты по грантам).

...Я не институционализирован, у меня нет заработной платы, которую мне платит университет. <...> То есть если б у меня была кровь из носу задача опубликовать две статьи, чтоб меня не выгнали, дали надбавки, то я бы по-другому говорил. Я даже думаю, что это, скорее всего, было бы так. Опять же, я себя поставил в ситуацию, когда мне как бы разрешено то, что мне хочется. Так часто и в таком виде, в котором мне это хочется делать. Вот и все. (Информант № 4, муж., ЦНСИ)

Профессиональный ученый — это когда деньги за это получаешь. (Информант № 3, муж., РАНХиГС)

Интенсивные практики письма и рост культурного багажа снабжают авторский почерк отличительными особенностями и делают его узнаваемым в кругу коллег. Автор может отыгрывать индивидуальные стилистические сценарии и воплощать свое видение множеством способов, будь это эффектная первая фраза, обращение к аллюзиям или использование примечаний. Даже если письмо локализуется в условиях, в которых конвенции изначально ограничивают репертуар возможных выборов, автор в состоянии высвободить пространство для того, чтобы вернуть собственную мысль в оригинальной манере:

Мне нравится очень много вещей, но сноски, честно говоря, я люблю гораздо больше, чем основной текст. В сносках можно развернуться, сноски — это такие реплики в сторону, сноски создают какой-то объем, когда кроме одного повествования появляются разные интересные отвороты, они создают ощущение глубины. (Информант № 2, муж., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Текст — это часть более масштабной миссии, поэтому авторские полномочия могут выходить за границы письма, подчиняясь принципу, согласно которому социолог — это сначала исследователь и только потом автор. Иными словами, выверенная методология, филигранный дизайн и тщательным образом собранные данные — это то, на чем сосредоточены обладатели такой идентичности. Здесь идентичность исследователя берет верх над идентичностью автора.

Письмо — это в каком-то смысле, как это сказать, атрибут моей научной и творческой работы, а не сама по себе самоценность. (Информант № 11, жен., Европейский университет в Санкт-Петербурге)

Хотя исследования значительно влияют на то, как социолог формулирует свое профессиональное «Я», последующее написание текстов по их результатам может порождать новую идентичность — идентичность автора, которая становится важной составляющей в мировоззренческих и профессиональных ориентирах.

Например, я помогаю писать тексты своим аспирантам. Иногда моего участия там много. Ну, вот реально много, да. И все же совестливые, здравые люди. Они говорят: «Ну, давайте Вы будете соавтором?» А я понимаю, что точно нет. Что да, там много моих идей, но точно нет. Это не то, на что я готова поставить свою фамилию. То есть я стараюсь не снижать каких-то требований... <...> Или потому что письмо — это очень важная часть моей идентичности как исследователя. (Информант № 5, жен., НИУ ВШЭ)

Идентичность задает восприятие баланса между индивидуальным стилем и институциональными канонами, а также участвует в его конструировании. Вопросы «Кто я в тексте?» и «Для чего я пишу?» чрезвычайно важны для автора. Отвечая на них определенным образом, он/она принимает решение, как формулировать собственные запросы и реагировать на внешний институциональный фон. Тем не менее идентичности, равно как и стратегии написания текстов, которые действуют, могут быть пересмотрены в зависимости от той или иной ситуации.

Заключение

История, представленная вниманию читателя выше, была написана самими информантами или стала результатом неявного диалога, в который им довелось вступить. Конечно, авторство глубоко переживается каждым человеком в разных культурных, институциональных и мировоззренческих ситуациях, но имеет общие паттерны, которые могут быть сведены к следующим тезисам. Во-первых, взаимодействие с представителями публикационных площадок не является исключительно контрадикторным, так как в процессе диалога участники могут прийти к компромиссу/консенсусу. Во-вторых, между фигурой внутреннего критика и требованиями институционального контекста существует напряжение, которое становится источником феноменальных переживаний и сопровождается пересмотром собственных подходов к письму. В-третьих, авторство в социологии — множественное, разным жанрам приписывается разный содержательный и дискурсивный статус. Следовательно, баланс между институциональными канонами и индивидуальным стилем имеет жанровое измерение. В-четвертых, категории, тематизируемые авторами, проливают свет на их исследовательскую идентичность и классифицируются в терминах акцентированной/ретушированной субъектности, призвания/профессии, за-/внутритекстового присутствия как комбинации амплуа исследователя и автора.

Завершающая мысль работы связана со статусом изучаемого сообщества и характером собранных историй. Рефлексия информантов имела социологический характер, а логика ее анализа корреспондировала с логикой рассказа самих авторов, что стало дополнительным осложнением при интерпретации. Единожды проблематизированная биография (опыт, облеченный в интерпретацию) цензурирует собственное содержание и с трудом подвергается повторной проблематизации (то есть интерпретации со стороны исследователя). Методологической находкой в таких условиях становится нарративный анализ, сосредотачивающийся не только на содержательной, но и на формальной стороне сообщения. Каким образом информанты говорят о себе как об авторах (в терминах «я/мы»)? Какие метафоры используют (например, научная статья как валюта, публикационная ак-

тивность как конвейер и т. д.)? Фокус на дискурсивной специфике высказывания мог бы стать интересным продолжением настоящего исследования.

Список литературы (References)

- Барт Р. Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 384—391.
- Barth R. (1989) *The Death of the Author*. In: *Selected Works: Semiotics. Poetics*. Moscow: Progress. P. 384—391. (In Russ.)
- Де Кастру Э. В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
- De Castro E. V. (2017) *Cannibal Metaphysics: For a Post-Structural Anthropology*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
- Мертон Р. Эффект Матфея в науке: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Альманах THESIS. 1993. № 3. С. 256—276.
- Merton R. (1993) *The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property*. *THESIS*. No. 3. P. 256—276. (In Russ.)
- Соколов М. М. Российская социология после 1991 года: интеллектуальная динамика «бедной науки» // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2009. № 1. С. 20—57. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/125> (дата обращения: 30.04.2023).
- Sokolov M. M. (2009) *Russian Sociology After 1991: The Intellectual Dynamics of "Poor Science"*. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. No. 1. P. 20—57. URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/125> (accessed: 30.04.2023). (In Russ.)
- Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М.: Издательский дом «Дело», 2018.
- Fuller S. (2018) *The Sociology of Intellectual Life: The Career of the Mind in and Around the Academy*. Moscow: Delo Publishing House. (In Russ.)
- Фуко М. Воля к истине. М.: Магистериум Касталь, 1996.
- Foucault M. (1996) *le courage de la vérité*. Moscow: Magisterium Kastal. (In Russ.)
- Bakanic V., McPhail C., Simon R. (1987) *The Manuscript Review and Decision-Making Process*. *American Sociological Review*. Vol. 52. No. 5. P. 631—642. <https://doi.org/10.2307/2095599>.
- Becker H. (1970) *Sociological Work: Method and Substance*. New York, NY: Routledge.
- Clemens E., Powell W., McIlwaine K., Okamoto D. (1995) *Careers in Print: Books, Journals, and Scholarly Reputations*. *American Journal of Sociology*. Vol. 101. No. 2. P. 433—494. URL: <https://www.jstor.org/stable/2782434> (accessed: 28.06.2022).
- Hyland K. (1999) *Academic Attribution: Citation and the Construction of Disciplinary Knowledge*. *Applied Linguistics*. Vol. 20. No. 3. P. 341—367. <https://doi.org/10.1093/applin/20.3.341>.

Ivanič R. (1998) *Writing and Identity: The Discoursal Construction of Identity in Academic Writing*. Amsterdam: John Benjamins Publishing.

Klamer A., Dalen H. (2002) Attention and the Art of Scientific Publishing. *Journal of Economic Methodology*. Vol. 9. No. 3. P. 289—315. <https://doi.org/10.1080/1350178022000015104>.

Korom Ph. (2019) The Prestige Elite in Sociology: Toward a Collective Biography of the Most Cited Scholars (1970—2010). *Sociological Quarterly*. Vol. 61. No. 2. P. 128—163. <https://doi.org/10.1080/00380253.2019.1581037>.

Lepenies W. (1988) *Between Literature and Science: The Rise of Sociology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Pontille D. (2003) Authorship Practices and Institutional Contexts in Sociology: Elements for a Comparison of the United States and France. *Science Technology and Human Values*. Vol. 28. No. 2. P. 217—243. URL: <https://www.jstor.org/stable/1557953> (accessed: 28.06.2022).

Powell W. (1985) *Getting into Print: The Decision-Making Process in Scholarly Publishing*. Chicago, IL: University of Chicago Press.

Pfeffer J. (1993) Barriers to the Advance of Organizational Science: Paradigm Development as a Dependent Variable. *Academy of Management Review*. Vol. 18. No. 4. P. 599—620. <https://doi.org/10.2307/258592>.

Travis G., Collins H. (1991) New Light on Old Boys: Cognitive and Institutional Particularism in the Peer Review System. *Science, Technology and Human Values*. Vol. 16. No. 3. P. 322—341. URL: <https://www.jstor.org/stable/689918> (accessed: 28.06.2022).

Wolfe A. (1990) Books vs. Articles: Two Ways of Publishing Sociology. *Sociological Forum*. Vol. 5. No. 3. P. 477—489. URL: <https://www.jstor.org/stable/684399> (accessed: 28.06.2022).

Zuckerman H., Merton R. (1971) Patterns of Evaluation in Science: Institutionalisation, Structure and Functions of the Referee System. *Minerva*. Vol. 9. No. 1. P. 66—100. URL: <https://www.jstor.org/stable/41827004> (accessed: 28.06.2022).

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2132](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2132)**А. А. Кирзюк, А. С. Архипова****«ОБМЫТЬ» И «ПРОСТАВИТЬСЯ»:
СОВЕТСКИЕ РИТУАЛЫ РЕДИСТРИБУЦИИ БЛАГ**

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ
АГЕНТОМ АРХИПОВОЙ АЛЕКСАНДРОЙ СЕРГЕЕВНОЙ
ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
АРХИПОВОЙ АЛЕКСАНДРЫ СЕРГЕЕВНЫ

Правильная ссылка на статью:

Кирзюк А. А., Архипова А. С. «Обмыть» и «проставиться»: советские ритуалы редистрибуции благ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 327—349. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2132>.

For citation:

Kirzyuk A. A., Arkhipova A. S. (2023) “You Owe Me a Drink for That”: The Soviet Rituals of Commodity Redistribution. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 327–349. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2132>. (In Russ.)

Получено: 08.12.2022. Принято к публикации: 27.02.2023.

«ОБМЫТЬ» И «ПРОСТАВИТЬСЯ»: СОВЕТСКИЕ РИТУАЛЫ РЕДИСТРИБУЦИИ БЛАГ

КИРЗЮК Анна Андреевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник сетевого исследовательского центра «Человек, природа, технологии», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; старший научный сотрудник лаборатории теоретической фольклористики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

E-MAIL: kirzyuk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

АРХИПОВА Александра Сергеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник, сетевой исследовательский центр «Человек, природа, технологии», Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия; старший научный сотрудник лаборатории теоретической фольклористики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия*

E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

Аннотация. Статья посвящена неформальным ритуалам, которые в разговорном русском языке обозначаются словами «обмыть» и «проставиться» и заключаются в угощении группы по случаю приобретения индивидом материального или символического блага. Эти ритуалы рассматриваются как частный случай символической редистрибуции: «проставляясь» по случаю приобретения блага, индивид возвращает его часть коллективу. В условиях «ограниченного блага»

“YOU OWE ME A DRINK FOR THAT”: THE SOVIET RITUALS OF COMMODITY REDISTRIBUTION

Anna A. KIRZYUK^{1,2} — Cand. Sci. (Philology), Researcher at the Network Research Center “Man, Nature, Technology”; Senior Researcher at the Laboratory of Theoretical Folklore Studies

E-MAIL: kirzyuk@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-4946-2148>

Alexandra S. ARKHIPOVA^{1,2} — Cand. Sci. (Philology), Researcher at the Network Research Center “Man, Nature, Technology”; Senior Researcher at the Laboratory of Theoretical Folklore Studies*

E-MAIL: alexandra.arkhipova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8853-0003>

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russia

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract. The paper researches the Soviet ritual of treating a group on the occasion of getting material or symbolic benefit from an individual (in spoken Russian, they are called by the words *obmyt'* and *prostavit'sya*). In the paper, these rituals are considered as a kind of symbolic benefit sharing: buying drinks and food on the occasion of getting a good, the individual gives back their part to the group. In conditions of “limited good” (G. Foster), such rituals are especially relevant because they allow the

Здесь и далее: * 26.05.2023 внесена в реестр иностранных агентов.

(Дж. Фостер) такие ритуалы особенно актуальны, поскольку позволяют благополучателю защититься от возможной зависти окружающих. Советская экономическая система удерживала образ «ограниченного блага» в когнитивных ориентациях людей и в то же время развивала у них умение и привычку поддерживать личные отношения через акты немонетарного обмена. Поэтому участие в таких ритуалах было не вполне добровольным: у многих советских людей существовали представления о моральных и сверхъестественных санкциях за отказ «обмывать» и «проставляться», а индивид нередко сталкивался с давлением коллектива, требующим от него поделиться полученным благом. После распада советской системы эти ритуалы не исчезли совсем, но стали менее распространенными и потеряли принудительный характер. Исследование основано на интервью с бывшими советскими людьми и архивных материалах, а также на автоэтнографических эссе и анкетах студентов, родившихся после распада СССР.

Ключевые слова: ритуалы редистрибуции, ограниченное благо, советская повседневность, страх зависти, дарообмен, моральные и сверхъестественные санкции

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного общества № 20-18-00342 «Институциональные и неинституциональные ритуалы в структуре позднесоветского общества (1956—1985)».

Мы благодарим за помощь в проведении исследования историка Александра Фокина, доцента ТюмГУ, который попро-

beneficiary to protect himself from possible envy of others. The Soviet economic system preserved the image of “limited good” in the cognitive orientations of people, and at the same time, it developed the skill of maintaining personal relationships through acts of non-monetary exchange. Therefore, participation in such rituals was not entirely voluntary: many Soviet people had ideas about moral and supernatural sanctions for refusing to treat the group, and they often faced the pressure of the group, requiring them to share excessive benefits. After the collapse of the Soviet system, these rituals did not entirely disappear, but they became less common and lost their binding nature.

Keywords: rituals of commodity redistribution, “limited good”, moral economy, the fear of envy, gift exchange, moral and supernatural sanctions

Acknowledgments. The study was supported by the grant of the Russian Scientific Society No. 20-18-00342 “Institutional and non-institutional rituals in the structure of Late Soviet society (1956–1985)”.

We thank historian Alexander Fokin, associate professor of Tyumen State University, for his help in conducting the study,

сил слушателей элективного курса «Антропология советского» записать интервью со своими родственниками. Также мы признательны нашей коллеге Елене Югай, которая любезно поделилась с нами материалами своих интервью, и студентам Российской экономической школы, Тюменского государственного университета и Таганрогского института им. А. П. Чехова, которые проводили для нас интервью с родственниками, отвечали на вопросы анкеты и писали этнографические эссе.

who asked the students of the elective course “Anthropology of the Soviet” to record interviews with their relatives. We are also grateful to our colleague Elena Yugai, who kindly shared with us the materials of her interviews, and to the students of the Russian School of Economics, Tyumen State University and the A. P. Chekhov Taganrog Institute, who conducted interviews with relatives for us, answered the questionnaire and wrote ethnographic essays.

«Скажи, что значит „проставиться“? Почему мои бизнес-партнеры после сделки все время говорят про какую-то „поляну“?» — эти вопросы задавал знакомый немецкий предприниматель в 2009 г. одному из авторов этой статьи. Такие выражения, как «обмыть попку» или «проставиться за диплом», интуитивно понятны носителям русского языка. Многие, приобретя ценную вещь, чувствуют потребность ее «обмыть» с друзьями или коллегами. Отъезжающие на долгий срок часто «устраивают отвальную». Наконец, само действие, при котором получатель тех или иных благ организует угощение, часто обозначается глаголом «проставиться». Практически все жители бывшего советского пространства понимают, о чем идет речь, а распространенность соответствующих практик нашла отражение в источниках личного происхождения и в советском кинематографе¹. Хотя на сегодняшний день написано немало работ о советских практиках неформального обмена (см., например, [Хайнцен, 2021; Humphrey, 2000; Ledeneva, 1998]), ритуалы «обмывания» и «проставления» еще не становились предметом специального интереса исследователей. Авторы этой статьи поставили перед собой цель изучить структуру и функции ритуалов символического перераспределения благ в советской городской культуре 1960—1980-х годов.

Гипотеза и теоретические подходы

Мы рассматриваем ритуалы «обмывания» и «проставления» как частный случай *символического перераспределения благ* и поэтому опираемся на теорию дарообмена Марселя Мосса и Маршалла Салинза, а также «концепцию ограниченного блага» Джорджа Фостера. Мы показываем, что символическое перераспределение благ происходило в ситуациях, когда член советского общества повышал свой статус или совершал важное материальное приобретение. В некоторых случаях эти практики были функционально близки к распространенным в СССР практикам делать «знаки благодарности» [Хайнцен, 2021: 106—109; Humphrey, 2000] или «знаки внимания» за различные услуги [Patico, 2002].

¹ Один из самых известных примеров — эпизод из фильма «Служебный роман», где персонаж Олега Басилашвили, получив повышение по службе, устраивает вечеринку для коллег.

Мы предположили, что появление и развитие этих ритуалов было связано с экономическим устройством советского общества — они выполняли важную функцию «символического выравнивания», в том числе, должны были «нейтрализовать» зависть (о чем также писал Дж. Фостер в своих работах [Foster 1965; Foster 1972]). Соответственно, с распадом советской системы ритуалы перераспределения благ должны были потерять актуальность — или совсем исчезнуть, или претерпеть какие-то трансформации и стать менее распространенными.

В этой статье мы показываем, что все подобные практики опирались на навык устанавливать и поддерживать социальные связи через немонетарный обмен, развитый у советских людей. Такой навык вырабатывался благодаря участию в сетях «блата» и был (как и само существование «блата») следствием экономики дефицита. Чтобы вписать обсуждаемые ритуалы в контекст советский неформальной экономики, мы опираемся на исследования феномена «блат» Алены Леденева [Ledeneva, 1998] и Шейлы Фицпатрик [Fitzpatrick, 2000], а также на работы Кэролайн Хамфри, Джеймса Хайнцена и Дэвида Патиго [Humphrey, 2000; Хайнцен, 2021; Patico, 2002].

Методы и материалы исследования

Чтобы проверить нашу гипотезу о возникновении и функционировании ритуалов, нам необходимо было сопоставить синхронные данные (воспоминания людей из разных городов СССР, относящиеся к 1960—1980-м годам, о практиках неформальной экономики) с историческими, диахроническими данными о том, как развивались понятия «обмыть» и «проставиться» в русской культуре. Поэтому мы использовали качественные антропологические методы — *интервьюирование* и *автоэтнография интервьюеров* — в сочетании с количественными корпусными методами (*частотный анализ* понятий «обмыть» и «проставиться» в документах разных эпох).

Качественные антропологические методы. *Интервьюирование* бывших советских граждан из разных городов СССР позволило увидеть вариативность практик символического перераспределения благ и тех смыслов, которые люди в них вкладывали. Мы собрали корпус интервью с людьми, имеющими опыт жизни в СССР, на их основе составили подробный гайд и предложили расспросить своих родственников студентам Российской экономической школы и Тюменского государственного университета. В результате в нашем распоряжении оказались 48 полуструктурированных интервью. Информантами стали люди в возрасте от 50 до 83 лет: 23 мужчины и 25 женщин. Среди них 33 информанта имеют высшее образование, остальные — среднее или среднее специальное; 13 человек живут в Москве или в Московской области, столько же — в Тюменской области, трое — в ЯНАО, по два — в Татарстане, Удмуртии, Горьковской, Свердловской и Самарской областях, по одному информанту живет в Ленинградской, Вологодской, Владимирской и ряде других областей.

Студенты привлекались нами и для другой, не менее важной задачи: чтобы понять, как ритуалы «обмывания» и «проставления» изменились после распада СССР, мы попросили студентов РЭШ и ТюмГУ не только провести интервью со своими старшими родственниками, но также написать после этого небольшое *автоэтнографическое эссе*. В нем студенты отвечали на вопросы о том, знакомы ли они с этими ритуалами и с обозначающими их разговорными терминами, участвова-

ли ли в этих ритуалах сами и сталкивались ли с какими-либо формами социального принуждения к участию. Кроме того, 93 студента² Таганрогского института им. А. П. Чехова заполнили анкету с открытыми и закрытыми вопросами о знакомстве с обсуждаемыми ритуалами и понимании соответствующих терминов.

Количественные корпусные исследования. В таком исследовании, как наше, невозможно избежать простого вопроса «А откуда все это берется»? Когда стали использовать понятия «обмыть» и «проставиться» для описания ритуалов? Другими словами, нам нужен анализ встречаемости этих понятий за последние два века.

Для этого мы воспользовались двумя существующими на сегодняшний день базами текстовых данных: Национальным корпусом русского языка и базой дневников «Прожито». Национальный корпус русского языка³ — это созданный лингвистами ресурс, включающий в себя на данный момент⁴ 4,5 млн русскоязычных текстов с XVIII по XXI век [Плунгян, 2008]. Он репрезентативен (включает в себя прессу, литературу, воспоминания, расшифровку устных разговоров) и позволяет проследить, когда то или иное слово вошло в массовое употребление, а также контексты его использования.

Для более детального анализа исторического контекста ритуалов символического распределения благ мы воспользовались поиском по базе дневников «Прожито»⁵, которая включает в себя более 2 тыс. русскоязычных и украиноязычных дневников с XVIII по XXI век.

В результате поиска по обоим корпусам мы получили один и тот же результат. Современное значение у слова «обмыть» начинает формироваться в 1960-е годы (в 1970-е годы получает очень широкое распространение), а у «проставиться» — еще позднее (подробнее описано в разделе «От транзакции к перераспределению: как сформировался ритуал»).

«Обмыть», «проставиться» и «устроить отвальную»: дарообмен в особой ситуации

Слова «обмыть» и «проставиться» очень часто используются как полные синонимы и обозначают одно и то же действие: человек, сделавший большую покупку, получивший квартиру, водительские права, диплом, повышение по службе, ставший родителем или вступивший в брак, устраивает угощение (как правило, с выпивкой) для коллег, родственников и друзей. В советское время также было принято «проставляться» по случаю дней рождений, ухода в отпуск, при вступлении в рабочий коллектив и выходе из него (последнее действие также могло обозначаться как «устроить отвальную»).

Однако значение терминов «обмыть» и «проставиться» все же немного различается. Слово «обмыть» чаще связывается с приобретением какого-то материального объекта (квартиры, машины, премии). Также можно «обмыть» материальный символ нового статуса (права, диплом, звездочки на погоны). Слово «проставиться» чаще всего употребляется в случае, когда речь идет о приобретении нового

² Возраст опрошенных: 18—20 лет.

³ Подробнее см. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 08.04.2023).

⁴ Данные на февраль 2023 г.

⁵ Подробнее см. URL: <https://prozhito.org/> (дата обращения: 08.04.2023).

статуса или некоторого символического блага, не имеющего материального выражения (день рождения, повышение по службе, отпуск). Именно так наши информанты понимают различия между этими понятиями:

«Обмыть» — это к вещам, предметам материального происхождения. Это покупка, вещь, звание, для военных — звездочки, медали. Это все материальные вещи. Это все «обмыть». «Проставиться» — это относится к событиям: день рождения, свадьба, юбилей. Это все «проставиться». (АЮК)⁶

Покупка чего-то — это «обмыть», а «проставиться» — это по какому-то случаю, то есть свадьба, день рождения, получение должности. (НАС)

«Обмыть» — это, скорее всего, какую-то покупку, вещь, приобретение — квартира, машина, телевизор, может. «Проставиться» — это повод личный: день рождения, родился ребенок, уходишь в отпуск. (ЛОВ)

Также можно заметить некоторое отличие в том, какая группа является адресатом угощения. «Обмывать» что-то можно и в семье, и на работе, тогда как «проставляться» в семье нельзя. Адресатом «проставления» может быть только внешняя по отношению к семье группа сослуживцев или, реже, друзей.

«Проставиться» — это в основном в отношении, как бы, не семьи, скажем так. С друзьями это называется больше «обмыть», отметить. (СВШ)

Как видно, все поводы для «обмываний» и «проставлений» связаны с получением некоторого блага — символического или материального, — которого в данный момент лишены другие члены коллектива. Человек, уходящий в отпуск, получает большую сумму денег (отпускные) и отправляется отдыхать, тогда как коллеги остаются получать обычную зарплату и работать.

Сейчас перед отпусками это дело [«проставляться»] почти ушло, а раньше святое дело, перед отпуском — конечно. Когда человек уходит отдыхать, остальные остаются работать, вот он им приятное и делает, всех угощает. (ЛОВ)

Угощая группу во всех перечисленных случаях, человек «делится» с ней приобретенным благом.

Но есть два случая, в которых «проставление» имеет другой смысл: это вхождение в новый коллектив и выход из него. В советских учреждениях принято было «проставляться», приходя на новую работу:

Например, человек устроился на работу, пришел на нее в первый день. Ну как, ты должен «проставиться»! Ты должен «накрыть поляну», так как ты вливаешься в коллектив. Грубо говоря, это такая «прописка» в коллективе, на работе. (ЛСП)

⁶ Список информантов см. в Приложении.

Используя советский бюрократический термин *прописка*⁷, наш информант описывает ритуал угощения коллектива новоприбывшим как необходимое условие вхождения в группу. Если описывать такое угощение в терминах теории дарообмена, то это — инициальный дар группе. Говоря о дарообмене, мы имеем в виду теорию М. Мосса [Мосс, 2011], уточненную и дополненную М. Салинзом [Салинз, 1999], однако неформальный дарообмен в позднесоветскую эпоху имел свои особенности, о которых речь и пойдет ниже.

Функция инициального дара группе состоит в том, чтобы включиться в систему внутригруппового дарообмена; именно такое включение делает новоприбывшего полноправным членом коллектива. Подобные ритуалы существовали не только в советской культуре. На рубеже XIX—XX веков среди российских рабочих было принято, чтобы новый рабочий, приходя на завод, устраивал ритуальную выпивку и угощал старых рабочих, и это действие именовалось *привальное*. Без этого рабочий не мог считаться полноценным членом сообщества [Herlihy, 1991: 144—145]. Отметим, что забытое сейчас слово *привальное* образует пару с *отвальной*. Мы делаем прощальный дар группе, когда ее покидаем.

В воспоминаниях петербургского рабочего упоминается фабричный обычай, согласно которому до *привальной* новичок даже не назывался по имени, к нему обращались просто «Тарас» (цит. по: [Herlihy, 1991: 144—145]). Эта деталь показывает, что угощение со стороны новичка было инициацией, ритуалом перехода: имя (а значит, и место в коллективе) рабочий получал только после преподнесения инициального дара, который включал его в групповой дарообмен. Надо сказать, что подобные ритуалы существовали и в других профессиональных сообществах. Например, в театральной среде новый актер даже в 1990-е годы включался в труппу после неформального, но обязательного угощения: «Любой новенький актер, сыгравший впервые в театре, должен организовать стол после первого спектакля. Пусть нет денег, пусть залезет в долги, но актер должен „проставиться“ перед новым коллективом, в который хочет быть принят» [Зайцева, 2003: 166].

Как мы сказали выше, «проставляться» следовало не только в случае вхождения в коллектив, но и в случае выхода из него. Когда в интервью заходила речь о смысле этого обычая, наши информанты часто говорили о нем как о способе выразить благодарность коллективу:

«Отвальной» обычно называли, когда человек уходил с работы и из коллектива, и *«отвальная»* — это возможность поблагодарить всех за работу и просто сказать «до свидания». (АЮК)

В терминах теории дарообмена любой знак благодарности является «отдарком», без которого исходный дар остается «неотвеченным», а обмен — незавершенным. Если переформулировать высказывания наших информантов в этих терминах, то можно сказать, что «отвальная» была как раз таким завершающим даром. Угощая коллег по случаю ухода, человек «закрывал» отношения дарообмена, в которых состоял, будучи членом коллектива.

⁷ Отметим, что существует и тюремная прописка — и это ритуал инициации.

Иногда завершающий дар в виде «отвальной» превращался в отдельный акт дарообмена. В некоторых советских коллективах в ответ на финальное угощение уходящему дарили подарок:

Как правило дарили подарки, ты делаешь «отвальную» — а тебе дарят какой-то подарок. Это всегда был такой порядок негласный. (НАЛ)

К «отвальной» иногда принято было сделать какой-нибудь подарок уезжающему, в зависимости от его уровня. Конечно, человеку солидному дарили солидный подарок. Иногда делали какое-то дарственное письмо, знаешь, в красивой папочке. (ЕНБ)

Таким образом, функция этого обычая состояла в том, чтобы завершить внутригрупповой дарообмен, в который человек был включен, будучи членом группы, поставить своего рода ритуальную «точку» в этом процессе. Это завершение происходило или в форме «отдаривания» коллектива за принадлежность к нему (благодарность в виде угощения), или в форме заключительного ритуального обмена подарками, где угощение обменивалось на какую-то вещь.

Важно отметить, что «отвальная» имела особый смысл в ситуации, когда дарообмен мог с некоторой вероятностью возобновиться. Поблагодарить коллектив угощением или совершить финальный обмен дарами нужно было потому, что уходящий мог столкнуться с кем-то из членов оставляемой группы в отдаленном будущем. И некоторые наши информанты, рассуждая про «отвальную», прямо говорили об этом:

То есть ты когда увольняешься, всегда как-то традиция такая существует: нужно расставаться хорошо, потому что, во-первых, тебе может понадобится туда вернуться, во-вторых, ты все равно в том же городе, в том же населенном пункте или в той же сфере будешь общаться, и тебе нужно оставить о себе хорошее впечатление, а не просто хлопнуть дверью. (ЕАР)

Такой сознательный или бессознательный расчет на отложенную во времени реципрокность можно найти и в других советских неформальных практиках. Например, было принято дарить подарки разным специалистам, оказывающим услуги, уже после того, как услуга была оказана. Исследователи, пишущие об этой традиции, говорят о развитии в СССР особой культуры «знаков благодарности» [Хайнцен, 2021: 106—109; Humphrey, 2000] или «знаков внимания» [Patico, 2002]. Пациент мог вручить подарок (или даже прислать его по почте), желая отблагодарить врача за прием без очереди, удачную операцию или проведенный курс лечения, а отказ врача принять дар часто вызывал недоумение и обиду [Хайнцен, 2021: 106]. Обычай дарить конфеты, цветы или алкоголь врачам в знак благодарности фиксировался антропологами после распада СССР в конце 1990-х [Patico, 2002; Белоусова, 2003]. Дж. Патико показывает, что хотя конфеты или коньяк, вручаемые после оказания услуги, описываются дарителями как проявления «благодарности» или «просто внимания», на самом деле они нужны, чтобы установить с реципиентом особые социальные отношения, на которые даритель смо-

жет при случае рассчитывать [Patico, 2002]. Это сближает такой тип дарообмена с другим советским феноменом — «блатом» [Ledeneva, 1998; Fitzpatrick, 2000], но не тождествен ему.

От транзакции к перераспределению: как сформировался ритуал перераспределения благ

Итак, советский ритуал, выражаемый словами «*обмыть*» и «*проставиться*», должен «уравновесить» неравную ситуацию, когда благо, получаемое одним членом коллектива, превышает блага других, причем «уравновесить» через угощение, предоставляемое получателем блага. Именно поэтому мы называем это действие *ритуалом перераспределения благ*. Из интервью, дневников, мемуаров мы знаем очень много примеров активного использования ритуала *перераспределения благ* в 1970-е годы. Возникает вопрос: существовали ли эти ритуалы распределения благ раньше? Когда они появились?

Существуют этнографические свидетельства, показывающие, что в России второй половины XIX века требовалось сопровождать, «закреплять» денежную транзакцию выпивкой, причем магарыч⁸ (выпивку) ставил продавец или посредник. Например, в «Сорочинской ярмарке» Н. В. Гоголя так описывается свадебный сговор: «Что? по рукам? А ну-ка, новобранный зять, давай могоарычу!»⁹ Та же самая транзакция могла называться словом «*обмыть*». В работе 1926 г. о вреде алкоголя автор сокрушается о распространенности подобных практик: «покупку надо было обмыть, удачу — вспырнуть, горе — залить»¹⁰.

Кроме того, у «*обмывания*» при приобретении чего-то существовала и магическая коннотация. В этнографических свидетельствах XIX века зафиксированы примеры, когда купленному животному буквально обмывали копыта для символического разрыва связи между ним и прежним хозяином [Журавлев, 1984: 113]. То же самое делали с новорожденным ребенком: после родов муж роженицы обмывал руки повитухи, разрывая ее связь с ребенком [Архипова*, Кирзюк, Югай, 2020]. Однако все же любое из этих обмываний происходило в момент транзакции между продавцом и покупателем или тем, кто принял ребенка и тем, кому ребенок принадлежит.

В течение дальнейших 50 лет значение слова «*обмыть*» кардинально изменилось. Оно осталось связанным с покупкой, но теперь товар «обмывают» не отдающий и покупающий, а тот, кто приобрел что-то, символически делит приобретенное со своим коллективом. Продающий больше не присутствует в этой схеме. В этом значении глагол «*обмыть*» появляется и получает распространение, согласно «Национальному корпусу русского языка», только в начале 1960-х годов. Однако в это время интересующий нас обычай еще не был таким распространенным, каким

⁸ *Могоарыч* или *магарыч* (от араб. «расходы», «издержки», согласно словарю Д. Н. Ушакова, URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=28237> (дата обращения: 10.04.2023)) — самое раннее обозначение практики распития спиртных напитков по случаю сделки.

⁹ Гоголь Н. В. Сорочинская ярмарка. URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-gogol/sorochinskaya-yarmarka-22098411/chitat-onlayn/page-2/> (дата обращения: 10.04.2023).

¹⁰ Тяпугин Н. Народные заблуждения и научная правда об алкоголе. М.: Наркомздрав, 1926.

он стал спустя десять лет. Так, герою рассказа, написанного в 1962 г., не нравится идея делить полученное благо со своим коллективом:

— Ты меня не обидел, я тебя уважу. Обмыть надо «мазика», а?

— Ни-ни, — сказал Мацуев. У нас это, понимаешь, не заведено, чтоб подносить бригадире с полочки¹¹.

Итак, к 1960-м годам обычай «обмывания» превращается из ритуального сопровождения товарной транзакции в перераспределение благ среди своих и в этом качестве получает широкое распространение. Отметим, что обычай «обмывания» при товарной транзакции не исчез, но встречался все реже (в том числе из-за сужения сферы частной торговли).

Глагол «проставиться» появился еще позднее. В Национальном корпусе русского языка он встречается только в 1990-е годы, в базе дневников «Прожито» — в первый раз в 1983 г.: «Сегодня уезжает командир первой танковой казачьей роты Данилов Николай Николаевич. „Проставился“ как положено, провожали всем батальоном»¹².

После этих наблюдений над историей слов «обмыть» и «проставиться» следует задаться вопросом: почему обозначаемые этими словами ритуалы получили распространение именно в позднесоветские годы? Чтобы ответить на него, обратимся к теории Дж. Фостера.

«Ограниченное благо» в традиционном и советском обществе

Согласно теории Дж. Фостера, члены каждого общества разделяют общую «когнитивную ориентацию» (cognitive orientation) — имплицитное и невербализуемое понимание «правил игры». Когнитивная ориентация управляет нашим поведением так же, как грамматика языка, которая не осознается его носителями, но тем не менее управляет их речью [Foster, 1965]. В основе когнитивной ориентации мексиканских крестьян, которых изучал Дж. Фостер в начале 1960-х годов, лежит образ «ограниченного блага» (*limited good*). Причина этого состоит в том, что крестьянское сообщество — это закрытая система, существование которой зависит от ограниченных природных и социальных ресурсов деревни и прилегающей местности. Поэтому все блага — богатство, здоровье, статус — воспринимаются как существующие в ограниченном количестве: их невозможно увеличить, а можно только распределять и перераспределять между членами сообщества. В такой системе человек может улучшить свое положение только за счет других — если кто-то берет себе большой кусок от общего пирога, остальные с неизбежностью получают меньше. Улучшение чьего-либо благосостояния нарушает общий «баланс», и воспринимается как угроза не конкретным людям, а всему сообществу.

В культуре «ограниченного блага» существуют механизмы, позволяющие восстановить нарушенный баланс. Преуспевший человек может нейтрализовать возможные последствия своего возвышения, вернув сообществу его «долю» с помощью

¹¹ Владимов Г. Большая руда. Повесть. М.: Советская Россия, 1962.

¹² Шульц И. Кандагарский дневник. Страницы из дневника гвардии лейтенанта танковых войск. Ростов-на-Дону: Антей, 2012.

некоторых ритуальных трат. Так, от богатого крестьянина в латиноамериканской деревне ожидается, что он будет спонсировать пышные фиесты и обильно угощать односельчан [Foster, 1965: 305—306; Foster, 1972: 181—182]. Это не прямой обмен дарами (реципрокация в терминах М. Мосса [2011]), а генерализованная редистрибуция [Салинз, 1999], когда блага внутри сообщества перераспределяются по сложным, не всегда очевидным схемам, а «ответный дар» отложен во времени.

Действие логики «ограниченного блага» мы можем увидеть и в других крестьянских сообществах. Пожилая жительница деревни в Вологодской области может вспоминать о том, как во времена ее молодости односельчане на свадьбе стреляли в окна порохом, требуя пирогов. Пироги, как и любая другая праздничная еда, в голодной послевоенной деревне воспринимались как избыточное благо. Поэтому ими нужно было делиться с соседями, рискуя в противном случае вызвать агрессию в свой адрес: «Испекешь [пирогов], так лучше закрывай, кто-нибудь да придет, поделиться надо» (ЛБ).

Теория Дж. Фостера была разработана на материале традиционного сельского сообщества. Однако логика «ограниченного блага» просматривается и в советских практиках «обмывания» и «проставления», хотя жители больших советских городов таким сообществом не являлись. Почему же тогда у них была когнитивная установка, свойственная членам замкнутых крестьянских сообществ? Краткий ответ состоит в том, что советская экономическая система поддерживала у них представление об ограниченности благ. Разберем, каким образом это происходило.

Первым фактором, поддерживающим такую установку, была *ограниченность ресурсов*. Советский человек жил в экономике дефицита. Повседневные практики, такие как стояние в очередях, «доставание» дефицитных товаров, их ограниченный отпуск в одни руки, постоянно напоминали потребителю о том, что общие ресурсы недостаточны. Периодически в тех или иных регионах вводилась карточная система на разные типы товаров, что весьма красноречиво указывало на ограниченность общего блага.

Вторым фактором была *вынужденная экономическая пассивность и зависимость от государства*. Советская система распределения благ поддерживала представление о том, что человек *наделяется* благом, а не приобретает его в результате собственной экономической активности. Единым агентом, распределяющим доли «пирога» между разными категориями граждан, было государство, а гражданин выступал в роли пассивного получателя своей «доли» — квартиры, дачи, путевки в санаторий или продуктового набора.

Образ «ограниченного блага» в когнитивных ориентациях советских людей можно реконструировать по некоторым высказываниям на экономические темы, а точнее, по тому, как именно они объясняли нехватку каких-то товаров в стране или населенном пункте. В перечнях наиболее часто задаваемых вопросов, которые лекторы из Отдела пропаганды ЦК КПСС и общества «Знание» получали в различных аудиториях, а также в письмах, которые советские граждане отправляли в различные государственные инстанции, можно встретить рассуждения, построенные по модели «нам, советским людям или жителям города N, не хватает товара X, потому что власти отдали его гражданам других стран или другого города». Именно таким образом многие советские люди объясняли продовольственные

трудности и дефицит, и именно поэтому были недовольны тем, что СССР оказывает экономическую помощь «братским странам». Распространенность такой объяснительной модели отражена, в частности, в аналитической записке по поводу писем, поступивших в газету «Правда»: «Автор из г. Волжского, как и почти все, кто касается этой темы, высказал предположение, что жизненный уровень в СССР понижается потому, что наше государство оказывает слишком большую помощь слаборазвитым странам»¹³.

Именно к такому вернакулярному восприятию советской экономики как системы сообщающихся сосудов отсылает известный советский анекдот начала 1980-х годов: «Жители Одессы пишут в газету: „Дорогая редакция! Мы прочитали, что дети в Африке постоянно недоедают. Огромная просьба: пришлите нам в Одессу все, что они не доели“».

Эта модель могла использоваться для объяснения нехватки тех или иных товаров не в масштабе страны, а в масштабе города или республики. Тогда в роли виновников «нашей» нехватки выступали жители другого города или другой союзной республики. В 1978 г. житель Липецка в письме в ЦК КПСС написал следующее: «Мяса нет, масла нет. В магазинах „Океан“ вместо рыбы — томатный соус и свиной жир. <...> Прошел слух, что в Краснодаре жестокий голод, и вот, чтобы поддержать краснодарцев, продовольственные фонды Липецка урезали»¹⁴.

Во всех этих суждениях просматривается представление об экономике как о системе «сообщающихся сосудов»: если в одном месте обнаруживается нехватка тех или иных благ, значит они «перетекли» в другое место. Используя фостеровскую метафору, можно переформулировать меседж процитированных выше высказываний следующим образом: «наш кусок пирога уменьшился, потому что государство отдало нашу долю другим людям».

Жизнь в условиях товарного дефицита имела еще одно важное для нашей темы следствие. Поскольку государство с задачей распределения благ справлялось не очень успешно, то граждане, постоянно испытывающие недостаток нужных вещей, должны были перераспределять доли общего «пирога» самостоятельно. Эту функцию выполнял «блат» — использование личных связей для обмена «услугами доступа» к ресурсам. Исследовательница «блата» А. Леденева подчеркивает, что люди, состоящие в сетях «блата», делились не своими собственными ресурсами, а именно доступом к государственной собственности [Ledeneva, 1998: 35—36], то есть в фостеровской терминологии, к «пирогу» общего блага.

В системе товарного дефицита возможность получить услугу или товар часто зависела не от количества денег, а от способности человека найти знакомых или установить неформальные отношения с теми, кто оказывает услуги или имеет доступ к нужным товарам — иными словами, найти «блат». Такие неформальные отношения заводились и поддерживались через практики дарообмена. Пациент, подаривший стоматологу бутылку дефицитного коньяка, мог рассчитывать, что в качестве ответного дара он получит, например, импортное обезболивающее или хорошую пломбу. Сети «блата», в которые в той или иной мере был включен

¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 67. Д. 133. Обзор писем, полученных газетой «Правда» в июне 1974 г.

¹⁴ РГАНИ. Ф. 100. Оп. 1. Д. 17. Л. 43. О письмах трудящихся с жалобами на перебои в торговле некоторыми продовольственными товарами первой необходимости (1978).

каждый советский человек, держались на таких практиках немонетарного обмена. Необходимость участвовать в этих практиках развивала навык заводить и поддерживать личные отношения через акты дарения и отдаривания; от того, насколько он развит, часто зависело материальное благополучие человека. В то же время «иметь хорошие отношения» во многом означало «обмениваться дарами».

Спрятать или поделиться: страх зависти в советском коллективе

Илья Утехин, описывая быт коммунальной квартиры, рассказывает об обычае угощать соседей праздничной едой — например, пирогами. Такое угощение совершенно не предполагало совместной трапезы, и часто просто оставлялось на кухонном столе или в комнате соседа без каких бы то ни было комментариев [Утехин, 2004: 84—86]. Утехин рассматривает такое обязательное угощение в оптике Дж. Фостера — как стремление подавить возможную зависть со стороны соседей. Устраивая пышные празднества для односельчан, деревенский богач защищается от их зависти [Foster, 1972]. То же самое происходит в коммунальной квартире: угроза зависти нейтрализуется, когда избыточное благо в виде праздничной еды частично «возвращается» соседям.

Мы предполагаем, что точно такую же функцию выполняли «обмывания» и «проставления», в которых принимали участие советские люди. Угощения, которые устраивались по случаю приобретения дорогой вещи или нового статуса, были той долей «пирога», которую человек должен был «отломить» от своего большого куска и отдать другим (как правило, членам своего трудового коллектива). То, что угощение защищало от зависти коллектива, иногда хорошо осознавалось теми, кто такое угощение устраивал.

Но это [«проставиться»] тоже обязательно и имеет скрытый смысл: поделиться, чтобы не завидовали. У них-то нет удачных покупок, и ребенка им никто не родил. (Инф. А.К.)

По Дж. Фостеру, зависть и страх зависти существуют в той или иной мере в любом обществе, но особенно они развит там, где материальные ресурсы ограничены, а люди бедны. Механизмы нейтрализации зависти через символическую редистрибуцию существуют и в культуре богатых индустриальных стран: так, отец новорожденного в США раздает друзьям сигары, чтобы «поделиться» с ними своей маскулинностью [Foster, 1972: 178]. Однако страх зависти там не так силен, как в замкнутых крестьянских сообществах, где люди стараются утаить приобретенные блага от коллектива — например, притворяются более бедными и больными, чем они есть, энергично отрицают основания для комплиментов в свой адрес и строят дома таким образом, чтобы прохожие не могли заглянуть в окна и завидовать увиденному [там же: 175—176].

Как мы говорили выше, советские люди постоянно сталкивались с разными свидетельствами ограниченности общего блага, что влияло на их когнитивные ориентации. Но помимо необходимости приобретать товары и услуги в условиях постоянного дефицита, был в советской жизни еще один фактор, который порождал страх зависти: противоречие между декларируемым равенством и неравным в реальности распределением «кусков пирога» между гражданами.

Это противоречие нередко вызывало возмущение «простых советских людей», что прекрасно осознавали те, кто обладал потребительскими привилегиями. Поэт Лев Лосев описывает очень характерный случай, свидетелем которого он стал в застойные годы в Ленинграде. Партийная дама, идеологический секретарь Дзержинского райкома, перед Новым годом выносила из Смольного двух гусей. На выходе вахтер ей строго сказал: «Не положено, вынос продуктов из Смольного в открытом виде запрещен». А потом доверительно добавил: «Народ ходит, видит, кто что выносит. Нехорошо. Надо портфель для этого дела иметь, или риди-кюль»¹⁵. Дама из Смольного вряд ли планировала делиться гусями с согражданами, не имеющими доступа к продуктам из спецраспределителя, поэтому ей, чтобы избежать зависти, оставалось только спрятать гусей. Система, в которой блага ограничены, а привилегии морально нелегитимны, оставляет обладателю избыточных благ два возможных пути: поделиться ими или скрыть их.

Именно такой выбор — поделиться или спрятать — стоял перед нашей собеседницей из вологодской деревни, которая рассказывала о необходимости угощать односельчан пирогами. И точно такой же выбор часто стоял перед нашими информантами, которые вспоминали свой позднесоветский опыт «обмывания» и «проставления». Человек нередко осознавал и то, что избыточное благо может вызвать зависть коллектива, и то, что угощение может эту зависть нейтрализовать.

Тебе дали индивидуальную премию, весь отдел как бы не заработал, а ты получила премию, ну не знаю, 200—300 рублей в советское время. Возникает вот это вот, чтобы не было отношения, когда тебе начинают завидовать, и не было напряжения в коллективе, человек берет и часть этой премии, так сказать, «проставляется» и тратит на подарки окружающим его коллегам, чтобы они где-то смягчили свое отношение к событию. (СВЦ)

Чтобы избежать и зависти, и связанной с ней необходимости «проставляться», человек мог просто скрыть от коллектива приобретение новой вещи или нового статуса.

Свадьбы, окончание [института] я не отмечала. Они народ завистливый, старалась я, чтобы меньше всего знали. (СМБ)

Принудительность редистрибуции: моральные и сверхъестественные санкции

Формы символической редистрибуции, которые описывал Дж. Фостер (организация праздников, щедрые пожертвования на церковь), не вполне добровольны: если экономическое поведение богатого крестьянина не соответствует ожиданиям односельчан, он может стать объектом интенсивной зависти, которая, в свою очередь, легко находит выражение в агрессии — как вербальной (осуждение, сплетни), так физической (поджоги и другая порча имущества).

Некоторая принудительность наблюдается и в советских практиках символической редистрибуции. Люди с советским бэкграундом иногда говорят о намере-

¹⁵ Лосев Л. Жратва // Лосев Л. Закрытый распределитель. Анн Арбор: «Эрмитаж», 1984. С. 55—56.

нии «проставиться» при помощи глагольных конструкций с модальностью долженствования, например, «С меня причитается». Член советского коллектива часто чувствовал, что должен «обмыть» или «проставиться», потому что ему об этом недвусмысленно сообщали окружающие.

Инт.: *Было такое, что намекали, что нужно «проставиться»?*

Инф.: *Да, у нас сразу. Что-нибудь купил, и... Сейчас все про машину узнают, все сразу придут, скажут: «Почему не „обмываем“?!» (АИХ)*

Информанты, не любившие ритуальных застолий в рабочем коллективе, отмечают, что от них тем не менее было трудно отказаться.

Люди уже спрашивали, чтобы я их угостила. Просили «проставиться», приходилось <...> Самой не хочется, а приходилось, были такие моменты. (НАС)

Это относилось не только к ситуации получения материальных или символических благ, но и к «проставлению» по случаю, например, дня рождения. Сослуживцы ожидали от именинника какого-то угощения.

Ну, например, день рождения. Кто-то празднует, кто-то нет. Я вот не люблю праздновать, всячески старался этого избежать. Но порой тебя заставляли: «Вот у тебя день рождения, ты должен „проставиться“» (ДАП)

Однако, намеками и прямыми призывами «проставиться» дело не ограничивалось. Советский человек знал, что отказ «обмывать» или «проставляться» влечет за собой некоторые санкции — или в виде морального осуждения со стороны коллектива, или в виде сверхъестественного наказания за отказ делиться избыточным благом.

Человека, который нарушал ожидания коллектива и не «проставлялся», часто ждали моральные санкции, а именно обвинения в жадности. Про него могли сказать, что он «зажал» угощение. Соответственно, сам потенциальный нарушитель боялся «прослыть жадной» (НАС). Обвинения в жадности иногда высказывались в шуточной форме, но иногда могли повлечь за собой нешуточное осуждение со стороны коллектива.

Ну как-то на тебя волком смотрели, так сказать. Как изгой начинался. Жадный, такой-сякой. (ЩЕН)

Это как бы неписанный закон, и если ты этого не делаешь, то это из ряда вон выходящее событие. И тебя не поймут. Я не хочу сказать, что ты изгой, но ты переругался со всеми. (ЕНБ)

Не намекали, а прямо требовали: «Ты что, не будешь „обмывать“ что ли?» Это было как позор, как жадный. (ПТС)

Как видно из этих высказываний, результатом обвинений в жадности могла стать всеобщая неприязнь и отчуждение «нарушителя» от коллектива. По мнению неко-

торых наших информантов, именно перспектива такого отчуждения не давала людям нарушать неписаный закон «проставляться». На вопрос, отказывался ли кто-нибудь угощать коллег по случаю важных событий, один наш собеседник ответил: «Не было такого. Ну никто не хотел отделяться от коллектива <...> То есть вне коллектива никто не хотел оставаться, понимаешь. Коллектив — значит, все делали» (РТС).

Помимо того, что «нарушитель» рисковал получить моральное осуждение и неприязнь группы, ему могли угрожать сверхъестественные санкции. Многие наши информанты слышали о примете, согласно которой отказ «обмывать» и «проставляться» влечет за собой поломку вновь приобретенной вещи или другое несчастье.

В этом был элемент суеверия: если не «обмыть», и если не «проставиться» перед коллективом, то штаны обязательно разорвутся, пиджак развалится, телевизор сломается и т. д. (ДАР)

То же самое представление существовало по поводу необходимости «проставляться» при переходе из одного рабочего коллектива в другой.

Где-то я слышала, что если увольняешься, то нужно обязательно «проставиться», потому что если этого не сделать, то на следующей работе будет плохо работать, и, скорее всего, ты там не сможешь работать, так что нужно обязательно «проставиться», обязательно. (САБ)

Характерно, что некоторые информанты прямо связывают несчастья, происходящие с человеком после отказа «проставляться», с его жадностью. Эти несчастья объясняются тем, что человек «зажал» угощение. Таким образом, причина сверхъестественного наказания — в нарушении морального императива делиться с коллективом.

Ну, например, N получила квартиру, и ей надо было, конечно, это отметить. Она не отметила, у нее горячая вода пролилась. Она пожидалась, нельзя жидиться, это примета такая. (СМБ)

«Обмыть» машину нужно, потому что иначе будет авария, потому что зажал, не обмыл. (ЖБГ)

Вот кто-то, например, ушел в отпуск и не «проставился», и потом приезжает, погода плохая была, или что-то неудачно сложилось, тогда говорили: «Ну вот, зажал, вот и не сложился отпуск», могли вот так сказать. (НАЛ)

Идея сверхъестественного наказания должна была мотивировать человека на то, чтобы разделить с группой избыточное благо, или вернуть коллективу его «долю» при уходе. Часто именно с помощью этой приметы человеку объясняли необходимость «проставляться» и практически заставляли его делать это.

Вот у нас была девушка на работе, увольнялась <...> и я ей говорю «Ну все, Вероника, давай „проставляйся“». И она мне такая: «А что, надо?». А я ей говорю: «Да ты что, ко-

нечно, ты что, примету не знаешь?». И она такая: «Ну блин, придется „проставляться“». И каждый раз, когда у нас уходят, увольняются, я говорю: «Так, а „проставиться“? Ты что, примету не знаешь?» Или в отпуск, например, уходишь, «проставляешься». (СAB)

Идея сверхъестественного наказания высказывалась не только в форме «рассказа о примете», но и в форме полшутливых угроз тому, кто затягивает с угощением:

Приглашаешь близких, а кто-то из тех, кого ты не пригласил говорит: «Что ж ты машину купил и не „проставился“. Смотри, машину разобьешь». (APA)

Например, вот мой сослуживец машину купил. И если он машину не «обмывает», то каждый день его: «Ну че, машину не обмыл? Колесо не спустило?». Это всегда так. Надо «обмыть» машину! А то она работать, ездить не будет. (СВМ)

На работе «обмывали»... Ну, тут уже ребята как бы шутя так, настойчиво предлагали. Ну, пришлось... пришлось угостить друзей, чтоб машина хорошо катилась, значит. (ВПС)

Такие шутливые угрозы или объяснение случившихся неудач отказом «проставляться» выполняли несколько важных функций. Во-первых, они позволяли в культурно приемлемой форме выразить агрессию в адрес того, кто не желает делиться — агрессию, которая в деревенском сообществе могла принять форму физической (стрельба в окна, порча имущества). Во-вторых, они сообщали потенциальному нарушителю о санкциях за отказ делиться с коллективом приобретенным благом, и тем самым побуждали его к «обмыванию» или «проставлению».

Заметим, что сверхъестественная санкция обладала большей «принудительной силой», чем санкция моральная. Человеку не говорили: «Если не „проставишься“, мы будем тебя порицать» — угрозу отчуждения от коллектива он ощущал (или не ощущал) сам. Моральные санкции играли роль внутреннего регулятора поведения. Об угрозе сверхъестественных санкций человеку часто сообщали окружающие, и представления о таких санкциях становились инструментом прямого давления коллектива.

Представления о сверхъестественных санкциях оказались более устойчивыми, чем представления о санкциях моральных. Некоторые из наших молодых респондентов знают, что «обмывание» новой вещи помогает избежать поломок и прочих неприятностей. Так, студенты из Таганрога слышали, что новую машину нужно «обмыть», чтобы «отгородить ее от плохих ситуаций» (МА) и чтобы «меньше она „болеет“, а также не случилось аварии» (АА). Отметим, что знание о магическом смысле таких практик обнаружилось только у студентов региональных ВУЗов, а студенты московского РЭШ о знании подобных примет ничего не сообщили.

«Обмыть» и «проставиться» сегодня

Несколько лет назад один из авторов этой статьи наблюдал диалог между пожилой женщиной (1937 г. р.) и ее правнучкой (2005 г. р.). Женщина советовала правнучке не рассказывать одноклассникам о летних поездках в Европу. Этот совет был продиктован беспокойством: бабушка боялась, что одноклассники де-

вочки (не имеющие возможности подобным образом проводить каникулы), будут ей завидовать. В представлении прабабушки, обладание недоступным для большинства благом неизбежно вызывает зависть окружающих, а зависть опасна, поскольку может вылиться в символическую и физическую агрессию. Правнучка, не знакомая с этими представлениями, искренне не понимала этот странный, с ее точки зрения, совет.

Этот эпизод показывает, что образ «ограниченного блага» и связанный с ним страх зависти уходят из когнитивных ориентаций людей, родившихся после распада советской системы. Как это отражается на наших ритуалах? Остаются ли они актуальными?

Анкеты и автоэтнографические эссе студентов (1998—2001 гг. рождения) показывают, что большинство из них знакомы с ритуалами «обмыть» и «проставиться», а также с разговорными терминами, которые эти ритуалы обозначают. Однако среди двадцатилетних это знание уже не является всеобщим. В то же время ни один из наших информантов с советским бэкграундом не обнаружил полного незнания традиции: хотя отдельные интервьюируемые говорят, что всегда стремились избегать участия в обсуждаемых ритуалах, все знали о них и наблюдали разнообразные «обмывания» и «проставления» в жизни.

Незнание традиции молодежью иногда отмечается информантами старшего возраста.

Конечно, надо «проставиться» на новой работе. А молодые этого совсем не знают. Я Катюху к нам устроила, с первой зарплаты говорю: «Катюх, а „проставляться“?» Она: «Что? Зачем?» <...> Она, ты представляешь, даже не слышала такого никогда. (АК)

Как было сказано выше, некоторые студенты знакомы с магическим объяснением обсуждаемых ритуалов (вещь нужно «обмыть», чтобы она исправно функционировала и не ломалась). Также некоторые молодые респонденты четко формулируют идею «проставления» как «отдарка». На вопрос о значении слова «проставиться» они отвечают, что это «возвращение долга за услугу в материальном, неденежном, выражении» (СГ) или что «проставиться» — это «отблагодарить кого-либо, обычно через ужин» (АИ).

Важное различие между сегодняшними студентами и их старшими родственниками заключается в том, что студенты никогда не сталкивались с давлением коллектива, требующего «обмыть» или «проставиться»; также им не знаком страх вызвать неодобрение окружающих за отказ «проставляться». Люди, родившиеся после распада советской системы, могут угощать друзей по случаю важных событий, но это действие не обязательно. Отказ от него не влечет за собой моральных санкций в виде осуждения со стороны группы, а окружающие не требуют «проставиться» и не угрожают сверхъестественными санкциями. Это различие было отмечено в автоэтнографических эссе некоторых студентов, проводивших для данного исследования интервью со своими старшими родственниками.

Меня удивило, что это было полностью принудительно, на собственные деньги, что стол приходилось накрывать с размахом и звать всех работников, даже если инфор-

мант относился к ним негативно. Это удивило меня, так как в современном мире я просто не могу представить себе подобную принудилровку, так как для такого празднования сейчас нужно именно мое желание, да и празднование проходит с друзьями, а не с «левыми» людьми, с которыми я не готов делить радость от столь личного и прекрасного события. (МК)

На наш взгляд, это различие связано с распадом советской экономической системы. Когда исчезает постоянный дефицит, уходит идеология имущественного равенства, а человек становится менее экономически зависимым от государства, образ «ограниченного блага» теряет свою значимость. Это имеет несколько следствий: люди становятся менее зависимыми от навыков неформального дарообмена, реже чувствуют «страх зависти» и в меньшей степени ощущают себя пассивными получателями благ со стороны безличных сил типа судьбы или удачи.

Ритуалы «обмыть» и «проставиться» по-прежнему сохраняют свою актуальность для профессиональных сообществ, которые, во-первых, относительно замкнуты, а во-вторых, зависимы от государства. Например, в армии обычай обязательного «проставления» вышестоящим существовал и в 2000-е годы, существует и сейчас¹⁶: «Сейчас, после присяги, стало полегче. Я проставился дедам. Осталась ерунда — 690 дней» (Запись в дневнике за 28 июля 2004 г.)¹⁷. В московской прокуратуре в 2007 г. умение «проставиться» было главным неформальным требованием к руководителям отделов [Залегина, 2007].

Заключение

Мы показали, что известные и сегодня ритуалы «обмывания» и «проставления» являются формой символического распределения благ. Их смысл состоит в том, чтобы человек, получивший некоторое благо, поделил его с группой, «вернув» его часть в форме угощения. Если такое угощение устраивается по случаю вхождения в коллектив и выхода из него, то его функция состоит в том, чтобы включить человека в групповой дарообмен (угощение в этом случае представляет собой инициальный дар), или завершить этот дарообмен так, чтобы его можно было легко возобновить в будущем.

Мы также показали, что в позднесоветском контексте «быть включенным в группу» в значительной мере означало «быть включенным в дарообмен». На практике это выражалось в том, что человек должен был угощать сослуживцев на свой день рождения (и получать подарки в ответ), а также по случаю важных материальных и символических приобретений и делать это не в зависимости от личного желания, а потому что так принято.

Участие советских людей в этих неформальных ритуалах обеспечивалось, с одной стороны, угрозой моральных и сверхъестественных санкций за отказ «обмы-

¹⁶ Но надо отметить, что в таких сообществах — например, среди военных и сотрудников милиции — эти ритуалы обладили особой «принудительной силой» и в советское время: «В милиции это [отказ „проставляться“] было исключено, там „проставлялись“ все. Это как закон был. Может кто-то не сразу, в силу разных обстоятельств, но не „проставиться“ — это было исключено» (НАЛ).

¹⁷ Ковалев А. ДМБ-87. Как служилось в армии во времена моего папы и как в ней служит сейчас (разыскания допризывника) // Отечественные записки. 2005. № 5. URL: <https://strana-oz.ru/2005/5/dmb-87-kak-sluzhilos-v-armii-vo-vremena-moego-papy-i-kak-v-ney-sluzhitsya-seychas-pazyskaniya-doprizyvnik> (дата обращения: 08.04.2023).

вать» или «проставляться», а с другой — представлениями о сверхъестественной награде (удача, денежное благополучие) за готовность разделить приобретенное благо с сослуживцами или семьей. После распада советской системы и с развитием рыночной экономики практики «обмывания» и «проставления» не исчезают совсем, но становятся все менее распространенными и теряют обязательность. Хотя представления о сверхъестественных наградах за готовность к символической редистрибуции и сверхъестественных санкциях за отказ от нее по-прежнему существуют, люди, не желающие «проставляться», не сталкиваются с давлением коллектива.

Эти изменения показывают, что наше изначальное предположение было верным: распространенность и обязательность этих ритуалов в советское время была связана с экономической системой, которая, с одной стороны, поддерживала образ «ограниченного блага» в когнитивных ориентациях людей, а с другой, делала практики неформального дарообмена необходимыми для повседневного существования. С распадом этой системы они постепенно начали терять свою актуальность.

Список литературы (References)

Архипова А. С. *, Кирзюк А. А., Югай Е. В. Рожки да ножки: ритуал разрывания связи между животным и его хозяином от традиционной деревни до позднесоветского города // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6. С. 106—112. URL: <http://www.surgpu.ru/nauchnaya-deyatelnost/vestnik-surgpu/vse-nomera/6-69-2020/statya-11/> (дата обращения: 10.04.2023).
Arkhipova A. S. *, Kirzyuk A. A., Yugaj E. F. (2020) Horns and Legs: The Ritual of Breaking the Connection Between an Animal and Its Owner, from a Traditional Village to a Late Soviet Town. *Surgut State Pedagogical University Bulletin*. No. 6. P. 106—112. URL: <http://www.surgpu.ru/nauchnaya-deyatelnost/vestnik-surgpu/vse-nomera/6-69-2020/statya-11/> (accessed: 10.04.2023). (In Russ.)

Белоусова Е. Родильный обряд // Современный городской фольклор / сост. А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 339—369.
Belousova E. (2003) Childbirth Rite. In: Belousov A. F., Veselova I. S., Neklyudov M. (eds.) *Modern Urban Folklore*. Moscow: Russian State University for the Humanities. P. 339—369. (In Russ.)

Журавлев А. «Обмывание копыт» (из восточнославянской лексики и фразеологии, связанной с ритуалами купли-продажи скота) // Славянское и балканское языкознание / отв. ред. Э. И. Зеленина, В. В. Усачева, Т. В. Цивьян. М.: РАН, 1984. С. 109—114.

Zhuravlev A. (1984) “Hoof Washing” (From the East Slavic Vocabulary and Phraseology, Associated with the Rituals of Buying and Selling of Livestock). In: Zelenina E. I., Usacheva V. V., Tsiyvan T. V. (eds.) *Slavic and Balkan Linguistics*. Moscow: RAS. P. 109—114. (In Russ.)

Зайцева Н. Этнографические наблюдения в театре имени Ленсовета // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 1. С. 162—167. URL: <http://www.jourssa.ru/jourssa/article/view/1673> (дата обращения: 10.04.2023).

Zaitseva N. (2003) The Ethnographic Observations in Lensovet Theatre. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 6. No. 1. P. 162—167. URL: <http://www.jourssa.ru/jourssa/article/view/1673> (accessed: 10.04.2023). (In Russ.)

Залегина В. В. Социальный портрет руководителя системы органов прокуратуры // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 1. С. 60—72.

Zalegina V. V. (2007) Social Portrait of the Public Prosecution System Top Officials. *RUDN Journal of Sociology*. No. 1. P. 60—72. (In Russ.)

Маусс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.
Mauss M. (2011) *The Gift*. Moscow: KDU. (In Russ.)

Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7—20.

URL: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2008-2/7-20> (дата обращения: 10.04.2023).
Plungian V. A. (2008) Corpus as a Tool and as Ideology: About Some Lessons of Modern Corpus Linguistics. *Russian Language and Linguistic Theory*. No. 2. P. 7—20. URL: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2008-2/7-20> (accessed: 10.04.2023). (In Russ.)

Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.

Sahlins M. (1999) *Stone Age Economics*. Moscow: OGI. (In Russ.)

Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: ОГИ, 2004.

Utekhin I. (2004) *Essays on Everyday Life in a Communal Apartment*. Moscow: OGI. (In Russ.)

Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине 1943—1953 гг. М.: РОССПЭН, 2021.

Heinzen J. (2021) *The Art of the Bribe. Corruption under Stalin, 1943—1953*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Foster G. (1965) Peasant Society and the Image of Limited Good. *American Anthropologist*. Vol. 67. No. 2. P. 293—315. <https://doi.org/10.1525/aa.1965.67.2.02a00010>.

Foster G. M. (1972) The Anatomy of Envy: A Study in Symbolic Behavior. *Current Anthropology*. Vol. 13. No. 2. P. 165—202. <https://doi.org/10.1086/201267>.

Fitzpatrick S. (2000) Blat in Stalin's Time. In: Lovell S., Ledeneva A., Rogachevskii A. (eds.) *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s*. New York, NY: Macmillan Press; St. Martin's Press. P. 166—182.

Herlihy P. (1991) Joy of the Rus': Rites and Rituals of Russian Drinking. *The Russian Review*. Vol. 50. No. 2. P. 131—147. <https://doi.org/10.2307/131155>.

Humphrey C. (2000) Rethinking Bribery in Contemporary Russia. In: Lovell S., Ledeneva A., Rogachevskii A. (eds.) *Bribery and Blat in Russia: Negotiating Reciprocity from the Middle Ages to the 1990s*. New York, NY: Macmillan Press; St. Martin's Press. P. 216—241.

Ledeneva A. (1998) *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. London: University of London.

Patico J. (2002) Chocolate and Cognac: Gifts and the Recognition of Social Worlds in Post-Soviet Russia. *Ethnos. Journal of Anthropology*. Vol. 67. No. 3. P. 345—368. <https://doi.org/10.1080/0014184022000031202>.

Приложение. Список информантов

Информант	Пол	Год рождения	Город	Интервьюер
АЮК	Муж	1970	Москва	С. Кондратьева
НАС	Жен	1957	Касимов	К. Сафронов
ЛОВ	Жен	1970	Пермь	А. Луценко
СВШ	Муж	1969	Москва	А. Назарова
ЛСП	Жен	1954	Москва	М. Ильин
НАЛ	Жен	1949	Санкт-Петербург	Е. Савинков
ЕНБ	Муж	1947	Москва	А. Богомазов
ЕАР	Жен	1970	Владивосток	А. Ромашко
ЛБ	Жен	1931	п. Чуриловка Вологодской обл.	Записано авторами в 2018 г.
Инф. А.К	Жен	н/д	Вологда	Е. Югай, записано в 2017 г.
СМБ	Жен	1949	Жуковский	С. Билич
АИХ	Муж	1966	д. Нариманова Тюменской обл.	И. Айзатуллин
ДАП	Муж	1972	Череповец	А. Небольсина
ЩЕН	Жен	1948	Москва	М. Рубежный
РТС	Жен	1946	Тюмень	Салихова
ДАР	Муж	1966	Владимирская обл.	О. Крылова
САБ	Жен	1969	Москва	М. Барганов
ЖБГ	Муж	1947	Москва	А. Горожанкина
АРА	Муж	1951	Казань	Э. Ахмадуллин
СВМ	Муж	1961	Тюмень	Б. Кох
ВПС	Муж	1957	Тюмень	Свидерский
МА	Жен	1999	Таганрог	Анкета
АА	Муж	2000	Таганрог	Анкета
Инф. Е.	Жен	н/д	н/д	Е. Югай
СГ	Муж	1998	Таганрог	Анкета
АИ	Муж	1997	с. Покровское Ростовской обл.	Анкета
МК	Муж	Студент РЭШ	Москва	Автоэтнографическое эссе

DOI: [10.14515/monitoring.2023.2.2373](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2373)

А. И. Литвинова

**НЕ ОТМЕНА ТРАДИЦИЙ, А ДОПОЛНЕНИЕ.
КАК СЛЕДОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ПРОГРЕССУ
МЕНЯЕТ СОСТАВ И ПРАКТИКИ ЖУРНАЛИСТСКИХ РЕДАКЦИЙ.
РЕЦ. НА КН.: KOSTERICH A. (2022) NEWS NERDS: INSTITUTIONAL
CHANGE IN JOURNALISM. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS**

Правильная ссылка на статью:

Литвинова А. И. Не отмена традиций, а дополнение. Как следование технологическому прогрессу меняет состав и практики журналистских редакций // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2. С. 350—360. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2373>. Рец. на кн.: Kosterich A. (2022) News Nerds: Institutional Change in Journalism. Oxford: Oxford University Press

For citation:

Litvinova A. I. (2023) Not the Abolition of Traditions but an Addition. How Following Technological Progress Changes the Composition and Practices of Journalistic Editorial Offices. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 350–360. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.2.2373>. Book Review: Kosterich A. News Nerds: Institutional Change in Journalism. Oxford: Oxford University Press, 2022. (In Russ.)

Получено: 11.01.2023. Принято к публикации: 27.02.2023.

НЕ ОТМЕНА ТРАДИЦИЙ, А ДОПОЛНЕНИЕ. КАК СЛЕДОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ПРОГРЕССУ МЕНЯЕТ СОСТАВ И ПРАКТИКИ ЖУРНАЛИСТСКИХ РЕДАКЦИЙ. РЕЦ. НА КН.: KOSTERICH A. (2022) NEWS NERDS: INSTITUTIONAL CHANGE IN JOURNALISM. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS

NOT THE ABOLITION OF TRADITIONS BUT AN ADDITION. HOW FOLLOWING TECHNOLOGICAL PROGRESS CHANGES THE COMPOSITION AND PRACTICES OF JOURNALISTIC EDITORIAL OFFICES. BOOK REVIEW: KOSTERICH A. NEWS NERDS: INSTITUTIONAL CHANGE IN JOURNALISM. OXFORD: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2022

ЛИТВИНОВА Александра Игоревна — магистрантка направления «Социология», Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия
E-MAIL: alitvinova@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5102-0429>

*Aleksandra I. LITVINOVA*¹ — Master Student in Sociology
E-MAIL: alitvinova@eu.spb.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5102-0429>

¹ European University at St. Petersburg, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Технологический прогресс не изменил суть журналистской профессии, но стал основой для ее институционального расширения. К такому выводу приходит автор книги «News Nerds: Institutional Change in Journalism» Элли Костерич. Она описывает сотрудников современных профессиональных редакций, работающих на стыке журналистики и технологий, и то, как они меняют профессию. В рецензии представлены основные вопросы, поднятые исследовательницей, описана методология ее исследования, приведены ключевые выводы.

Abstract. Technological progress has not changed the essence of the journalistic profession but has become the basis for its institutional expansion. This is the conclusion reached by the author of the book “News Nerds: Institutional Change in Journalism” Ellie Kosterich. She describes the employees of modern professional editorial offices working at the intersection of journalism and technology and how they change their profession. The review presents the principal issues raised by the researcher, describes the methodology of her research, and provides key conclusions.

Ключевые слова: профессионализм, журналистика, профессиональные нормы, технологии, методы исследований

Keywords: professionalism, journalism, professional standards, technologies, research methods

«Новостными занудами» («news nerds») автор книги, доцент Фордэмского университета Элли Костерич, называет сотрудников современных профессиональных редакций, работающих на стыке двух когда-то очень далеких друг от друга сфер деятельности — журналистики и технологий. Эти специалисты умеют писать код, анализировать и визуализировать данные, разрабатывать приложения. По мнению Элли Костерич, они изменили институционализированный взгляд на журналистскую профессию. В своей книге, опубликованной в октябре 2022 г., она

рассказывает, как «новостные зануды» меняли и продолжают менять редакции, а также исследует, как технологические, экономические и социальные факторы влияют сегодня на журналистскую профессию.

Автор книги обращается к актуальной для международного и российского научных сообществ теме, которая, с одной стороны, затрагивает вопросы профессиональной идентичности сотрудников медиа (а с ней ценностей, профессиональной культуры и норм), с другой же — ставит вопрос о компетенциях и возможных профессиональных траекториях современных журналистов (и тех, кто только готовится встать на этот путь).

Словосочетание «новостные зануды», которое Э. Костерич использует не только в заголовке, но и в тексте для обозначения журналистов, обладающих определенными технологическими навыками, не является устоявшимся в академическом сообществе. Об этом свидетельствует небольшое количество релевантных научных публикаций, выдаваемое по соответствующему запросу¹. При этом вопросами «взаимопроникновения» журналистики и технологий на протяжении последних лет в различных аспектах занимаются многие исследователи: технологии и журналистика [Pavlik, 2000; Jones, Salter, 2011; Deuze, 2017]; журналистика и программирование [Karlsen, Stavelin, 2014; Gynnild, 2014; Carlson, 2015], журналистика и искусственный интеллект [Broussard, 2015; Latar, 2015; Newman, 2018], журналистика и визуализация данных [Appelgren, Nygren, 2014; Howard, 2014] и многие другие. Повышенный интерес к этому направлению обусловлен активным расширением технологических достижений в общественное, экономическое, политическое, медийное и другие пространства.

Этот процесс меняет привычный ход многих вещей, в том числе вносит коррективы в устоявшиеся журналистские практики. Отметим, что словосочетание «news nerds» еще в 1999 г. использовал Джоэль Саймон в публикации «Все мы теперь зануды: революция цифрового репортажа достигает невероятной скорости. И вот почему». Уже более 20 лет назад он утверждал, что будущее принадлежит репортерам, разбирающимся в компьютерах: доступные для сотрудников ньюсрумов базы данных откроют «огромные ресурсы» — от записей о недвижимости до жертвований на избирательные кампании и отчетов в налоговые; компьютеры станут меньше и мощнее; подключение к интернету будет быстрее, а коммуникационные технологии сделают всех людей еще доступнее; пейджеры, сотовые телефоны с поддержкой электронной почты позволят всегда оставаться в «пределах слышимости редактора» [Simon, 1999: 26]. И вот это будущее наступило. Что же изменилось в ньюсрумах?

О чем книга

В самом начале работы Элли Костерич задается вопросом: редактор отдела данных и графики, продюсер цифровой графики, старший дата-репортер — это журналисты? Ответ на него, по ее мнению, зависит от того, кого именно вы об этом спросите [Kosterich, 2022: 2]. Автор поясняет, что за последнее десятилетие (2010—2020 гг.) в США восприятие того, каким именно должен быть про-

¹ В базе данных научных публикаций Scopus по запросу «news nerds» нашлось 12 документов (причем часть из них не касались журналистской профессии). URL: <https://www.scopus.com/> (дата обращения: 24.11.2022).

фессиональный журналист, изменилось: роли, ответственность и навыки, которые принимает и которыми должен обладать журналист, теперь фундаментально иные, нежели в «традиционной» (телевидение, радио, печатная пресса), как ее принято называть, журналистике. Упомянутые выше «новостные зануды» — профессионалы, которые работают на пересечении традиционной журналистской и технологической сфер [ibid.: 3]. Автор называет их «институциональным дополнением профессии» [ibid.: 26]. Такое сочетание, как утверждает Э. Костерич, делает работу по производству новостей более удобной и эффективной. Исследовательница подчеркивает, что такие специалисты остаются включенными в ранее сложившиеся рабочие процессы «традиционной» журналистики [ibid.: 3]. Главный вывод, к которому пришла автор в ходе своего исследования, заключается в том, что технологический прогресс не изменил суть журналистской профессии, но стал основой для ее институционального расширения. То есть, пишет Э. Костерич, существующий профессиональный институт можно считать дополненным и в некотором роде обновленным, и это позволяет обеспечить сосуществование качественно и количественно отличающегося нового направления (например, «новостных зануд») [ibid.: 3].

Автор неоднократно подчеркивает, что обозначенное расширение позволяет гармонично сосуществовать двум «журналистикам» — традиционной и цифровой. Она отмечает, что новостные организации все чаще интегрируют «новостных зануд» в отделы новостей, они расширяют границы традиционной, институционализированной журналистской профессии, но при этом не вытесняют «традиционного журналиста» [ibid.: 8]. Отчасти это связано с нехваткой ресурсов — как организационных, так и финансовых [ibid.: 116]. Костерич указывает, что появление и достижение текущего институционального статуса «новостных зануд» обусловлено четырьмя основными факторами: «разрушительные силы, меняющие устоявшиеся практики индустрии новостей и допускающие появление новых игроков»; экспериментирование и внедрение новых форм профессии журналиста; легитимизация и проникновение «новостных зануд» во все отрасли [ibid.: 8].

Э. Костерич пишет, что с продолжающимися технологическими преобразованиями, экономическими колебаниями и изменением социальных предпочтений возникает необходимость институционального расширения профессии журналиста и, следовательно, самих новостных организаций, если они хотят выжить, процветать и сохранять свою роль в информировании общества. Столкновение старого и нового, особенно через институциональное расширение профессии журналиста, отражает ключевые опасения по поводу сохранения роли журналистики в обществе, отмечает исследовательница. Она подчеркивает, что ситуация с «новостными занудами» иллюстрирует, что для выживания журналистики она должна найти новые способы удовлетворения потребностей аудитории и новые способы представления ей информации [ibid.: 118].

Автор книги отмечает: актуальность сделанных ею выводов об институциональных изменениях выходит за рамки новостной индустрии, а результаты представленного исследования проливают свет на результаты институциональных изменений, в частности на понимание того, когда что-то новое реально, когда это становится тенденцией, а когда занимает позицию где-то посередине (как

в случае с институциональным расширением) [ibid.: 116—117]. При этом для автора «совершенно очевидно», что состав профессии изменился с ростом известности и распространенности «новостных зануд». По ее мнению, описываемые ею институциональные изменения в профессии не приводят ни к вытеснению старого, ни к быстротечному появлению нового [ibid.: 118]. Важным видится вывод автора, что по мере развития институциональных изменений «новостные зануды» не подверглись полной институционализации до такой степени, чтобы вытеснить традиционных журналистов. Вместо этого институт журналистской профессии был обновлен и дополнен, чтобы обеспечить сосуществование как старых, так и новых форм журналистской деятельности. Этот аргумент и связанные с ним выводы имеют глубокие, по мнению исследовательницы, последствия для роли журналистики в обществе: предлагают задуматься о процессах, необходимых для поддержания журналистики и ее способности информировать свою аудиторию [ibid.: 118].

Данные и методология

В своем исследовании Э. Костерич использует разнообразный набор методов, включающий интервью, анализ данных о занятости в социальных сетях, анализ участников и текстовый анализ отраслевых публикаций, профессиональных наград и конференций, чтобы понять, как новые навыки и практики закрепляются в журналистской профессии. Методологический подход к оценке институциональных трансформаций в профессии журналиста излагается в специальном разделе книги («Data and Methods»). Здесь Э. Костерич поясняет, что все данные были собраны с 2011 по 2020 г., в критический период изменений, когда профессиональная журналистика и новостная индустрия находились «в разгаре борьбы с дестабилизацией» [ibid.: 125], в свете продолжающихся технологических изменений и связанных с ними «сбоев» в процессах производства и потребления новостей стал актуальным вопрос распространения новых профессиональных ролей в журналистике и наборов навыков. Своей целью автор поставил «рассказать историю», в которой сочетаются индивидуальные, организационные и институциональные аспекты, чтобы объяснить, как и почему профессия журналиста претерпевает институциональное расширение [ibid.: 125]. Для достижения этой цели автор использует смешанный подход, в котором комбинирует качественные и количественные методы. Качественный анализ данных включает обработку проведенных интервью, собранных архивных материалов отраслевых изданий, программ профессиональных конференций, отраслевых премий, включенное наблюдение. Анализ социальных сетей построен на базе историй работы сотрудников новостных организаций Нью-Йорка. Исследовательской основой для количественного анализа стали данные отраслевых премий, открытые данные организаций, истории трудоустройства авторов. Э. Костерич отмечает, что использование различных источников данных вкуче со смешанными методами позволяет провести триангуляционный процесс сравнения, анализа и интерпретации, это обеспечивает более тонкое понимание институционального усиления феномена исследования «новостных зануд» [ibid.: 125—126]. С одной стороны, такое разнообразие методов как будто обещает читателю всестороннее освещение обозначенной темы.

Однако при ближайшем рассмотрении возникают вопросы — как к методологии сбора, так и к источникам данных.

Основными источниками данных для представленного в книге исследования стали публикации в отраслевой прессе, полуструктурированные интервью с профессиональными журналистами, общедоступные истории трудоустройства, списки вакансий журналистов, программы конференций по профессиональной журналистике, архивы наград новостной индустрии, наблюдения за участниками отраслевых конференций и две базы данных организационных исследований. Набор данных по отраслевым материалам сформирован по архивам «ведущих отраслевых изданий новостной индустрии», включая Columbia Journalism Review (CJR), Digiday, Nieman Journalism Lab и Poynter Online. В этой части своего исследования автор работы сосредоточилась на ключевых, по ее мнению, терминах, отражающих меняющуюся природу профессиональной журналистики. Она указывает, что выбор терминов основывался на проведенных ею интервью. Итоговый список для анализа включал публикации, в которых упоминалось одно из следующих ключевых слов: «данные», «приложение», «аналитика», «программист», «платформа», «взаимодействие», «интерактивное», «графика», «социальное», «мобильное» или «визуальное» сотрудничество.

Чтобы понимать детали и процессы, влияющие на институциональные изменения в профессиональной журналистике, исследовательница провела «полуструктурированные глубинные интервью» с представителями отрасли. Ее интервью фокусировались на профессиональном развитии «новостных зануд» и значимых для них профессиональных качествах и навыках. Выбор такого метода для достижения поставленных целей представляется обоснованным. При этом Э. Костерич пишет, что «в основном интервью длились около 30 минут», отсюда возникает вопрос, действительно ли это были глубинные интервью, предполагающие погружение в реальность другого человека и его представления по всем вопросам, входящим в исследование [Minichiello, Aroni, Hays, 2008]. Также кажется странным указание на то, что часть интервью была анонимной, а часть нет. Почему бы не анонимизировать всех участников исследования, что позволило бы уравнивать их позиции при оценивании и публикации результатов исследования? Насколько можно доверять авторизованным данным? Является ли собранная из таких источников информация полной и соотносимой с данными, полученными от анонимных источников?

Кроме того, есть вопросы и к выборке интервьюируемых. Всего за четыре года исследовательница собрала 25 интервью. Э. Костерич отмечает, что ее собеседники отбирались из работников «широкого спектра новостных организаций». Все они на момент интервью работали в медиа разного типа с разным региональным статусом (есть как местные и региональные, так и международные издания). В этом месте возникает вопрос, достаточно ли для репрезентативности такое количество интервью? Удалось ли исследовательнице учесть разнообразие профессиональной среды в разного типа и статуса изданиях? Кроме этого, автор указывает, что героями 23 интервью стали те, кого она называет «новостные зануды» [Kosterich, 2022: 27]. В другой части книги отмечается, что помимо этой категории специалистов автор побеседовала с менеджером и руководителем по раз-

вitiю [ibid.: 128—129]. Возникают сомнения, что такая выборка и количество проведенных интервью дали исследовательнице полное представление о ситуации (особенно с учетом неоднородности экономического, социального и политического ландшафта США, которая, несомненно, влияет и на особенности работы разных медиа в разных штатах). Эти сомнения подкрепляются также информацией о том, что первых интервьюируемых автор книги определила «на основе широкой сети профессиональных контактов; последующие субъекты были определены на основе рекомендаций, полученных в ходе первоначальных интервью» [ibid.: 27]. Метод «снежного кома» существенно ограничивает взгляд исследователя на заявленную проблему и не позволяет сделать вывод о ситуации в отрасли в целом.

В своем исследовании Э. Костерич также анализирует программы журналистских конференций [ibid.: 129—130]. Она указывает, что выбрала три ведущих профессиональных конференции, которые ежегодно проходят в США (NICAR, ONA, SPJ). Исследовательница собрала названия выступлений и описания всех трех конференций с 2011 по 2020 г. — всего 3266 документов, в которых содержалась информация по 3268 сессиям и 14 819 выступлениям, насчитывающим 140 730 слов (при исключении артиклей и союзов). Проведенный анализ был сфокусирован на следующих словах в заголовках: «данные» (data), «аналитика» (analytics), «продукт» (product). Все заголовки и тексты были проанализированы на распространенность употребления терминов. Остается неясным, почему автор выбрала именно эти ключевые слова. В описанном выше анализе ключевых, по мнению исследовательницы, терминов, отражающих меняющуюся природу профессиональной журналистики, указано много больше слов, что представляется нам более соответствующим реальному разнообразию в этой сфере.

В качестве одного из методов Э. Костерич указывает включенное наблюдение [ibid.: 131]. Этот метод предполагает исследование группы людей в ее естественной и повседневной среде и позволяет изучать мотивации группы через ее деятельность [Гирц, 2004; Эванс-Причард, 2003]. Автор же описывает, что в течение «последних лет» она посещала «некоторое» количество профессиональных мероприятий — конференций и воркшопов, которые были посвящены теме изменений в журналистике и новостной индустрии в целом, и это помогло ей обрисовать контекст исследования. Э. Костерич отмечает, что ее «наблюдения за участниками различных конференций для новостных закулисных и отраслевых совещаний предоставили бесценный контекст и контакты для изучения этого явления» [Kosterich, 2022: 27]. Как нам представляется, такой подход существенно ограничивается профессиональными (а не исследовательскими) интересами автора и не может дать полной и объективной картины по исследуемому вопросу. Возможно, более эффективным с точки зрения сбора эмпирических данных было бы включенное наблюдение, проведенное в редакциях, где работают (или не работают, чтобы была более полная картина для сравнения) «новостные закулисные». Это, вероятно, позволило бы существенно дополнить (а может, и разнообразить) данные, собранные методом полуструктурированных интервью с представителями профессиональной отрасли.

Еще один источник данных для проведенного исследования — истории опыта [ibid.: 131—136]. Под ними автор книги подразумевает информацию о профессиональном опыте редакций и индивидуальном профессиональном опыте сотрудни-

ков редакций, которую редакции и их сотрудники оставляют в открытом доступе. Всего было выбрано 15 редакций Нью-Йорка — газеты, телекомпании и интернет-СМИ, которые имеют свои страницы в профессиональной социальной сети LinkedIn. Публикации о профессиональном опыте собирались и отбирались с помощью агрегатов публичных данных (Pew Research Centre's State of the New Media, the American Society for News Editor Newsroom Employment Census) и из LinkedIn, в последнем важна была информация о работодателе, профессиональных ролях, навыках и образовании сотрудника редакции. Отметим, что автор описывает и рассматривает интересующие ее отраслевые изменения в контексте Нью-Йорка (медиарынок города и взаимодействие новостных редакций с другими редакциями в пределах города). Здесь возникает вопрос корректности переноса выводов по наблюдениям в рамках одного города на более глобальный уровень (в книге автор не делает акцента, что ее исследование сосредоточено на медиасреде одного города). Также вызывает вопрос соответствие такого подхода целям исследования и корректность сопоставления с данными, собранными в других географических границах (ранее указывалось, что автор анализировала конференции с участием специалистов со всей страны (и не только), а также интервью с представителями редакций, действующих за пределами Нью-Йорка). Кроме того, есть определенные сомнения, что результаты, полученные при анализе данных крупных и влиятельных медиа крупного американского города, релевантны для всей индустрии (даже в пределах тех же США).

Качественный анализ архивных данных был проведен параллельно со сбором интервью и архивных данных индустрии прессы, чтобы контекстуализировать институциональные изменения с акцентом на журналистской профессии [ibid.: 136—137]. Данные включенного наблюдения с воркшопов и конференций использовались для подкрепления интерпретаций. Созданный автором книги набор данных из архивных отраслевых материалов включает отраслевые публикации, организационные документы и списки вакансий. Он послужил отправной точкой для отслеживания институциональных изменений на рабочих местах, в навыках, ролях и опыте журналистов. Проведенный Э. Костерич анализ более чем 320 отраслевых документов и 8000 списков журналистских вакансий показал дестабилизацию и деинституционализацию устоявшихся профессиональных журналистских практик, открытость для экспериментирования, легитимизацию «новостных зануд» и распространение специалистов такого профиля по всему миру. Для анализа изменений в профессиональной журналистике и в развитии «новостных зануд» с 2011 по 2016 г. использовалась стратегия нарративного подхода. В этом месте важно обратить внимание на то, что автор отклоняется от ранее определенного и применяемого в других методах временного промежутка исследования (2010—2020). Автор указывает, что собранные нарративы выявили «ключевые события и ключевых игроков», связанных с профессиональной журналистикой и изменениями, что позволило реконструировать и контекстуализировать укрепление позиций «новостных зануд» в качестве представителей новых видов журналистских профессий.

Еще раз от выбранной для исследования временной рамки Э. Костерич отступает в описании анализа социальных сетей. Автор выбирает сетевые истории — публичные истории трудоустройства журналистов в Нью-Йорке, опубликованные в пери-

од с 2011 по 2015 г. Выбор такого промежутка не обосновывается, но указывается, что эти истории «помогли понять» изменения профессиональных требований, предъявляемых к журналистам, а также их перемещения по различным должностным позициям, между организациями и индустриями [ibid.: 137—138]. Также автор отмечает, что ею создан «уникальный» набор данных о занятости журналистов, позволяющий составить представление о найме и структуре занятости «новостных зануд» в рамках общей журналистской сети [ibid.: 28]. В такой анализ вошла информация, находящаяся в открытом доступе в социальной сети LinkedIn, — должности, названия организаций, даты трудоустройства, сведения об образовании были собраны для построения истории занятости каждого сотрудника в определенных новостных редакциях. Это позволило автору проанализировать организационные, образовательные и профессиональные траектории современных профессиональных журналистов. В общей сложности используемый набор данных включает сведения о 3587 журналистах, 11 117 рабочих местах в 3303 организациях и 8749 случаев, когда сотрудник покидал одну компанию и переходил на работу в другую.

В своей работе автор также прибегает к количественному анализу данных с помощью множественной линейной и биномиальной логистической регрессии [ibid.: 138—141].

Выводы

Представленное исследование Э. Костерич, несомненно, представляет интерес для тех, кто интересуется настоящим и будущим журналистской профессии, задается вопросами определения границ профессии, а также влиянием различных факторов (в том числе технологических) на вектор ее трансформации и изменения профессиональных стандартов и норм. Исследование является своевременным и достойным внимания, в нем довольно четко определяется актуальная исследовательская проблема. Предложенные автором методы подходят для изучения проблематики, но, возможно, стоило бы изменить подход к их применению и указать на существующие ограничения дизайна исследования. В книге изложены и объяснены ключевые выводы по итогам представленной работы, которые могут стать основанием для дальнейшего изучения темы.

Процессы обновления и дополнения журналистской профессии, обеспечивающие сосуществование «старой и новой» журналистики, на которые указывает автор книги, заметны и в российской медиаиндустрии [Kosterich, 2022: 124]. Э. Костерич отмечает, что продолжающееся технологическое развитие, экономические колебания и изменения социальной среды определяют необходимость в институциональном расширении профессии журналиста. Она подчеркивает: в случае с «новостными занудами» это означает нечто большее, чем просто акцент на новейших технологиях. Автор пишет, что новостная индустрия продолжает бороться с вызовами современного цифрового общества, и это способствует возникновению существенных стратегических изменений в новостных редакциях. Эти изменения, по ее словам, происходят за счет имплементации культуры инноваций и деловой грамотности, практик управления карьерой для нетрадиционных пока наборов профессиональных навыков, а также внедрения принципов разнообразия, справедливости и вовлеченности работников медиа (там же).

Список литературы (References)

- Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.
- Geertz C. (2004) *The Interpretation of Cultures*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Эванс-Причард Э. История антропологической мысли. М.: Восточная литература. Evans-Pritchard E. (2003) *A History of Anthropological Thought*. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russ.)
- Appelgren E., Nygren G. (2014) Data Journalism in Sweden: Introducing New Methods and Genres of Journalism into “Old” Organizations. *Digital Journalism*. Vol. 2. No. 3. P. 394—405. <https://doi.org/10.1080/21670811.2014.884344>.
- Broussard M. (2015) Artificial Intelligence for Investigative Reporting: Using an Expert System to Enhance Journalists’ Ability to Discover Original Public Affairs Stories. *Digital Journalism*. Vol. 3. No. 6. P. 814—831. <https://doi.org/10.1080/21670811.2014.985497>.
- Carlson M. (2015) The Robotic Reporter: Automated Journalism and the Redefinition of Labor, Compositional Forms, and Journalistic Authority. *Digital Journalism*. Vol. 3. No. 3. P. 416—431. <https://doi.org/10.1080/21670811.2014.976412>.
- Deuze M. (2017) Understanding Journalism as Newswork: How It Changes, and How It Remains the Same. *Westminster Papers in Communication and Cultur*. Vol. 5. No. 2. P. 4—24. <https://doi.org/10.16997/wpcc.61>.
- Gynnild A. (2014) Journalism Innovation Leads to Innovation Journalism: The Impact of Computational Exploration on Changing Mindsets. *Journalism*. Vol. 15. No. 6. P. 713—730. <https://doi.org/10.1177/1464884913486393>.
- Howard A. B. (2014) *The Art and Science of Data-Driven Journalism*. Tow Center for Digital Journalism, Columbia University. <https://doi.org/10.7916/D8Q531V1>.
- Jones J., Salter L. (2011) *Digital Journalism*. London: Sage.
- Karlsen J., Stavelin E. (2014) Computational Journalism in Norwegian Newsrooms. *Journalism Practice*. Vol. 8. No. 1. P. 34—48. <https://doi.org/10.1080/17512786.2013.813190>.
- Kosterich A. (2022) *News Nerds: Institutional Change in Journalism*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197500354.001.0001>.
- Latar N. L. (2015) The Robot Journalist in the Age of Social Physics: The End of Human Journalism? In: Einav, G. (ed.) *The New World of Transitioned Media. The Economics of Information, Communication, and Entertainment*. Cham: Springer. P. 65—80. https://doi.org/10.1007/978-3-319-09009-2_6.
- Minichiello V., Aroni R., Hays T. N. (2008) *In-Depth Interviewing: Principles, Techniques, Analysis*. Melbourne: Pearson Education Australia.
- Newman N. (2018) *Journalism, Media and Technology Trends and Predictions*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism.

Pavlik J. (2000) The Impact of Technology on Journalism. *Journalism Studies*. Vol. 1. No. 2. P. 229—237. <https://doi.org/10.1080/14616700050028226>.

Simon J. (1999) We're All Nerds Now: The Digital Reporting Revolution Is Reaching Warp Speed. Here's Why. *Columbia Journalism Review*. Vol. 37. No. 6. P. 19.

